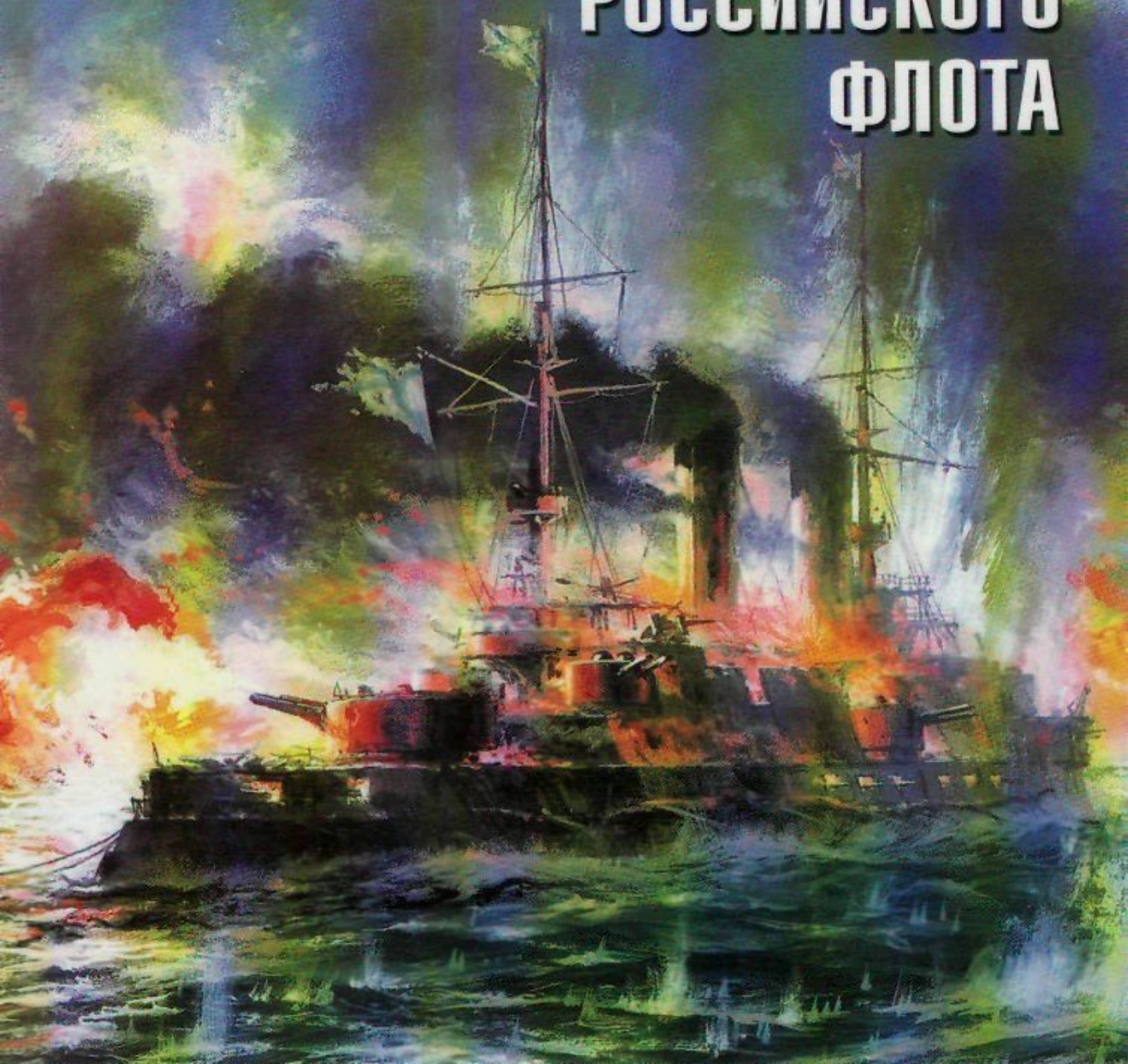


ВЕЛИКИЕ МОРСКИЕ СРАЖЕНИЯ

Цусима

ВЕЛИЧАЙШАЯ ТРАГЕДИЯ
РОССИЙСКОГО
ФЛОТА



УДК 94
ББК 63.3(0)
Т 93

Оформление художника *С. Курбатова*

На переплете использована иллюстрация *А. Заикина*

Т 93 1905. Цусима : сборник. — М. : Яуза : Эксмо, 2010. — 416 с. — (Великие морские сражения).

ISBN 978-5-699-39245-2

Впервые в военно-исторической литературе! Уникальная возможность увидеть трагедию Цусимы со всех сторон – русской, японской и «нейтральной» (британских военных наблюдателей). Подробнейшая хроника событий, поминутная реконструкция хода сражения, в котором 2-я Тихоокеанская эскадра потеряла 28 кораблей из 42. Глубокий анализ причин самого страшного разгрома в истории Российского флота. Содержательные комментарии ведущего военного историка. **ВСЯ ПРАВДА О ЦУСИМСКОЙ КАТАСТРОФЕ.**

УДК 94
ББК 63.3(0)

© Больных А.Г., перевод с англ., предисловие, прим., 2010
© ООО «Издательство «Яуза», 2010
© ООО «Издательство «Эксмо», 2010

ISBN 978-5-699-39245-2

О новых источниках и старых загадках

Писать о Цусимском сражении тяжело и неприятно, кому хочется детально расписывать столь униженный и позорный разгром? Трескучие фразы о героизме русских моряков, о кораблях, гибнущих не спуская флага, в общем-то, призваны сделать только одно — хоть как-то подсластить до невозможности горькую пилюлю. Нечестный прием. Просто люди забывают, что во время войны обычные человеческие добродетели уходят на второй план, и к солдату предъявляются совсем иные требования, нежели к добропорядочному гражданину. И то, что за обеденным столом воспринимается как нечто исключительное и неповторимое, в бою становится обыденным и заурядным. Да, броненосец «Адмирал Ушаков» не спустил флаг перед превосходящим противником, но ведь это же самое сделал крейсер «Монмут» в Коронельском сражении. Крейсер «Светлана» отстреливался до последнего снаряда, но точно так же сражался «Бисмарк», окруженный всем британским флотом. И список примеров можно продолжать до бесконечности. К сожалению, есть одна особенность, которая отличает Цусиму от множества иных сражений. Далеко не всякая битва становится именем нарицательным. Потрясающих побед много, но подобные можно пересчитать по пальцам. Канни, Трафальгар, Ватерлоо, Сталинград... И Цусима вошла в этот список. Но разве было это поражение неожиданным?

А сейчас самое время сказать несколько слов об историографии Цусимы. Большинство источников было известно давно, и каких-то революционных открытий в этой области до сих пор не ждали. Это были работа Моргенштаба, японский труд «Описание военных действий на море в 37—38-х годах Мэйдзи», воспоминания русских офицеров, вот, в общем-то, и все. Особо продвинутые историки пользовались статьями Н. Кэмпбелла из альманаха «Warship». Но в последнее время рухнули многие границы и барьеры, поэтому в научный оборот были введены источники, о которых ранее можно было только мечтать. О них все слышали, «но, как честный советский человек», никто из историков их не видел. Прежде всего это две английские монографии — «Донесения военно-морских атташе» и «Морские операции в русско-японскую войну» Джулиана Корбетта. Особенный интерес вызывала вторая, так как при ее написании автор использовал таинственный японский супермноготомник «Конфиденциальная история русско-японской войны». Более того, и работа Корбетта, и донесения атташе еще совсем недавно считались если не секретными, то уж ДСП наверняка. И вот мы пользуемся случаем заполнить этот пробел и представить читателю выдержки из упомянутых работ, касающиеся Цусимского сражения, благо англоязычная литература все-таки на три порядка доступнее, чем японская. Безусловно интересны будут и воспоминания капитана 2 ранга Кититаро Того, младшего племянника знаменитого адмирала, который в момент сражения служил старшим помощником на броненосце «Асахи». Эти работы во многом проливают новый свет на старые события, хотя и не дают исчерпывающих ответов на все вопросы.

Например, ни в одной из книг нет ни слова о ключевом моменте завязки сражения — знаменитой «петле Того». Станным маневрам Рождественского дал объяснение сам адмирал. Конечно, утверждение о том, что он намеревался выстроить строй фронта из 12 броненосных кораблей, выглядит довольно, м-м-м... смело. Но хоть какое-то объ-

яснение мы имеем. А вот маневру Того — совершенно никакого. Британские атташе пытаются домыслить что-то за адмирала, но ведь домыслить могу и я сам.

Резко меняется общая картина боя. И англичане, и японцы описывают его как серию спорадических, непродолжительных перестрелок. Похоже, не было длительного огневого контакта и боя на параллельных курсах, как это принято изображать в нашей литературе. Как только противник появлялся из полосы тумана, огонь открывали, как только он исчезал — стрельба прекращалась. Более того, если просмотреть эти тексты, что называется, с лупой, окажется, что фактически бой вел 1-й боевой отряд адмирала Того — шесть броненосных кораблей. Адмирал Камимура участвовал в первой фазе боя, но примерно через час оторвался от своего командующего, и далее его роль можно описать словами все того же капитана 1 ранга Пакенхэма — от вспомогательной до второстепенной. Вот это уже серьезная оплеуха по великорусской гордости. Получить цусимский разгром от противника, вдвое меньшего по численности... После этого утверждения о хорошей подготовке артиллеристов Второй эскадры выглядят неубедительно. Да что там, посмотрите, что запомнилось старпому «Асахи». Одно-единственное попадание за весь бой. Все остальные, а они были, даже не заслуживают упоминания.

К сожалению, при попытках анализировать ход сражения сразу всплывает масса противоречий между источниками русскими и японскими. Самый простой, лежащий на поверхности пример. Вспомните принимаемую как безусловную и не подлежащую сомнению картину гибели японского миноносца. «Будучи подбитым, он выпускал пар и стоял на одном месте, беспомощный и обреченный. На его открытом мостике виднелся командир. Он стоял на одном колене, а на другое оперся локтем и, покуривая, смотрел на проходящие наши суда. Сзади грянул выстрел из крупного орудия какого-то корабля... Там, где находился миноносец, клубилось лишь облако дыма и пара». Это описание кочует из книги в книгу, и сомневаться в

нем сродни фальсификации истории. Однако вот беда, в японских источниках подробно описана гибель всех трех миноносцев, потерянных в Цусимском сражении. Все они тонули медленно и постепенно, в присутствии своих товарищей, забравших команду. И состыковать эти неувязки не представляется возможным.

Зато одну загадку эти новые источники вроде бы разрешили. Мы говорим о гибели броненосца «Наварин». Уже давно мелькали намеки, что он не был торпедирован, а подорвался на плавучих минах, поставленных японскими кораблями впереди по ходу русской эскадры. Лично я впервые увидел это в «Свидетелях Цусимы» Вудварда. С броненосца спаслись всего 3 человека, поэтому их показания отрывочны и неполны. С другой стороны, сигнальщик Седов вроде бы все время находился на мостике, то есть в самой удобной позиции, чтобы наблюдать и все видеть. Однако вспомним, что говорит он сам. В критический момент Седов спустился в лазарет, чтобы перевязать рану, и **ничего не видел**. Мы имеем рассказ с чужих слов, который ни один суд не примет как доказательство, да и рассказ о миноносце, который выпустил роковую для «Наварина» торпеду, мы должны подвергнуть сомнению.

Зато уже капитан 1 ранга Пакенхэм, находившийся в качестве наблюдателя на броненосце «Асахи», пишет об особом задании, которое получил один из отрядов истребителей. Для поддержки действий этого отряда даже был специально выделен броненосный крейсер «Асама». А Джулиан Корбетт, используя сведения «Конфиденциальной истории», прямо указывает, что 4-й отряд истребителей получил задание ставить плавучие мины, причем более того, из официально выпущенного четырехтомника «Мэйдзи» сведения об этом были преднамеренно убраны.

Цусимский разгром готовился долго и старательно, усилиями как политического, так и военного руководства страны. Впрочем, в царской России отделить первое от второго было совершенно невозможно. Царь-батюшка определял внешнеполитический курс (в меру своих бо-

лее чем умеренных способностей), а его братки — великие князья успешно осваивали отданную на кормление вотчину в виде флота, артиллерийского управления и пр. Основным промахом, увязавшим воедино политические и военные ошибки, стал патологически антианглийский курс России в XIX веке. Причем умудренные опытом государственные мужи рассуждали на уровне пикейных жилетов Ильфа и Петрова — «англичанка всегда гадит». Причины этого установить с точностью невозможно. Вероятно, следует искать корни в участии английского посла Уитворта в заговоре с целью убийства императора Павла I. Такого царская семья простить не могла. Но тщательно лелеемая ненависть протяженностью более ста лет вызывает, скажем так, удивление. Это еще более усугубила агрессивная внешняя политика России, которая тоже вступила на путь колониальных захватов, как бы ни старались наши историки выдать этот процесс за «естественное расширение границ». Произошло прямое столкновение интересов России и Великобритании в Средней Азии. И если англичане в этом конфликте занимали пассивно-оборонительную позицию, стараясь защитить «жемчужину Британской империи» — Индию, то русские вели совершенно неприкрытую экспансию в направлении Индийского океана. Так что идея помыть в нем сапоги возникла не вчера и даже не позавчера. Именно так родился термин «большая игра», которым обозначали стычки военных и шпионов в горах Афганистана и Пакистана.

Из этой основополагающей антианглийской установки и появилось главное направление развития русского флота, главная идея его строительства — крейсерская война. При всем внешнем уважении к трудам Мэхена и Колумба, русские адмиралы постарались не заметить неоднократно повторенной истины — крейсера войну выиграть не способны. Слишком сильное впечатление произвели успехи рейдеров конфедератов «Сэмтера» и «Алабамы». Того, что эти успехи никаким образом не повлияли на исход Гражданской войны в США и не создали серьезных проблем северянам, русские адмиралы не замечали. Даже когда

Мэхен прямо писал, что потери британского торгового флота от аварий и катастроф превосходили результаты действий французских корсаров, на это закрывали глаза. В результате началось строительство океанских рейдеров — броненосных крейсеров, появились «ублюдки» «Пересветы». И после этого наши историки и адмиралы почему-то совершенно искренне возмущались тем, что англичане относились к русскому флоту крайне неприязненно. Так если он готовился к единственной цели — войне с Великобританией, на какое еще отношение можно рассчитывать?! Зато линейные корабли, которые все теоретики военно-морского искусства считали стовым хребтом флота, занимали далеко не первое место в кораблестроительных программах. Да, эскадренные броненосцы все-таки строились, но единичными экземплярами. К серийному строительству русские перешли, когда было уже слишком поздно.

В конце XIX века обстановка на Дальнем Востоке начала стремительно накаляться. На мировую арену вступил новый хищник — Япония, и ее интересы сразу вошли в конфликт с интересами европейских держав. И если после Японо-китайской войны общими усилиями Европа сумела остановить японцев, то внешне успешное и совместное (в последний раз!) подавление боксерского восстания привело к раздорам среди бывших союзников, в результате чего Англия вообще начала открыто поддерживать Японию.

И виновата в этом была прежде всего Россия. Сейчас принято всю вину за развязывание войны возлагать на Японию, хотя на самом деле все обстояло совершенно наоборот. Причиной Русско-японской войны стала агрессивная и вероломная политика России на Дальнем Востоке. Не было практически ни одного соглашения и договора по Китаю и Корее, которые бы не нарушили русские. Непосредственным поводом к началу войны послужил ввод русской пограничной стражи на территорию Кореи, о чем наши историки предпочитают стыдливо помалкивать. Именно эти действия царского правительства и дали осно-

вания зарубежным историкам называть русскую политику византийской и двуличной, потому что договора подписывались, но никто из царских министров не собирался их выполнять.

В результате всего этого русский флот оказался вынужденным вести войну, к которой не готовился и которой не желал — классическую войну за обладание морем. Иногда в качестве примера «подготовки» флота к войне приводят военно-морскую игру, проведенную в Николаевской военно-морской академии в 1903 году. В ней участвовали многие будущие командиры Русско-японской войны. Но как раз именно эта игра доказывает полнейшее интеллектуальное убожество высшего командного состава русского флота. Чего стоит одно только решение русской стороны вести генеральное сражение, пришвартовав корабли к причалам города Дальнего! И еще более безумное решение командиров, представляющих японскую сторону, начать этот бой! После этого уже не удивляешься тому, что произошло в реальности. Особенно наглядно это убожество проявляется, если вспомнить реальные маневры, которые проводил в это время британский Королевский флот, отрабатывая как раз то самое генеральное сражение. Бумажные фантазии и настоящие маневры с участием десятков кораблей — сравнение слишком невыгодное. Вдобавок действительная ситуация к моменту сражения оказалась гораздо хуже, чем виделось русским адмиралам.

Кстати, можно по-разному относиться к трудам В.И. Ленина, в них можно найти просто великолепный анализ прошлого и совершенную глупость, когда речь идет о прогнозах на будущее. Но две работы — «Падение Порт-Артура» и «Разгром», посвященные событиям Русско-японской войны, относятся именно к первой категории. И нельзя не согласиться с некоторыми выводами Ленина. Меня довольно часто упрекают за чрезмерный антикоммунизм, и я признаю определенную справедливость этих упреков. Однако истина не имеет партийной принадлежности, и чтобы доказать это, я считаю необходимым привести об-

ширную цитату из статьи Ленина «Разгром», статьи, написанной задолго до труда Моргенштаба, но предварившей все ее основные выводы и положения. Итак:

«Морской бой в Корейском проливе заполнил внимание политической печати всего мира. Сначала царское правительство пыталось скрыть горькую истину от своих верноподданных, но скоро убедилось в безнадежности такой попытки. Скрыть полный разгром всего русского флота было бы все равно невозможно.

Оценивая политическое значение последнего морского боя, приходится повторять то, что мы говорили в № 2 «Вперед» по поводу падения Порт-Артура. Полный военный крах царской России стал очевиден уже тогда, но балтийская эскадра внушала еще русским патриотам тень надежды. Все понимали, что окончательный исход войны зависит от победы той или другой стороны на море. Самодержавие видело, что несчастный исход войны равносителен победе «внутреннего врага», т. е. победе революции. Поэтому на карту было поставлено все. Сотни миллионов рублей были затрачены на спешную отправку балтийской эскадры. С бору да с сосенки собран экипаж, наскоро закончены последние приготовления военных судов к плаванию, увеличено число этих судов посредством добавления к новым и сильным броненосцам «старых сундуков». Великая армада — такая же громадная, такая же громоздкая, нелепая, бессильная, чудовищная, как вся Российская империя, — двинулась в путь, расходуя бешеные деньги на уголь, на содержание, вызывая общие насмешки Европы, особенно после блестящей победы над рыбацкими лодками, грубо попирая все обычаи и требования нейтралитета. По самым скромным расчетам, эта армада стоила до 300 миллионов рублей, да посылка ее обошлась в 100 миллионов рублей, — итого 400 миллионов рублей выброшено на эту последнюю военную ставку царского самодержавия.

Теперь и последняя ставка побита. Этого ожидали все, но никто не думал, чтобы поражение русского флота оказалось таким беспощадным разгромом. Точно стадо дикарей,

армада русских судов налетела напрямиком на великолепно вооруженный и обставленный всеми средствами новейшей защиты японский флот. Двухдневное сражение — и из двадцати военных судов России с 12—15 тысячами человек экипажа потоплено и уничтожено тринадцать, взято в плен четыре, спаслось и прибыло во Владивосток только одно («Алмаз»). Погибла большая половина экипажа, взят в плен «сам» Рожественский и его ближайший помощник Небогатов, а весь японский флот вышел невредимым из боя, потеряв всего три миноносца.

Русский военный флот окончательно уничтожен. Война проиграна бесповоротно. Полное изгнание русских войск из Маньчжурии, отнятие японцами Сахалина и Владивостока — теперь лишь вопросы времени. Перед нами не только военное поражение, а полный военный крах самодержавия».

Впрочем, вернемся к сухой прозе. Какова была стратегическая обстановка перед этим сражением, какие задачи ставили перед собой противники, исходя из этого? Увы, к этому моменту Россия проиграла войну окончательно и бесповоротно. Причем главные события, определившие этот исход, разыгрались на суше. Мукденское сражение завершилось разгромом русской армии, и нашим историкам только и оставалось бормотать о провале плана Ойямы устроить русским «второй Седан» или «вторые Каньы» — уже кому как хотелось. Русская армия перестала существовать как организованная сила, и потребовалось много, слишком много времени для восстановления ее боеспособности. Если верить воспоминаниям генерала Линевича, то по количеству дезертиров после этого сражения русских превзошли только итальянцы после Капоретто. Совсем неспроста тот же самый Линевич, назначенный командующим армией, занял позицию «нейтралитета», старательно избегая контактов с японцами и мастерски уклоняясь от участия в боевых действиях. Поэтому все бодрые заявления о неминуемой победе в ближайшем будущем, которые делали после войны битые вояки, отнесем

к разряду пустой болтовни. Этим грешили все проигравшие. Собственно, какие качества гениального полководца проявил тот же Линевиц во время Мукденского сражения, чтобы рассчитывать на победу в новом столкновении? Хорошо было Деникину «двадцать лет спустя», сидючи в Париже, трещать о победе, победе, победе... На сопках Маньчжурии подобные заявления выглядели гораздо менее убедительно.

«Дело считали окончательно проигранным, если не случится чуда, и чуда этого ожидали от адмирала Рожественского», — сообщает труд русского Моргенштаба. И в такой формулировке уже крылся ответ на все последующие вопросы. В XX веке рассчитывать на чудо могли только не слишком умные люди. Впрочем, последнего русского царя к этой категории не относил никто. У русской стороны сохранялся последний шанс закончить дело относительно пристойно — после падения Порт-Артура попытаться спекулировать Второй эскадрой в качестве «*fleet in being*», выставив ее в качестве веского аргумента на мирных переговорах. Однако этого не случилось. Царскосельский суслик погнал эскадру на гибель, и хваленый адмирал Рожественский не посмел с ним спорить. Как тут не вспомнить адмирала Эндрю Каннингхэма?! Когда Уинстон Черчилль, в то время премьер-министр Великобритании, попытался было рулить британским Средиземноморским флотом через голову Каннингхэма и потребовал затопить линкор «Барэм» в качестве брандера на входе в гавань Триполи, адмирал ответил так, что больше сэр Уинстон ни разу не рискнул давать ему приказы. Вице-адмирал и генерал-адъютант Рожественский покорно взял под козырек, словно какой-нибудь фельдфебель.

Далее мы не будем говорить про общие причины, которые привели русский флот к поражению в войне. Например, про цензовую систему, которая способствовала продвижению людей, заслуживавших лишь одного — немедленного увольнения за полную непригодность. Вдобавок она же превратила высшее руководство флота в дом престарелых, забитый 70-летними рамоликами. Как тут

не вспомнить сказку Салтыкова-Щедрина «Недреманное око»? «А как стал мальчишечка на второй глаз слепнуть, и слух отказал, так и понял: пора идти в сенат, государством управлять». Или про систему экипажей, благодаря которой флот перестал быть флотом, а превратился в придаток береговых казарм. Или про вооруженный резерв, в котором корабли благополучно простаивали у стенки по 8 и более месяцев в году. Мы остановимся только на факторах, повлиявших на результат данного конкретного сражения.

Каким было соотношение сил перед этим сражением? Оно общеизвестно, поэтому мы ограничимся только беглым обзором. В боевой линии русские имели 8 эскадренных броненосцев, 3 броненосца береговой обороны и 1 броненосный крейсер против 4 эскадренных броненосцев и 8 броненосных крейсеров японцев. Формально это равенство: 12 кораблей против 12, более того, русские даже имеют преимущество в линейных кораблях, на что особенно упирал в своих циркулярах адмирал Рожественский. Зато при попытках подсчета боевых коэффициентов картина получалась обратная. Здесь преимущество немедленно переходит к японцам, хотя соотношение сил выражается разными цифрами, в зависимости от применяемой системы. При использовании методики Джейна это преимущество составляет 1,18, что не так уж и много. Зато наш историк Кладо определил превосходство японцев уже в 1,8 раза. На самом же деле это преимущество было гораздо больше, потому что при подсчете коэффициентов использовались бумажные характеристики кораблей, имеющие довольно слабую связь с их реальной боевой силой. Ведь ее определяют не только количество и калибр орудий, тонны водоизмещения и узлы скорости, но и обученность команды, надежность механизмов, их исправность, качество постройки. Ведь, как выясняется, было железо и железо...

Давайте займемся сравнениями. Японские броненосцы строились в Англии, по английским проектам, согласно английским представлениям о линейном бое. А что русские?

Вот здесь вдруг выясняется интересная деталь — русские эскадренные броненосцы совсем не предназначались для эскадренного боя. Исходя из этого постулата, были спроектированы только два из них, причем чуть ли не самые слабые — «Сисой Великий» и «Наварин». Броненосец «Ослябя», хоть он и был зачислен в эскадренные, по классификации других стран должен был находиться среди броненосцев 2-го класса, как английский «Ринаун» или итальянский «Сен Бон». Однако его, на страх врагам, отнесли к эскадренным, хотя проектировался он как некий сверхрейдер, способный уничтожить все, что англичане могут выставить для защиты своего судоходства. Здесь мы можем видеть любопытную переключку поколений. Немецкие карманные линкоры тоже проектировались, исходя из этих требований: уничтожить все, что слабее, и уйти от всего, что сильнее.

С остальными нашими броненосцами дело обстоит более запутанно. И новейшие корабли типа «Бородино» и древний «Николай I» проектировались из расчета на сильный носовой огонь. Остается, правда, непонятным — зачем? Если для черноморских броненосцев, основной задачей которых виделся бой в проливах, это совершенно оправданно и естественно, то зачем это нужно балтийским броненосцам, которые мыслились как некий «Флот открытого моря»? Здесь возможны два объяснения. Исходя из каких-то таинственных соображений, эти корабли тоже готовились для боя, только уже в Балтийских проливах. Собственно, за основу проекта «Николая I» и были взяты датские и немецкие броненосцы, для этого и создававшиеся. Второй вариант — русский флот готовился даже не к прошедшей, а к давно прошедшей войне, имея перед собой нечто подобное сражению у Лиссы в 1866 году. Как тогда Тегетгофф, так и сейчас русские намеревались атаковать противника в строю фронта, где и требуется этот самый носовой огонь. Так проектировался «Цесаревич», ставший прототипом для серии «Бородино». Некоторым подтверждением этому могут служить заявления Рождественского, что он-де тоже намеревался в Цусимском проливе вести

бой в строю фронта. Между прочим, столь охотно критикуемый и действительно страшный профиль французских/русских броненосцев при бое на острых курсовых углах не имеет особого значения. Все эти египетские пирамиды при виде «анфас» не имеют никаких серьезных отличий от профиля классического британского броненосца.

Впрочем, уже разгром китайцев в 1895 году доказал вещи и без того очевидные — этот неуклюжий и неуправляемый строй создает одни проблемы, не принося никаких преимуществ. Более того, пресловутый носовой огонь, по сути, являлся недостижимой мечтой, ведь корабли могли вести его только при курсовом угле **строго** ноль градусов. Отклонение всего на пару градусов влево или вправо приводило к тому, что орудия противоположного борта выходили из игры. Столь же загадочным выглядит выбор инженером Лаганем в качестве основы откровенно устаревшего броненосца «Жоригиберри». Ведь к этому времени даже сами французы перешли к строительству нормальных эскадренных броненосцев, начиная с серии «Сен Луи». Словом, история с выбором прототипа основного русского броненосца выглядит более непонятной, чем это пытаются представить историки. Кстати, маленькая ремарка: внешне «Цесаревич» гораздо больше походит на сравнительно новый «Сюффрен», чем на ископаемый «Жоригиберри». В общем, выясняется довольно странная вещь — самые современные линейные корабли Рождественского для линейного боя не предназначались... Нет, они могли сражаться в линии кордебаталии, но все-таки проектировались для другого.

К сожалению, имеется и еще один неприятный момент, который ставит под сомнение бесстрастно вычисленные боевые коэффициенты. Речь идет о качестве постройки и содержании кораблей. И то и другое в русском флоте было более чем далеко от идеала. Несмотря на все уверения в несравненном качестве работ отечественных верфей, несмотря на рассказы (рассказни?) о высочайшей квалификации офицеров и матросов, действительность оказывается суровой и неприглядной. Сразу в памяти всплывает каноническая

история с первым походом броненосца «Сисой Великий». Когда корабль добрался до Средиземного моря, то выяснилось, что только что построенный броненосец не то что небоеспособен, но попросту немореходен! Щели в палубах, бортах, неплотно пригнанные люки и так далее... Прочитав: «Анекдотический случай произошел в бомбовом погребе 305-мм орудий. Один из следователей, неосторожно ступив на гнилую доску, провалился на нижележащую палубу». И на этом корабле предполагалось воевать? При постройке других кораблей Новое Адмиралтейство также сумело отличиться. Чего стоит история с деревянными оправами иллюминаторов на канонерке «Храбрый», покрашенными бронзовкой! Какая уж тут водонепроницаемость. Поэтому совершенно не удивляет рассказ о том, что на броненосце «Ослябя» затопление носового 152-мм погреба произошло через «трещины и мелкие пробоины» в палубе. Историки постеснялись написать «броневой палубе». И что это за броня, которая не держит разрыва фугасного снаряда?! Можно вспомнить также текущие переборки и люки на «Нахимове», дефектные машины «Бородино» и «Олега» и многое другое, что сразу заставляет заметно сократить боевые коэффициенты, которые приписывают русским кораблям, и тогда соотношение сил приобретает несколько иной характер.

Конечно, не следует утверждать, что японские корабли находились в идеальном состоянии. Самым наглядным примером этому может служить история русских контрминоносцев «Громкий» и «Грозный», которые, имея номинальную скорость 27 узлов (и какую в реальности после кругосветного похода?), сумели уйти от теоретических 30-узловых японских истребителей, которые перед сражением имели массу времени для ремонта и переборки машин.

В состав русской эскадры входили 7 крейсеров (считать «Алмаз» мы все-таки не будем) различных лет постройки и различной боевой силы. Против них японцы могли выставить 15 крейсеров, столь же разнотипных. Если мы учитываем древние «Дмитрий Донской» и «Владимир Мономах», то имеет смысл сосчитать и их современников типа «Ицукусима». Но вот что странно. Имея

двойное превосходство в количестве кораблей, имея серьезное превосходство в артиллерии, японцы тем не менее действовали достаточно вяло. Да, они сумели потопить пару транспортов, но за весь пятичасовой бой так и не потопили ни одного крейсера. Собственно, создается впечатление, что они к этому не очень и стремились, предпочитая выждать исхода схватки главных сил, чтобы потом уже спокойно разобраться с тем, что останется. В результате сумели спастись и транспорты, и более половины крейсеров. В том, что японцам удалось таки перехватить тихоходного «Донского», повинна возня с передачей адмирала с «Буйного» на «Бедовый», затянувшаяся непозволительно долго.

В минных силах японцы имели уже подавляющее превосходство, однако и здесь они просто обязаны были добиться гораздо большего. Ведь против 9 контрминоносцев они имели 21 истребитель и 42 миноносца. Но на их счету числятся только броненосец «Наварин», броненосные крейсера «Нахимов» и «Владимир Мономах» и контрминоносцы «Громкий». Торпедное попадание в «Сисой Великий» уже не имело никакого значения. Вспомним, что торпеда попала в корму, но даже это не выровняло чудовищного дифферента на нос, и в конце концов винты броненосца просто вышли из воды.

Разумеется, и во время войны, и после нее рассматривались различные варианты усиления эскадры Рожественского. Самым очевидным, а потому наиболее муссируемым вопросом является посылка черноморских броненосцев на Дальний Восток в качестве подкреплений эскадры адмирала Рожественского. Особенно усердствуют завсегда на исторических сайтах. Это неудивительно, там привыкли решать сложнейшие проблемы мировой политики с легкостью просто фантастической. Англия против? Наплевать, не посмеет! Турция против? Наплевать, прорвемся силой! Самое странное, что примерно так же рассуждали и некоторые русские адмиралы — Авелан, Рожественский, Скрыдлов. К счастью, российские политики оказались более трезвыми.

Как же все происходило в действительности? 29 февраля 1904 года через японского посла в Вене британское правительство узнает, что русские запросили у Турции разрешение на проход флота через Дарданеллы и получили отказ. В конце апреля министр иностранных дел Великобритании лорд Ленсдаун через французского посла совершенно недвусмысленно предупреждает русских: если Россия попытается послать свой флот через Дарданеллы, «мы будем вынуждены принять адекватные меры, которые могут сделать столкновение неизбежным. Мы не потерпим прохода русской эскадры через проливы для атаки нашего союзника на Дальнем Востоке». Получив новые известия о намерениях русских, Форин Оффис после консультаций с Адмиралтейством 7 июня предупредил турецкое правительство, что будет самым внимательным образом следить за развитием событий. То есть англичане были готовы самым решительным образом противодействовать попыткам русских, хотя считали такой вариант практически нереальным. Они сразу известили японцев, что «непредвиденные обстоятельства вряд ли возникнут».

Интересно отметить, что в обстоятельной статье в журнале «Гангут», посвященной этому вопросу, позиция британского правительства изображена гораздо более мягкой и неопределенной. При этом автор допускает ряд хронологических ошибок. Я в этом вопросе более склонен доверять Артуру Мардеру, который в своей работе «Анатомия британской морской мощи» использовал сборники документов Форин Оффиса и Адмиралтейства, не допускающие двусмысленных толкований. Впрочем, сам В.Л. Петров приводит предельно жесткое высказывание министра иностранных дел Великобритании Ленсдауна: «Имеется только один пункт, по которому может возникнуть действительно серьезное беспокойство, и это — вопрос о проливах. В случае, если русские корабли пройдут через них, они должны быть остановлены силой». После этого его же слова о сдержанных и взвешенных действиях Великобритании выглядят не вполне убедительно.

Если резюмировать кратко, то соотношение сил было крайне неблагоприятным для русских, и это численное неравенство еще более усугублялось разницей в техническом состоянии кораблей и уровне подготовки личного состава. Хотя далеко не все факторы имели столь большое значение, как это обычно считают.

Итак, что же повлияло на столь плачевный исход сражения? В первую очередь говорят о разнице в обеспечении кораблей новейшими дальномерами Барра и Струда. Как известно, до февраля 1904 года Япония получила 100 штук 6-футовых дальномеров F3A в дополнение к уже имевшимся 4,5-футовым F2A. То есть количество дальномеров на крупных кораблях было действительно значительным, хотя до установки дальномеров в каждом каземате, как это писал Новиков-Прибой, разумеется, дело не дошло. Русские успели заказать 66 таких дальномеров, то есть немногим меньше. Но беда заключалась в другом. Рождественский так и не удосужился отдать приказ выверить дальнометры, и разброс показаний был слишком велик. Однако этот фактор не мог стать решающим. Капитан 1 ранга Пакенхэм, находившийся во время боя на броненосце «Асахи», писал, что как только стрельба становилась более интенсивной, в шуме и горячке боя о показаниях дальномеров просто забывали. Орудие само по себе становилось дальномером, и управление огнем велось на глазок.

Не столь ясен и вопрос с окраской кораблей, хотя только ленивый не ставит в упрек адмиралу Рождественскому «викторианскую ливрею» его эскадры. Причем особенно часто упоминается приказ перекрасить только что прибывшие корабли Небогатова из серого цвета в эту самую черно-желтую парадную форму. Не буду спорить, решение и вправду довольно странное. И более чем странные аргументы выдвигаются в его защиту. Мол, Рождественский намеревался прорываться через пролив ночью, а для ночного времени черная окраска максимально удобная. Может, так оно и было. Если вспомнить, что итальянские линкоры, отстаивавшиеся в портах, красились в желто-

зеленые цвета, более чем странные в открытом море, да и «Тирпиц» носил довольно оригинальный камуфляж, с этим можно было бы согласиться. Но если почитать, что пишут британские атташе, непосредственно наблюдавшие ход сражения, оказывается, что вопрос окраски вообще не волновал японцев, они практически не видели русских кораблей в тумане и дыму, и огонь велся по мачтам и верхушкам труб, выступающим из полосы тумана (дымки). Так что, даже если окраска кораблей и сыграла какую-то роль в исходе сражения, эта роль была более чем скромной, и непонятно, стоит ли вообще учитывать ее.

Еще один фактор, который, якобы предрешил исход сражения, это подавляющее превосходство японской артиллерии в скорострельности. Вообще некоторые авторы рисуют совершенно безумную картину. Японские корабли стреляли с такой скоростью, что выпущенные снаряды образовывали ясно видимую в воздухе дугу. Поэтому пристрелка и корректировка не велись, а действовали японцы предельно просто. Они передвигали свой корабль так, чтобы второй конец этой снарядной дуги упирался в русский корабль. Я никак не комментирую это заявление, я просто о нем сообщаю.

При чтении этих новых/старых источников вдребезги разлетается еще одна старая легенда, которую любят повторять современные историки — о шквале снарядов, которым японцы засыпали несчастные русские корабли. Когда впервые появились цифры расхода боезапаса японскими кораблями, они вызвали сомнения. Но почитайте рапорт капитана 1 ранга Джексона, который во время боя находился на броненосном крейсере «Адзума», и все встанет на свои места. Мы даже не представляли ранее, насколько медленно стреляли японцы. Положительно, картина боя встает с ног на голову, хотя, может быть, и совсем наоборот.

Ведь когда обращаешься к цифрам, то «ужасная» картина меняется самым кардинальным образом. К сожалению, приходится прибегнуть к оценочным характеристикам, потому что данные о расходе боезапаса потопленными

русскими кораблями отсутствуют, но зато данные по японским кораблям имеются совершенно точные. Японские броненосцы выпустили 446 12-дюймовых снарядов, то есть их скорострельность не превышала одного выстрела в 7 минут. Какая уж тут «струя снарядов». Зато русские, если опираться на данные «Орла», «Николая I» и броненосцев береговой обороны, выпустили более тысячи тяжелых снарядов, то есть вдвое больше японцев! Во время боя в Желтом море цифры были прямо противоположными. Русские выпустили около 550 тяжелых снарядов, тогда как японцы — около 600. Но следует учесть, что русские имели 6 броненосцев против 4, то есть скорострельность русских тяжелых орудий действительно была заметно ниже японской. При Цусиме все было прямо наоборот. Да, мы должны сюда прибавить около 1200 8-дюймовых снарядов, выпущенных японскими броненосными крейсерами. Однако в этом случае мы обязаны учесть и снаряды, израсходованные «Адмиралом Нахимовым». К тому же имеется еще одна тонкость. Практически весь бой русская эскадра провела в меньшинстве. Уже через полчаса после открытия огня из строя вышли «Суворов» и «Ослябя», потом выбыл из боевой линии «Александр III». Словом, если принять во внимание все это, окажется, что русские стреляли чаще японцев. Это им следовало бы попытаться организовать ту самую «струю снарядов». Однако пользы это не принесло, и в обоих сражениях русские добились заметно меньшего числа попаданий, чем японцы. Более того, согласно британским отчетам, за все время сражения броненосец «Фудзи» и броненосный крейсер «Адзума» ни разу не переходили на беглый огонь.

Так же далеко не все ясно и с сосредоточением огня. Опять же, каноническая схема выглядит просто, если не сказать примитивно. Японцы сосредоточили огонь на головных кораблях эскадры, вследствие чего стремительно были выбиты «Суворов» и «Ослябя», а потом принялись поочередно выбивать каждый следующий броненосец, возглавляющий русскую колонну. Однако какие средства связи и какие системы управления огнем могли обеспечить это самое сосре-

доточение? Тот же Пакенхэм пишет, что в качестве системы внутрикорабельной связи иногда использовались грифельные дощечки. Результаты вы можете представить самостоятельно. Более того, мы имеем доказательства прямо противоположного — отсутствия сосредоточения огня. Сами японцы пишут, что во время боя возле Ульсана броненосный крейсер «Идзумо», между прочим, флагман адмирала Камимуры, одновременно стрелял по всем трем русским крейсерам. Что уж тут говорить об остальных кораблях? Если мы посмотрим на схему, приведенную в журнале «Сёкай-но кансэн», то выяснится совершенно неожиданная вещь. Большинство японских кораблей стреляли по «Ослябе», а совсем не по «Суворову»! Вот вам и управление огнем, вот вам и заранее отработанная схема. По русском флагману стреляли первый, четвертый, восьмой и двенадцатый корабли в японской колонне. Вдобавок так и остается загадкой, куда именно стрелял броненосный крейсер «Асама», шедший предпоследним.

Еще одним фактором, который действительно самым серьезным образом повлиял на исход сражения, было сравнительное качество русских и японских снарядов. Однако и здесь истина скрыта под несколькими слоями словесной шелухи. Прежде всего следует признать, что, похоже, в боях 28 июля в Желтом море и в Цусимском сражении японский флот использовал различные снаряды. В первом случае японцы стреляли обычными «коммонами» (некий аналог полубронебойных снарядов), зато во втором — фугасными, снаряженными шимозой. В первом бое на русских кораблях не возникло никаких серьезных пожаров, зато при Цусиме неконтролируемые пожары во многом стали причиной гибели броненосцев типа «Бородино». При этом на броненосцах «Пересвет» и «Победа» имели место повреждения броневой защиты — пробитая 102-мм плита, обломленный угол плиты главного пояса, выбитая пробка из другой такой же плиты. При Цусиме этого не было.

Непонятно одно — откуда взялись эти новые снаряды? Можно предположить, что японцы успели перестроить производство и наштамповали достаточное количество

принципиально нового боезапаса. Допустимо, но верится с большим трудом, подобными экспериментами во время войны предпочитают не заниматься. Вот лично я не верю. Между прочим, конспирологи предлагают на выбор целых три принципиально различные версии появления шимозы. Первая восходит к временам Испано-американской войны. Некий таинственный испанский гранд, глубоко уязвленный проигрышем войны, создал новое чудо-оружие, чтобы отомстить проклятым янки. Но Испании было уже не до реванша. Тогда этот гранд предложил свое изобретение России, однако и здесь его отвергли, тогда он направился в Японию. Второй вариант — шпионская история в стиле Джеймса Бонда. Некий молодой японский офицер Садаеси Томиока, находившийся во Франции, был приглашен в 1888 году в арсенал Сен-Шамон на демонстрацию новой взрывчатки, сунул руку в контейнер и вынес под ногтем (?) несколько крупинок мелинита. Самым прозаичным объяснением выглядит рассказ о десятилетних упорных трудах инженера Симозе, по имени которого и была названа новая взрывчатка.

Есть более прозаичное объяснение, не имеющее никаких подтверждений. В ежегоднике Брассея за 1899 год дано описание расстрела устаревшего броненосца «Бель-Иль» новыми лиддитовыми снарядами. И фотографии поразительно напоминают снимки «Орла» после Цусимы. Может, просто англичане отправили союзникам пару транспортов? Сплавили негодную дрянь — сколько преждевременных разрывов прямо в стволе. Зато сами они, добавлю, эти снаряды предпочли не использовать, и в бою у Фолклендов линейные крейсера стреляли снарядами, снаряженными черным порохом (!). Желаящие могут найти описание этих опытов в более доступной, чем старый справочник, книге Дэвида Брауна «От «Уорриора» до «Дредноута». Итак, читаем: «Имелась заметная разница между воздействием 152-мм «коммонов», снаряженных порохом, выпущенных по корме, и лиддитовых снарядов, которыми стреляли по носу. Первый ломал все, словно топором, зато второй все превращал в пыль, точно сухая

гниль. Лиддитовые снаряды давали большие пробоины неправильной формы, которые невозможно заделать в море». Вам это описание ничего не напоминает? Вот загадка, на которую не дают ответа ни новые, ни старые источники.

Теперь следует сказать и пару слов о русских снарядах. К сожалению, во многом стараниями адмирала Макарова был взят принципиально неверный курс на легкие снаряды с повышенной начальной скоростью. Предполагалось, что бои будут вестись на предельно малых дистанциях, где такие снаряды имели более высокую бронепробиваемость. Увы, дистанции боя увеличились, и все преимущества обратились в недостатки. Главным же злом называлась повышенная влажность пироксилина, из-за которой он якобы не взрывался. Можно подумать, что взрывчатка — это дрова, которые стоит полить водой, и они не загорятся. Причиной отказов была не влажность пироксилина, а пресловутый «тугой» двухкапсюльный взрыватель Бринка. Русские адмиралы намеревались пробивать самую толстую броню, но на реальных дистанциях боя легкие снаряды этого сделать не могли. Зато при попадании в легкие конструкции корпуса японских кораблей эти снаряды не взрывались. Отсюда и удивление русских офицеров, которые видели, как японские снаряды рвутся, попадая чуть ли не в тросы и леера. Самое грустное, что опять-таки никто не обратил внимание на опыты с «Бель-Илем», хотя ежегодники Брасея имелись во всех морских собраниях. «Не удалось идентифицировать ни одного попадания 305-мм бронепробиваемых снарядов, но, вполне вероятно, что они пробивали легкие конструкции, и эти дыры были замаскированы другими повреждениями».

В общем, получается, что русские уступали противнику практически по всем пунктам, хотя в технических аспектах нигде это отставание не имело катастрофического характера. Однако даже такое небольшое отставание не столь безобидно, как может показаться на первый взгляд. Предположим, что по какому-то параметру один флот уступает другому всего на 10 процентов. Кажется, немного. Но если

таких параметров окажется хотя бы пять, то по правилу сложных процентов мы получим всего 0,59 силы противника. А если таких факторов будет не пять, а больше?

Впрочем, гораздо более серьезным оказался разрыв в качестве подготовки личного состава, особенно это относится к высшему командному составу. Я уже приводил пример более чем своеобразного мышления русских офицеров, проявившегося при проведении военной игры. А вот еще одно яркое доказательство полной неадекватности подготовки командиров имеющимся задачам, хотя, как мне кажется, до сих пор никто не обратил внимания на него. Берем «Работу исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904—1905 гг. при Морском генеральном штабе» — такое длинное название дали своему труду сами авторы. Открываем том, посвященный сражению 28 июля 1904 года в Желтом море, и смотрим описание повреждений, полученных русскими кораблями, конкретно броненосца «Ретвизан». Впрочем, можно и взять и какой-нибудь другой пример. Повторю: перед нами описание, подготовленное офицерами Генерального штаба. Что мы видим? «Навесная палуба. Перебиты поручни и стойка левого трапа, идущего на нижний передний мостик. Под задним мостиком: разбита коечная сетка, пробиты осколками три вентиляторные трубы. В крышках сетевого машинного люка разбито шесть иллюминаторов. Перебиты поручни у правого трапа на нижний мостик». Как вам это нравится? Генеральный штаб, верховный орган планирования войны и управления флотом занимается подсчетом перебитых поручней трапов и разбитых иллюминаторов! Нет, в качестве дефектной ведомости на судоремонтном заводе такой документ был бы вполне уместен, но ведь его пытаются выдать за анализ результатов сражения. Стоит ли после этого удивляться беспомощному и бессмысленному поведению русских капитанов 1 ранга и адмиралов в боевой обстановке?!

Кстати, вы обращали внимание на крошечный, но очень важный нюанс? Как назывались должности командиров? «Начальник эскадры», «начальник отряда миноносцев» и

так далее. Нигде мы не видим слова «командир». Поэтому неудивительно, что и сами офицеры воспринимали себя как неких столоначальников, а не командиров. Вы можете вспомнить, где и когда чиновник проявляет предприимчивость и энергию, демонстрирует инициативу? Я не могу привести такого примера.

Поэтому даже самые лучшие из русских командиров не были свободны от удушающей чиновничьей регламентации мельчайших деталей, построения мертвящей вертикали командования, не предусматривающей даже тени самостоятельности. Можно только весело смеяться над утвержденными генерал-адмиралом правилами использования карт в морских собраниях и кают-компаниях, с предписанием места, где ставить штампель на червовом тузе, но ведь и директивы адмирала Макарова грешат той же самой мелочностью. Возьмем его знаменитый приказ № 21 от 4 марта 1904 года, который так любят цитировать наши историки. Пункт 47: «Везде иметь ведра с холодной водой для питья. Иметь песок, чтобы посыпать, где сколько...» Тут же раздаются умиленные рыдания: какая забота о личном составе, про воду подумал и про песок, чтобы посыпать. Извините, думать о песке это задача **командующего флотом**? У него нет никаких иных забот? Это нельзя возложить на командира плутонга, в крайнем случае, на старшего офицера? По-моему, о песке не должен думать даже командир корабля, про адмиралов и речи быть не должно.

Вдобавок эти умудренные опытом мужи временами проявляли поистине детскую наивность и легкоеверие. В качестве примера можно напомнить историю с попыткой перехвата германского транспорта «Самбия», который якобы вез артиллерийские орудия для японцев. Военный агент сообщил из Берлина, и адмиралы бросили вспомогательные крейсера ловить это несчастное судно. Никого даже не насторожила фантастическая цифра — 329 орудий на одном транспорте. По тем временам это ведь был артиллерийский парк целой армии (под Ляояном три японские армии имели всего 484 орудия), сделка века

стоимостью миллионы марок, хотя никто ничего про нее не слышал до момента «отправки» груза. Про панический страх атак японских миноносцев в европейских водах, вызванный смутными донесениями различных источников, говорить уже не приходится.

Именно в силу таких фактов предложения разделить эскадру на несколько отрядов, которые в сражении будут маневрировать самостоятельно, вызывают лишь горький смех. К самостоятельным действиям не был готов решительно никто, и Цусима это в очередной раз убедительно доказала. Собственно, уже бой в Желтом море показал полнейшую неспособность старших офицеров думать и действовать самостоятельно. Цусима лишь поставила кровавую печать под этим приговором.

Вот уже более ста лет кипят споры вокруг знаменитого приказа Рождественского «Норд-ост, 23 градуса». Нужно ли было его выполнять? Можно было его выполнить? Что должен был делать Небогатов после того, как Рождественский передал ему командование? Сторонники жесткой воинской дисциплины твердят, что нужно было, несмотря на... Иначе это будет не армия, а черт знает что. Разумное зерно в этом мнении имеется, однако его нельзя принимать за абсолютную истину. Нельзя тупо исполнять приказы, не обращая внимания на изменение обстановки, иначе любое сражение завершалось бы поголовным истреблением проигравшей стороны. Приказали обороняться — и стой до последнего солдата. Да, иногда отдают и такой приказ, и более того, его исполняют. Но обычно роль смертника поручают арьергарду, прикрывающему отход разгромленной армии, а не кладут остатки армии. Или наоборот, нужно ли бессмысленно атаковать, опять же, до последнего солдата? В таком случае возникает резонный вопрос: а на кой черт вообще нужны офицеры, если они превращаются в безмозглые и безгласные пешки? В мирное время наряды по кухне проверять или все-таки **командовать** на поле боя?

Все прекрасно помнят последний героический бой броненосца «Адмирал Ушаков». Но хоть кто-то задумался о

разумности решений командира, которые привели к этому бою? Ведь накануне корабль получил серьезные повреждения, сильно сел носом, потерял и без того не слишком большую скорость. В результате броненосец отстал от эскадры, и далее капитан 1 ранга Миклухо-Маклай был вынужден действовать самостоятельно. Он собирает военный совет (сомнительное решение, ну да ладно, оно более или менее в традициях того наивного времени), и уже совет решает: прорываться во Владивосток. Как прорываться?! Не имея скорости, в одиночку?! Создается впечатление, что ничего, кроме знаменитого русского «авось», в головах офицеров не осталось. Уход на юг и интернирование, попытка изменить курс, временный отход на юг, чтобы подремонтироваться и через пару дней снова попытаться прорваться во Владивосток — ничто это никому в голову даже не пришло. Варианты, может, не идеальные, но ведь это была бы попытка осмыслить изменившуюся ситуацию. Нет, остался только «Норд-ост, 23 градуса». И, как деликатно выражаются историки В.Ю. Грибовский и И.И. Черников, написавшие книгу «Броненосец «Адмирал Ушаков»: «При этом старались не думать о возможной новой встрече с противником». Видимо, стремление «не думать» считалось похвальным качеством русского морского офицера.

В подготовке рядового состава тоже имелись различия. Интересно отметить, что за месяц до Цусимы эскадра Того провела учебные стрельбы по какому-то островку с дистанций от 2500 до 3000 ярдов, и результаты оказались, мягко говоря, не впечатляющими. Каждый броненосец выпустил по восемь 305-мм снарядов, и если «Сикисима» добился 6 попаданий, то «Фудзи» — только 2. «Ниссин» выпустил 24 снаряда калибром 203 мм и добился всего лишь 3 попаданий. 6 кораблей эскадры Того выпустили 480 снарядов калибра 152 мм и добились 162 попаданий в неподвижную цель. Здесь самым худшим снова оказался броненосец «Фудзи». Того принял срочные меры. Началась подготовка японских комендоров по новейшим британским методикам, изобретенным адмиралом Перси Скотом. Речь идет о знаменитом «отметчике» Скота, используемом

для подготовки наводчиков, а также и его методике постоянного слежения за целью. Было проведено несколько ствольниковых стрельб по мишеням, которые буксировали паровые катера. Вот здесь мы видим наглядное различие между Того и Рожественским. Ведь второй лишь констатировал удручающие результаты учебных стрельб, которые проводились во время стоянки на Мадагаскаре, но не принял никаких мер для исправления положения. Кстати, можно вспомнить запущенную В.И. Семеновым басню о пяти боекомплектах, расстрелянных японцами в ходе подготовки к бою. Впрочем, в Семенове журналист и публицист слишком часто брал верх над капитаном 2 ранга. Однако, как и со всеми другими сомнительными вопросами, здесь не все ясно однозначно. Старший артиллерист «Микасы» капитан-лейтенант Киэтани Абэ вспоминал, что во время стоянки в Мозампо за 10 дней броненосец израсходовал 30 000 патронов для ствольниковых стрельб, что являлось годовой нормой. Так что, может, Семенов просто его не понял?

На меткость стрельбы могли повлиять и разные методы корректировки огня. На русских кораблях артиллерийские офицеры размещались в боевых рубках, где обзор был очень скверным. На японских корректировщики размещались на боевых марсах, где видимость была на несколько порядков лучше.

Самое интересное, что даже в случае относительно благополучного исхода Цусимского сражения дальнейшая судьба русской эскадры так и оставалась покрытой мраком. Предположим, что часть кораблей прорвалась во Владивосток. И что дальше? Вспомним, сколько времени ремонтировались два крейсера после боя возле Ульсана, и попытаемся прикинуть, сколько времени мог бы занять ремонт прорвавшихся кораблей Второй эскадры. Один док, крошечные мастерские, недостаточные запасы, зимой порт замерзает... Нет, оказавшись во Владивостоке, Вторая эскадра благополучно съела бы сама себя в условиях необеспеченного базирования. Как правильно писал

адмирал Маркузе: «Ее сильное желание достигнуть Владивостока являлось грубейшей ошибкой».

Однако адмирал Того совсем не был расположен дать Рождественскому шанс добраться до этого порта. Можно привести слова незаинтересованного, но очень авторитетного автора — сэра Джулиана Корбетта, хотя мне они представляются произнесенными задним числом, когда результат сражения уже был известен. «Развитие военных действий, истощение японских ресурсов, истощение наступательной энергии сухопутных войск требовало сокрушительной победы на море, чтобы вынудить приемлемые условия мира. Следовало пойти на любой риск, чтобы добиться успеха, и больше не было никаких причин избегать риска... так как не существовало никаких новых сил, ради которых следовало сберегать японский флот. Русские бросили на стол буквально последние карты, которые имели, и выставили против японцев последний корабль. Поэтому следовало вести бой на короткой дистанции, так как адмирал Того считал, что это принесет решающий исход». В отличие от прошлогоднего боя в Желтом море, когда адмирал Того был вынужден бегать корабли, имея впереди перспективу боя со Второй Тихоокеанской эскадрой, сейчас он мог позволить себе больший риск, хотя это совсем не означало безоглядной атаки в стиле «таи атари», на чем настаивает Корбетт. Так или иначе, но адмирал Того намеревался дать решающее сражение на уничтожение, а русская эскадра шла вперед, к расплате за свои и чужие грехи.

Состав сил противников

Вторая Тихоокеанская эскадра

Вице-адмирал Рождественский

1-й броненосный отряд (вице-адмирал Рождественский): «Князь Суворов», «Александр III», «Бородино», «Орел»

2-й броненосный отряд (капитан 1 ранга Бэр): «Ослябя», «Сисой Великий», «Наварин», «Нахимов»

3-й броненосный отряд (контр-адмирал Небогатов): «Николай I», «Апраксин», «Сенявин», «Ушаков»

Крейсерский отряд (контр-адмирал Энквист): «Олег», «Аврора», «Дмитрий Донской», «Владимир Мономах»

Разведочный отряд (капитан 1 ранга Шеин): «Светлана», «Урал», «Алмаз», «Жемчуг», «Изумруд»

1-й и 2-й отряды истребителей

Объединенный Флот

Адмирал Того

Первый флот

Адмирал Того

1-й боевой отряд (адмирал Того): «Микаса», «Сикисима», «Фудзи», «Асахи», «Касуга», «Ниссин», «Тацута» (авизо)

3-й боевой отряд (контр-адмирал Дева): «Касаги», «Титосэ», «Отова», «Нийтака»

1-й, 2-й, 3-й отряды истребителей, 14-й отряд миноносцев

Второй флот

Вице-адмирал Камимура

2-й боевой отряд (вице-адмирал Камимура): «Идзумо», «Адзума», «Асама», «Токива», «Якумо», «Иватэ», «Тихая» (авизо)

4-й боевой отряд (вице-адмирал Уриу): «Нанива», «Такатихо», «Акаси», «Цусима»

4-й и 5-й отряды истребителей, 9-й и 19-й отряды миноносцев

Третий флот

Вице-адмирал Катаока

5-й боевой отряд (вице-адмирал Катаока): «Ицукусима», «Тиниен», «Мацусима», «Хасидате», «Яэяма» (авизо)

6-й боевой отряд (контр-адмирал Того): «Сума», «Тиёда», «Идзуми», «Акицусима»

7-й боевой отряд (контр-адмирал Ямада): «Фусо», «Цукуси», «Такао», «Масайя», «Тёкай», «Удзи»

1-й, 10-й, 11-й, 15-й, 20-й отряды миноносцев

А. Больных

«РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА 1904—1905 гг.»

Главы из книги

ПОСЛЕДНИЙ ПЕРЕХОД ПЕРЕД БОЕМ

Движение флота в Корейский пролив. Первые признаки близости японского флота. Эволюции 2-й эскадры. Подготовка к бою. Вступление 2-й эскадры в район расположения противника. «Синано-Мару».

Движение флота в Корейский пролив

12 мая в 9 часов утра эскадра, от которой отделились транспорты под начальством кап. 1 р. Радлова («Воронеж», «Ярославль», «Владимир», «Метеор», «Курония» и «Ливония»), ушедшие в Шанхай, а также вспомогательные крейсера: «Рион», «Днепр», «Кубань» и «Терек», имевшие специальное поручение (крейсировать с целью демонстрации у японских берегов и в Желтом море), — направилась в Корейский пролив, проложив курс по южную сторону от Кельпарта в 25 милях от него.

Походный строй был следующий:

«Светлана» кап. 1 р. Шенн				
«Алмаз»	«Урал»	«Изумруд»	«Жемчуг»	
«Имп. Николай I», к.-адм. Небогатов	2 отр. минон.	«Анадырь» 1 отр. минон.	«Суворов», ген.-ад. Рожественский	
«Ген.-ад. Апраксин»	«	«Иртыш»	«Имп. Алекс. III»	
«Адм. Сенявин»	«	«Камчатка»	«Бородино»	
«Адм. Ушаков»	«	«Корея»	«Орел»	
«Олег», к.-адм. Энkvист	«	«Русь»	«Ослябя», к.-адм. Фельнерзам	
«Аврора»	«	«Свирь»	«Сисой Великий»	
«Дм. Донской»	«	«	«Наварин»	
«Вл. Мономах»	«	«	«Ад. Нахимов»	
г. с. «Кострома»	«	«	г. с. «Орел»	

Командующий эскадрой предполагал, в случае появления неприятеля, перестраивать этот походный порядок в боевой следующим образом.

Разведочный отряд, ворочая в сторону от неприятеля, шел на соединение с крейсерами. Оба эти отряда должны были отвести транспорты от места боя и защищать их от покушений японских крейсеров. 1-й и 2-й броненосные отряды должны были увеличить ход, склониться «все вдруг» влево и, войдя в голову 3-му боевому отряду, лечь на прежний курс, выстраивая с ним общую кильватерную колонну. «Жемчуг» и «Изумруд» шли по способности, соответственно, к головному и концевому кораблям главных сил и должны были держаться со стороны, противоположной неприятелю, вне перелетов его снарядов. Миноносцы должны были находиться при кораблях, к которым были приписаны, и вместе с «Жемчугом» и «Изумрудом» отражать попытки обхода со стороны неприятеля.

В ночь с 12 на 13 мая эскадра не несла топовых огней. Были оставлены гакобортные и смотрящие внутрь походного порядка отличительные огни, которые были ослаблены, но, вследствие мглистой погоды, их держали более яркими, чем в предыдущие ночи. Госпитальные суда имели все положенные им огни, не исключая и гафельных. Частая сигнализация по системе Степанова часто преобразовала эскадру в какой-то торжественный кортеж ярко иллюминированных судов, растянувшихся на расстоянии 3—5 миль, — говорит к.-адм. Небогатов в своем показании следственной комиссии. Однако из вахтенных журналов не видно, чтобы в ночь на 13-е и 14-е такие сигналы делались, и показание это следует отнести ко времени похода эскадры до Седельных островов.

12 мая, как и в предшествовавшие дни, эскадра занималась согласованием дальномеров. Отходившие для этого на несколько миль от эскадры крейсера «Жемчуг» и «Изумруд» не видели по горизонту признаков неприятельской разведки.

В 12 часов дня эскадра находилась в широте 31°1' северной и долготе 123°3' восточной.

В 1 час дня к.-адм. Энkvист сделал сигнал: «Крейсеру «Владимир Мономах» поручается наблюдение за концевыми миноносцами».

В 3 часа пошел очень сильный дождь.

В 5 часов 30 минут Командующий эскадрой семафором по линии приказал: «Броненосцам и крейсерам иметь пары разведенными для 12-узловой хода завтра к рассвету». Через 10 минут после этого вторым семафором с броненосца «Князь Суворов» приказано: «Крейсерам завтра с рассветом иметь пары для 15-узловой хода»¹.

Первые признаки близости японского флота

Вечером 12 мая станция искрового телеграфа эскадры начала принимать знаки депеш на японском языке. Наши телеграфисты прилагали все усилия, чтобы определить направление, откуда они идут. Сначала получался разговор двух судов, одного ближайшего, находившегося впереди нас, которому отвечало другое, более отдаленное, левее.

«Вечером 12 мая наши станции беспроволочного телеграфа, которыми на этой части пути запрещено было пользоваться для переговоров, — доносит адмирал Роже-ственский морскому министру, — начали принимать сначала сбивчиво, а потом несколько яснее знаки депеш. Хотя в этот вечер и не удалось разобрать смысла того, что телеграфировалось, но по отдельным словам было несомненно, что депеши посылаются на японском языке. С крейсера «Урал», на котором была сильная станция, просили позволения мешать этим переговорам, но я не разрешил, чтобы не дать японским разведчикам уверенности в близости эскадры. Из того, что между знаками можно было разобрать отдельные японские слова, а не сочетания сигнального свода, заключили, что телеграфировавший еще не видел нас и не знает нашего места. А нам было полезно, во всяком случае, быть открытыми возможно позже.

¹ Флагманский журнал отряда крейсеров 2-й Тихоокеанской эскадры № 32126, стр. 50.

Я предостерег свою эскадру сигналом, что телеграфирующие могут видеть наши дымы...

На рассвете 13 мая обнаружались переговоры уже нескольких судов неприятеля. Они начались вызовом позывных. Потом из ряда разобранных японских слов можно было понять следующее: «Огней десять»... «Как большие звезды»... Ответ, по-видимому, приказывал пользоваться при телеграфировании сигнальным сводом, потому что после этого переговоры велись уже сочетаниями, и в течение дня между этими сочетаниями попадалось до семи таких, которые означали названия разных судов».

13 мая, после подъема флага с флагманского броненосца, последовали сигналы: «Транспортам во время эволюций сохранять курс и скорость», «Разведочному отряду и броненосцам иметь 9 узлов хода», «Транспортам иметь 5 узлов хода и не удаляться далее 5 миль от эскадры».

Около 9 часов утра было приказано «броненосцам и разведочному отряду иметь 11 узлов хода».

Эволюции

В начале десятого часа утра начались эволюции, которыми эскадра занималась впервые за время совместного плавания с вошедшим в ее состав отрядом Небогатова. По сигналу с броненосца «Князь Суворов» «Маневр — неприятель сзади и слева» броненосцы 1-го и 2-го отрядов вышли вперед и затем повернули на 8 R вправо. 3-й броненосный отряд вступил в кильватер 2-му броненосному отряду.

Сигналом с крейсера «Олег» крейсерам было приказано иметь 14 узлов хода, миноносцам остаться при транспортах и крейсеру «Дмитрий Донской» быть концевым, вступить в кильватер крейсеру «Владимир Мономах».

Затем броненосные отряды отошли влево на 5 миль и занимались эволюциями, которые заключались в перестройке из походного порядка в боевой строй, с транспортами впереди или позади его по сигналам «Неприятель впереди» и «Неприятель сзади».

Крейсерский отряд также производил эволюции отдельно от броненосцев, маневрируя таким образом, чтобы удерживать свое место на стороне, противоположной предполагаемому неприятелю, и стараясь не отходить далеко от транспортов. Начальник крейсерского отряда к.-адм. Унквист остался доволен маневрированием крейсеров и изъявил своему отряду «удовольствие». Миноносцы участие в маневрировании не принимали. Броненосные отряды производили эволюции довольно вяло, в особенности отставали во всех перестроениях суда 3-го отряда, обладавшие меньшим ходом и не привыкшие к требованиям ген.-ад. Рожественского.

Около 10 часов утра эскадрой был замечен на горизонте слева по траверзу белый коммерческий пароход, шедший контркурсом. Вследствие мглы определить, какой он был национальности, не представлялось возможным. С флагманского броненосца «Князь Суворов» распоряжения о его задержании не последовало, и эскадра продолжала заниматься эволюциями.

В 12 часов дня эскадра продолжала эволюции, находясь на широте $32^{\circ}30'$ северной и долготе $126^{\circ}25'$ восточной. Ветер был умеренный и стихал.

В 12 часов 30 минут броненосные отряды и крейсера приблизились к транспортам, и эскадра, построившись вновь в походный порядок, продолжала движение курсом $NO 70^{\circ}$.

Около 1 часу дня Командующий эскадрой оповестил ее сигналами: «Неприятель производит сигнализацию телеграфом без проводов», «Неприятельские разведчики видят наш дым, много телеграфируют между собой», «Следует ожидать сегодня ночью минных повторных атак».

С 2 часов 30 минут дня эскадра снова начала производить эволюции, как и утром. Эволюции продолжались до 4 часов 30 минут. Выходили они также довольно нестройно. Командующий эскадрой остался ими очень недоволен и изъявил свое неудовольствие 2-му и 3-му броненосным отрядам и сделал выговор 2-му отделению миноносцев.

Сложность сигналопроизводства во время этих эволюций была такова, что репетичные корабли не успевали повторять сигналы Командующего эскадрой. Перед маневрированием и после него младшие флагманы и командиры судов не имели возможности обменяться мнениями, вследствие чего эти занятия для обучения эскадры имели мало значения.

По окончании эволюций эскадра снова построилась в походный порядок, которым шла утром до начала эволюций, и затем продолжала движение курсом $NO 60^{\circ}$ со скоростью 8 узлов, направляясь на середину Корейского пролива.

Приготовление к бою

После 4 часов 40 минут сделаны были сигналы: «Приготовиться к бою», «Завтра, с подъемом флага, поднять стеньговые флаги» (по случаю высокотожественного дня), «Транспорту «Анадырь» — равняться по броненосцу «Ослябя» и крейсеру «Олег», «Во время боя иметь лучших телеграфистов и рассыльных при аппаратах», «По телеграфным знакам вижу, что возле нас переговариваются семь неприятельских судов», «Завтра с рассветом иметь пары разведанными для полного хода».

Приготовление судов эскадры к бою заняло около двух часов. Для устройства защиты от осколков и снарядов на многих судах были использованы мешки с углем, стальной трос, запасные канаты, сети минного заграждения и проч. Из запаса деревянных брусьев, имевшихся в изобилии в рострах каждого корабля, были сделаны и пригнаны упоры и клинья для подкрепления горловин, люков, дверей и переборок в разных отсеках, под броневою палубою.

Некоторые командиры выкинули на собственную ответственность за борт все, что было возможно, из дерева. Далеко не все решились на это, так как план адмирала им не был известен, и если предстоял не бой, а дальнейшее продолжительное плавание, то многие из этих вещей могли бы пригодиться.

«Эскадра не была перекрашена в серый цвет потому, что матово-черный лучше скрывает суда ночью от минных атак»¹, — показывает ген.-ад. Рожественский следственной комиссии по делу о Цусимском бое.

Аргумент этот поражает своей оригинальностью: во всех флотах к 1905 году были выяснены преимущества серого цвета соответственного оттенка и мата, как днем, так и ночью.

В 6 часов вечера с крейсера «Олег» было передано семафором на миноносец «Блестящий»: «Помните, что в случае появления неприятеля вы остаетесь при транспортах и следуете за крейсерами только по особому приказанию. Ночью не растягиваться».

В 6 часов 20 минут вечера потайным фонарем с броненосца «Князь Суворов» передали: «Разведочному отряду завтра с рассветом вступить в тыл транспортам», «При транспортах должны оставаться крейсера «Дмитрий Донской» и «Владимир Мономах», «Иметь особые гакобортные огни с угловым освещением»².

Вечером телеграфирование неприятельских судов усилилось. Командир броненосца «Адмирал Сенявин» своим телеграфным аппаратом перебил телеграфирование неприятеля и сделал замеченный японский «позывной», на что получил ответ: «Ясно вижу»³.

В 10 часов вечера на горизонте по левому траверзу мелькнул луч прожектора. Эскадра в это время прошла о-в Кельпарт и была уже вблизи японской внешней дозорной линии, которую пересекала под острым углом.

Коек не раздавали. Прислуга находилась у орудий. Офицеры стояли на 3 вахты, команда повахтенно. Настроение на эскадре было бодрое. Если кто и не надеялся на успех, то надеялся на скорую развязку, на выход из того нервного и физического переутомления, которое уже

¹ А. В. шк. 4, д. 203, стр. 34 об.

² Флагманский журнал отряда крейсеров 2-й Тихоокеанской эскадры № 32126, стр. 54.

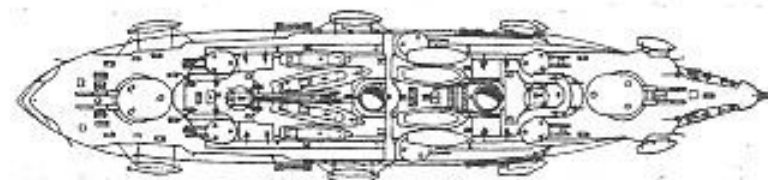
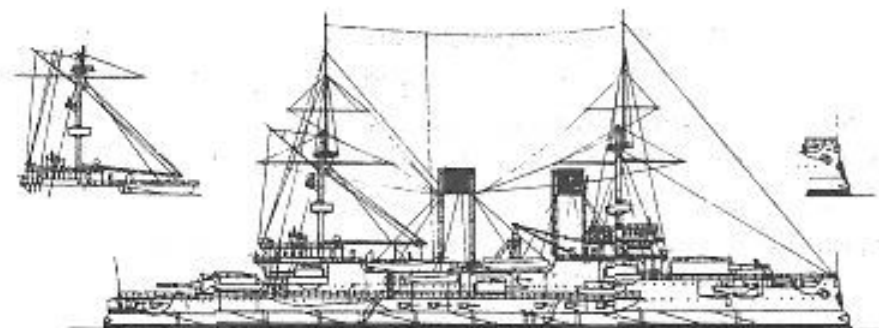
³ Протокол показания кап. 1 р. Григорьева А.В., шк. 4, д. 203, стр. 143.

полгода тяготило весь личный состав. Офицеры и команда перебирали свои вещи, приводили в порядок свои личные дела, насколько это было возможно за столько миль от Родины.

Вступление 2-й эскадры в район расположения противника

Итак, адмирал Рожественский вступал в середину вероятного расположения противника в тесном походном строю эскадры, которая вела за собой кучу транспортов и имела позади себя два госпитальных судна, несших все положенные для них огни и ясно показывавших местонахождения ее неприятелю. Дозорные суда шли в непосредственной близости от головы эскадры и, находясь слишком близко от нее, не могли расширить ее кругозора. Цепь их была слишком редка, чтобы предохранить эскадру от плавучих мин. Назначением этих дозорных судов могло быть только отгонять с пути встречные джонки и пароходы.

Ген.-ад. Рожественский давал впоследствии следственной комиссии следующие объяснения о том, почему он шел, не принимая никаких мер к освещению впереди лежащего пространства разведкой:



«КНЯЗЬ СУВОРОВ» (фрагменты «ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III»)

«Я не применял разведки для прорыва потому, что признавал ее в данной обстановке излишней и даже способной ослабить вторую эскадру и дать неприятелю добавочные преимущества...» (стр. 31).

«Многие публицисты ставят мне в вину отсутствие дальней разведки. По их мнению, для того чтобы оставаться верным вечно юному принципу внезапности при прорыве тихоходной эскадрой через узкость, заведомо обороняемую сильнейшим флотом, действующим в связи с близлежащими береговыми наблюдательными станциями и опорными пунктами и высланным в море цепь разведчиков, мне следовало послать таковую же цепь не менее чем на сто миль вперед от эскадры, дабы эта цепь, внезапно обрушившись на неприятельскую разведку, дала знать второй эскадре по беспроволочному телеграфу о месте нахождения неприятельских разведчиков по крайней мере десятью часами ранее, чем неприятельская цепь могла сама открыть эскадру, шедшую без разведчиков (если бы эскадра шла без разведчиков). С таковым мнением я не согласен» (стр. 34).

«Я уже показывал, — продолжает адмирал (стр. 37), — почему нами не применена была дальняя разведка, которая могла бы, если не пробиться через цепь неприятельских разведчиков, то, во всяком случае, показать наши крейсера неприятелю ранее, чем его разведчикам удалось бы увидеть остальные суда второй эскадры. Простым изложением взводимого на меня обвинения я старался выяснить, как несовместимо применение дальней разведки в том случае, когда вслед за нею должен иметь место прорыв слабой эскадры через узкость, сильно обороняемую, и как странным мне представляется стремление рейдом своих разведчиков возбуждать в подобном случае напряженность внимания противника и упреждать на несколько часов его готовность к отпору; ведь, без всякого сомнения, неприятельская цепь, столкнувшись с нашей, должна была бы в самый момент столкновения сообщить своему адмиралу столь нетерпеливо им ожидаемое известие; следовательно, соединенными усилия-

ми наших и неприятельских разведчиков японский флот мог бы быть осведомлен о приближении нашей эскадры несколькими часами раньше, чем если мы ему в том не помогали. Словом, насколько всем очевидна безусловная важность посылки японцами разведочной цепи, чтобы не прозевать нашего прорыва, настолько мне был и остается ясным безусловный вред предпосылки разведчиков от той эскадры, которая должна неотложно прорваться. Посылка крейсеров по направлению к Корейскому проливу могла бы иметь смысл, если бы я решил не прорываться вовсе этим проливом или прорываться им через большой промежуток времени, в течение которого частыми появлениями моих крейсеров можно было бы приучить неприятеля к мысли, что я только задался целью беспокоить его демонстрациями. Но, как уже объяснял, состояние снабжения эскадры не позволяло мне тратить время на продолжительные демонстрации. Я должен был ограничиться демонстративным движением к Шанхаю и посылками крейсеров в Желтое море и по восточную сторону японских островов. При этих условиях посылка к проливу такой разведки, которая лишь на несколько часов предупреждала бы прорыв эскадры, не представлялась и не представляется, на мой взгляд, не чем иным, как пособничеством неприятелю. Моим вышеизложенным соображениям могут быть противопоставлены указания на те преимущества, которые получил японский флот вследствие того, что им были высланы крейсера на разведку. На такие указания я могу ответить повторением утверждения моего, что преимущества неприятеля были бы еще больше, если бы его разведчики встретили моих несколькими часами раньше, чем они встретили мою эскадру. Я знал в точности численность японского флота, который целиком мог препятствовать прорыву, я пошел на него, потому что не мог не идти. Какую же пользу могла дать мне разведка, если бы в предвидении ныне торжествующего мнения публицистов я решил застраховать себя таковою. Говорят, при большой удаче я заранее знал бы строй, в котором надвигается неприятель. Но такая осведомленность не

могла бы быть использована для моей сравнительно тихоходной эскадры: неприятель, придя на вид моих сил, не дозволил бы мне начать бой ранее, чем расположился бы для первого удара так, как ему угодно. Во всем, только что мною показанном, содержится ответ на вопрос комиссии, почему не было принято мер, чтобы не допустить неприятельских разведчиков на вид нашей эскадры. Если я считал вредным иметь сам разведчиков, то, конечно, моя эскадра должна была рано или поздно прийти в соприкосновение с неприятельскими разведчиками. Я не пытался гоняться за ними потому, что должен был сосредоточенно двигаться вперед. Младший флагман, командовавший крейсерами, также считал неразумным перед боем рассылать свои суда для побочных предприятий, особенно имея в виду, что могла закрывала горизонт утром за пределами пяти миль и только к началу боя постепенно раздвинулась до семи-восьми миль. В ночь с 13 на 14 мая эскадра, следуя к Корейскому проливу в походном строе, имела в голове цепь из крейсеров «Светлана», «Алмаз», «Урал», «Жемчуг» и «Изумруд» протяжением более мили поперек курса эскадры. Цепь эта, не несшая никаких огней, кроме фонарей малого углового освещения на корму у первых трех судов, занимавших средние места, ориентировалась сама по отличительным огням эскадры, была невидима ни спереди, ни с флангов и служила заслоном от встречных минных атак, причем на сигнальных постах и у заряженных орудий всю ночь бодрствовали люди, обладавшие лучшим зрением в темноте»¹.

Вышеприведенная отповедь адмирала публицистам настолько интересна, что подлежит серьезному разбору. Прежде всего укажем на неясность в терминологии, свойственной вообще нашей морской литературе того времени.

Разведка постоянно смешивается со сторожевым охранением и дозорной службой, и слова «разведка» и «разведчик» употребляются адмиралом в обоих смыслах. Если говорить о дальней разведке, то нельзя не согласиться с

адмиралом, что едва ли она могла дать ему какие-либо такие новые данные, какие он не мог иметь просто a priori, путем решения задачи «за противника», принимая худшие для себя решения.

Действительно, адмирал поставил себе целью прорыв во Владивосток. Правильно или нет поставлена была эта цель, правильна ли сама идея его операции — вопрос другой, который и был обсужден в другом месте. Теперь же подлежит обсуждению исключительно формальная сторона дела, то есть правильно ли выполнил адмирал данную операцию, раз данная цель им была намечена. Рассуждая теоретически, он должен был предположить и в действительности, по собственному его свидетельству, предполагал, что неприятельский флот в полном составе или почти в полном составе встретит его в Корейском проливе. Состав и силы неприятельского флота были в точности ему известны. Если бы не весь неприятель находился в Корейском проливе, то это было бы для адмирала Рождественского только приятным сюрпризом, на который он и с разведчиками, и без разведчиков не имел права рассчитывать. Если бы даже разведчики донесли ему, что неприятеля в Корейском проливе нет или что там находятся лишь незначительные силы его, то он не имел бы права им поверить, должен был счесть, что разведка произведена недостаточно тщательно, и должен был бы все же поступить так, как бы весь неприятельский флот поджидал его в Корейском проливе.

Таким образом, дальняя разведка с этой точки зрения была бесцельна. Другое дело, если бы разведка в Корейском проливе могла служить в виде диверсии, дабы дать адмиралу Рождественскому возможность привлечь внимание неприятеля на какой-либо один из возможных путей следования, а самому пройти другим. Французский капитан Лаур в своей «Цусиме», часть III, глава I, подробно рассматривает этот вопрос. Нельзя, однако, не заметить, что адмиралу Рождественскому для такого маневра пришлось бы выделить из своей и без того слабой эскадры на большое расстояние вперед себя значительные силы.

¹ А. В., шк. 4, д. 203, стр. 31—39.

Имея в виду, что Корейский пролив превосходно освещен наблюдательными пунктами, трудно предположить, чтобы адмирал Того увлекся авангардным боем с нашими рекогносцировочными отрядами и упустил бы нашу эскадру другим из Корейских проливов (Броуна-Крузенштерна). Такой образ действий мог легко послужить к ослаблению ядра нашего флота и к разбитию его по частям.

Но адмирал Рожественский шел далее, он отрицал целесообразность даже дозорной и авангардной службы.

«В уверенности, что эскадра не может пройти Корейским проливом без сражения с японским флотом, — доносил он морскому министру; — и не имея иного исхода, я не выдвигал и дозорной цепи, которая могла бы преждевременно выдать наше место разведчикам неприятеля».

Идея адмирала Рожественского заключалась в том, что ему необходимо было прорваться во Владивосток без боя и что поэтому ему надлежало вести свою эскадру возможно компактной группой, так как чем меньше места эскадра занимала, тем больше шансов было ей проскользнуть незаметно между крейсерами и наблюдательными пунктами противника.

Рассмотрим теоретически вопрос о том, насколько такая компактность допустима.

Всякая военная сила, находящаяся вблизи неприятеля, должна озаботиться о безопасности своего расположения. Безопасность эта должна заключаться в том, чтобы ей была во всякое время обеспечена возможность встретить неприятеля в полной готовности к бою, то есть в полной готовности развернуть свой боевой порядок к моменту боевого с ним контакта. Для этого эскадра должна быть извещена о приближении неприятеля настолько заблаговременно, чтобы иметь время построить боевой порядок соответственно направлению, на котором покажется неприятель.

Чтобы идти компактно, адмирал Рожественский прежде всего должен был избавиться от излишних судов и не вести транспорты в общей массе эскадры, а предоставить их самим себе.

Если бы транспорты шли одновременно с эскадрой в другой группе, то ночью неприятель должен был бы потратить много времени на опознание эскадры и наблюдение его могло бы быть отвлечено от боевых судов в сторону отряда транспортов. Особенно было бы полезно, если бы транспорты были направлены ночью в Сангарский пролив.

Засим эскадра должна была бы быть построена в походный порядок, настолько близкий к боевому, чтобы перестроение ее в боевой порядок требовало бы минимального срока. Таким порядком является общая кильватерная колонна эскадры.

Рассмотрим теперь, каким расчетом следовало руководствоваться при расположении крейсеров. Тут следует иметь три различных периода времени:

1. Первое положение — ночь, когда эскадренный бой невозможен и когда неожиданная встреча с главными силами противника, по существу своей задачи принужденного выставить впереди себя сторожевую цепь в несколько линий, совершенно невероятна.

При таких условиях при эскадре должна была быть цепь дозорных судов, которые должны были осматривать путь впереди нее, высматривая плавучие мины и отгоняя встречные фуны и пароходы (безопаснее было бы уничтожать первые и брать с собою вторые). Сверх того, по бокам и сзади эскадры должны были быть расположены отряды крейсеров и миноносцев, которые стремились бы отгонять от эскадры неприятельские миноносцы. Было бы достаточно двух отрядов, идущих параллельно с эскадрой близ хвоста оной и по 1—2 на траверзе и середине. Длина кильватера из 12 наших броненосцев ночью, когда строй несколько растягивается и из навигационных целей, и для уменьшения вероятия попадания мин, не превышала бы трех миль. (Длина походного порядка нашей эскадры, не считая дозорных судов, была около двух с половиною миль.)

Первая половина кампании показала, как малы шансы на успех минных атак на неповрежденные и готовые к от-

ражению их суда на ходу в море, особенно когда дозорные суда способствуют открытию миноносцев.

2. Второе положение — поход эскадры днем, пока она не обнаружена неприятелем и не находится в сфере наблюдения с береговых (островных) наблюдательных его постов.

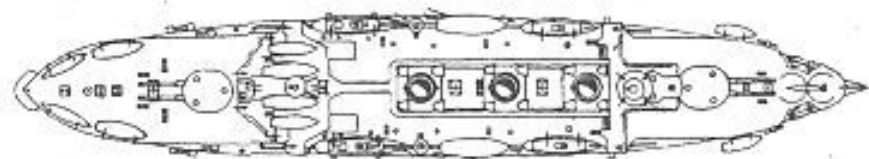
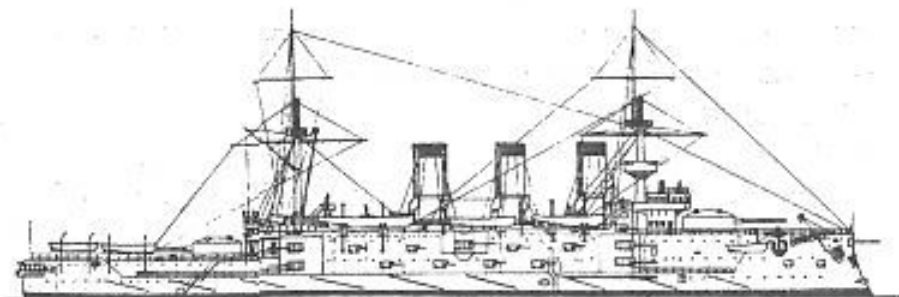
Дозоры должны быть выдвинуты настолько вперед и в стороны, чтобы неприятельские сторожевые суда не могли бы увидеть главные силы эскадры ранее, чем быть обнаруженными сами, то есть на 4—5 миль впереди и в стороны от эскадры.

Дозорные суда должны иметь поддержку, расположенную так, чтобы быть в состоянии прийти на помощь дозорам и отогнать неприятельское сторожевое судно, не увлекаясь его преследованием. Если бы на помощь сторожевым судам поспела бы неприятельская поддержка, а за нею и главные силы, то наши главные силы имели бы возможность ввязаться в бой, развивающийся правильно, соответственно постепенному развертыванию сил противника, и неприятель не имел бы о нашей эскадре более сведений, чем мы о нем.

3. Третье положение — действие эскадры с того момента, когда она открыта неприятельскими сторожевыми судами или наблюдательными пунктами. Расстояние, на которое должны были быть выдвинуты дозоры, в этом случае определяется расчетом времени, потребным на выяснение тактической обстановки, на развертывание боевого порядка и на окончательное приготовление к бою.

Отбросим теперь все предыдущие рассуждения, представляющие собой критику состава и походного порядка нашей эскадры, и решим задачу о целесообразности расположения дозоров при эскадре адмирала Рождественского, идущей в том походном порядке, в котором она вступила в сферу наблюдения японцев, и при том боевом порядке, который адмирал предположил построить.

Принимая эскадренный ход 9 узлов и что при перестроении в одну кильватерную колонну левая колонна будет идти уменьшенным ходом, скажем, в 5 узлов, а правая,



"ОСЛЯБЯ"

Экипаж:

27/744.

перед боем около 900 человек.

увеличив ход до 11 узлов, выйдя вперед, повернет влево на 4 R «всем вдруг» и затем, войдя в голову правой колонны, уменьшая ход до 9 узлов, вновь повернет «всем вдруг» вправо, на такой маневр вместе с потребными для сего сигналами, как бы они сложны ни были и какие бы путаницы при перестроении ни происходили, потребуется не более 20 минут (две минуты на изменение хода и сигнал, 6 минут на выход 1-го отряда вперед, 6 минут на облическое его движение и оба полуповорота, 6 минут на выравнивание хода и строев). То же время потребуется и на построение общего фронта в любую сторону и на перестроение, при котором 1-й отряд выходил бы в голову кильватера 2-го отряда, а 3-й выстраивал бы фронт в хвосте эскадры справа или слева от него.

Нужно считать, что на составление и передачу радиотелеграмм дозорного судна о появлении неприятельского флота с необходимейшими о нем сведениями потребуются 15 минут. Время от момента появления неприятеля на горизонте нашего адмирала до боевой встречи должно быть в полном распоряжении адмирала, командиров и офицеров, управляющих артиллерийским огнем для окончательной ориентировки и отдачи необходимых распоряжений.

Таким образом, эскадра должна быть уведомлена минимум за 35 минут до появления главных сил неприятеля о румбе, на котором он виден, о его курсе и строе. За эти 35 минут наши транспорты, повернув на 16 R, могли бы удалиться от эскадры, принимая в расчет ее наступательную скорость, на расстояние от 4—8 миль.

Считая поступательную скорость нашей эскадры первые 15 минут — 5 узлов, а последующие 20 минут — 9 узлов и скорость неприятеля 15 узлов, мы получили сближение эскадры за эти 35 минут около 13 миль.

Считая, что крейсера опознают неприятеля, когда он подойдет к ним на 6 миль (ближе этого расстояния они его подпускать не должны, иначе в них начнутся попадания), а что наша эскадра может видеть его с достаточной ясностью для первоначальной ориентировки с расстояния 8 миль, — мы получим расстояние $13 + 2 = 15$ миль, которое следует считать минимум выноса вперед от нее дозорной цепи. Если же броненосцы шли бы в походе в строю одной кильватерной колонны, то было бы достаточно вынести дозорную цепь миль на 10.

Стремясь пройти незаметно, адмирал Рожественский вел с собой, в хвосте эскадры, два госпитальных судна со всеми огнями. Он утверждает в своем показании следственной комиссии, что этого требовало международное право. В постановлениях Гаагской конвенции 1899 г. нет никаких указаний о том, чтобы госпитальные суда обязаны были носить огни. Можно предполагать, что адмирал Рожественский считал, что он не имеет права отдать госпитальным судам, как некомбатантным, приказание идти при эскадре без огней. Нельзя не считать такого отношения к делу иначе как слишком щепетильным. Если бы суда эти юридически лишились покровительства международных соглашений (которое, заметим, не было уважено японцами) и стали бы на положение военных лазаретных транспортов — комбатантов, дело от этого ничего бы не потеряло. Присутствие же при эскадре транспортов с огнями погубило в самом начале все предприятие.

«Синано-Мару»

В 2 часа 28 минут утра японский вспомогательный крейсер «Синано-Мару», бывший в составе наружной дозорной цепи, находясь $\varphi 33^{\circ}10'$ и $L = 128^{\circ}10'$ О в 40 милях от острова Сиросе, открыл эскадру.

Вот как об этом повествует «Описание военных действий на море в 37—38 гг. Мейдзи». В 2 часа 45 минут (2 часа 28 минут по русскому времени), находясь на сказанном пункте, «Синано-Мару» заметил по левому борту огни парохода, идущего на Ost. При сближении увидел, что на грот-мачте этого судна подняты белый-красный-белый огни. В то время месяц как раз был на востоке, и так как пароход находился на Ost от «Синано-Мару», то наблюдать за ним ему было неудобно. Командир «Синано-Мару», кап. 1 р. Нарикава, увеличил скорость и, обойдя пароход с кормы, вышел у него по левому борту. В 4 часа 30 минут (4 часа 2 минуты по русскому времени), подойдя к нему, рассмотрел, что судно имеет 3 мачты и 2 трубы и по типу совершенно походит на находящийся в составе русской эскадры вспомогательный крейсер «Днепр». Однако, подойдя ближе и не видя на нем орудий, подумал, не госпитальное ли это судно русской эскадры; в это время с него как будто бы стали делать нам сигналы электрическим фонарем. Капитан 1 ранга Нарикава, догадываясь, что оно делает эти сигналы по ошибке и что вблизи должны быть еще суда, подробно осмотрел горизонт. Но так как темнота еще не рассеялась и к тому же стояла дымка, не позволяющая видеть предметы, то, не видя вокруг ничего другого, уже направился к этому пароходу с целью произвести его осмотр, как вдруг впереди себя по носу и с левого борта в расстоянии не более 1500 метров увидел несколько десятков судов и далее еще несколько дымов. Капитан 1 ранга Нарикава, поняв, что он находится прямо в середине неприятельской эскадры, быстро повернул руль на борт и в то же время телеграфировал, что видит неприятельскую

¹ По русскому времени.

эскадру. Это было ровно в 4 часа 45 минут утра 14 (27) мая (4 часа 28 минут по русскому времени)¹.

«Синано-Мару» был усмотрен с нашей эскадры около 5 часов утра, — доносит лейт. Щербачев 4-й («Орел»), — справа из мглы показался коммерческий пароход, шедший на сближение, догоняя эскадру. Подойдя кабельтов на 40, он лег на параллельный нам курс, но через несколько минут повернул вправо и скрылся во мгле. Флага его разоб- рать не могли. Ход его был около 6 узлов».

Какой коммерческий пароход, кроме вспомогательного крейсера, мог бы нести ночью флаг?

Таким образом, неприятельский разведчик был привлечен к нашей эскадре, проскользнувшей было сквозь передовую сторожевую цепь японцев, огнями госпитального судна шедшего при эскадре. Он попал при этом прямо в середину ее «компактного» походного порядка, но адмирал Рожественский не был извещен об этом.

ЦУСИМА.

СБЛИЖЕНИЕ ФЛОТОВ.

РАЗВЕРТЫВАНИЕ СИЛ ЯПОНЦЕВ.

ДНЕВНОЕ СРАЖЕНИЕ 14 МАЯ 1905 ГОДА

«Идзуми». Отряды Дева и Катаока. Перестроение 2-й Тихоокеанской эскадры в одну колонну. Нечаянная стрельба. Ход сосредоточения японцев до полдня 14 мая. Была ли возможность 2-й эскадре проскользнуть незамеченной? Курс NO 23°. Перестроение. Сосредоточение Того к месту боя. Его план. Встреча главных сил обеих эскадр. Открытие огня. Гибель «Ослябя». Выход из строя «Суворова». Госпитальные суда. Крейсера. Попытка «Имп. Александра III» пройти под корму японцам; контрманевр Того и Камимуры. Попытка «Бородино» пройти под корму японцам. Второй контрманевр японцев. Расхождение контргалсом. Первая атака миноносцев на «Суворова». Эскадры теряют друг друга из вида и вновь встречаются. Вторая атака миноносцев на «Суворова». Русские броненосцы подходят к месту боя крейсеров.

Действия крейсеров. Снова курс NO 23°. Того и Камимура разыскивают наши броненосцы и вновь атакуют их. «Буйный» принимает в.-адм. Рожественского и его штаб. Передача командования к.-адм. Небогатову. Гибель броненосца «Имп. Александр III». Гибель броненосца «Бородино». Гибель «Суворова». Потери нашей эскадры. Потери японцев. Характеристика боя.

«Идзуми»

«Утро 14 мая, — доносит адмирал Рожественский морскому министру, — было довольно пасмурно, но уже в 7-м часу показалось солнце, и мгла начала отодвигаться: можно было видеть до 6—7 миль. В исходе 7-го часа утра, румба на 2 позади правого траверза «Суворова», из мглы стал выделяться корпус корабля, идущего одним курсом с эскадрой. Корпус по временам совсем заволакивался или удалялся и затем снова показывался. В один из просветов удалось определить расстояние до него, и тогда уже стало известно, что это крейсер «Идзуми». Броненосцы правой колонны держали на нем одну из башен в готовности открыть огонь; но он не подходил ближе 60 каб. и был так окутан, что нельзя было бы видеть падения снарядов. Я не приказал крейсерам отгонять его и полагал, что командующий крейсерами не делает об этом распоряжения самостоятельно, разделяя мои соображения о возможности увлечься погоней в сторону находящихся поблизости закрытых мглой превосходных сил неприятеля»¹.

Итак, адмирал Рожественский предполагал возможность нахождения поблизости неприятельского флота и не счел нужным ни отогнать следившее за ним судно, ни оградить себя дозорами на случай появления неприятельского флота и помешать неприятелю производить эту рекогносцировку. Приведенные выше соображения адмирала относительно необходимости быть в компактном строю, дабы проскользнуть незамеченным, отпали с того момента, как обнаружился неприятельский крейсер, на-

¹ Русско-японская война 1904—1905 гг. Действия флота. Документы. Отд. IV, кн. 8, вып. 3, стр. 608.

¹ О. В. Д. на море в 37—38 гг. Мейдзи, т. IV, стр. 76—77.

блюдающий за эскадрой, но на смену этих соображений является опасение увлечения крейсеров преследованием, которое еще и не было начато!

Из донесения адмирала Рожественского можно было заключить, что начальник отряда крейсеров был по его предположению в таком воинственном пылу, что сам опасался, как бы не увлечься преследованием неприятельского крейсера. Между тем адм. Энkvист объясняет следственной комиссии о Цусимском бое свое бездействие следующими словами: «До начала боя я считал, что не могу выходить из строя для каких-либо действий против неприятеля без приказа начальника эскадры, так как управление эскадрой было сосредоточено в его руках, и он, наверно, не одобрил бы такого действия; кроме того, я считаю, что всякое самовольное движение со стороны младшего адмирала или командира, когда эскадра в походном строю, может принести делу только вред, ибо имеет более всего шансов нарушить план командующего, тем более что план этот известен не был». К тому же он добавил, что согласно приказам адмирала Рожественского крейсерам поручалась оборона транспортов.

Из японских сведений ясно, что «Идзуми» мог быть без труда отогнан, если не истреблен, так как поддержка подошла бы к нему со значительным опозданием.

«Идзуми» узнал о появлении неприятеля от «Синано-Мару» и разыскал нашу эскадру в 6 часов 18 минут утра (по русскому времени) в ф 117 33°30' N и L 128°50' O и лег параллельным курсом на расстоянии 4—5 миль, сменив «Синано-Мару».

Отряды Дева и Катаока

Адмирал Дева получил сведения о подходе нашей эскадры также от «Синано-Мару» и направился со своим отрядом («Касаги», «Читозе», «Ниитака» и «Отава»), чтобы выйти навстречу русской эскадре на SO, прибавляя ходу. В 5 часов 27 минут (по русскому времени) он усмотрел наше госпитальное судно, но продолжал идти на юг.

В 6 часов 35 минут, узнав от «Идзуми», что флот наш находится к северу, он повернул на NO.

Только после нескольких часов большого хода, в одиннадцатом часу, сквозь дымку тумана милях в 15 к югу от мыса Коозаки ему удалось наконец открыть русскую эскадру¹.

В.-адм. Катаока (3-я эскадра) нашел ее в 10-м часу утра, т. е. на час ранее, и, поместясь на ее левом траверзе милях в пяти, следил за нею. Таким образом, наши крейсера имели около 3 часов времени с 6 1/2 до 1/2 часов утра, чтобы истребить «Идзуми» до подхода к нему сравнительно не сильной поддержки. Между тем «Идзуми» сообщил адмиралу Того, что эскадра наша состоит из 8 броненосцев, 9 крейсеров, 3 судов береговой обороны и нескольких вспомогательных судов и проч.

Получив известие о появлении нашей эскадры, японский флот тотчас же начал свое сосредоточение к бою. Адмирал Катаока со своим отрядом вышел в море из залива Озаки, направился сперва к мысу Цуцу, а затем к мысу Коозаки и, оставив там миноносцы и «Ясама», приказал адмиралу Ямада с 7-м боевым отрядом держаться у Оодори-Сима и наблюдать за неприятелем, а сам с 5-м боевым отрядом («Ицукусима», «Чин-Иен», «Мацусима» и «Хасидате») пошел к югу и в 9 часов 28 минут утра, находясь на SO 11°, в 7 милях от Коозаки, увидел к югу нашу эскадру.

Положение отрядов Дева и Катаока было в достаточной мере изолированным, чтобы наш флот мог попытаться их уничтожить. Если бы адмирал Рожественский атаковал эти отряды и держал в то же время свою эскадру в готовности принять атаку главных сил неприятеля, местонахождение коих ему не было известно и которые могли быть поблизости, то он, вероятно, нанес бы этим отрядам большой урон. Первый успех мог бы быть на его стороне, а это много значит. Во всяком случае, победа японцев досталась бы им более дорогою ценой, и некоторая доля «стыда нашей Родины» была бы кровью смыта...

¹ О. В. Д. на море в 37—38 гг. Мейдзи, т. IV, стр. 79 и 101.

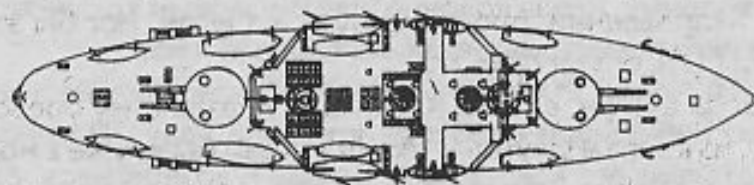
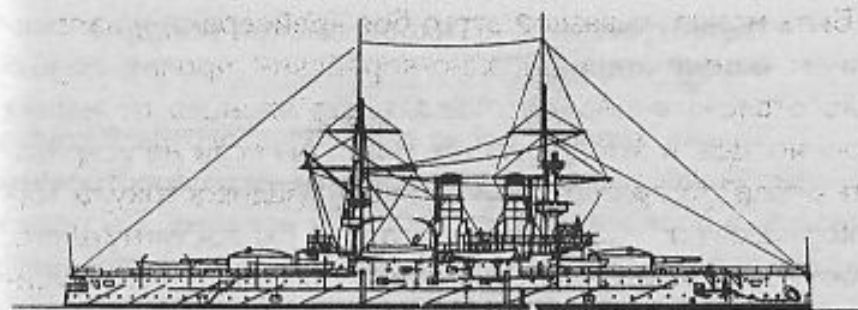
Быть может, завязкой этого боя крейсерами и направлением погони их в западно-корейский пролив можно было отвлечь внимание главных сил японцев от наших броненосцев, и эти последние могли бы если не ускользнуть вовсе, то принять бой ближе к Владивостоку, а тогда кое-каким из наших судов удалось бы достигнуть его. Таким образом, план, предлагаемый кап. Лаур в его Цусиме, заключающийся в том, чтобы, производя диверсию в одном направлении, проскользнуть в другом, мог бы этим отчасти быть осуществлен.

Выходя в море, в.-адм. Катаока приказал 6-му боевому отряду, из коего «Идзуми» и «Акитсусима» были уже в море, а «Сума» и «Чиода» — у залива Озаки, направиться на *НО* и вступить в связь с неприятелем. Адмирал Того и Камимура, стоявшие в Мозампо, получив телеграмму «Синано-Мару», тотчас же с 1, 2 и 4-м боевыми отрядами снялись с якоря. В 6 часов 7 минут утра, получив сведения о курсе неприятеля, адмирал Того решил атаковать его у острова Окиносима и, выйдя из прохода Путо (Мозампо), направился к этому месту. Ввиду большой волны, при которой плавание для миноносцев было затруднительно, он приказал им укрыться в заливе Миура, истребителям же — следовать за эскадрой. В полдень он был к северу от острова Окиносима.

Оставим на время японцев, возвратимся к рассмотрению действий нашей эскадры.

В 7 часов утра шедший в голове разведочный отряд («Светлана», «Алмаз» и «Урал») перешел, с целью прикрывать транспорты, в тыл эскадры и выстроился позади них в кильватерной колонне. «Жемчуг» и «Изумруд» поместились на 4 *R* впереди траверзов головных судов своих колонн.

В 8 часов утра эскадра подняла стеньговые флаги по случаю дня Священного Коронования Их Величеств. Госпитальное судно «Кострома» приблизилось к крейсеру «Урал» и сообщило, что видело прошедшие сзади 4 японские крейсера (3-й боевой отряд в.-адм. Дева).



«СИСОЙ ВЕЛИКИЙ»

В 9 часов было отдано распоряжение броненосцам в случае появления неприятеля с тыла выстроить фронт вправо и влево, а крейсерам и транспортам проходить вперед. В то же время суда были предупреждены сигналом о предстоящей в полдень перемене курса на *НО 23°*.

В 9 часов 40 минут во мгле, близ левого траверза, начали вырисовываться «Ицукусима», «Мацусима», «Хасидате», «Чин-Иен», «Акицусима» и «Сума» (суда 5-го и 6-го отрядов в.-адм. Катаока). Заметим, что до сих пор эскадра идет в походном строю в двух колоннах с транспортами между колоннами и без малейших дозоров, видя уже в течение двух часов у себя на траверзе неприятельских разведчиков и предполагая присутствие вблизи себя неприятельской эскадры. Неприятельские разведчики переговариваются все время по беспроволочному телеграфу, но с нашей стороны не принимается никаких мер для того, чтобы помешать им или запутать их переговоры.

Заметим также, что, проведи адмирал Того эту ночь не в Мозампо, а, например, близ северной оконечности Цусимы, где теоретически его местонахождение было вполне вероятным, его эскадра несомненно появилась бы на горизонте приблизительно одновременно с отрядами в.-адм. Катаока.

Перестроение 2-й Тихоокеанской эскадры в одну колонну

Только теперь, после появления отряда Катаока, адмирал Рожественский принимает меры к перестроению эскадры в порядок, более близкий к боевому. Он приказывает первому и второму броненосным отрядам иметь 11 узлов хода, и броненосцы начинают перестраиваться в одну колонну. Левая колонна шла 9-узловым ходом, вследствие чего перестроение длилось около часа.

В 10 часов 20 минут «Жемчуг» усмотрел несколько вправо небольшой пароход, прибавив ходу, сблизился с ним, отогнал его выстрелом под нос и возвратился, сообщая сигналом, что пароход — японский.

В 10 часов 35 минут по сигналу командующего эскадрой крейсерам «Дмитрий Донской» и «Владимир Мономах» — усилить прикрытие транспортов, крейсер «Владимир Мономах» отстал от своего отряда и перешел на правую сторону от транспортов. В то же время справа и слева на носу были усмотрены миноносцы, и был поднят сигнал: «Тревога». По этому сигналу «Изумруд», шедший до сих пор слева от головы эскадры, обогнул голову ее и вступил в кильватер «Жемчугу», находившемуся справа от адмирала. Миноносцы 1-го отряда перешли также к «Жемчугу». Отряд Катаока вскоре скрылся в тумане.

Около 11 часов команде дали обедать повахтенно.

В 11 час. 5 мин. близ левого траверза в расстоянии 40—45 кабельтовых из мглы появился отряд Дева («Читозе», «Касаги», «Ниитака» и «Цусима»), но вскоре снова скрылся за мглой. В это время для построения броненосцев в одну колонну 1-й и 2-й броненосные отряды повернули вдруг на 2 R влево. Построение было закончено около 11 1/4.

¹ Здесь и далее моменты даются по часам русской эскадры, которые обычно переставлялись в полдень по местному меридиану. На японской эскадре было принято среднеяпонское время, шедшее до полдня вперед против русского на 27 минут, а после полдня — на 18.

Нечаянная стрельба

В 11 часов 10 минут из тумана вновь вырисовался отряд в.-адм. Дева. С «Орла»¹ в 11 часов 15 минут из средней 6" башни был произведен нечаянный выстрел по «Касаги» с расстояния 39 кабельтовых. Прочие броненосцы тотчас открыли огонь. Японские крейсера отвечали огнем и, повернув на 8 R влево, вновь скрылись в тумане.

Немедленно же командующий эскадрой сделал сигнал: «Не бросать снарядов». Попаданий с обеих сторон, по-видимому, не было. «Я остановил стрельбу сигналом, — доносит ген.-ад. Рожественский морскому министру, — ввиду быстро увеличивающегося расстояния до закрывавшегося мглой неприятеля, ввиду невозможности видеть падения своих снарядов»².

«В 11 часов 10 минут расстояние уменьшилось до 8000 метров, — повествует О. В. Д., — а в 11 часов 13 минут неприятель открыл огонь, на который мы отвечали. Однако, ввиду того что снаряды русских ложились хорошо, 3-й боевой отряд вышел из сферы падения снарядов и, меняя скорости, держался от неприятеля в 9000 метров впереди его курса»³.

По пробитии отбоя команда продолжала обедать⁴.

За несколько минут перед полднем слева, почти на траверзе, на расстоянии 7 миль показались 2 крейсера и 4 едва видимых миноносца.

В 12 часов дня эскадра, находясь в $\phi 34^{\circ}2' N$ и $L = 129^{\circ}42' O$, изменила курс $NO 23^{\circ}$.

Положение ее в это время было следующее: она шла в одной кильватерной колонне, имея справа от себя «Жемчуг», «Изумруд» и 4 миноносца, а на правую раковину ко-

¹ Донесение старшего офицера «Орла». Документы. Отд. IV, кн. 3, вып. 3, стр. 514.

² Документы. Отд. IV, кн. 3, вып. 3, стр. 610.

³ О. В. Д. на море в 37—38 гг. Мейдзи, т. IV, стр. 101.

⁴ Донесение старш. офицера «Орла». Документы. Отд. IV, кн. 3, вып. 3, стр. 514.

лонны — транспорты с разведочным отрядом в хвосте и 2-й отряд миноносцев. «Владимир Мономах» шел справа от транспортов.

Ход сосредоточения японцев до полдня 14 мая

Ход сосредоточения неприятеля до полдня был следующий. 5-й боевой отряд (в.-адм. Катаока и младший флагман к.-адм. Такетомо) ночевал в заливе Озаки и, выйдя с получением телеграммы «Синано-Мару» в море (по русскому времени около 9¹/₂ часов утра), в 7¹/₂ милях на StO от мыса Коозаки увидел нашу эскадру и следовал с левой ее стороны, впереди ее траверза, то появляясь, то скрываясь в тумане. 6-й боевой отряд к.-адм. Того Масамичи ночевал в заливе Озаки в составе «Сумы», «Чиода» и миноносцев и, выйдя в море, призвал к себе телеграммой «Акицусиму» и «Идзуми», бывшие в передовой сторожевой цепи.

Близ мыса Коозаки он встретился с 5-м боевым отрядом. В 9³/₄ часов к нему присоединился «Акицусима». Оба отряда держались в связи с нашей эскадрой, и около полдня «Сума» и «Чиода» были усмотрены с нашей эскадры. Адмирал Рожественский принял «Суму» за «Чихая»¹.

«Идзуми», наблюдая за нашей эскадрой, держался позади правого ее траверза. Получив телеграмму своего адмирала «присоединиться», кап. 1 р. Исида, командир «Идзуми», не исполнил этого приказа, но остался на своем наблюдательном посту, на что позднее и получил приказание своего адмирала. Сверх наблюдения за нашей эскадрой он предупредил два своих транспорта о приближении нашей эскадры и удалил их с ее пути.

3-й боевой отряд (в.-адм. Дева) ночью находился близ острова Сиросе и, получив телеграмму «Синано-Мару», разыскал нашу эскадру по указаниям «Идзуми» в 10 часов 15 минут на S от Коозаки в 15 милях и держался слева от нее. К полдню он находился в расстоянии около 5 миль впереди нее.

¹ Документы. Отд. IV, кн. 3, вып. 3, стр. 610 и О. В. Д. на море в 37—38 г. Мейдзи, т. IV, стр. 94.

Адмирал Того с 1-м и 2-м (в.-адм. Камимура) и 4-м (Уриу) боевыми отрядами находился в полдень в 10 милях к северу от о-ва Окиносима и в 30 милях от нашей эскадры.

Получив донесение от в.-адм. Катаока, что русская эскадра находится в 12 милях к северу от острова Вакамия (провинции Ики) и идет на NOIO, он направился на встречу нашей эскадре. С ним идут истребители 1-й и 2-й эскадр (1, 2, 3 и 5-й отряды, по 4 миноносца, всего 16), а миноносцы, плавание которых затруднительно вследствие большой волны, скрываются в заливе Миура.

4-й отряд истребителей, назначенный на сторожевую службу вместе с 3-м боевым отрядом, за свежестью погоды ночевал в заливе Озаки.

Получив известие о появлении нашей эскадры, отряд этот вышел в море.

Около 8¹/₂ часов утра он увидел нашу эскадру и, поместившись впереди, шел в 3—4 милях от нее. К югу от Цусимы он встретился с 5-м боевым отрядом Катаока. Его появление и вызвало вышеупомянутый сигнал «тревога» нашего адмирала.

10-й и 15-й отряды миноносцев держались при 6-м боевом отряде (Того Масамичи). 11, 20 и 17-й отряды укрылись по приказанию в.-адм. Катаока от свежей погоды у мыса Коозаки. В полдень японские крейсера начали собираться к N, к адмиралу Того.

Командующий нашей эскадрой начал теперь ожидать близкой встречи с главными силами неприятеля.

Была ли возможность 2-й эскадре проскользнуть незамеченной?

Оставим на время оба флота и рассмотрим, какво могло бы быть положение эскадры, если бы наши госпитальные суда не несли огней. Как известно, «Синано-Мару» нашел нашу эскадру только благодаря этим огням; не будь их, наша эскадра пересекла бы линию японских разведчиков благополучно и не была бы усмотрена японцами, по всему вероятно, ранее, чем приблизилась к

южному входу в Цусимский пролив, где крейсировали японские сторожевые суда и где наша эскадра была бы замечена и с береговых наблюдательных постов. Это было бы около 10 часов утра. На передачу телеграммы, съемку с якоря и выход в море из Мозампо адмиралу Того потребовалось бы более двух часов (в действительности потребовалось более трех), в таком случае встреча флотов при благоприятных для японцев обстоятельствах и при 10-узловом ходе нашей эскадры, а японской — 15 произошла бы где-нибудь севернее Цусимы около 6 часов вечера, т. е. близко к сумеркам; при таких обстоятельствах были шансы, что за этот день ничего серьезного бы не произошло, но японцы, по всему вероятно, настигли бы и разбили нашу эскадру близ Мацусимы в С. Японском море.

Другое дело, если бы адмирал Рожественский, войдя в Цусимский пролив, дал ход в 11—12 узлов.

В таком случае наша эскадра имела шансы не быть настигнутой японцами в этот день вовсе, а если под вечер она позаботилась бы отогнать от себя разведчиков, то за ночь имела шансы и вовсе ускользнуть от наблюдения. Наиболее благоразумным решением адмирала Того, если бы он к утру следующего дня не открыл нашей эскадры, было бы идти прямо к Владивостоку большим ходом и ожидать там нашу эскадру.

Трудно сказать, было ли бы выгоднее для адмирала Рожественского пересечь линию японских разведчиков не в 3-м часу ночи, как он ее пересек, а часов на 5—6 ранее, например, в 10 часов вечера. К 7 часам утра, когда стало светло и мгла достаточно разошлась, даже при 12 узлах хода, которые могла держать, хотя с трудом, вся его эскадра, он был бы еще в южной половине Цусимского пролива и, вероятно, был бы замечен в один из просветов мглы либо с японских сторожевых судов, державшихся близ мыса Коозаки, либо с островов Цусимы, Ики или Окиносимы. В таком случае японские главные силы настигли бы его в северной части пролива около полдня. Его мог спасти лишь туман. Рассчитать заранее

свой проход сквозь передовую линию разведчиков именно в 10 часов вечера было невозможно. Теоретически можно было ожидать, что линия эта расположена миль на 30 южнее, например, от SW-й оконечности Кельпарта на остров Месима или несколько севернее. Тут мог быть лишь слепой случай. Мы касаемся этого вопроса только ввиду тех упреков, которые сыпались на ген.-ад. Рожественского за выбранное им время прорыва. Заметим, что если бы адмирал Рожественский пересек передовую сторожевую линию японцев еще ранее часа на три или более, т. е. до 7 часов вечера накануне, или же часа на 3 позднее, а также если бы сторожевая линия японцев была расположена южнее, то при проходе ее эскадрой было бы настолько светло, что наша эскадра была бы открыта.

Возвратимся теперь к адмиралу Рожественскому.

Курс *NO 23°*. Перестроение

«В 12 часов 5 минут, — доносит он морскому министру, — эскадра, считая себя против середины восточной части Корейского пролива, взяла курс *NO 23°*. Вследствие этого поворота эскадры влево 4 легких неприятельских крейсера приблизились к нашему курсу с левой стороны, а отряд со старыми крейсерами¹ оказался уже на правой стороне и почти совсем закрылся. Оба эти отряда продолжали медленно уходить вправо и удаляться.

Стремление всех японских крейсерских отрядов уйти к северу в обход эскадры заставляло думать, что с севера же наиболее вероятно появление и их главных сил. Предполагая, что крейсера неприятеля сообщают в точности командующему флотом все подробности о нашем строе и что он может принять решение начать бой, сближаясь в строе фронта с нашей кильватерной колонной, я считал полезным перестроить эскадру во фронт, пользуясь тем временем, когда неприятельские крейсера удалятся. Око-

¹ 5-й боевой отряд в.-адм. Катаока.

ло 12 часов 20 минут, когда и легкие крейсера неприятеля стали густо заволакиваться, я приказал поднять сигнал 1-му и 2-му отрядам броненосцев повернуть последовательно на 8 R вправо, предполагая затем вытянуть оба отряда на перпендикулярном курсе, повернуть всем вдруг на 8 R влево и заставить 3-й отряд прибавить хода и построить фронт влево, как это практиковалось эскадрой.

С подъемом сигнала головной «Суворов» начал вращать вправо. Он не успел еще повернуть на 8 R, как легкие крейсера неприятеля снова открылись из мглы, но уже не под острым углом, а идущими курсом вправо, перпендикулярным нашему.

Не желая преждевременно показывать неприятелю перестроение, я приказал поднять 2-му отряду «отменительный», а когда первый отряд почти вытянулся на перпендикулярный курс, повернул с ним последовательно на 8 R влево¹. В это время легкие крейсера неприятеля, которые приближались было к нам вследствие перемены курса на перпендикулярный к нашему, повернули вдруг на 8 R влево и в строе фронта начали увеличивать расстояние... Так как фронт крейсеров неприятеля оставался в виду эскадры, то я оставил 1-й отряд броненосцев отдельной колонной, соображая, что построение фронта, если таковой понадобится, может быть исполнено быстро, одновременным поворотом 1-го и 2-го отрядов последовательно на 8 R вправо, потом поворотом «всем вдруг» на 8 R влево и развертыванием в то же время 3-го отряда влево. К тому же нахождение 4 более быстроходных броненосцев в отдельной колонне, представляя выгоды для построения фронта, не являлось препятствием и для быстрого перехода 1-го отряда в голову левой колонны, если бы, смотря по строю неприятеля, эскадре потребовалось быть не во фронте, а в кильватере².

Командиры броненосцев, следовавших за «Суворовым», не поняли перемены намерения адмирала, поэтому «Бородино» начал было поворот влево, как при сигнале

¹ Это было в 12 часов 30 минут.

² Документы. Отд. IV, кн. 3, вып. 3, стр. 611—612.

«всем вдруг», но вскоре вступил в кильватер «Императору Александру III»¹.

Итак, адмирал Рожественский предполагал было встретить японскую эскадру в строе фронта, а 3-й отряд — в строе кильватера на левом фланге. Едва ли выгодно встречать в таком строе неприятеля, идущего контракурсом. При таком построении правый фланг нашей эскадры был в опасности, и неприятельской эскадре как бы даром давалось выгодное положение на нашем фланге. На такую невыгодную сторону строя фронта давно уже указывал еще французский адмирал Fourmier². Притом маневрирование в строе фронта вообще много труднее, чем в кильватерной колонне, и строй фронта, по свидетельству самого начальника эскадры, был для нее «камнем преткновения», а по свидетельству кап. 2 р. Семенова, легко обращался в «строй безобразной кучи».

Ожидать, что японская эскадра встретит нашу в строе фронта, не было никаких оснований. Японцы сражались эскадрой уже несколько раз и ни разу не применяли строя фронта при встрече с неприятелем.

Причина, побудившая адмирала Рожественского отказаться от первоначальной мысли, которую он приводит,

¹ Флаг-офицер адмирала Рожественского мичман Демчинский описывает этот момент так: «Около 12 1/2 часов дня первый броненосный отряд, повернул на 8 R вправо последовательно, и затем должен был повернуть на 8 R влево вдруг, но в подъеме сигнала произошла ошибка, и был поднят сигнал на передней мачте о последовательном повороте. Несмотря на то что на задней мачте поднят сигнал о повороте вдруг и флаг Р на левом ноке, «Александр III» повернул последовательно, чем сбил «Бородино» и «Орел», которые начали поворот вдруг. (Донесение Демчинского. Документы. Отд. IV, кн. 3, вып. 1, стр. 47). Из донесения адмирала Рожественского мы видим, что это было не так. Адмирал просто передумал во время маневра. На задней мачте был поднят не сигнал о повороте вдруг и флаг Р, а позывные 2-го отряда и флаг Ф (отменительный), который по некоторому сходству цветов мог быть принят мичманом Демчинским за Р. Это ясно видно также из вахтенного журнала крейсера «Жемчуг». Сравни также показания лейтенанта Славинского и мичмана Щербачева («Орел»). Таким образом, сведение о якобы предполагаемой ошибке «Императора Александра III» неверно.

² Другое дело — принять преследование в строе фронта, на что указывал в своей брошюре лейт. Хлодовский.

лишний раз указывает на ту пассивную роль, которую он на себя принял: неприятельские крейсера были в виду, поэтому он решил, для окончательного построения своего боевого порядка, ждать, пока они сами не уйдут, и не предпринял ничего, чтобы их отогнать. Между тем всего два часа тому назад нескольких мгновений артиллерийского огня было достаточно, чтобы отогнать японские крейсера от эскадры.

По некоторым воспоминаниям офицеров, спрашивавших адмирала о причине его отказа от строя фронта, он только безнадежно махал рукой, указывая на неумелость в эволюциях своей эскадры.

Итак, эскадра наша вновь оказалась в строе двух кильватерных колонн. Правая колонна уменьшила на время ход и выровнялась с левой головами. «Изумруд» шел на правом траверзе «Ослябя», миноносцы следовали между колоннами, «Жемчуг» — правее «Суворова». Относительно расстояния между колоннами показания очень расходятся. Адмирал Рожественский в своем показании следственной комиссии категорически настаивает, что оно было 8 кабельтовых. Другие участники боя показывали его весьма разнообразно — от 7—20 кабельтовых¹. По-видимому, оно было между 10—15 кабельтовых.

Такое разнообразие показаний объясняется тем, что свидетельства эти давались спустя много времени после боя и всех последующих за ним переживаний и потрясений. Адмирал Рожественский в своем показании следственной комиссии с горечью высказывал, что расстояние в 15 кабельтовых между колоннами, указанное в статье

¹ Адмирал Рожественский показывал, что расстояние это образовалось двумя последовательными поворотами 1-го бронен. отряда, причем второй поворот был начат головным в то время, как концевой броненосец заканчивал свой первый поворот, причем броненосцы имели промежутки в 2 кабельтова. Приведем другие показания: Небогатов — 7 каб.; фл. штурман Филипповский — 8 каб.; лейтенант Максимов («Ушakov») — 6—8 каб.; Славинский («Орел») — 14 каб.; Щербачев («Орел») — 15—20 каб.; Овандер («Сисой Великий») — 17 каб.; кап. 2 р. Шведе («Орел») — 15 каб.; Казмичев («Ослябя») — 20 каб.; кап. 2 р. Ведерников («Имп. Ник. I») — 20 каб., измеренные призмой Биеля.

справочной книжки Великого Князя Александра Михайловича, есть последствие предвзятого враждебного к нему отношения ее автора Н. Л. Кладо.

Между тем мы видим, что эту цифру и даже большую давало большинство участников боя, один из коих, кап. 2 р. Ведерников (бр. «Имп. Николая I»), определил это расстояние в 20 каб., измерив его, правда, весьма ненадежным способом: призмой Биеля, служащей подсобным средством глазомеру. Между тем лицо, наиболее враждебно настроенное к адмиралу Рожественскому, бывший к.-адм. Небогатов, дал в своем показании 8 кабельтовых. Весьма вероятно, первоначальное расстояние могло быть близким 8 кабельтовым, но затем оно могло возрасти от неточного соблюдения курса. Сверх того, «Ослябя» вскоре после перестроения описал координат и уклонился со своей колонной влево, обходя место, по которому прошла джонка, пересекая курс эскадры ему под нос и затем под корму «Орлу», опасаясь мин, которые эта джонка могла подбросить.

Сосредоточение Того к месту боя. Его план

Перейдем теперь к действиям адмирала Того. Как уже сказано, в полдень 1, 2 и 4-й отряды его (Того, Камимура и Уриу) находились в 10 милях севернее острова Окиносима.

«Несмотря на туманное утро, так что далее чем за 5 миль ничего не было видно, — доносит адмирал Того, — и несмотря на то, что неприятель был от меня на расстоянии 20 миль, я тем не менее имел совершенно точное представление о том, что происходит. Хотя я и не видал еще неприятеля, но я знал, что неприятельский флот состоит из всех судов 2-й и 3-й Балтийских эскадр и что этот флот сопровождается 7 вспомогательными судами; что неприятельские суда построены в две кильватерные колонны; что их сильнейшие суда находятся в голове правой колонны, а вспомогательные суда в той же колонне в кильватере

у них; что неприятель идет на северо-восток со скоростью около 12 узлов и т. д.»¹.

Как видно, Того был достаточно осведомлен о нашем флоте. Из его донесений не видно, знал ли он своевременно о перестроениях нашей эскадры сперва в одну колонну, а потом опять в две; но так как японские крейсера во время последнего перестроения нашей эскадры в две колонны приблизились к нашей эскадре (в строй фронта около 12 часов 25 минут), то можно предположить, что адмирал Того получил от них подтверждение, что эскадра находится именно в этом строю. Сведения о скорости нашей эскадры были неверны. Она шла не 12, а 9 узлов. Это можно объяснить себе тем, что разведчики из осторожности показывали большую скорость, так как при сближении с неприятелем безопаснее ошибаться в большую сторону хода неприятеля, чем в меньшую.

«На основании всех этих сведений я решил напасть на неприятеля со своими главными силами около 2 часов дня около Окиносима, и притом нападение вести на головные суда левой колонны»².

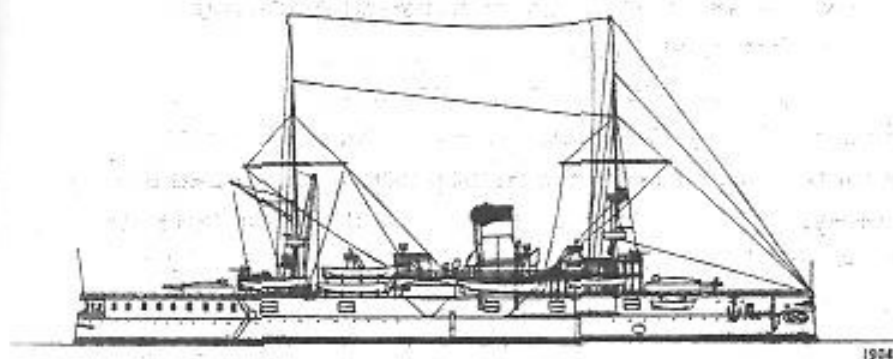
С этой целью адмирал Того направился к *W*. Около часу дня на *NOtN* им был усмотрен 2-й боевой отряд (Дева), спустя немного на *W* показались 5-й (Катаока) и 6-й (Того Масамичи) боевые отряды. В 1 час 23 минуты, наконец, вдалеке показалась русская эскадра.

Увидев нашу эскадру, Того лег с 1-м и 2-м боевыми отрядами на *NW 34°*. Крейсерские отряды 3, 4, 5 и 6-й легли на *N* и затем, несколько удалившись, направились в обход нашей эскадры, проходя к *W*-у от нее (оставляя ее влево от себя), с целью атаковать находившиеся при нашей эскадре в арьергарде транспорты и крейсера.

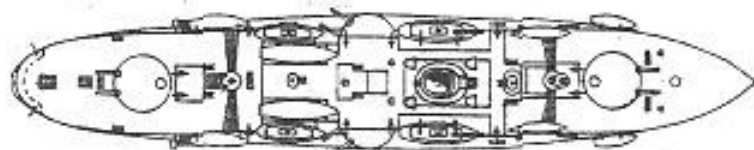
План Того, объявленный им эскадре, был таков: он лично с 1-м и 2-м отрядами атакует голову нашей эскадры, наседая на нее слева, крейсера атакуют наши транспорты и крейсера, обходя их с тыла. Расчет был верный. Наши броненос-

¹ Документы. Отд. IV, кн. 3, вып. 3, стр. 634.

² Там же.



1904



цы, желая прикрыть находящиеся при них суда вспомогательного назначения, принуждены будут уклоняться вправо и сбиваться в кучу. Во весь предыдущий период кампании наш флот действовал пассивно. Можно было ожидать такого же образа действий и теперь, тем более что забота о транспортах и находящихся при них крейсерах принуждала нашу эскадру к этому. Самое расположение нашей эскадры — крейсера в тылу при транспортах — указывало на пассивный характер действий нашего адмирала.

Встреча главных сил обеих эскадр

Адмирал Рожественский усмотрел главные силы японцев около 1 1/4 часа дня, румба на три от своего курса, шедшие влево курсом, по-видимому, перпендикулярным его курсу. 1-й отряд броненосцев тотчас же (в 1 час 20 минут дня) увеличил ход до 11 узлов и склонился «всем вдруг» румба на 4 влево, чтобы выйти в голову левой колонны и выстроить с нею одну кильватерную колонну. В 1 час 25 минут он сделал сигнал крейсерам: «Прошу держать правее» — и 2-му отряду: «Вступить в кильватер 1-го отряда»¹.

¹ Момент по вахтенному журналу «Жемчуга».

В 1 час 49 минут адмирал Рожественский повернул на курс *НО 23°*, «считая, что не дошел до створа мачт «Ослябя» сажен на 10—15» (показание адмирала Рожественского следственной комиссии).

В действительности, как это видно из донесений и показаний чинов, находившихся близ «Орла» и «Сисоя Великого» (заднего мателота «Ослябя»), концевой корабль 1-го отряда «Орел» был в это время несколько правее «Ослябя», и этому последнему пришлось уменьшить ход и даже застопорить машину и описать координат вправо, чтобы вступить в кильватер. Задние мателоты набежали на «Ослябя», и одно время промежутки между «Сисоем Великим» и «Ослябя» уменьшались до 25 сажен.

Адмирал Того увидел нашу эскадру тоже около 1 1/4 часа дня (в 1 час 30 минут по японскому времени). Расположение наших судов приблизительно соответствовало его предположениям. Он отдал приказ начать бой и поднял сигнал: «Судьба Империи зависит от этого боя. Сделайте все, что можете (каждый из Вас)».

Его первый отряд («Микаса», «Фудзи», «Сикисима», «Асахи», «Касуга» и «Ниссин») шел во главе, и 2-й отряд в.-адм. Камимуры («Идзумо», «Асама», «Токива», «Адзума», «Якумо», «Ивате») следовал за ним несколько правее. Адмирал Того некоторое время шел на *SW*, «чтобы возбудить мысль у неприятеля, что мы пройдем на параллельном ему курсе» (контрагалсом):

Адмирал Того пересек курс нашей эскадры и, находясь в 4 румбах впереди левого траверза «Суворова» в расстоянии 32 кабельтовых, начал поворот на *15 R* влево, описывая своей эскадрой петлю и ложась с курса *SW 56°* на курс *НО 67°* — почти параллельно нашей эскадре, и «стал нажимать на неприятельские головные части» (выражение

¹ «Неприятельский флот шел двумя кильватерными колоннами, имея в голове правой колонны четыре сильнейших броненосца типа «Бородино», а в голове левой колонны — броненосцы «Ослябя», «Сисой Великий», «Наварин» «Нахимов». За ними шли «Император Николай I» и три броненосца береговой обороны». Документы. Отд. IV, кн. 3, вып. 3, стр. 635.

² Там же.

донесения адмирала Того). Отряд Камимура уклонился сперва несколько вправо и затем последовал движению Того, описывая такую же петлю.

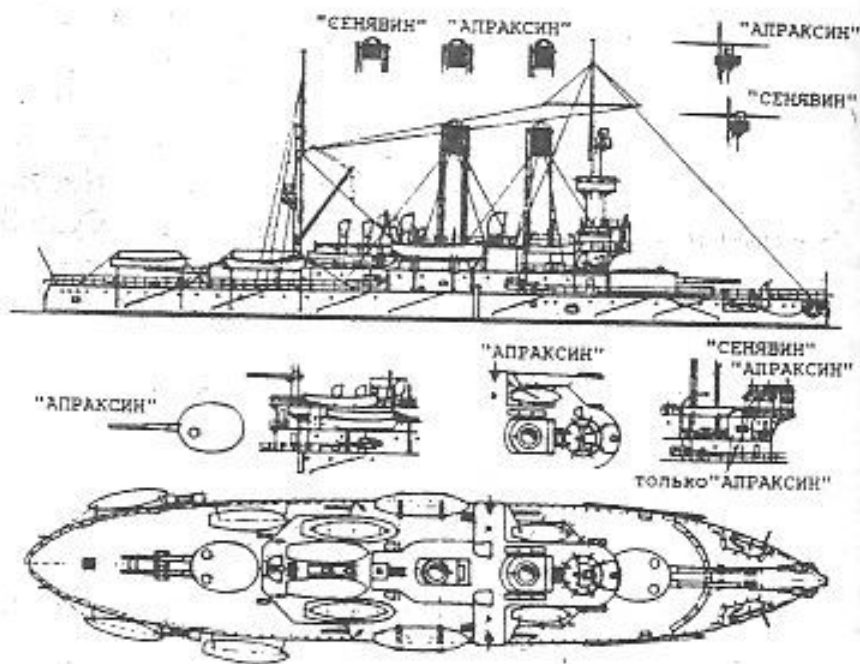
Поворот этот был полной неожиданностью для нашей эскадры и притом неожиданностью, принятой с радостью, так как для всех была очевидна та опасность, которой подвергал свою эскадру адмирал Того, делая последовательный поворот в пределах огня почти всей нашей эскадры, причем значительная часть артиллерии его судов осуждена была на продолжительное бездействие. При этом оказалась неподвижная точка поворота, через которую в течение свыше 10 минут должны были пройти последовательно все 12 японских кораблей. По этой точке было сравнительно легко пристреляться. Такую же радость, вероятно, испытывали и офицеры адмирала Вильнева под Трафальгаром, когда увидели, что Нельсон спускается на их флот двумя колоннами, подставляя свои корабли последовательно продольным залпам французов, тем продольным залпам, которые считались столь губительными для прежних кораблей и отвечать на которые английские корабли не могли ранее, чем пересекая французскую линию¹.

Но расчеты обоих адмиралов, Нельсона и Того, были аналогичны, и оба адмирала пожали неисчислимы плоды своей разумной отваги.

Открытие огня

Адмирал Рожественский поспешил использовать выгоду положения своей эскадры. Почти тотчас, в 1 ч 49 минут, последовал первый выстрел с «Суворова» по «Микаса», а затем открыли огонь и все следовавшие за ним наши суда, кроме 3-го броненосного отряда, который

¹ Прежние линейные корабли имели всю артиллерию расположенной вдоль борта с весьма малыми углами обстрела. По носу и по корме огня почти не было (2—4 пушки). Залпы противника, при которых масса чугуна проносилась вдоль палуб корабля, занятых множеством артиллерийской прислуги, вели к огромным потерям в людях.



Броненосцы береговой обороны типа "АДМИРАЛ УШАКОВ"

считал себя слишком далеко от неприятеля. Никакой при- стрелки, вопреки приказу адмирала Рожественского от 10 января за № 29¹, «Суворовым» произведено не было, и стрельба оказалась в достаточной мере беспорядочной. «Внезапность» сыграла свою роль. Крайне напряженные нервы нашей эскадры не выдержали, и желание действовать быстро повлекло к торопливости.

По свидетельству многих участников боя, адмирал Рожественский, открывая огонь, поднял сигнал «1», что должно было значить указание цели: «Головной (первый) корабль неприятеля». По смыслу приказа по 2-й эскадре от 10 января за № 29, сигнал должен был касаться только 1-го броненосного отряда. Так понимал этот приказ адмирал Рожественский (показания адмирала Рожественского следственной комиссии, п. 34), который утверждал, что «сигнала сосредоточить огонь на одном головном неприятельском корабле не давал. Свобода выбора цели представлялась командующим отрядами, и уже корабли

¹ А. В., шк. 1, д. 199, стр. 221.

каждого отряда стреляли по цели, обстреливаемой их адмиралом».

Из показаний участников боя можно заключить, что суда 1-го броненосного отряда открыли огонь по «Микаса»; 2-го — по хвостовым броненосцам Того («Касуга» и «Нисин») и по головным крейсерам Камимурэ. Суда 3-го отряда стреляли частью по этим же судам, частью по «Микаса». По общему свидетельству, стрельба была беспорядочной.

Японцы, делая свой поворот, открывали последовательно огонь: головные четыре — по «Суворову», а последующие шесть — по «Ослябя», а два хвостовых, «Асама» и «Ивате», — по «Императору Николаю I», и затем, продвинувшись далее, разделили его так, что головные суда отряда Того стреляли по «Суворову», а прочие — по «Ослябя».

«Японцы пристреливались минут около 10, — доносит ген.-ад. Рожественский. — Сначала попадали только осколки и брызги от разорвавшихся об воду снарядов, но уже в 2 часа неприятель стал непрерывно попадать, тогда как мы стреляли нехорошо».

Судя по показаниям других участников, по «Ослябя» они пристрелялись быстро. «Мы почти наскочили на «Ослябя», — показывает старший офицер «Сисоя Великого», кап. 2 р. Ивков, — и ясно видели, как масса снарядов рвалась об его борт и разрушала все надстройки».

Адмирал Рожественский считал, что начальный маневр его, которым он ввел в бой свою эскадру, был, в общем,

¹ В 1 час 52 минуты «Микаса» с расстояния 6500 м выпустил первый снаряд в головной корабль правой колонны «Суворов». Последующие суда, вступая на новый курс, также открыли огонь, а именно: «Сикисима» в 1 час 52 минуты с расстояния 6800 м открыл огонь по «Суворову»; «Фудзи» в 1 час 53 минуты по «Суворову» с 6200 м; «Асахи» в 1 час 53 минуты — по «Суворову» с 7000 м; «Касуга» в 1 час 53 минуты — по «Ослябя» и «Нисин» в 1 час 56 минут — по «Ослябя» с 7000 м; в 1 час 57 минут: «Идзума» — по «Ослябя» с 8000 м; «Адзума» — по «Суворову» с 6000 м; «Токива» в 1 час 59 минут с 5500 м — по «Ослябя»; «Якумо» в 2 часа 9 минут с 5400 м — по «Ослябя»; «Асама» и «Ивате» в 2 часа 4 минуты — по «Имп. Николаю I» с расстояния 6800 м (О. В. Д. на море 37—38 гг. Мейдзи, т. IV, стр. 87 и 94).

² Документы. Отд. IV, кн. 3, вып. 1, стр. 107.

правилен. Вот как он показывает об этом следственной комиссии, говоря о положении своей эскадры в момент открытия огня «Суворовым», когда 1-й отряд лег на курс впереди 2-го и 3-го:

«В настоящее время, по-видимому, выясняется, что броненосец «Орел» (4-й в 1-м отряде) при вышеизложенном построении, оттянувшись в 1 час 49 минут, находился не на своем месте, а за правым бортом «Ослябя». Я не имею права этого оспаривать. Может быть, «Орел» и оттянулся по своей вине или по вине третьего в строю (второй номершел за «Суворовым» на безупречном расстоянии). Если это верно, то, значит, к моменту моего первого выстрела я ввел в бой не 12 кораблей, а только 11. Необходимо, однако же, иметь в виду, что, когда с «Суворова» сделан был первый выстрел по броненосцу «Микаса» с расстояния в 32 кабельтовых, тогда «Микаса» был менее одного румба впереди траверза «Суворова»; а так как длина строя трех отрядов броненосцев второй эскадры должна была составлять 2,8 мили, то от концевой мателота в третьем отряде до броненосца «Микаса» расстояние должно было быть не более 42 1/2 кабельтовых. Таким образом, я ввел в бой вторую эскадру в строю, при котором все мои броненосцы должны были иметь возможность стрелять в первые моменты по головному японской линии с расстояния прицельной их досягаемости для главных калибров. Не по причине моей сообразительности, а по оправдавшейся вполне самонадеянности, а может быть, и по ошибочному расчету японского адмирала в момент первого выстрела с «Суворова» один только броненосец «Микаса» успел уже лечь на курс параллельный или несколько сходящийся с курсом второй эскадры. Из прочих же японских броненосцев два разворачивались вслед за «Микасой», а остальные девять еще не подошли к точке последовательного поворота и лежали по отношению ко второй эскадре за «Микасой» носом в SW-ю четверть. Поэтому точка, в которой находился «Микаса» в момент первого выстрела с «Суворова» и в которую по-

¹ «Император Александр III».

следовательно приходили вслед за «Микасой» еще одиннадцать японских броненосцев, оставалась под выстрелами всей второй эскадры (под так называемым первым ударом ее) столько времени, сколько потребовалось японской линии, длиной в 2,8 мили, чтобы пробежать через эту точку. Если признать, что японцы циркулировали даже с огромной скоростью в 16 узлов, то на пробег 2,8 мили им потребовалось не менее 10 минут. А за эти 10 минут наша эскадра все же продвигалась вперед со скоростью хотя бы в 9 узлов. Значит, и концевой нашего 3-го броненосного отряда мог продвинуться по курсу *NO 23°* на 1,5 мили, и, следовательно, его расстояние до точки, в которую один за другим приходили японские корабли, могло непрерывно уменьшаться до 35 кабельтовых, причем в эту точку могли бы быть наводимы все орудия левого борта с эскадры и все башни с орудиями больших калибров. Очевидно, по обстоятельствам, хотя и не от меня зависящим, первый удар нашей эскадры был поставлен в необычайно выгодные условия...

Выгода этого расположения нашей эскадры должна была сохраниться от 1 часа 49 минут до 1 часа 59 минут или несколько долее, если скорость японцев на циркуляции была менее 16 узлов¹. Но без сомнения наша неспособность воспользоваться этой выгодой лежит всецело на моей ответственности: я виноват и в дурной стрельбе наших судов, и в том, что она не удержалась так, как я им предоставлял возможность держаться².

Было ли исходное положение нашей эскадры столь блестяще, как это казалось адмиралу Рожественскому, и на чем он настаивал даже после зрелого обсуждения обстоятельств дела через год после боя?

Линия его действительно была развернута во всю длину, кроме одного корабля, против свернутой линии про-

¹ По японскому источнику, поворот этот длился 15 минут (с 2 часов 5 минут до 2 часов 20 минут по японскому времени). О. В. Д. на море в 37—38 гг. Мейдзи, т. IV, стр. 94.

² Показания адм. Рожественского следственной комиссии о Цусимском бое.

тивника. Но середина этой линии и почти весь хвост были неподвижны. Это произошло потому, что перестроение, предпринятое адмиралом в последнюю минуту перед боем, не было закончено.

В этом нельзя, вопреки мнению адмирала, отрицавшего это далее в своем показании, сомневаться. Правда, эскадра уже почти вытянулась в одну колонну, и только два корабля ее середины не вышли еще один из-за другого («Орел» из-за «Ослябя»). Но тот факт, что вследствие этого весь хвост эскадры принужден был задержать свой ход и даже остановиться, остается фактом.

Трудно не согласиться с мнением одного из ближайших свидетелей того замешательства, в котором находились 2-й и 3-й броненосные отряды в первый момент боя. Лейт. броненосца «Сисой Великий» Овандер говорит:

«Адмирал, очевидно, хотел стать во главе нашей колонны, а потому он стал описывать координат влево. Вследствие того, что разность хода была 2 узла, то 1-й броненосный отряд уходил вперед очень медленно, а так как бой уже начался, то командир эскадренного броненосца «Ослябя», желая, очевидно, помочь поскорее выстроиться, то есть дать выйти вперед 1-му броненосному отряду, сперва уменьшил ход, а потом сейчас же за этим застопорил машины. Мы шли почти в 2 кабельтовых в кильватере эскадренному броненосцу «Ослябя», и расстояние вдруг стало сильно уменьшаться, так что почти моментально были переведены ручки машинного телеграфа с полного хода на средний, со среднего на малый и, наконец, на стоп-машина. Расстояние между судами нашей колонны сделалось из-за этого сразу около полукабельтова. Произошел этот маневр в продолжение, может быть, не больше двух минут, так как прямо видно было, как мы стали насадать на броненосец «Ослябя». Эскадренный броненосец «Ослябя» изменения хода и остановку машин нам ничем (сигналом, семафором, шарами и проч.) не показал. Сколько времени мы стояли в куче с застопоренными машинами и шли затем малым ходом — не помню. 1-й броненосный отряд не описал координат влево до конца, а потому, когда он

выстроился, то был на несколько кабельтовых вправо от нас, вследствие чего эскадренный броненосец «Ослябя» стал описывать координат вправо, чтобы вступить в кильватер 1-му броненосному отряду. Следуя эскадренному броненосцу «Ослябя», мы стали тоже описывать координат вправо; пока наш отряд стоял, затем шел малым ходом и описывал координат вправо, он был страшно поражаем огнем неприятеля, попадания которого были прямо удивительны. Это перестроение и было причиной гибели эскадренного броненосца «Ослябя»...»¹.

Другие офицеры с «Сисоя Великого» и задних его мателотов показывают почти то же:

«Японцы, увидев, что ближайший к ним русский флагманский корабль, представлявший при этом своим высоким корпусом весьма крупную цель, стоял почти на месте, избрали его своей целью для стрельбы. Его неподвижность, а также и неподвижность точки поворота их линии, через которую они последовательно проходили и с которой открывали свой огонь все их броненосцы, а затем через другую неподвижную же точку и все их броненосные крейсера, дали возможность быстрой и точной пристрелки и меткого огня».

Вот в чем и заключается причина роковых последствий незаконченного перестроения эскадры, а не в большей или меньшей степени равнения нашей линии, которое не играло в данном случае никакой роли.

Адмирал Рожественский ошибается также и в оценке расстояния хвоста своей эскадры от неприятельской. Показания офицеров 2-го и 3-го отрядов сходились на том, что 2-й отряд отстоял от неприятеля в момент начала боя на 40 с лишком кабельтовых, а 3-й — на 50, вследствие чего этот последний мог открыть огонь только несколько минут спустя после начала боя.

Из показаний адмирала Рожественского следственной комиссии видно, что он полагал, что «единственно правильной тактикой второй эскадры для нанесения сколько-

¹ Документы. Отд. IV, кн. 3, вып. 3, стр. 111—112.

нибудь чувствительного вреда японцам главными силами было соединенное действие наших броненосных отрядов в возможно тесном строю и только захождение по мере необходимости концевой отряда для действия из фронта или пеленга, хотя бы и неправильного, по хвосту забегающей в нашу голову японской эскадры».

Казалось, что было бы совершенно правильным, если бы подчиненные адмиралу Рожественскому флагманы, проникшись этой идеей адмирала, которая, по-видимому, им не была в достаточной степени внушена или вовсе не была ими усвоена, вместо того чтобы толочься на месте, воспользовались вынужденной заминкой на месте середины и хвоста эскадры и выстроили, начиная с «Ослябя», более или менее отлогий пеленг в хвосте первого отряда. Если они не делали этого сами, то была полная возможность приказать сделать это сигналом. Вместо этого адмирал Рожественский, который не заметил, правда, что 2-й и 3-й отряды насаждают на 1-й, когда ему *показалось, что «Ослябя» стоит не на створе мачты «Суворова», а несколько левее, сажень на 10—15*, приказал поднять сигнал «2-му отряду быть в кильватере 1-го». Увлечшись мелочным равнением своей эскадры, он забыл сам о своей идее и, во всяком случае, пресек возможность инициативы в этом направлении своему младшему флагману, если бы такая инициатива возникла.

1-й броненосный отряд наш поступил, конечно, правильно, открыв огонь по головному флагману неприятеля; но прочие отряды должны были бы воспользоваться неподвижностью точки поворота японских броненосцев, по коей было сравнительно легче пристреляться, и должны были осыпать залпами неприятельские корабли, проходившие через эту точку. Здесь была слабая точка неприятельского боевого порядка, и ее естественно было выбрать местом нападения.

Как видно из вышесказанного, и с той, и с другой стороны не было вполне организованного сосредоточения эскадренного артиллерийского огня. Японцы имели громадный навык, сноровку и некоторые выработанные приемы

стрельбы, вследствие чего их стрельба была чрезвычайно меткой. Как та, так и другая сторона оценивали расстояние до неприятеля по кораблям довольно разнообразно, что вполне естественно, имея в виду, что расстояние было для дальномеров типа, принятого на обоих флотах (3 1/2 ф. дальномеры Барра и Отруда), близким к пределу их точности. Но японцы имели практику в пристрелке, которой не имели мы, и поэтому для них дальномерное расстояние было достаточно точным, а мы ждали от дальномеров того, чего от них требовать было нельзя. Японские снаряды давали весьма приметные всплески воды, которых не давали наши снаряды, и японцам было легче пристреляться.

Дул свежий WSW, и была крупная волна, так что суда испытывали качку. Порты наветренного борта батарейной палубы то и дело принимали воду, и наводка была затруднительна.

Наши прицелы очень затуманивались от брызг, от копоти бездымного пороха и от дыма неприятельских снарядов; от сотрясения выстрелов они быстро расшатывались. Наши приборы управления артиллерийским огнем скоро перестали работать.

Японский огонь распределялся почти по всем кораблям 1-го и 2-го отрядов и по «Императору Николаю I». Но в течение нескольких минут он был сосредоточен почти исключительно на «Суворове» (4 японских головных броненосца) и по «Ослябя» (8 броненосных крейсеров). Последствием сосредоточения огня по «Ослябя» было то, что этот броненосец получил несколько крупных снарядов в ватерлинии, вблизи носа и сильно накренился на левый борт, имея пламя по всему борту.

«Несмотря на то что значительная часть дерева с наших судов была убрана, его все же оставалось довольно много, и японские фугасные снаряды, взрывы которых развивали очень высокую температуру, произвели ряд пожаров. Горели шлюпки, их рангоут, тенты, настилка мостиков, койки, краска, патроны в беседках и кранцах; на некоторых судах горели палубы. Газы обжигали насмерть людей и были чрезвычайно удушливы. Разрывавшиеся снаряды

давали множество осколков и массу раскаленной металлической пыли. Вентиляторные трубы принимали вместо свежего воздуха ядовитые газы разрывавшихся снарядов. В боевую рубку непрерывно попадали осколки снарядов через просветы, иногда целым дождем мелкие щепки дерева, дыма, брызги воды от недолетов и перелетов. Шум от разрыва и ударов снарядов вблизи боевой рубки и от своих выстрелов заглушал все. Дым и пламя от разрыва снарядов и частые возгорания близких предметов не давали возможности видеть через просветы рубки, что делается кругом. Только урывками можно было видеть иногда отдельные части горизонта. Никаких правильных наблюдений, да еще в желаемом направлении, не было возможности вести». Вот как описывал в своем донесении флаг-капитан адмирала Рождественского Клапье-де-Колонг первые минуты боя¹. Такова же была обстановка и для башенных и плутонговых командиров, и для комендоров.

Расстояние до неприятеля в 2 часа уменьшилось до 28 кабельтовых (по японским источникам, оно было около 5500 метров — 30 кабельтовых). Около 2 часов 5 минут адмирал Рождественский приказал повернуть на 2 R вправо, чтобы не дать неприятелю пристреляться², но в 2 часа 10 минут повернул еще на 4 R вправо.

Сигнальные фалы на «Суворове» в это время были перебиты; в боевой рубке много раненых.

Гибель «Ослябя». Выход из строя «Суворова»

Около 2 часов 20 минут «Ослябя», сильно поврежденный, с разбитыми носовой частью, носовой 10-дюймовой башней и носовым 6-дюймовым казематом, севши носом по канатные клюзы, с креном около 12° на левый борт и пожаром в рострах, вышел вправо из строя; почти одновременно с этим «Бородино» тоже выкатился вправо. Таким образом, «Ослябя», «Бородино» и «Орел»

¹ Документы. Отд. IV, кн. 3, вып. 1, стр. 2.

² Донесение ген.-ад. Рождественского. Документы. Отд. IV, кн. 3, вып. 3, стр. 613.

почти сошлись, и неприятель немедленно сосредоточил сильный огонь по этим трем судам¹. В 2 часа 26 минут «Суворов» перестал слушаться руля, всякая связь которого со штурвалом была нарушена, и он покатился на 16 R вправо. Одновременно был поврежден и телеграф в левую машину, почему и управление броненосцем долго не могло быть установлено.

Около 2 часов 40 минут «Ослябя» опрокинулся в виду всей эскадры; к нему немедленно подошли «Бравый», «Буйный», «Быстрый» и «Свирь», которыми были спасены несколько офицеров и около половины нижних чинов.

Из вышесказанных миноносцев «Быстрый», согласно приказу командующего эскадрой от 10 мая 1905 года за № 243, должен был следить за броненосцем «Суворов»; подойдя к «Ослябя» и занявшись спасением его команды, он упустил из виду «Суворова», который вскоре оказался тоже в беспомощном состоянии и на котором находился начальник эскадры и его штаб, то есть все командование эскадрой.

Миноносец «Бедовый», имевший то же назначение, метался вблизи наших судов; подошел было сперва к месту спасения миноносцами людей с «Ослябя», затем к «Александру III», на котором был пожар, но о своем адмирале забыл, хотя «Суворов» и был виден с миноносца, как показывает шт.-кап. Ильютович², «в виде кузова без мачт и без труб, и от него стлался дым по горизонту».

«Император Александр III», шедший за «Суворовым», вначале следовал за его поворотом, но затем, вероятно, заметил, что «Суворов» катился произвольно, и, перестав катиться за ним, повел за собой эскадру.

«Суворов», описав полную циркуляцию, прорезал строй нашей эскадры позади «Сисоя Великого», который, чтобы избежать с ним столкновения, дал полный ход. «Наварин» же, следовавший за «Сисоем», дал дорогу «Суворову», прокатившись на 12 R влево; в то же время «Жемчуг» проско-

¹ Донесение старшего офицера «Орла», кап. 2 р. Шведе. Документы. Отд. IV, кн. 3, вып. 3, стр. 521.

² Документы. Отд. IV, кн. 3, вып. 1, стр. 236.

чил под носом у «Сисоя», переходя с правой стороны колонны на левую¹.

На «Суворове» к этому времени были сбиты обе стены; ростры, на коих горели 16 шлюпок, были объаты пламенем, которое окружало и боевую рубку; крыша кормовой 12" башни была снесена; многие орудия не могли стрелять из-за повреждений и пожара. Адмирал Рождественский был ранен сперва (в 2 часа 26 минут) в голову, а затем (в 2 часа 40 минут) в ноги. Флаг-капитан был ранен дважды — в шею и голову, и командир (в 2 часа 40 минут) — в голову. Командование броненосцем пришло, следовательно, в полное расстройство, и привести его на курс не удалось. Около 3 часа пребывание в рубке, вследствие пожара вокруг нее, стало невозможным, и адмирала перевели в среднюю левую 6" башню, где он и находился в забытьи. Таким образом, следует считать, что с 2¹/₂ часа дня эскадрой уже больше никто не командовал. Командующий эскадрой был ранен и вскоре впал в беспамятство и никем на «Суворове» не был заменен (флаг-капитан и командир также были ранены). Да и сам «Суворов», по сведениям японцев, уже потерял подобие военного корабля, то есть был совершенно беспомощен. Флагманский корабль 2-го отряда «Ослябя» погиб. Адмирал Небогатов не сделал попытки принять на себя руководства действиями эскадры, и линия броненосцев, согласно приказу ген.-ад. Рождественского от 10 мая 1905 г. за № 243, следовала за оставшимся целым головным кораблем. Японская эскадра продолжала

¹ Показания лейт. Овандер («Сисой Великий»). Документы. Отд. IV, кн. 3, вып. 1, стр. 113). «Жемчуг» затем прошел вдоль нашей эскадры контркурсом и вернулся на левую сторону эскадры, пересекая линию строя 3-го броненосного отряда. После этого он, собираясь вернуться на свое место, справа от «Орла» долго носился большим ходом между нашими крейсерами и транспортами, мешая стрелять нашим крейсерам и броненосцам и, наконец, столкнувшись по дороге с «Уралом», в 4 часа 10 минут успокоился и вступил в кильватер «Владимиру Мономаху».

Свой странный маневр кап. 2 р. Левицкий объясняет тем, что, увидев, что «Суворов» катится вправо, он вообразил, что бой перейдет в контр-агалсовый и что он может очутиться между нашими и неприятельскими броненосцами. (Донесение командира «Жемчуга», кап. 2 р. Левицкого. Документы. Отд. IV, кн. 3, вып. 2, стр. 191).

свое обходное движение, «нажимая», по выражению Того, «на голову нашей эскадры», которая склонялась постепенно вправо. Преимущество хода японской эскадры давало ей возможность, несмотря на такие отклонения, быстро забегать нам в голову. Несомненно, впрочем, что, будь этот заворот вправо более решительным и систематичным, японцы не могли бы зайти нашей эскадре в голову настолько, насколько они зашли. На это у них ходу не могло бы хватить. Попыток сделать поворот всем вдруг на 180°, с тем чтобы проскользнуть в хвост неприятеля, также не было предпринято, да и самая организация нашей эскадры не была приспособлена к такому повороту. В хвосте ее не было флагмана, и хотя хвостовым кораблем («Адмирал Ушаков») и командовал кап. 1 р. Миклухо-Маклай, офицер, сумевший на другой день доказать свою доблесть, но если иметь в виду, что каждый из японских отрядов из 4—6 кораблей имел на своем хвостовом корабле младшего флагмана, а наша эскадра, выстроенная в общую колонну в 12 кораблей, его не имела, то нельзя не подивиться столь необычной в то время в нашем флоте экономии на адмиралов.

Итак, около 2 часов 25 минут дня наша эскадра потеряла два корабля: «Суворов» и «Ослябя».

«Бородино» вышел на несколько минут из строя и около 2 часов 40 минут вновь вступил в кильватер «Императору Александру III».

Японцы получили за это время также некоторые повреждения. «Микаса» получил 10 снарядов крупного калибра, но серьезных повреждений не имел. Броненосный крейсер «Асама» получил три крупных снаряда в корму, и одним из них в 2 часа 27 минут у него был поврежден руль, вследствие чего он вышел из строя. Вскоре он получил еще 9 снарядов, разрушивших его командирское помещение и сделавших большую пробоину у ватерлинии, вследствие чего он сел кормой на 5 футов. Он вернулся в строй и стал концевым во 2-м отряде в 4 часа 50 минут вечера¹.

¹ О. В. Д. на море в 37—38 гг. Мейдзи, т. VI, стр. 98.

Госпитальные суда. Крейсера

Посмотрим, что происходило тем временем на других местах сражения. Около 2 часов дня наши госпитальные суда «Орел» и «Кострома», продолжавшие держаться в хвосте эскадры, милях в 2 от нее, были захвачены: «Орел» — японским вспомогательным крейсером «Манджу-Мару», а «Кострома» — «Садо-Мару». «Орел» перед захватом был обстрелян одним из японских крейсеров¹.

Одновременно с началом боя главных сил находившийся на горизонте с правой стороны от нашей эскадры крейсер «Идзуми» стал приближаться к ней, и бывший правее наших транспортов крейсер «Владимир Мономах» вступил с ним в бой. Расстояние уменьшилось с 48 до 38 кабельтовых. Через 15 минут «Идзуми» получил несколько снарядов в носовую часть, повернул на 6 R вправо и начал было удаляться от крейсера «Владимира Мономаха», но затем, описав циркуляцию вправо, пошел навстречу «Владимиру Мономаху». Вскоре на нем произошел пожар, и он повернул на 8 R влево и скрылся в тумане.

«Олег» и «Аврора», вышедшие из-за транспортов, а также и выдвинувшийся вперед разведочный отряд приняли некоторое участие в этой перестрелке².

Неприятельские крейсерские отряды (3, 4, 5 и 6-й), совершив обходное движение по западную (внешнюю) сторону своего флота, около 3 часов пополудни появились в тылу нашей эскадры и приближались к ней справа один вслед за другим и вступали в бой с нашими крейсерами и транспортами.

Таким образом, к 3 часам дня можно считать, что план сражения был японцами выполнен и что победа решитель-

¹ Показания командиров «Орла» и «Костромы» следственной комиссии.

² По японским сведениям, в «Идзумо» попал один снаряд, убивший 2 человек. На нем же при разрыве орудия убит 1 чиновник и ранено 7 нижних чинов. Около 9 часов к западу от о-ва Окиносима он присоединился к своему (6-му боевому) отряду и стал в нем концевым (О. В. Д. на море в 37—38 гг. Мейдзи, т. IV, стр. 111).

ным образом склонилась на их сторону: 1-й и 2-й японские боевые отряды атаковали наши главные силы и заняли намеченную ими позицию, нажимая на голову нашей эскадры. Крейсерские отряды японцев заняли позицию в тылу справа от нашей эскадры, атакуя наши крейсера и транспорты, сбивая их в кучу и поселяя смятение во всей нашей эскадре.

Два флагманских корабля нашей эскадры были выведены из строя, причем один из них погиб, а другой держался на воде и в последних судорогах своей агонии продолжал, как мог, бой с неприятелем немногими оставшимися у него орудиями.

Наша эскадра, находившаяся с самого начала совершенно в пассивном состоянии, теперь была лишена окончательно способности к активным действиям. При значительном превосходстве японцев в скорости хода ей не было уже возможности вырваться из тех гигантских клещей, коими охватили ее японцы. Всякая ее попытка выскользнуть могла быть отпарирована и в действительности встречала соответственный контрманевр, который вновь приводил ее в первоначальное положение. Наша эскадра, потеряв уже 2 из 5 сильнейших судов, все же продолжала борьбу и, несмотря на отсутствие какого бы то ни было командования, продолжала двигаться в относительном порядке и делала по инициативе командиров головных судов попытки выскользнуть из железных объятий неприятеля.

Доблестные командиры «Императора Александра III» и «Бородино», оказавшиеся один вслед за другим во главе эскадры, добросовестно выполняли предписания приказа от 10 мая за № 243 и последовательно вели за собой эскадру, хотя и не получали обещанного этим приказом руководства сигналами ни с «Суворова», ни от младшего флагмана; «Суворов» был беспомощен, раненный на нем адмирал находился в полубесчувственном состоянии и никем не был заменен; следующий флагман («Ослябя»)

погиб, а следующий, к.-адм. Небогатов, не счел нужным принять на себя такое руководство.

Но будем продолжать следить за действиями наших главных сил.

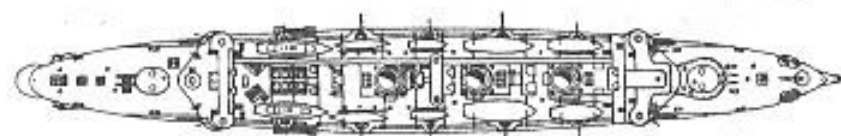
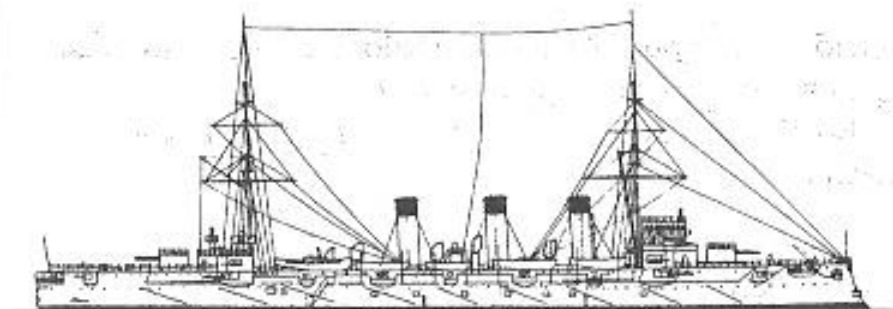
Попытка «Императора Александра III» пройти под корму японцам. Контрманевр Того и Камимуры

В 2 часа 25 минут относительное расположение сражавшихся было следующее: русская эскадра в строю кильватера имела курс *NO 45°*, ход 9 узлов, промежутки между судами в головном отряде 2 кабельтовых, во 2-м и 3-м несколько больше. Японская эскадра в боевом порядке была составлена из двух боевых отрядов (1-й и 2-й), следовавших почти в кильватер друг другу, каждый из них в строю кильватера имел курс *O*, ход 16 узлов, промежутки в два кабельтовых. Головной японский броненосец «Микаса» был при этом румбах в семи впереди левого траверза «Суворова» на расстоянии от последнего в 26 кабельтовых. Мы видели, что в 2 часа 26 минут, когда «Князь Суворов» потерял способность управляться и увалился вправо, «Император Александр III» покати́лся было вслед за ним, но, вскоре заметив, что адмирал выходит из строя непроизвольно, принял на себя руководство линией и лег на прежний курс. Заметив, что японская эскадра быстро заходит в голову нашей, «Император Александр III» повернул влево к северу и взял курс с целью пройти под корму неприятеля.

Тотчас же (в 2 часа 40 минут) адмирал Того¹, опасаясь, чтобы неприятель не обошел его с кормы и не прорвался на север, повернул с целью снова преградить ему путь «всем вдруг» на *8 R* (90°) влево и, отделившись от 2-го боевого отряда, пошел на *O*, прекратив огонь. В 2 часа

¹ К.-адм. Фелькерзам лежал уже несколько дней в гробу, но его флаг оставался, следовательно, его замещал командир «Ослябя».

² О. В. Д. на море в 37—38 гг. Мейдзи, т. IV, стр. 89.



«ОЛЕГ»

47 минут он снова повернул сразу на *8 R* влево (итого на $16 R = 180^\circ$) и, имея головным «Ниссин» (в.-адм. Мису), пошел в строю кильватера в обратном порядке на *NO 67°*, имея «Тацута» с правой стороны.

«2-й боевой отряд (Камимура) хотел было следовать примеру 1-го, но, заметив, что смешавшийся головной отряд неприятеля поворачивает вправо, отказался от своего намерения и, чтобы не дать неприятелю уйти на юг, прибавил ходу и прошел сзади колонны своего 1-го боевого отряда вперед, нажимая на головной корабль неприятеля и стреляя по нему жестоким огнем с расстояния 3000 метров (16 1/2 кабельтовых)»¹.

Итак, Камимура, заметив, что наша эскадра вновь меняет, вследствие маневра адмирала Того, свое намерение и вновь уклоняется вправо, продолжает идти в прежнем направлении и проходит между отрядом адмирала Того, описывающим циркуляцию «все вдруг влево», и нашей эскадрой, атакуя ее голову. Таким образом, по признанию японского источника, маневр Камимуры не был эволюционным приемом, имевшим целью прикрыть поворота головного отряда огнем позади следовавшей части, как это полагали некоторые, но следствием его военного гла-

¹ О. В. Д. на море в 37—38 гг. Мейдзи, т. IV, стр. 95.

зомера, коим он уловил отказ нашей эскадры от попытки ускользнуть к северу и уклонение ее обратно на юг.

Прикрытие циркулировавшего 1-го боевого отряда от нашего продольного огня вышло у него попутно.

Странно читать рассуждение по этому поводу адмирала Рожественского. «По-видимому, — доносит адмирал, — концевой отряд неприятеля не заметил начала поворота нашей эскадры, потому что дым от разрыва снарядов, выстреленных головным кораблем неприятеля, заволакивал пространство между нашими головными и японскими концевыми. Передовой же отряд японских броненосцев своевременно заметил маневр наших, и, чтобы лечь параллельным курсом, японский адмирал передал по судам приказание повернуть вдруг на 16 R влево. Потому ли, что приказание это не было сообщено по всей линии, или по установленному правилу «вдруг» повернули только корабли головного отряда, а отряд их броненосных крейсеров прошел вдоль разворачивавшегося первого отряда».

Маневрирование поотрядно и самостоятельные движения подчиненных флагманов были настолько чужды самому духу обучения нашего флота того времени, что блистательный маневр адмирала Камимуры был приписан нашим адмиралом не его находчивости, а либо случаю, либо тактико-эволюционному правилу. Между тем маневр этот чрезвычайно характерен, как образец совместного действия в бою двух отрядов, из коих одним командует старший, а другим — подчиненный флагман. Оба отряда действуют по одному и тому же методу, преследуют одну и ту же цель, но младший флагман сохраняет свободу в управлении своим отрядом, согласуя свои действия с действиями своего начальника, руководствуясь своим собственным глазомером.

Для характеристики духа японского флота интересно то, что японский источник «Описание военных действий на море в 37—38 гг. Мейдзи», изданный прежде всего для

¹ Документы. Отд. IV, кн. 3, вып. 3, стр. 623. Кап. 2 р. Смирнов. «Сражение в Корейском проливе», стр. 115.

назидания японцам же, отмечает активную сторону маневра адмирала Камимуры — именно то, что цель его была — «не дать неприятелю уйти на юг... нажимая на головной корабль неприятеля и стреляя по нему жестоким огнем». Оборонительная же сторона этого маневра — прикрытие отряда адмирала Того, поворачивавшегося вдруг на 16 R, — совершенно не указана. Наступательная цель совершенно заслонила собой оборонительную — вот в чем был секрет их победоносной кампании. Некоторые участники боя полагают, и с ними возможно согласиться, что маневр Камимуры не был следствием его военного глазомера, но был предпринят исключительно в целях избежать столкновения с судами отряда Того, и что «военный глазомер» был придуман японцами задним числом. Отряд Камимуры шел правее отряда Того, т. е. дальше, чем Того от нашей линии. Того начал поворот «все вдруг», и его строй фронта по окончании поворота пересек бы курс Камимуры. Камимура увидел, что ему нельзя поспеть повернуть «все вдруг», что его корабль неизбежно столкнется с хвостовым (левофланговым) кораблем Того, поэтому он и решил продолжать идти в кильватере и, пройдя под кормами отряда Того, повернуть последовательно. Фактически установить, чем именно руководствовался адмирал Камимура, предпринимая свой маневр, конечно, нет возможности, но то объяснение, которое дают ему японцы, остается характерным для них. С другой стороны, остается характерным и то обстоятельство, что адмирал Камимура из каких бы то ни было побуждений счел себя вправе маневрировать самостоятельно и не нуждался в сигналах своего старшего флагмана.

Во время некоторого замешательства нашей эскадры при выходе из строя «Ослябя» и «Суворова» и произведенного после этого «Императором Александром III» маневра авизо «Чихая», шедший с начала боя сзади концевой броненосного крейсера «Ивате» и принимавший участие в перестрелке, в 2 часа 38 минут приблизился к нашей эскадре, а в 2 часа 48 минут, находясь на правом травер-

зе «Бородино» на расстоянии от него 2500 метров (13 3/4 каб.), выпустил по нему две мины, но безуспешно.

Итак, эскадра наша начала вновь склоняться вправо. Отряд Камимуры также склонился вправо, обгоняя нашу эскадру, следуя по внешней дуге в обход ее головы и направляясь на SO.

Попытка «Бородино» пройти под корму японцам. Второй контрманевр японцев

«Бородино», справившись с пробоиной, вступил в свое место. Недолго броненосец «Император Александр III» вел эскадру. В 2 часа 40 минут сильно избитый огнем японских броненосных крейсеров (Камимура), он вышел из строя, и эскадру повел следующий за ним «Бородино». «Император Александр III» вскоре оправился и вступил в строй в кильватер «Сисою Великому»¹.

«Бородино», видя, что неприятель (Камимура) сильно обогнал нашу эскадру, сделал в 2 часа 50 минут вторую попытку проскользнуть в хвосте у него на север, и, повернув на 8 R, он лег на N; все остальные суда нашей колонны стали поворачивать также последовательно на N, так что бой перешел на правый борт. До хвостового в неприятельской колонне «Адзуми» было около 30 кабельтовых. Тогда адмирал Камимура повернул последовательно на 16 R влево и перенес бой на свой левый борт.

В это время адмирал Того закончил свой поворот вдруг на 16 R, и обе эскадры оказались на почти параллельных курсах: наша — идущая на N, а японская — идущей в NW-ю четверть: впереди — 1-й боевой отряд Того в обратном строе кильватера с «Ниссином» во главе и несколько по-

¹ Мичман Энгельгард с «Адмирала Нахимова» доносит, что «Император Александр III» вступил в кильватер «Орлу», а старший офицер «Орла» (Документы. Отд. IV, кн. 3, вып. 3, стр. 522), что «Император Александр III» вступил в кильватер «Сисою Великому» или «Наварину». «Адмирал Нахимов» шел за «Навариним», следовательно, «Император Александр III» вступил в строй позади «Сисою» и впереди «Наварина».

² Донесение кап. 1 р. Шведе, «Орел». Документы. Отд. IV, кн. 3, вып. 3, стр. 522.

зади — боевой отряд Камимуры. Японцы быстро обгоняли нас и заходили нам в голову.

Во время вышеописанного маневрирования сильно пострадал «Орел», на котором в 3 часа был смертельно ранен командир, кап. 1 р. Юнг. Командование «Орлом» перешло к старшему офицеру, кап. 2 р. Шведе. «Около 3 часов 5 минут внезапно сгустился туман, и из-за поднимающегося дыма стало трудно различать движения неприятеля, почему 2-й боевой отряд временно ослабил огонь и продолжал стрелять, руководствуясь лишь стеньговыми флагами»¹.

Расхождение контргалсом.

Первая атака миноносцев на «Суворова»

Прикрываясь туманом, наша эскадра, предводительная «Бородино», склонила курс вправо и затем легла в 80-ю четверть, расходясь некоторое время с японцами контргалсами; отойдя несколько от неприятеля, эскадра повернула на NO, стремясь проскользнуть к Владивостоку. Японцы продолжали движение в NW четверть, и в 3 часа 22 минуты 2-м боевым отрядом Камимуры вдруг, среди тумана, был замечен «Князь Суворов», окутанный дымом и пламенем; Камимура открыл по нему огонь с близкого расстояния, около 2000 метров (11 кабельтовых), а с «Якумо» в него была выпущена мина². «Суворов», после своего выхода из строя подвигался вперед, управляясь машинами и поставив руль прямо. Передача приказаний в машину и вообще по кораблю была затруднена пожарами, которые не давали возможности проходить по верхней палубе и через многие помещения вниз³. Боевая рубка его была объята пламенем. Флаг-капитан и командир ранены (последний вскоре убит). Адмирал Рожественский сидел в правой 6" башне в полубесчувственном состоянии от раны в голову. На вопрос флаг-

¹ О. В. Д. на море в 37—38 гг. Мейдзи, т. IV, стр. 96.

² Там же.

³ Донесение мичмана Кржижановского и мичмана Демчинского. Документы. Отд. IV, кн. 3, вып. 1, стр. 25—53.

капитана через флаг-офицера, мичмана Демчинского, куда держать, он приказал держать на *NO 23°*. На огонь японцев «Князь Суворов» мог отвечать только из кормовой 75-мм пушки. Видя его беспомощность, 2-й боевой отряд прекратил по нему стрельбу. Вслед за тем 5-й отряд истребителей (кап. 2 р. Хиросе), «несмотря на огонь неприятеля», пошел в атаку на «Князя Суворова». Также и «Чихая», шедший в хвосте второго отряда, когда увидел, что «Суворов» потерял способность управляться, бросился к нему и в 3 часа 21 минуту с расстояния в 1600 метров (9 кабельтовых) выпустил две мины. По-видимому, мины эти прошли мимо. В «Чихая», обстрелянного 75-мм пушкой с «Суворова», а также с проходивших мимо судов нашей эскадры попали три снаряда, и в угольной яме получилась течь, почему он вышел из линии боя и приступил к спешному исправлению повреждений. («Чихая» соединился с 3-м боевым отрядом после захода солнца.)

Миноносцы кап. 2 р. Хиросе (4 миноносца) прошли под носом у своего 2-го боевого отряда и, подойдя к «Суворову», прошли слева от него параллельным с ним курсом в расстоянии около 4 кабельтовых и выпустили в него каждый по mine, также безуспешно, но, попав в сферу огня нашей эскадры, поспешили из нее удалиться. В один из миноносцев, «Сиракумо», попало два снаряда.

Эскадры теряют друг друга из виду и вновь встречаются

Потеряв из виду нашу эскадру, отряд адмирала Того склонился сперва на 4 *R* влево, а потом сделал поворот «всем вдруг» сперва на 8, а потом еще на 8 *R* (всего на 16 *R*). Оказавшись вновь в строе кильватера по порядку номеров, имея «Микаса» впереди и «Тацута» слева от строя, он пошел на *NO*. 2-й боевой отряд (Камимура) в 3 часа 30 минут повернул последовательно вправо, лег также на *NO*, находясь несколько слева и впереди от 1-го боевого

отряда (Того). На этом обратном курсе японская эскадра прошла вновь мимо «Суворова», который шел зигзагами на север, и вновь обстреляла его. Броненосец был покрыт дымом, и пламя вырывалось из пушечных портов. «Поистине картина была ужасная... Так как он был совсем разбит, то много в него не стреляли»¹.

В 3 часа 40 минут японцы вновь открыли на *OtS* нашу эскадру, шедшую на *NO*, в расстоянии 7000 метров. Приблизившись на 5000 метров, в 3 часа 43 минуты оба японских отряда открыли по нашим судам огонь и шли, склоняясь вправо, на сближение с нашей эскадрой. В 3 часа 57 минут адмирал Того лег на *NO 67°*. На этом галсе сильно пострадал «Сисой Великий», у которого произошел пожар от разорвавшегося 6" снаряда и по всему кораблю распространились удушливые газы. Броненосец вышел около 3 часов 50 минут из строя и вскоре присоединился к хвосту нашего крейсерского отряда. На место «Сисоя Великого» вступил «Император Николай I», за ним — «Генерал-Адмирал Апраксин», «Адмирал Сенявин», «Адмирал Ушаков», в кильватер последнему шли «Наварин» и «Адмирал Нахимов». «Император Александр III», за выходом «Сисоя Великого», оказался третьим в строе. «Орел» также получил крупные повреждения и потерял много людей. На нем в это время был смертельно ранен командир.

Японцы постепенно сходились с нашей эскадрой и, по японским источникам, сблизилась до 11 кабельтовых. Приблизившись на это расстояние, «Микаса» в 4 часа 6 минут выпустил мину, но безрезультатно. Курс нашей эскадры в это время был *O*, и она продолжала склоняться далее к югу.

Того, опасаясь, чтобы она, описав полную циркуляцию, не проскользнула ему под корму на север, в 4 часа 17 минут повернул «всем вдруг» на 8 *R* влево и, образовав строй фронта, пошел на *N*; но так как наша эскадра продолжала идти к югу, то он сделал снова поворот всем вдруг и, построив кильватер вправо, лег на *SO 56°*.

¹ Документы. Отд. IV, кн. 3, вып. 1, стр. 51.

¹ О. В. Д. на море в 37—38 гг. Мейдзи, т. IV, стр. 90 и 97.

Вторая атака миноносцев на «Суворова»

Русская эскадра на некоторое время скрылась во мгле, и временно, за нашедшим туманом, бой главных сил прекратился. Адмирал Камимура некоторое время продолжал, преследуя нашу эскадру, уклоняться вправо и в 4 часа 17 минут лежал на *SO*, в 4 часа 27 минут — на *SW*, но нашей эскадры не видел. Имея в виду, что 1-й боевой отряд (Того) ушел на север, и опасаясь разойтись с ним, он повернул вправо и лег на *NW* с целью сблизиться с 1-м боевым отрядом. Во время этого маневра адмирал Того приказал через «Чихая» 4-му отряду истребителей (кап. 2 р. Сузуки) идти в атаку на «Князя Суворова», который шел некоторое время параллельным курсом с нашей эскадрой, левее ее (ближе к неприятелю), и около 4 часов 15 минут пересек линию нашей эскадры впереди «Сисоя Великого»¹. 4-й отряд истребителей (кап. 2 р. Сузуки) принял его приказание от «Чихая». 4-й отряд истребителей с начала боя был при отряде адмирала Дева, держась по внешнюю от него сторону в расстоянии 28 кабельтовых, вне наших перелетов, но, не будучи в состоянии следовать за его маневрированиями, перешел ко 2-му боевому отряду (Камимура). В 4 часа 25 минут он пошел в атаку на «Суворова», который шел в это время со скоростью до 10 узлов, стреляя из одной кормовой (75-мм) пушки. При приближении неприятельских миноносцев он бросился вправо (заметим, что управление рулем его было в это время совершенно расстроено). Миноносцы прошли у него по правому борту и, выпустив по mine, перешли на левый борт и выпустили еще по mine. Снаряды нашей эскадры ложились вблизи, и один из них попал в миноносец «Асагири»... «Нельзя не упомянуть, — пишет адмирал Того в своем донесении о бое, — о лихой минной атаке, произведенной в 3 часа 22 минуты на броненосец «Князь Суворов» крейсером «Чихая» и отрядом истребителей под командой Хиросе,

а также истребителей под командой Сузуки около 4 часов 28 минут»¹.

Вероятно, вид этого объятых дымом и пламенем броненосца, представлявшего собой гигантский костер, шедшего 10-узловым ходом и продолжавшего стрелять из единственной уцелевшей пушки, был в достаточной мере внушителен. Из выпущенных по нему с хорошей дистанции полутора десятка мин в него не попало ни одной.

«Вышедший из строя «Суворов», охваченный пожаром, — говорит японский автор (Ниппон Тай-Кай Сен, перевод Семенова, стр. 19), — все еще двигался, но скоро под нашим огнем потерял переднюю мачту, обе трубы и весь был окутан огнем и дымом. Положительно никто бы не узнал, что это за судно, так оно было избито. Однако в этом жалком состоянии все же, как настоящий флагманский корабль, «Суворов» не прекращал боя, действуя, как мог, из уцелевших орудий».

Русские броненосцы подходят к месту боя крейсеров

Между тем наша эскадра, идя сперва на юг, около 4 часов 30 минут подошла к месту боя наших крейсеров с японскими и, обстреляв последние, нанесла им, как видно будет ниже, серьезные повреждения.

Эскадра продолжала склоняться влево, то есть сперва к западу, а потом около 5 часов по сигналу к.-адм. Небогатова с «Императора Николая I» склонилась к северу.

Этот сигнал был первым проявлением деятельности этого адмирала, который поднял его, не видя распоряжений командующего эскадрой, а также не имея никаких сведений о судьбе старшего по нему — к.-адм. Фелькерзама².

«К этому времени к колонне присоединился броненосец «Сисой», — доносит мичман Энгельгард с крейсера

¹ О. В. Д. на море в 37—38 гг. Мейдзи, т. IV, стр. 91 и 97.

¹ Документы. Отд. IV, кн. 3, вып. 3, стр. 637—638.

² Показ. к.-адм. Небогатова след. ком., прот. № 27. А. В., шк. 4, д.

«Адмирал Нахимов», исправлявшего до этого свои повреждения и шедшего в хвосте крейсерского отряда. — Обогнав нас, слева вступил в кильватер «Наварину» и шел так до наступления темноты. На броненосце и у нас при его прохождении гремело «ура». Порядок кильватера по вступлении в него «Сисоя Великого» стал следующий: «Бородино», «Орел», «Император Александр III», «Император Николай I», «Генерал-Адмирал Апраксин», «Адмирал Сенявин», «Адмирал Ушаков»¹.

Действия крейсеров

Посмотрим, что происходило тем временем с крейсерами и транспортами.

Действия их в точности проследить нет возможности вследствие большого разноречия источников и оттого, что офицеры с этих судов интересовались более судьбой броненосных отрядов, чем своими, и в описаниях боя передавали преимущественно свои наблюдения за этими отрядами и сравнительно мало говорили о своих кораблях. Сверх того, и передвижения этих судов были очень сложны и запутаны, так что вполне выяснить общую картину их действий очень трудно.

Мы оставили их в тот момент, когда адмирал Энkvист с крейсерами «Олег», «Аврора» и «Дмитрий Донской» обходили голову колонны транспортов, чтобы выйти на правую внешнюю сторону их на помощь «Владимиру Мономаху», сражавшемуся с «Идзуми», который был отогнан главным образом огнем «Владимира Мономаха». Крейсера, выйдя вперед транспортов, уклонившись на *N*, поместились правее их. В 2 часа 35 минут по сигналу² контр-адмирала Энkvиста «Владимир Мономах» вступил в кильватер «Дмитрию Донскому». Разведочный отряд продолжал охранение транспортов сзади. Все эти суда шли в 2—3 милях от броненосцев.

¹ Документы. Отд. IV, кн. 3, вып. 2, стр. 344.

² Донесение лейт. Новикова. Документы. Отд. IV, кн. 3, вып. 3, стр. 425.

Японский 3-й боевой отряд (в.-адм. Дева: «Касаги», «Читосе», «Отава» и «Ниитака») и 4-й (в.-адм. Уриу: «Нанива», «Такичихо», «Акаси» и «Цусима»), сделав свое обходное движение, обойдя с запада и юга свою и нашу эскадры, появились почти одновременно в начале третьего часа на правую раковину наших крейсеров со стороны о-ва Цусима. В 2 часа 30 минут они открыли огонь по нашим крейсерам и транспортам, причем 3-й отряд, шедший впереди, считал свое расстояние в 8000 метров, а 4-й — в 6500 метров¹. Адмирал Энkvист, дабы прикрыть их, повернул в 3 часа 10 минут на 16 *R* вправо и разошелся с неприятельскими крейсерами контргалсами в расстоянии около 28 кабельтовых, проходя между ними своими транспортами.

Японские крейсера почти тотчас же повернули также последовательно на 16 *R* вправо и легли на *W* параллельным курсом с нашими крейсерами и продолжали свой огонь правым бортом. Около 3 часов 20 минут подошел 6-й боевой отряд (Того-младший: «Сума», «Чиода», «Акицусима») и пристроился позади 4-го.

В 3 часа 35 минут адмирал Энkvист, усмотрев пылающий «Суворов», направился к нему на помощь, взяв с собой «Аврору» и приказав сигналом «Дмитрию Донскому» и «Владимиру Мономаху» оставаться при транспортах. Проходя мимо «Урала», получившего подводную пробоину и поднявшего сигнал о бедствии, он приказал находившемуся поблизости «Анадырю» оказать ему помощь. Подойдя ближе к «Суворову», он увидел, что наши броненосцы идут по направлению к этому кораблю, и поэтому, заметив, что за время его отсутствия оставленные им крейсера и транспорты сражаются с превосходными силами неприятеля, он изменил свое намерение и вернулся к транспортам. За ним последовали «Изумруд» и «Жемчуг». Когда он возвратился к крейсерам, то по его сигналу «следовать за мной» вступили ему в кильватер за «Авророй» «Дмитрий Донской», «Владимир Мономах», «Жемчуг», «Изумруд», «Светлана» и «Алмаз»².

¹ О. В. Д. на море в 37—38-гг. Мейджи, т. IV, стр. 101, 104.

² Донесение к.-адм. Энkvиста. Документы. Отд. IV, кн. 3, вып. 2, стр. 7.

Крейсер «Светлана», подходя к «Уралу», получил новую пробоину и заметно сел на нос; но, несмотря на это, вновь занял свое место в строю и продолжал стрелять так же лихо, как и раньше¹.

Между тем к «Уралу» подошли «Анадырь», «Свирь» и «Грозный». «Светлана» сделала сигнал «Корее» оказать помощь «Уралу», но сигнал этот исполнен не был; это и не мудрено, так как на транспорте этом не было военного сигнального свода². «Анадырь», идя на помощь «Уралу», протаранила буксирный пароход «Русь», который был оставлен его вольнонаемной командой, принятой «Свирью». «Русь» была потоплена огнем японского 6-го боевого отряда в 4 часа дня³. На «Урале» был поврежден руль и была подводная пробоина. Он был оставлен командиром, кап. 2 р. Истоминым, и командой задолго до того, как погрузился. По свидетельству старшего механика, «крен его не превосходил 4° и был быстро выправлен. Вода из отсека № 2 просачивалась через порог опущенной двери № 0, но очень немного⁴. Приказание спастись на шлюпки было отдано в половине четвертого, а крейсер «Урал» пошел ко дну только около 5 часов 40 минут вечера⁵, обстрелянный жестоким огнем японского 1-го боевого отряда и потопленный выпущенной по нему миной⁶. Транспорт «Анадырь» (кап. 2 р. Пономарев) и пароход «Свирь» (командир, прапорщик Розенфельд), стоя среди падающих и рвущихся снарядов, приняли команду с «Урала» и «Руси». После сего «Свирь» в 6-м часу присоединился к транспортам и находился при них до наступления темноты. Ночью,

¹ Донесение лейт. Нозикова («Владимир Мономах»). Документы. Отд. IV, кн. 3, вып. 3, стр. 427.

² Донесение генерала Солнцева («Светлана»). Документы. Отд. IV, кн. 3, вып. 2, стр. 312.

³ Документы. Отд. IV, кн. 3, вып. 2, стр. 233.

⁴ О. В. Д. на море в 37—38 гг. Мейдзи, т. IV, стр. 111.

⁵ Донесение К. И. М. флота полк. Сперанского. Документы. Отд. IV, кн. 3, вып. 1, стр. 227.

⁶ О. В. Д. на море в 37—38 гг. Мейдзи, т. IV, стр. 111.

⁷ О. В. Д. на море в 37—38 гг. Мейдзи, т. IV, стр. 91.

согласно распоряжению бывшего на нем командира «Урала», он пошел в Шанхай, куда и прибыл 17 мая в 7 часов утра.

Пройдя некоторое время на W параллельными курсами с японцами, наши крейсера повернули сперва около 3 часов 35 минут к северу, а затем, около 4 часов, когда «Олег» и «Аврора» вернулись к эскадре, легли на O. «Олег» и «Аврора» особенно потерпели в это время от сосредоточенного по ним огня крейсеров, а также бр. крейсеров «Нисин» и «Касуга». На этом пути, — доносит к.-адм. Энkvист, — была замечена пересекающая курс (по-видимому, на излете) короткая с бронзовым зарядным отделением мина Уайтхеда, удара которой избежали, положив руль на борт. Идущая в кильватер «Аврора» была предупреждена голосом и семафором и также успела отвернуть. Следующий за «Авророй» «Владимир Мономах», не понявший предупреждения с «Авроры», ударил своим форштевнем в середину мины и сломал ее пополам, причем мина не взорвалась¹.

Японские 3, 4 и 6-й отряды делали те же движения, стреляя по нашим крейсерам и транспортам, сперва идя на север, правым бортом, а затем, после поворота на восток, — левым бортом.

Около 4 часов к месту боя приблизился 5-й боевой отряд в.-адм. Катаока («Ицукусима», «Чин-Иен», «Мацусима» и «Хасидате»). Отделившись в 1 час 40 минут от своих главных сил, в.-адм. Катаока поднял сигнал: «Нам оказывается беспредельная помощь неба, но пусть каждый все-таки приложит все свои силы», и за сим, обойдя нашу эскадру с тыла, он шел все время на звуки выстрелов и около 3 часов увидел наши крейсера. В 4 часа он сблизился с японскими крейсерскими отрядами и «Ицукусима», открыл огонь по нашим крейсерам, идя на расстоянии 8000 метров². Другие суда его отряда открывали огонь по мере приближения

¹ Документы. Отд. IV, кн. 3, вып. 2, стр. 8 (срав. там же, стр. 144).

² О. В. Д. на море в 37—38 гг. Мейдзи, т. IV, стр. 107.

к нашим судам. «Мацусима» и «Хасидате» начали стрельбу с 7000 метров только около 5 часов вечера.

Около 4 1/2 часов с севера появилась наша эскадра, предводимая «Бородино». Она прошла между нашими крейсерами и японскими, открыв по последним огонь. Крейсера «Олег» и «Аврора», описав циркуляцию, пошли за броненосцами, держась в кильватере, несколько правее их.

Транспорты «Корея», «Иртыш» и «Анадырь» и крейсера «Владимир Мономах», «Дмитрий Донской», «Светлана», «Алмаз», «Жемчуг» и «Изумруд» шли как бы двумя колоннами: транспорты, «Светлана» и «Алмаз» — в левой, а прочие — в правой колонне.

Неприятельские крейсера, уклонившись от наших броненосцев, легли сперва на *O*, но потом, отойдя немного, легли снова на *W* и последовали за подходившим в то время вторым боевым отрядом (Камимура). Они потерпели при этой встрече серьезный урон.

В 5 часов 8 минут флагманский крейсер 3-го боевого отряда в.-адм. Дева «Касаги»¹ получил снаряд в угольную яму ниже ватерлинии и около 6 часов, взяв с собой для конвоирования «Читосе», вышел из строя и направился в залив Абурадани, где «Касаги» чинился до 11 часов следующего утра, а в.-адм. Дева, перейдя на «Читосе», вышел к месту боя в 9 1/2 часов вечера.

«Отава» и «Ниитака» по приказанию своего адмирала временно вошли в состав 4-го боевого отряда в.-адм. Уриу.

В 4-м боевом отряде вышел из строя вследствие повреждения руля «Такачихо»². Он вернулся в 6 часов вечера. Около 5 часов выходил из строя на полчаса «Нанива», получивший снаряд в корму.

Из 5-го отряда в 5 часов 15 минут вышел из строя с поврежденным рулем «Мацусима» и вернулся в строй в восьмом часу вечера.

Из русских крейсеров имели много повреждений к этому времени «Олег», «Аврора» и «Светлана». На «Авроре» был убит командир, кап. 1 р. Егорьев; «Урал» погиб. Прочие крейсера имели повреждения незначительные.

Из транспортов мы потеряли «Русь» и «Камчатку». Эта последняя в беспомощном состоянии, полупогрузившаяся, плавала в полумиле от «Суворова».

В 5 часов 15 минут наша эскадра прошла мимо обоих этих судов, направляясь на *NO 23°*.

Снова курс *NO 23°*. Того и Камимура разыскивают наши броненосцы и вновь атакуют их

Перестрелка наших броненосцев с японскими крейсерами привлекла к ней потерявшие ее из виду 1-й и 2-й японские броненосные отряды.

Потеряв нашу эскадру, совершенно закрывшуюся дымом и туманом, адмирал Того изменил в 4 часа 33 минуты курс к югу¹.

Адмирал Камимура потерял также нашу эскадру и, идя на юг, разошелся со своим командующим флотом и поэтому повернул на *NW* с целью сблизиться с ним. Услышав звуки выстрелов на юге и узнав (по телеграфу), что и первый боевой отряд повернул на юг, он сам вновь повернул на юг.

Около 4 часов 45 минут он получил приказание адмирала Того стать впереди него и идти на поиски главных сил неприятеля. Встав впереди, слева от 1-го броненосного отряда, Камимура пошел на выстрелы, спускаясь на юг; вскоре впереди сквозь туман он увидел неясные очертания одного-двух русских судов и пошел прямо на них; оказалось, что это были транспорты. Продолжая слышать сильную стрельбу справа по носу, адмирал Камимура решил, что это японские крейсера дерутся с русскими, отделился от 1-го боевого отряда и пошел туда. Через несколь-

¹ О. В. Д. на море 37—38 гг. Мейдзи, т. IV, стр. 92.

¹ О. В. Д. на море в 37—38 гг. Мейдзи, т. IV, стр. 103.

² Там же, стр. 105.

ко минут он увидел, что 3-й и 4-й боевые отряды ведут бой с группой русских судов. Он открыл огонь с 7000 метров и прошел между своими легкими крейсерами и русскими. Вскоре подошли 5-й и 6-й отряды. Камимура шел, приближаясь к нашим судам, между своими отрядами и нашей эскадрой, проходя встречным курсом с последней. Расстояние уменьшилось до 5700 метров, но так как наша эскадра вновь уклонилась вправо, то Камимура, находясь в 7 милях на *НО* от о-ва Окиносима, в 5 часов 13 минут лег на *NW 67°*. В это именно время наша эскадра приближалась к «Суворову».

Около 5 часов к отряду Камимура вернулся «Асама», который, исправив полученные в самом начале боя повреждения, пошел к месту сражения. Идя один в тумане, он подвергся обстрелу наших судов. В 3-м часу он присоединился к 1-му отряду, шедшему в тот момент в обратном порядке, и встал впереди него. Около 3 часов 30 минут он увидел свой 2-й боевой отряд и направился к нему, но, получив новые повреждения в корму и трубу, сел кормой футов на 5. Он настиг свой отряд только в 4 часа 45 минут вечера.

Ввиду близости заката солнца, Камимура в 5 часов 45 минут вечера прекратил преследование нашей эскадры и пошел разыскивать адмирала Того². Проследить за его движениями нет возможности, тем более что японское повествование о ходе событий в «Описании военных действий в 37—38 гг. Мейдзи» очень плохо согласовано с чертежами.

Тем временем 1-й боевой отряд, усмотрев два судна типа «Бородино», шедшие встречным курсом, вступил с ними в перестрелку с расстояния 6000 метров. Это была голова нашей эскадры. Однако адмирал Того полагал, что главные наши силы находятся южнее, и продолжал и после отделения от него Камимуры идти далее на юг. По пути он обстрелял и затем потопил миной «Урал». Около 5 часов 30 минут он встретил несшийся на него миноно-

сец, вероятно, «Буйный»; уклонившись от него на *НО*, он увидел уходящую к северу нашу эскадру и, легши на курс *НО 28°*, открыл по ней с левого борта с расстояния 6300 метров огонь. Адмирал Того, идя параллельным курсом с нашей эскадрой, постепенно настигал ее. В 6 часов 7 минут «Микаса» был уже на траверзе нашей эскадры на расстоянии около 5500 метров. Огонь был сосредоточен по головному «Бородино» и был настолько силен и меток, что дым от взрывов и поднимавшееся пламя затрудняли наводку. Тогда перенесли огонь на следующий корабль, «Орел»¹. Русская эскадра уклонилась вследствие этого влево на *NW* четверть, и расстояние начало расти.

Адмирал Камимура менял несколько раз курс и, наконец, полагая, что 1-й боевой отряд находится к северу, пошел в 6 часов также на север, приближаясь к «Суворову» и «Камчатке». Проходя мимо «Суворова» и «Камчатки» и стреляя по ним, оставил их вправо. В то же время к «Суворову» и «Камчатке» подошли японские отряды Катаока (5-й), Того-младшего (6-й) и Уриу (4-й и часть 3-го) и начали их расстреливать.

В половине седьмого и Камимура увидел нашу эскадру с «Нахимовым» в хвосте². Он пошел на север, меняя курсы. В половине седьмого, когда расстояние до нашей эскадры уменьшилось до 7500 метров, он начал бой правым бортом. Чтобы скорее сблизиться с нашей эскадрой, адмирал Камимура в 6 часов 45 минут сделал поворот «все вдруг» на 4 *R* влево, а в 6 часов 52 минуты повернул «все вдруг» вправо, вернулся в строй кильватера и лег на *НО 22°*, стреляя редким огнем с расстояния 7000—8000 метров.

¹ Там же, стр. 92.

² О. В. Д. на море в 37—38 гг. Мейдзи, т. IV. В описании хода боя 2-го боевого отряда на стр. 99 говорится, будто в это время наша эскадра шла на юг, а затем легла на север. Из описания хода боя 1-го боевого отряда, стр. 92, и из русских источников видно, что это неверно. По всему вероятно, со 2-го боевого отряда было видно временное движение в обратную сторону каких-либо судов, выходявших из строя, принятое за движение на юг всей эскадры.

¹ Там же, стр. 97.

² О. В. Д. на море в 37—38 гг. Мейдзи, т. IV, стр. 98.

«Буйный» принимает в.-адм. Рожественского и его штаб

В 6-м часу вечера миноносец «Буйный» подошел к «Суворову». Миноносец этот, приписанный к «Ослябя», был занят спасением его команды. Приняв 204 человека, он направился к «Уралу», около которого уже находились транспорты. В это время он увидел далеко вправо от эскадры пылающий броненосец.

«Мысль о «Суворове», — доносит командир миноносца кап. 2 р. Коломейцев, — промелькнула у всех нас... От зюйд-оста к нему шли неприятельские броненосные крейсера и открыли огонь по нему и по «Камчатке», которая была вблизи него. Медлить больше было невозможно. Если это «Суворов», то надо подойти к нему раньше, чем его утопит неприятель, и снять адмирала, если его уже не снял «Бедовый». Важность этого дела сразу стала ясна для командира «Буйного», и он, несмотря на то что был загружен спасенными ими людьми, дал полный ход и пошел к «Суворову» под огонь соединенных сил японских крейсерских отрядов. «Суворов» был, по словам его донесений, «не корабль, а просто какая-то жаровня, вроде тех, что употребляют на юге для печения каштанов...

На «Суворове» людей не было видно, но, подойдя совсем близко к борту, я увидел на правом срезе у 6" башни флаг-капитана и еще несколько офицеров».

Переговорив с ними голосом, он пристал на большой зыби к наветренному борту броненосца. Другого ничего нельзя было сделать. Шлюпки обоих судов были разбиты, а с подветра на «Суворове» и вблизи его нельзя было находиться из-за дыма и пламени. Маневр удался блестяще, и адмирал, и флаг-капитан с частью штаба³ были приняты на миноносец. Когда адмирала удачно передали на мино-

¹ Документы. Отд. IV, кн. 3, вып. 3, стр. 457.

² Документы, Отд. IV, кн. 3, вып. 3, стр. 458.

³ Флагманский штурман полк. Филипповский, кап. 2 р. Семенов, лейт. Леонтьев и Кржижановский, мичман Демчинский и юнкер Максимов.

носец, судовые офицеры лейтенанты Богданов, Вырубов и прапорщик Курсель, стоявшие на срезе, и команда «Суворова» дружно закричали «ура», махали фуражками и торопили миноносец отваливать¹. Никто из них не подумал спастись с пылающего корабля на миноносец, и все они погибли.

По донесению кап. 2 р. Коломейцева и кап. 2 р. Семенова, миноносец «Буйный» отвалил от «Суворова» около 5 1/2 часов вечера. Вернее, судя по японским источникам, имея в виду, что «Буйный» снимал адмирала под огнем отрядов Камимуры и Того-младшего (6-го боевого отряда), это было несколько позднее².

Передача командования к.-адм. Небогатову

Сперва предполагалось, что адмирал Рожественский будет доставлен на один из броненосцев эскадры, но он был принят на миноносец почти без памяти. Когда после перевязки он очнулся и понял свою неспособность держаться на ногах, только тогда (по донесению ген.-ад. Рожественского) с миноносца был сделан сигнал о передаче командования к.-адм. Небогатову с приказанием идти во Владивосток³. Это было в начале седьмого часа. Сигнал был принят и отрететован некоторыми крейсерами и транспортами, но с «Императора Николая I» не замечен. Миноносцу «Безупречный» было приказано пойти к «Императору Николаю I» и сообщить на словах адмиралу Небогатову о передаче ему командования с приказанием вести эскадру во Владивосток; миноносцу «Бедовому» подойти к «Суворову» и принять с него оставшихся там чинов штаба (полк. Берсенева, лейт. Свенторжского и Свербеева). Это приказание не было понято «Бедовым» и не было им исполнено.

Транспорт «Анадырь», подойдя ближе к «Императору Николаю I», поднял сигнал: «Адмирал сдает командование

¹ Документы. Отд. IV, кн. 3, вып. 3, стр. 24.

² Там же, стр. 615.

³ Там же, стр. 628.

контр-адмиралу Небогатову»; сигнал этот был или неверно понят, или неверно разобран адмиралом Небогатовым, но «навел его на мысль, что командования над нашей эскадрой или вовсе нет, или оно почему-либо не может быть проявлено, а потому приказал поднять сигнал курс *NO 23*»¹.

Вскоре после этого к «Императору Николаю I» подошел миноносец «Безупречный» и передал голосом: «Адмирал Рождественский ранен, находится на миноносце, приказывает Вам идти во Владивосток»². После чего к.-адм. Небогатов поднял сигнал: «Следовать за мной».

Трудно себе представить, почему к.-адм. Небогатов так поздно догадался о том, что командования эскадрой вовсе нет.

«Адмирал Небогатов в рубке говорил, — показывает его старший флаг-офицер, лейт. Сергеев, 5-й следственной комиссии о Цусимском бое, — что он не понимает, почему мы все кружимся на одном месте и облегчаем себя расстреливать, но в то же время не считал себя вправе что-либо предпринять, не имея никаких инструкций и не зная также ничего о судьбе как начальника эскадры, так и старшего после него адмирала фон Фелькерзама».

Объяснение это малоудовлетворительно. К.-адм. Небогатов не мог не видеть, что командовать эскадрой с гибелью «Ослябя» и выходом из строя «Суворова» некому.

Оставшиеся в живых и перешедшие на «Буйный» чины штаба адмирала Рождественского остались все при находившемся без памяти и сдавшем командование эскадрой адмирале. Никто из них не подумал об обязанности штаба находиться при принявшем командование эскадрой флагмане. Адмирал Небогатов, совершенно неосведомленный о плане командующего эскадрой, место которого он заступил, весьма нуждался в содействии штаба, чины которого только и могли посвятить его в те планы, которые им были известны. Все флотские офицеры, входившие в

¹ Показание лейтенанта Сергеева 5-й след. ком., проток. № 16. А. В., шк. 4, д. 203, стр. 119.

² Там же.

состав штаба командующего эскадрой, были уже ранены или контужены, только этим и можно объяснить их поведение.

По принятии командования эскадрой к.-адм. Небогатовым положение было следующее. Эскадру вел по-прежнему «Бородино». Им командовал уже его старший офицер, лейт. Макаров, так как командир, кап. 1 р. Серебрянников, был тяжело ранен около 5 часов вечера¹; за ним следовали «Орел», «Император Николай I», «Сисой Великий», «Наварин», «Апраксин», «Сенявин», несколько в стороне «Ушаков» и «Нахимов». «Император Александр III» около 5 часов вышел из строя с большим пожаром и креном. Он прорезал линию за «Наваринным», так что «Сисою» и «Наварину» пришлось дать ему дорогу, и некоторое время шел, изредка стреляя близ левого траверза². Левее транспортов шли крейсера «Олег», «Аврора», «Светлана», «Дмитрий Донской», «Владимир Мономах», «Жемчуг» и «Изумруд». Транспорты и миноносцы шли еще левее.

Японский 1-й боевой отряд (Того) был около правого траверза нашей эскадры, а 2-й (Камимура) шел позади 1-го.

Японские крейсера находились около «Суворова» и «Камчатки».

Гибель броненосца «Император Александр III»

«Тусклое и совершенно красное в тумане солнце было уже низко, когда по падению неприятельских снарядов можно было думать, — доносит мичман Энгельгардт (кр. «Адмирал Нахимов»), — что мы через несколько минут будем пущены ко дну. Но в это время с увеличившимся до опасного от циркуляции креном прорезал строй «Император Александр III», и крейсерский отряд (адмирала Камимуры) сразу перевел огонь на него. В этом, впрочем, уже необходимости

¹ Показание матроса Юшина («Бородино»). Документы. Отд. IV, кн. 3, вып. 2, стр. 292.

² Там же, стр. 363.

не было, так как гибель его была очевидна... «Александр III» кренился все больше и больше. С поднятого левого борта кидалась команда. Скоро палуба ушла в воду, показались винты (левый еще работал). Затем он быстро перевернулся. Последние из искавших спасения вскарабкались на борт, когда тот был уже почти горизонтален. Быстро двигаясь вперед, эти люди (человек 20—30) оказались на киле, когда броненосец окончательно перевернулся. Кругом днища плавали сотни голов. К месту гибели броненосца шел «Изумруд». Днище «Александра III» держалось очень долго. К нему уже после захода солнца приближались японские миноносцы. Оно скрылось около 8 часов 15 минут¹.

Крейсер «Изумруд» подошел к месту крушения, сбросил койки, круги и пояса и пытался спустить с ростер гребной катер, но неприятельские броненосные крейсера открыли по нему усиленный огонь. Расстояние уменьшилось до 28—23 кабельтовых. «Изумруд» отказался от своей мысли и дал ход вперед. Со славного корабля не спасся никто.

Гибель броненосца «Бородино»

Наша эскадра продолжала идти вперед, имея головным «Бородино», на котором главным образом сосредоточивался огонь неприятеля.

«Бородино», — доносит командовавший его задним мателотом «Орел» кап. 2 р. Шведе, — до 7 часов вечера шел около 15 минут с креном 4—5°. В это время было ясно заметно, что артиллерийский огонь его все ослабевал. От пожара на кормовых мостиках произошло несколько взрывов, — по всему было видно, что это рвались ящики с 47-мм снарядами. Трубы и мачты стояли; вдруг крен быстро стал увеличиваться, языки пламени вырывались из полупортиков; с правого борта он сделал последние два выстрела — и броненосца не стало.

Из-под воды вырывались клубы дыма и огонь. Броненосец плыл кверху килем, винты на нем медленно двигались. Человек 40 бегали по днищу броненосца, махали руками.

¹ Документы. Отд. IV, кн. 3, вып. 2, стр. 345.

«Орел» обошел «Бородино», пропустив его по правому борту, продолжая идти прежним курсом к выходу из Цусимского пролива¹.

«Я услышал над собой как бы выстрел из 6" орудия носовой башни и в тот же миг почувствовал, что броненосец сразу перевертывался на правую сторону»², — показывает единственный уцелевший от этой катастрофы матрос с «Бородино» Юшин, вытащенный из воды через несколько часов японскими миноносцами.

Это было около 7 часов 10 минут, почти тотчас по заходе солнца. Со всех сторон к месту боя стремились отряды японских миноносцев. Матрос Юшин в своем описании гибели «Бородино» говорит о трех минных атаках на броненосец с наступлением сумерек. Во время третьей атаки броненосец, выстрелив из 6" орудия, перевернулся. Нет основания не верить ему, хотя кап. 2 р. Шведе («Орел») говорит, что минные атаки начались после захода солнца. Некоторые орудия «Бородино», быть может, и стреляли по появившимся со всех сторон горизонта стаям неприятельских миноносцев, которые, по свидетельству Юшина, не подходили близко, так как было еще светло.

После гибели «Бородино» огонь стал ослабевать. «Солнце уже близилось к закату, — доносит адмирал Того, — когда наши отряды истребителей и миноносцев, приближаясь с трех сторон к неприятелю, были готовы его атаковать. Поэтому 1-й боевой отряд ослабил давление на неприятеля и с заходом солнца (в 7 часов 28 минут) переменил курс к О. В то же время я приказал «Тацута» передать по всем отрядам мое приказание идти на N и собраться на следующее утро у острова Дажелет. Таким образом, боевой день был окончен»³.

В это время к.-адм. Небогатов, обогнав «Орла», занял место во главе колонны наших броненосцев.

¹ Документы Отд. IV, кн. 3, вып. 3, стр. 539.

² Показания матроса Юшина («Бородино»). Документы Отд. IV, кн. 3, вып. 2, стр. 292.

³ О. В. Д. на море в 37—38 гг. Мейдзи, т. IV, стр. 181.

Гибель «Суворова»

В то время как шли эти трагические события, неподалеку заканчивалась еще другая трагедия.

Когда «Буйный» отвалил от броненосца «Суворова», к последнему и к находившейся неподалеку «Камчатке», имевшей крен, стали подходить последовательно японские крейсера: сперва 6-й отряд (к.-адм. Того-младший), затем 5-й (в.-адм. Катаока) и 4-й (Уриу) — и открыли огонь по этим полуразрушенным судам с расстояния 1200—4000 метров (6—20 кабельтовых).

«Камчатка» уже имела значительный крен на правый борт и, казалось, не могла идти самостоятельно. На «Суворова» были также большие разрушения: над верхней палубой оставалась лишь полусломанная грот-мачта, но, несмотря на это, он продолжал усиленно стрелять из уцелевших одного-двух кормовых орудий, поворачивая вправо и влево, видимо, стараясь уйти. В шестом часу «Камчатка» опрокинулась на правый борт и затонула. Так как «Суворова» все еще двигался, то адмирал Катаока приказал подошедшему 11-му отряду миноносцев атаковать его¹.

«Капитан-лейтенант Фудзимото по приказанию адмирала Катаока пошел со своими миноносцами №№ 72, 73, 74 и 75 в атаку на этот броненосец. Обойдя его с правого борта и с носу и выйдя на левый борт, в 7 часов 20 минут отряд с расстояния 300 метров выпустил мины со всех четырех миноносцев. Говорят, из них попало, по крайней мере, три. Броненосец, окутанный черно-желтым дымом, извергая пламя, наконец перевернулся, на короткое время над поверхностью воды показалось его дно, а в 7 часов 30 минут его нос высоко поднялся на воздух, и затем броненосец внезапно затонул. На месте броненосца остались только клочья дыма, которые стлались над поверхностью моря»².

Итак, целый час и три четверти тринадцать японских кораблей, предводимых четырьмя адмиралами, расстрелива-

ли с близкой дистанции два наших полуразрушенных корабля, из которых один, эскадренный броненосец «Князь Суворов», представлявший собой гигантский костер, без руля, медленно, извилинами подвигался вперед и отвечал из дыма и пламени из двух уцелевших 75-мм пушек.

Мир праху героям-мученикам, исполнившим долг свой, как умели, до конца. Никто из них не спасся.

Окончив стрельбу, японские корабли ушли к Дажелету.

Потери нашей эскадры

За этот дневной бой наша эскадра понесла следующие потери и повреждения.

1-й броненосный отряд: эскадренные броненосцы «Князь Суворов», «Император Александр III» и «Бородино» погибли. Эскадренный броненосец «Орел» был сильно избит, и главная артиллерия его приведена в негодность; командир смертельно ранен, половина офицеров выведена из строя; броненосцем командовал старший офицер кап. 2 р. Шведе.

2-й броненосный отряд: эскадренный броненосец «Ослябя» погиб; «Сисой Великий» имел мало повреждений, но большую пробоину, вследствие которой сел носом; «Наварин» также потерпел мало повреждений, имел пробоины в носу и корме и немного сел носом; командир был убит в начале боя. Броненосцем командовал старший офицер кап. 2 р. Дуркин¹. «Адмирал Нахимов» — небольшие повреждения: заклинена носовая башня и разбито 3-е 6"-е орудие.

3-й броненосный отряд: эскадренный броненосец «Император Николай I» — несколько пробоин; одно 12" орудие разбито. Броненосец береговой обороны «Генерал Адмирал Апраксин» — повреждено кормовое 12" орудие. Броненосцы береговой обороны «Адмирал Ушаков» и «Адмирал Сенявин» имели небольшие повреждения.

¹ Показание следственной комиссии сивн. Седова, прот. № 2 и командора Кузьмина, прот. № 3. А. В., шк. 4. д. 203, стр. 9—12.

¹ Там же, стр. 108.

² Там же, стр. 115.

Крейсерский отряд:

Крейсер «Олег» — пятнадцать пробоин, изрешечен борт, но серьезных повреждений не было. Убито 13 чел., серьезно ранено 12 чел.

Крейсер «Аврора» — 21 повреждение. Изрешечен борт, повреждено несколько 75-мм орудий. Убит командир, вступил в командование старший офицер кап. 2 р. Небольсин. Серьезных повреждений не было.

Во «Владимира Мономаха» было 7 попаданий, но повреждения самые незначительные. Тяжело ранен один.

Крейсер «Дмитрий Донской» — самые незначительные повреждения.

Крейсер «Жемчуг» — 17 попаданий, повреждены дымовые трубы, незначительные повреждения в корпусе.

Крейсер «Изумруд» — незначительные повреждения.

Разведочный отряд:

Крейсер «Светлана» — пробито и заполнено водою носовое отделение, отчего крейсер несколько сел носом. 7 попаданий, нанесших незначительные повреждения. Убитых и раненых не было.

Крейсер «Алмаз» — незначительные повреждения. 1 офицер и 4 нижних чина умерли от ран.

Крейсер «Урал» погиб.

Транспорты:

«Камчатка» — погиб. «Иртыш» — одна большая пробоина, причинившая крен в 10°, и 19 попаданий, нанесших незначительные повреждения. «Корея», «Анадырь» — незначительные повреждения.

Буксирный пароход «Русь» — погиб.

Миноносцы — незначительные повреждения.

Нельзя не заметить разницы в результате боя на броненосных отрядах и на крейсерах. В то время как из 12 броненосцев японцами было утоплено 4 и сильно избит 1, крейсера наши, кроме «Урала», все сохранили боеспособность почти полную. Из транспортов погиб только один («Камчатка»).

По всему вероятно, японские крейсера в искусстве стрельбы стояли значительно ниже своих броненосцев.

Очень возможно, что не на всех этих судах имелись снаряды мощного бризантного действия, хотя характер повреждений «Олега», «Авроры», «Иртыша» показывает, что такие снаряды были и на крейсерах: одно попадание давало громадную площадь разрыва борта или палубы, осколки оказывались раскаленными донельзя и часто измельченными в металлическую пыль.

Потери в людях на нашей эскадре в Цусимском бою указаны в таблице, приложенной в конце главы VI.

Потери японцев

Японские суда потерпели в дневном бою следующие повреждения:

1-й боевой отряд: «Микаса» получил более 80 снарядов, повреждено несколько орудий и небольшие повреждения корпуса. Убито 8 человек, ранено 7 офицеров и 98 нижних чинов.

«Сикисима» получил около 10 снарядов. «Фудзи» — 11; повреждения небольшие.

«Асахи» и «Касуга» — по несколько снарядов.

«Нисин» получил 8 снарядов, коими повреждены 3 крупных орудия, ранен вице-адмирал Мису; убит 1 офицер и 4 нижних чина; ранено 5 офицеров и 85 нижних чинов.

2-й боевой отряд: «Идзумо» получил 8 снарядов; «Адзума» — 10 снарядов; «Токива» — 9 снарядов; «Якумо» — 7 снарядов; «Асама» — 10 снарядов, поврежден руль, почему он временно выходил из строя; «Ивате» — 16 снарядов; «Чихая» — 3 снаряда и серьезные пробоины.

3-й боевой отряд (вице-адмирала Дева):

«Касаги» получил несколько снарядов, выходил временно из строя.

«Читосе» — два снаряда, одним из них разбито одно орудие.

«Ниитака» получил один снаряд, «Отава» — тоже один.

4-й боевой отряд (вице-адмирала Уриу):

«Панива» получил несколько снарядов, «Акаси» — 7, «Цусима» — 6, «Такачихо» — два снаряда, поврежден руль.

5-й боевой отряд (Катаока):

«Хасидате» получил два снаряда, на «Мацусима» был поврежден руль, прочие суда повреждений не имели.

6-й боевой отряд получил незначительные повреждения, кроме «Идзуми», на котором разорвало орудие. Крейсер этот, однако, выходил на довольно продолжительное время из строя. Поэтому кажется странным, что, по японским сведениям, он получил всего один снаряд, коим было убито два нижних чина.

Как видно, многие броненосцы, особенно «Микаса», получили значительное число снарядов. Будь бризантное действие наших снарядов более мощным, судьба этого корабля была бы совсем иной.

Характеристика боя

В этом бою, как и во всяком крупном военном событии, ярким образом проявились законы, действующие в области военных явлений, и прежде всего проявился тот непреложный закон, что момент поражения наступает тогда, когда побежденный признал себя таковым. Адмирал Рождественский был побежден еще много ранее, чем вступил в бой. Он шел в бой без всякой надежды на успех. С самого момента вступления в сферу расположения противника он действовал пассивно, подчиняясь течению событий, не проявляя никакой инициативы. Инициатива в направлении хода боя, которая завоевывается обычно с таким расходом энергии, сил и крови, завоевав которую впредь считаешь себя уже победителем, — эта инициатива была уступлена адмиралом Рождественским адмиралу Того даром, и японцам оставалось выполнять свое развертывание сил и свое боевое маневрирование почти так, как то выполняется на маневрах по обозначенному противнику.

Открытие эскадры ночью сторожевыми судами было облегчено им огнями шедших непосредственно за эскадрой госпитальных судов. Ничего не было сделано, чтобы затруднить их службу связи и передачи радиотелеграмм. Разведчикам их было предоставлено беспрепятственно

следить за нашей эскадрой. Наконец, главным силам их была дана возможность настигнуть нашу эскадру, не закончившей построения боевого порядка; неподвижность, вследствие этого, «Осляби» облегчила им первую пристрелку.

С самого начала боя японцам удалось окончательно нарушить командование нашей эскадрой, выведя из строя двух флагманов.

Единственным планом адмирала Рождественского было прорываться на $NO 23^\circ$ кильватерной колонной.

Организация, приданная адмиралом Рождественским нашей эскадре приказом, согласно которой, в случае убыли головного корабля, колонну продолжал вести следующий за ним мателот, оказалась очень прочной. Кильватерная колонна доказала в этом бою всю необычайную свою живучесть. Один за другим нашу эскадру вели «Суворов», «Император Александр III», «Бородино». Пострадавшие в бою суда легко, почти не мешая маневрировавшей колонне и стрельбе, вновь занимали свои места.

Ведшие колонну за убылью кораблей и командиров доблестные капитаны Бухвостов («Александр III»), быть может, Племянников (старший офицер «Александра III»), Серебрянников («Бородино») и Макаров (старший офицер «Бородино») оказались вполне на высоте своей задачи. Они выказали в своих действиях не только слепое подчинение воле адмирала, но и достаточную долю личной инициативы. После выхода из строя «Суворова» начались попытки броненосцев «Император Александр III», а затем «Бородино» провести нашу эскадру на север, проскользнув под корму противнику. Попытки эти оказались неудачными, так как японские адмиралы зорко следили за движениями нашей эскадры и искусным маневрированием их предотвращали.

Кильватерная колонна из 12 броненосцев оказалась слишком громоздкой и неповоротливой. Хотя она и была формально разделена на три отряда, но деление это было чисто фиктивным, так как наши флагманы не имели привычки к маневрированию поотрядно и не умели и не счи-

тали даже себя вправе действовать самостоятельно, как подначальные флагманы в эскадре.

Поставив все свои разнотипные корабли в одну общую колонну, командующий эскадрой сравнивал их качества и преимущества, и новые корабли были сведены к уровню худших.

Транспорты, теснимые японскими крейсерами, привлекли к себе все внимание наших крейсеров, которым главным образом была поручена их защита. И те и другие, вследствие этого, отягощали и без этого неповоротливую нашу эскадру. Миноносцы наши были обращены данной им задачей в спасательные пароходы.

Японские флагманы выказали большое умение действовать в эскадре, подразделенной на отряды. Флагманы их проявили большую согласованность в своих действиях по общему плану и вместе с тем большую самостоятельность. 2-й боевой отряд (Камимуры), действуя вместе со своим старшим флагманом по одному общему противнику, выказал большую самостоятельность и находчивость.

В действиях японских адмиралов незаметно никакой взаимной ревности; нет желания вырвать лавры у своего собрата, которое так часто проявляется у военачальников, действующих совместно, но друг другу не подчиненных. Видна правильная взаимная поддержка во всем.

Адмирал Того и вице-адмирал Камимура проявили прекрасный морской глазомер. Адмирал Того правильно скомбинировал свой первоначальный маневр и прекрасно избрал точку своего поворота. Адмирал Камимура правильно уловил маневр «Александра III» и «Бородино», стремившихся ускользнуть на север и затем вновь склонявшихся на прежний курс, и искусно отпарировал эти попытки.

Все качества японского флота особенно развились под влиянием боевого опыта предыдущей части кампании.

Боевое маневрирование и стрельба на дальние дистанции, практика всех средств службы связи и исправления повреждений при боевой обстановке, полученные ими в Порт-Артурскую половину кампании, наконец, обстре-

лянность личного состава — все это дало японскому флоту неизмеримые преимущества перед нашим.

Деление японского флота на отряды было правильно и позволяло использовать все качества кораблей: крупную артиллерию первого отряда, большой ход 2-го отряда и т. д. При этих условиях и третий отряд Катаока, который был ничем не лучше по своему составу небогатовского 3-го броненосного отряда, нашел себе дело в бою.

Образ действий японцев является крайне характерным. Ученики Мольтке, они смело разбрасывали свои отряды на обширном пространстве, быстро и уверенно сосредоточивая их к месту сражения. Стратегия их сливается с тактикой; марш-маневр — с разведкой; построение боевого порядка — с боем.

Сыны Азии, они применяют излюбленный азиатами маневр — «клещи», огромные железные объятия, в которых они давят противника¹.

Несмотря на то что бой происходил в узкости, влияние близости берегов ничем не сказалось, кроме разве того обстоятельства, что транспортам нашим некуда было уйти, не только ускользнув от неприятеля врассыпную, но даже просто подальше от места боя. Все же Цусимское сражение по его типу можно было бы вполне причислить к числу боев открытого моря, если бы не то обстоятельство, что целью флоту был поставлен прорыв в определенном направлении, что и придало бою до некоторой степени характер прорыва через узкость.

Несмотря на сравнительно ограниченное пространство, на котором происходила как японская разведка, так и самый бой, громадность морского простора все же давала себя чувствовать. Как разведка, так и служба связи, несмотря на отсутствие препятствий к ее отправлению с нашей стороны, были крайне затруднительны, и если бы не слепой случай — огни на госпитальных судах, — разведка японцев оказалась бы далеко не вполне удачной.

¹ В противность этому излюбленный прием европейского военного искусства — клин, столь блистательно примененный Нельсоном при Трафальгаре, Тегетгофом — при Лиссе.

Японцам следовало бы иметь более густую передовую наблюдательную цепь.

Несмотря на то что «Идзуми» все время следил за нашей эскадрой и беспрепятственно телеграфировал о ее местонахождении, японским крейсерам нелегко было ее найти. Также отряд вице-адмирала Катаока не скоро разыскал ее во время обходного движения после полудня после присоединения к главным силам — для атаки крейсеров и транспортов.

Хотя современный метод расположения сил, при котором они могут быть развернуты в нужном направлении, взаимно друг друга охраняя и прикрывая и постепенно друг друга усиливая впредь до развития полной мощи, и был вполне усвоен японцами, но в применении его было много несовершенств вследствие тех затруднений, которые представляет собой морской театр военных действий и сама новизна применения этого метода на море в Русско-японскую войну у японцев. В более раннюю эпоху этот метод не мог бы быть применен полностью, так как для его применения необходима была техническая возможность надежной службы связи на море. Эту связь оказалось возможным надежным образом обеспечить лишь применением радиотелеграфа.

Нарушение этой связи несомненно в корне же пресекло бы японцам возможность стройного применения ими их метода. Несколько мощных, умело примененных радиотелеграфных станций на русской эскадре, нарушив связь между их отрядами, сделали бы большее дело, чем десятки пушек.

Дневные атаки миноносцев в бою 14 мая даже на безоружного почти «Суворова» при дальности мин Уайтхеда до 2000 метров и при поддержке крейсеров и броненосцев были все неудачны, что лишний раз указывает на трудность, если не невозможность, организации дневных атак миноносцев.

В военном деле непозволительно осуждать действия побежденного, не указывая возможного выхода из того положения, в котором он оказался. Поэтому необходимо указать, что адмирал Рожественский мог предпринять, раз он решился прорываться Цусимским проливом и встретился там с японским флотом.

Прежде всего адмиралу Рожественскому надлежало, как только он был открыт японцами, сделать все возможное, чтобы нарушить радиотелеграфную связь между отрядами противника¹. Японцы, дабы не упустить нашей эскадры, были принуждены рассеять свои силы по большому пространству, и радиотелеграфная связь являлась существеннейшим элементом их сил. Нарушение этой связи радиостанциями нашей эскадры, шедшей соединенно и поэтому не столь нуждавшейся в радиотелеграфе, было тем преимуществом нашей эскадры, которым грех было не воспользоваться. Это было бы ударом по слабому месту противника.

Далее, как выше уже было сказано, при первой же встрече с японскими крейсерами ему следовало энергично их атаковать. Слабость связи между передовыми японскими отрядами, проявившаяся в сравнительной медленности их сосредоточения, допускала возможность успеха такой атаки. Японским броненосцам, которым пришлось бы выручать свои крейсера, пришлось бы завязать бой при совершенно иной обстановке, чем та, при которой завязался бой. Очень вероятно, что, ввязав в бой с японскими крейсерами 3-й броненосный отряд и свои крейсера и отвлекши внимание на них Камимуры и Того, нашим двум броненосным отрядам была возможность проскользнуть на север.

При встрече с японскими главными силами была выгодна стремительная атака на сближение². Этим скрадывался бы наш главный недостаток, неумение стрелять на большие дистанции и стройно маневрировать в эскадре. Общая свалка, не входившая в интересы сильной стороны — японцев, была вполне в наших интересах. Если бы японцы стали уклоняться от такой свалки, они должны были бы принять погоню нашей эскадры и в значительной степени выпустить инициативу действий из своих рук.

Трудно сказать, какова была бы разница в результатах боя в том случае, если бы адмирал Рожественский посту-

¹ При тогдашних условиях техники это было удобоисполнимо.

² На это указывает также кап. 2 р. Смирнов в своей превосходной статье «Сражение в Корейском проливе 14 и 15 мая 1905 г.».

пил, как здесь указано; но такой образ действий был бы правилен, так как наша слабая сторона была бы таким образом прикрыта, а сильная — преимущество в количестве крупной артиллерии и бронейности снарядов — была бы рационально использована.

АТАКИ МИНОНОСЦЕВ. БОЙ 15 МАЯ. СУДЬБА РУССКИХ КОРАБЛЕЙ

Японские броненосцы и крейсера сосредоточиваются к Дажелету; миноносцы готовятся атаковать русскую эскадру. Телеграмма Того. Контр-адмирал Небогатов собирает эскадру; роль крейсеров. План контр-адмирала Небогатова. Атаки японских миноносцев. Действия наших миноносцев. «Анадырь», «Корея» и «Свирь». Действия контр-адмирала Энkvиста. Конец минных атак. Гибель «Наварина». Подробности о минных атаках. Расположение японского флота к рассвету 15 мая. Расположение русских судов к рассвету 15 мая. «Безупречный»; Того получает телеграмму контр-адмирала Катаока о местонахождении нашей эскадры. Окружение и сдача Небогатова. «Изумруд», «Орел», «Светлана», «Быстрый», «Сисой Великий», «Адмирал Нахимов», «Владимир Мономах» и «Громкий». «Дмитрий Донской», «Буйный», «Грозный», «Бедовый», его сдача. «Адмирал Ушаков», «Бодрый» и «Блестящий», «Иртыш», «Алмаз», «Бравый». Отряд контр-адмирала Энkvиста. «Свирь», «Анадырь», «Корея». Мероприятия японцев. Вместо заключения.

**Японские броненосцы и крейсера
сосредоточиваются к Дажелету; миноносцы
готовятся атаковать русскую эскадру.
Телеграмма Того**

В то время как смеркалось и артиллерийский бой близился к концу, японские миноносцы сосредоточивались к нашей эскадре, окружая ее и стремясь вступить в соприкосновение с нею засветло, чтобы не упустить ее в темноте.

Японские боевые отряды готовились к новому сосредоточению близ острова Дажелета, чтобы встретить наш флот на другой день для довершения его поражения. На

ночь они должны были удалиться с места сражения, чтобы предоставить полную свободу действий своим миноносцам. При таких условиях получалась полная гарантия, что японские миноносцы не будут принимать неприятельские суда за свои и обратно, а с другой стороны, и японские корабли получали уверенность, что всякий приближающийся к ним миноносец — неприятельский, и могли смело топить его.

У места боя должны были остаться только вспомогательные крейсера (суда особого назначения), которым, по свидетельству «О. В. Д. на море в 37—38 гг. Мейдзи», т. IV, стр. 86, поручалось захватывать потерявшие боевую способность русские суда. Сверх того, по свидетельству некоторых участников боя, они должны были также помогать своим миноносцам разыскивать неприятеля. Увидев одно из наших судов, они освещали его прожектором и затем, приподняв луч, проводили им в сторону движения найденного корабля. Под прожектором, как опознавательный сигнал, они показывали яркий красный огонь.

Кроме японских вспомогательных крейсеров, у места боя остался 7-й боевой отряд (к.-адм. Ямада), несший сторожевую службу у острова Sentinel (близ Корейского берега).

Итак, после захода солнца, в начале восьмого часа вечера, после гибели «Суворова» и «Бородино» японский флот прекратил бой и ушел к северу по направлению к острову Дажелет, у которого ему было приказано собраться. В тот же вечер адмирал Того телеграфировал в свою главную квартиру:

«Соединенный флот атаковал неприятельскую эскадру близ острова Окиносима и нанес ей большое поражение. По меньшей мере потоплено 4 неприятельских судна, а прочим судам нанесены большие повреждения. Потери в нашем флоте невелики. Минные суда с заходом солнца пошли в атаку»¹.

Вот как описывает сосредоточение миноносцев для атаки японский историк:

«1-й отряд истребителей (этот отряд днем следовал за 1-м боевым отрядом, но к заходу солнца обошел его с носу,

¹ О. В. Д. на море в 37—38 гг. Мейдзи, т. IV, стр. 80.

а в 7 часов 30 минут появился к *N* от русской эскадры), 2-й отряд истребителей (он держался днем у 2-го боевого отряда, но с 6 часов вышел к *N* от неприятеля) и 9-й отряд миноносцев (отряд этот до полдня был при эскадре, но временно укрылся в Миура-Ван; в 3-м часу дня вышел оттуда, в конце седьмого часа догнал эскадру, снова отделился от нее и вышел к *N* от неприятеля) уже преграждали путь русской эскадре с севера.

3¹, 4² и 5-й³ отряды истребителей приближались с Осбоку от русской эскадры.

1⁴, 10⁵, 15⁶, 17⁷, 18⁸ и 20-й⁹ отряды миноносцев шли с юга, чтобы ударить ее с тыла. Таким образом неприятель (русские) был окружен почти с трех сторон.

¹ Днем третий отряд держался у 1-го боевого отряда, в 0 часов дня пошел было в атаку на «Суворова», но, встретив главные силы неприятеля, не достиг своей цели. С тех пор держался один, в 7 часов, идя на *NO*, случайно слева по носу увидел русскую эскадру, идущую на *N*, и пошел ей вдогонку.

² 4-й отряд после атаки «Суворова» в 6-м часу снова следовал за 2-м отрядом и тоже пошел на неприятеля.

³ 5-й отряд атаковал в 3 часа 50 минут «Суворова», пошел за 2-м боевым отрядом и также направился на неприятеля.

⁴ 1-й отряд миноносцев, находясь предыдущей ночью на сторожевой службе у острова Ики, опоздал прийти к 3-му боевому отряду и, выйдя самостоятельно из восточной бухты у Коозаки, в 6 часов 15 минут вечера, наконец, едва догнал 5-й боевой отряд и немедленно с прочими миноносцами пошел на *NW* в поисках за неприятелем.

⁵ 10-й отряд миноносцев днем следовал за 6-м боевым отрядом, а в 0 часов 30 минут пошел было в атаку на «Суворова», но так как 11-й отряд сообщил, что уже потопил его, то вернулся и, отделившись от 6-го боевого отряда, пошел прямо к бывшему на *N* неприятелю.

⁶ 15-й отряд миноносцев днем состоял при 6-м боевом отряде. Позже пошел на неприятеля.

⁷ 17-й отряд утром 14 (27) мая, состоя при 5-м боевом отряде и выйдя из Озаки, отделился от отряда и шел за «Яеяма»; в 7 часов вечера отделился от него и пошел в атаку.

⁸ 18-й отряд, выйдя 14 (27) мая утром из Такесики, присоединился к 5-му боевому отряду при выходе его из Озаки. В 7 часов вечера отделился от отряда и пошел в атаку на неприятеля.

⁹ 20-й отряд днем состоял при 5-м боевом отряде и вместе с другими миноносцами следовал за «Яеяма». В 8 часу отделился от него и пошел в атаку на неприятеля.

Солнце уже зашло, и мрак постепенно покрывал поверхность моря. Наши истребители и миноносцы должны были двигаться так, чтобы не потерять связь с русской эскадрой. Дувший с утра ветер стих, но волна все-таки была еще настолько велика, что качка достигала 50—60°, суда не держались на курсе; в бинокли, пропитанные соленой водой, ничего не было видно; но, несмотря на все эти трудности, дух личного состава был тверд, и миноносцы стремились к достижению своей цели¹.

Таким образом, 13 миноносцев преграждали нашей эскадре путь на север, 12 — с востока и 18 — с юга.

К.-адм. Небогатов собирает эскадру; роль крейсеров

Вскоре после заката солнца к.-адм. Небогатов поднял сигнал «следовать за мной», обогнал на «Императоре Николае I» «Орла» и вышел в голову эскадры. За «Орлом» шел немного вне строя «Адмирал Ушаков», затем — «Адмирал Сенявин», «Генерал-Адмирал Апраксин», «Сисой Великий», «Наварин» и «Нахимов»².

Крейсер «Изумруд» вернулся после своей невыполненной попытки спасти команду «Императора Александра III» к эскадре, поместился близ левого траверза «Императора Николая I» и держался у него.

Почти тотчас же по вступлении в голову эскадры Небогатов, дабы избежать миноносцев, наседавших справа, спереди и сзади, изменил курс влево, т. е. на *SW*, намереваясь пройти за линию крейсеров, которые, по его соображениям³, должны были находиться позади, на правую раковину. За темнотой крейсеров уже не было видно. В действительности они находились несколько

¹ О. В. Д. на море в 37—38 гг. Мейдзи, т. IV, стр. 129.

² Донесение лейт. Максимова 4-го. («Адмирал Ушаков»). Документы. Отд. IV, кн. 3, вып. 3, стр. 507. По его свидетельству, «Ушаков» шел в кильватере «Орлу». Он вышел вскоре из строя.

³ Показ. к.-адм. Небогатова след. ком. о Цусимском бое. Прот. № 27. А. В., шк. 4, д. 203, стр. 210.

слева, позади броненосцев. Эскадра наша была в полном расстройстве. Вот как описывает ее положение мичман Энгельгардт, наблюдавший ее с марса «Адмирала Нахимова»:

«Крейсера, миноносцы и транспорты были уже далеко слева (они повернули на S около 7 часов 25 минут, то есть вскоре после гибели «Бородина»¹), когда головной наш «Орел» повернул влево на 8 R; почти одновременно с ним повернул и «Николай I».

Вид этих кораблей, идущих как бы в строе фронта, нарушил порядок колонны. «Сенявин»² продолжал править в кильватер своему мателоту (он чуть не протаранил «Орла», который хотел занять его место). «Ушаков» повернул одновременно с «Николаем»; «Апраксин», немного оттянувшийся, хотел догнать и шел на пересечку; «Наварин» несколько раз склонялся влево; «Сисой», «Нахимов» выбрали также «золотую середину» между фронтом и кильватером»³.

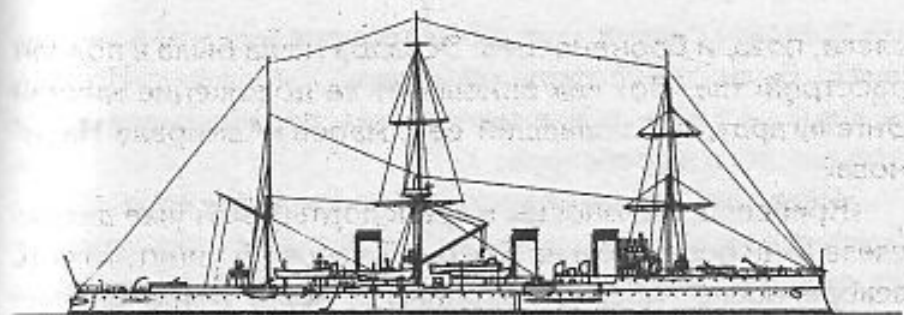
Итак, Небогатов хотел укрыться от миноносцев за линией крейсеров. Мысль совершенно правильная, так как одной из главных обязанностей легких крейсеров ночью является защита главных сил от миноносцев. Это стало ясным для всех позднее после войны, когда назначение легкого крейсера в эскадре окончательно определилось. Не следует забывать, что описываемые факты имели место в 1905 году, когда функции легкого крейсера были далеко не ясно определены. Заметим, что в то время в большинстве флотов крупные миноносцы назывались истребителями миноносцев, и незадолго до войны столь авторитетное лицо, как адмирал Макаров, проектировало линейные флоты, составленные из легких крейсеров.

Адмирал Рожественский в своих приказах недостаточно выяснил роль крейсеров, как защитников главных сил

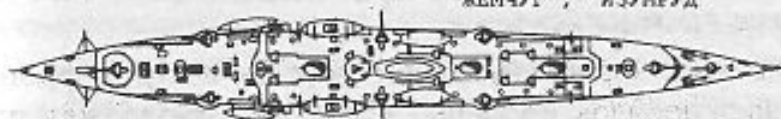
¹ То есть почти одновременно с к.-адм. Небогатовым.

² Вероятно, мичман Энгельгардт принял «Ушакова», шедшего за «Орлом», за «Сенявина».

³ Документы. Отд. IV, кн. 3, вып. 2, стр. 346.



«ЖЕМЧУГ», «ИЗУМРУД»



от миноносцев, дав такое поручение лишь «Жемчугу» и «Изумруду». К.-адм. Энквист, по-видимому, вовсе не считал это своей обязанностью.

«После поворота эскадры, — доносит он, — обойдя транспорты и миноносцы, крейсера повернули и легли на SW. В это время за «Олегом» шли «Аврора», «Владимир Мономах» и отставший «Дмитрий Донской», а с левой стороны держался «Жемчуг». Все прочие суда эскадры находились левее крейсеров... Далее крейсерскому отряду пришлось действовать самостоятельно, так как суда нашей эскадры не открывали огня и за темнотой нельзя было проследить, в какую сторону она направилась»¹.

Адмирал Энквист, таким образом, не считал, что на его обязанности лежали активные действия против миноносцев, так как этого ему поручено не было.

«Жемчугу» и «Изумруду» было поручено оборонять броненосцы от миноносцев. Но само понятие об активной обороне было чуждо их командирам. Оборона, по-видимому, понималась, как находиться возле и пассивно отстреливаться; «Жемчуг», впрочем, забыл и об этом данном ему приказании адмирала Рожественского и присоединился к кильватерной колонне крейсеров к.-адм. Энквиста.

¹ Документы. Отд. IV, кн. 3, вып. 2, стр. 10.

Прочими судами, о которых говорит здесь к.-адм. Энkvист, были транспорты «Анадырь», «Корея», «Иртыш», «Свирь», а также и все миноносцы, державшиеся около транспортов и крейсеров.

«Светлана» шла за «Авророй» в числе крейсеров, следовавших в кильватер адмиралу Энkvисту¹. «Алмаз» отделился от эскадры в момент поворота ее на SW. Между ним и крейсерами находились транспорты. Командир «Алмаза» опасался быть отрезанным от своих крейсеров японскими броненосцами и крейсерами, которые, как ему казалось, маневрировали с целью отрезать наши крейсера от наших броненосцев. Намереваясь присоединиться к отряду крейсеров, он увеличил ход и лег на NO с тем, чтобы выйти на свободу и затем уже вернуться к крейсерам. Разойдясь с нашей эскадрой, он не мог ее разыскать и пошел самостоятельно во Владивосток².

«Курсом в SW четверть, — показывает Небогатов следственной комиссии, — я шел до начала 9-го часа во избежание наскочить на могущие быть разбросанными неприятелем плавучие мины, после чего привел на курс NO 23°.

При этом повороте наши броненосцы разошлись окончательно с крейсерами контр-адмирала Энkvиста. Транспорты также оказались в особой куче, и, таким образом, эскадра распалась как бы на три отдельные группы: броненосцы, крейсера и транспорты. Впрочем, сразу же и эти три группы начали распадаться. Так, еще до 9 часов вечера от отряда броненосцев Небогатова отстали и отбились «Адмирал Ушаков», «Сисой Великий» и «Адмирал Нахимов».

«Около 9 часов вечера, — доносит лейтенант Максимов 4-й (броненосец «Адмирал Ушаков»), — выяснилось, что броненосец не мог держать эскадренного хода вследствие дифферента на нос; следовавшие за ним броне-

¹ Донесение лейт. Сонцова. Документы. Отд. IV, кн. 3, вып. 2, стр. 312.

² Донесение флигель-адъютанта Чагина. Документы. Отд. IV, кн. 3, вып. 2, стр. 201.

носцы «Адмирал Сенявин» и «Генерал-Адмирал Апраксин» последовательно обошли «Адмирала Ушакова», и около 11 часов вечера весь впереди шедший отряд скрылся из виду¹.

«Сисой Великий» потерял свою эскадру, по-видимому, много раньше. Кап. 1 р. Озеров доносит: «Вначале все наши суда, насколько можно разглядеть было, шли еще в кильватере, но со сгущением темноты при отсутствии каких-либо огней, кроме случайно открываемых прожекторов и за несомненной неправильностью показания компасов в боевой рубке, — остальных не существовало, — суда, должно быть, разлучились, что доказывалось теми же случайными открытиями прожекторов в самых неожиданных точках горизонта и отдаленностью стрельбы»².

Мичман Энгельгардт («Адмирал Нахимов») рассказывает:

«...мы правили в кильватер «Наварину», который, судя по тому, что нам приходилось переключать руль с борта на борт, менял свой курс крайне часто. Вскоре мы его за наступившей темнотой потеряли, но продолжали идти за стрелявшими по миноносцам судами. Очевидно, все суда маневрировали самостоятельно, так как лучи прожекторов показались в разных местах»³.

За «Императором Николаем I» следовали «Орел», «Адмирал Сенявин», «Адмирал Апраксин», «Наварин»; этот последний получил минную пробоину и отстал от отряда в десятом часу вечера⁴.

От крейсерского отряда еще около 8 часов вечера отстал «Владимир Мономах»⁵. «Дмитрий Донской» отстал от

¹ Документы. Отд. IV, кн. 3, вып. 3, стр. 507.

² Там же, стр. 363—364.

³ Документы. Отд. IV, кн. 3, вып. 2, стр. 346—347.

⁴ Показания следственной комиссии сигнальщика Седова, прот. № 2, комендора Кузьмина, прот. № 3, и кочегара Дергачева, прот. № 4. А. В., шк. 4, д. 203, стр. 9—14.

⁵ Донесение кап. 1 р. Попова. Документы. Отд. IV, кн. 3, вып. 3, стр. 409.

него в начале 10-го часа вечера¹. Крейсера эти не могли следовать за к.-адм. Энkvистом, все прибавлявшим ход, который увеличился настолько, что даже «Светлане» было трудно за ним поспевать, и она потеряла его около 10 часов вечера².

Все эти суда держались некоторое время вблизи броненосцев, но затем разлучились в темноте с ними и пошли на север самостоятельно.

Транспорты с наступлением темноты разбрелись в разные стороны.

Движения этих судов были весьма запутаны, да и сами они ночью плохо знали свое место ввиду частой перемены курсов и ходов, а определять место было не по чему, да и нечем за ненадежностью показаний компасов, находившихся в боевых рубках; установки же прочих компасов были почти все сбиты, а звезды показывались лишь по временам.

Впрочем, эти подробности имеют мало интереса. Тут сказан недостаток практики наших судов в плавании ночью без огней.

План к.-адм. Небогатова

План принявшего командование отрядом броненосцев к.-адм. Небогатова заключался в том, что он стремился вести свой отряд к северу на курс *NO 23°*, ведущий во Владивосток, но по временам, с целью избежать атаки миноносцев, менял его на *8 R*.

Суда, принадлежавшие к отряду Небогатова, согласно его распоряжению и обучению, с наступлением темноты старательно скрыли свои огни и не открывали освещения прожекторами, вследствие чего неприятельским миноносцам было трудно их открыть и благодаря чему суда его отряда не получили ни одной мины, кроме крейсера «Влади-

¹ Донесение кап. 2 р. Блохина. Документы. Отд. IV, кн. 3, вып. 3, стр. 442.

² Документы. Отд. IV, кн. 3, вып. 2, стр. 312.

мир Мономах», получившего мину при особых, как будет видно ниже, обстоятельствах.

Остальные суда в первое время ночи постоянно открывали боевое освещение, что, по свидетельству японцев, очень облегчало неприятельским миноносцам находить их.

Атака японских миноносцев

«Был 9-й час вечера, стало темно. Адмирал Небогатов вторично изменил курс на *NO 23°* (состав эскадры в этот момент: «Николай I», «Орел», «Апраксин», «Сенявин», значительно отставшие броненосцы «Ушаков», «Наварин», «Сисой», «Нахимов» и слева от «Николая I» крейсер «Изумруд») и пошел ходом около 12 узлов прямо во Владивосток. Поджидавшие случая атаки наши миноносцы вдруг нагрянули с трех сторон с востока, севера и юга. Так как на нескольких неприятельских судах засветили прожекторы, то это, наоборот, только обнаружило место неприятеля, и наши миноносцы, рассекая громадные волны и пробираясь сквозь ночную темноту, подошли вплотную к неприятелю и здесь выполнили свою страшную атаку¹.

Первой жертвой этой атаки был крейсер «Адмирал Нахимов», получивший в начале 9-го часа вечера пробоину в носовой угольной яме, бывшую причиной его гибели на другой день². После этого он уже не открывал более прожекторов.

«Сисой Великий» получил около 11 часов 15 минут вечера мину³ под румпельное отделение, повредившую руль и лишившую возможности править рулем.

«Наварин» получил первую минную пробоину около 10 часов вечера в корму с левой стороны и настолько сел кормой, что вода доходила до кормовой башни. Во втором

¹ О. В. Д. на море в 37—38 гг. Мейдзи, т. IV, стр. 131.

² Документы. Отд. IV, кн. 3, вып. 1, стр. 133, 210.

³ Документы. Отд. IV, кн. 3, вып. 3, стр. 364.

часу ночи он получил две мины: одну в середину корабля с правой стороны, а другую — с левого борта против кормовой башни, после чего он затонул. С него спаслись только три нижних чина¹.

«Владимир Мономах» до 8 часов 30 минут вечера был атакован трижды, и в тот же промежуток времени он дважды открывал огонь по приближавшимся к нему без опознавательного сигнала нашим миноносцам «Бедовый» и «Громкий». В конце 9 часа к нему приблизились с кормы три миноносца, начавшие делать опознавательные сигналы, почему командир «Мономаха» приказал прекратить по ним огонь. Миноносцы оказались японскими и, подойдя к крейсеру настолько близко, что с ними начали переговариваться голосом, выпустили мины. Одна из них попала в носовую часть крейсера, под выступ правого 6'' орудия, и нанесла ему повреждение, сделавшееся причиной его гибели на другой день.

По показанию мичмана Потемкина, командир «Громкого», следовавшего за «Мономахом», кап. 2 р. Керн, увидев выстрел миной японского миноносца, бросился полным ходом на пересечку мины с целью прикрыть «Владимира Мономаха», но мина прошла у него под килем.

Действия наших миноносцев

Наши миноносцы никаких активных действий не предпринимали и разбрелись в разные стороны. Некоторые из них, как было видно выше, подошли ночью к своим судам и старались держаться около них.

«Бодрый» и «Блестящий», из коих последний получил днем, спасая команду с «Ослябя», несколько пробоин, причем одну подводную в носовую часть, шли за крейсерским отрядом, но с наступлением темноты отстали от него и пошли на юг, так как, имея справа и сзади неприятельские

¹ Показания следственной комиссии сигнальщика Седова, прот. № 2, комендора Кузьмина, прот. № 3, и кочегара Дергачева, прот. № 4. А. В., шк. 4. д. 203, стр. 9—14.

миноносцы, а слева неприятельские крейсера (какие? все они давно шли к Дажелету), повернуть к *N*, по словам командира «Бодрого», не могли¹.

«Громкий» и «Бравый» держались около «Мономаха», «Грозный», «Бедовый» и «Буйный» — около «Донского». «Быстрый» переходил сперва от одного крейсера к другому и, наконец, примкнул к «Светлане». «Безупречный» с наступлением темноты отбил от эскадры.

Идею миноносцам держаться ночью во время неприятельских минных атак около своих крупных судов при обстоятельствах данного времени трудно назвать иначе как нелепой. Кроме опасности быть принятыми за неприятельские и расстрелянными собственными судами, есть меньшая опасность для крупных судов принять неприятельский миноносец за свой и подпустить его к себе, что и случилось с «Владимиром Мономахом».

«Ночью появились, — доносит кап. 2 р. Блохин («Дмитрий Донской»), — и стали держаться за кормой «Донского» два миноносца; скоро показался и третий, который шел некоторое время тоже соединенно с нами. Только один миноносец хотя и неотчетливо, но показывал опознавательные огни; из двух остальных один нес отличительные огни, а другой был совершенно без огней. При таких условиях признавать миноносцы за свои было рискованно, а принять их за японские и открыть по ним огонь не позволяла мысль о возможности страшной ошибки, тем более что случаи нестрогого отношения к системе опознавательных сигналов раньше бывали. Оставалось одно средство — это усиленно следить за миноносцами².

Миноносцы не получили никаких указаний от адмирала Рожественского, что им делать в ночь после боя. В предыдущие ночи, когда уже была опасность японских минных атак, он их держал в строю эскадры. Поэтому они и сочли, что поручение держаться при крупных судах днем должно касаться и ночи.

¹ Документы. Отд. IV, кн. 3, вып. 2, стр. 217.

² Документы. Отд. IV, кн. 3, вып. 3, стр. 443—444.

Отсутствие в нашем флоте правильного военного образования и обучения как в мирное время, так и за время похода 2-й эскадры в достаточной мере объясняет это странное недоразумение.

«Анадырь», «Корея» и «Свирь»

Транспорты «Анадырь», «Корея» и пароход «Свирь», отбившись ночью от эскадры, ушли самостоятельно на *С*, а «Иртыш» на *О*.

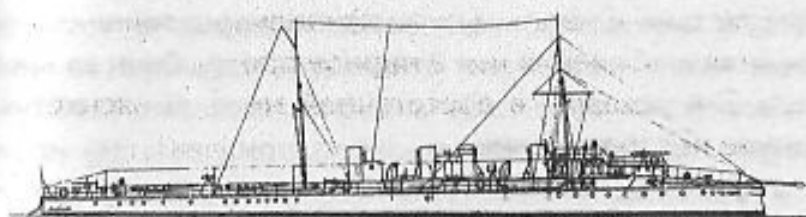
Действия к.-адм. Энквиста

Адмирал Энквист описывает свои действия в эту ночь следующим образом:

«Вскоре по наступлении темноты по курсу крейсерского отряда с «Олега» были замечены идущие в атаку неприятельские миноносцы, а потому в 7 часов 25 минут лег на *С* и дал полный ход для избежания попадания мин, а также для того, чтобы попытаться пройти на север, обогнув нашу эскадру, что, впрочем, скоро должен был признать слишком рискованным, так как пришлось бы перерезать путь всем судам нашей эскадры, курс и скорость которых мне были неизвестны.

Поэтому решил продолжать идти тем же курсом, чтобы, выйдя из сферы действия японских миноносцев, повернуть на север, обойдя неприятеля с запада. На этом курсе приходилось часто переключать руль с борта на борт, отворачивая от нападающих миноносцев, которые иногда были так близко, что ясно были слышны звуки выстрелов из минных аппаратов и видны вспышки пороховых зарядов. Таких выстрелов, выпущенных по «Олегу» и идущей близко за ним «Авроре», насчитали более семнадцати.

Около 8 часов 15 минут вечера миноносцы, по-видимому, нас потеряли, а потому решил повернуть на Владивосток, оставив неприятеля к *О*. Лег на *НО* 30°, но вскоре был атакован внезапно появившимся в расстоянии кабельтова четырьмя японскими миноносцами и в то же



Тип «БУЯНЫЙ»

время по носу открыл огни японского флота. Пришлось лечь на *SSW* и идти этим курсом до 9 часов вечера, когда решил повторить попытку прорваться на север, отойдя предварительно на запад.

Взял курс на *W*, которым шел до 9 часов 35 минут, когда снова повернул на *N*; но, не пройдя этим курсом и получаса, снова в 10 часов вечера подвергся минной атаке и по носу опять увидел огни японской эскадры. Пришлось отвернуть и лечь на *SW* курс, ведущий к выходу из Корейского пролива. Не оставляя мысли попытаться пройти во Владивосток, несколько раз на этом курсе пробовал поворачивать вправо, но каждый раз благодаря этому сближался с идущим, по-видимому, параллельно японским отрядом или всей их эскадрой.

В 1 час ночи решил отказаться от первоначального своего плана и идти до рассвета на *SW*, рассчитывая, может быть, увидеть нашу эскадру, отступающую на угольщики, оставленных в Шанхае, как это, по-видимому, предполагалось в случае неудачи в Корейском проливе¹.

Первоначальный образ действий к.-адм. Энквиста, раз он не считал своей обязанностью атаковать японские миноносцы, был целесообразен. Чтобы проскользнуть на север и избежать столкновения с нашими броненосцами и транспортами, скрывавшимися в темноте, ему нужно было прежде всего выйти на чистое место, как это сделали «Светлана» и «Алмаз», и затем уже поворотить на север.

¹ Документы. Отд. IV, кн. 3, вып. 2, стр. 11—12.

Вследствие атаки миноносцев, которых ему самому прежде всего надлежало атаковать, и увидев какие-то огни, вероятно, огни рыбацких флотилий, которые тучами снуют по Корейскому проливу, придавая ему иногда вид людного города, и которых было много в море и в эту страшную ночь, адмирал Энkvист отказался от своей попытки.

Здесь мы видим ту же пассивную покорность неприятелю, которая проявлена всеми тремя нашими адмиралами с начала боя. Активный прорыв сквозь неприятельские миноносцы быстроходных крейсеров с совершенно цельной артиллерией не опаснее пятнадцатого шатания из стороны в сторону вблизи места нахождения этих миноносцев. Прорыв вел к единственной, правильной цели, оставшейся после отказа от обязанности отгонять неприятельские миноносцы от эскадры. Нерешительный по природе, адмирал был окончательно сбит с толку командиром его флагманского корабля Добротворским, настойчиво отсоветовавшим ему идти на север и указавшим на недостаток угля, повреждения крейсеров и другие реальные и воображаемые опасности.

Но прежде, нежели прорываться на север или на юг или по иному направлению, адмиралу Энkvисту надлежало озаботиться о вверенных ему командованиям крейсерах, не могущих дать того хода, который развивал флагманский корабль.

Хотя «Донскому» и «Мономаху» и было дано утром адмиралом Рожественским особое поручение охранять транспорты, но поручение это касалось, несомненно, лишь походного порядка. Это распоряжение не мешало адмиралу Энkvисту днем считать эти крейсера под своей командой.

Дав полный ход для избежания атак миноносцев, адмирал Энkvист оставил свои корабли без всяких распоряжений — бросил их на произвол судьбы.

Конечно, в некоторых случаях следует жертвовать тихоходными и слабыми, чтобы не погубить лучшие корабли, а боевая ценность «Дмитрия Донского» и «Мономаха»

была сомнительной. Но все же трудно оправдать образ действий адмирала Энkvиста, оставившего подчиненные ему корабли без всякого внимания. Неприятельские миноносцы были видны еще засветло. Адмирал Энkvист в сумерках поднимал сигналы, и ему надлежало позаботиться о своих тихоходных кораблях.

Конец минных атак. Гибель «Наварина»

Но вернемся к остаткам нашей эскадры. Массовые минные атаки на нее — около 40 миноносцев — продолжались до одиннадцати часов ночи, после чего японцы потеряли ее из виду.

Японские отряды по четыре миноносца действовали самостоятельно, и общее командование всей массой миноносцев выразилось в распределении их в три большие группы, в сосредоточении и расположении их в начале сумерек для нанесения первого удара. По-видимому, все это было выполнено без сигналов, по заранее изданному приказу-диспозиции и распоряжениями по беспроволочному телеграфу.

По окончании общей атаки почти все миноносцы вернулись на якорные места, а часть направилась к Дажеле-ту, по пути продолжая разыскивать наши суда. 4-й отряд истребителей встретил около 2 часов ночи «Наварина» и потопил его.

Потери японцев, по их словам, заключались в трех миноносцах, №№ 34, 35 и 69, кроме того, четыре истребителя и три миноносца сильно пострадали от огня наших кораблей. Несколько других пострадало от столкновений между собою.

По донесениям наших офицеров, включая сюда все без исключения показания о потоплениях миноносцев, «Сисой Великий», «Адмирал Нахимов» и «Владимир Мономах» считали, что потопили по три миноносца, а «Дмитрий Донской» — одного или двух, итого десять. Подробную картину потопления те же корабли рисуют относительно четырех миноносцев, и очевидцы каждого из этих ко-

раблей более или менее уверенно говорят о потоплении еще по одному миноносцу. Таким образом, по русским источникам, считались потопленными от четырех до восьми миноносцев.

Подробности о минных атаках

Подробности атак миноносцев можно заимствовать только из японского источника.

«Появившиеся с *N* от неприятеля 4 миноносца 2-го отряда истребителей «Оборо», «Икадзучи», «Инадзума», «Акебоно» в самом начале 9-го часа вечера впереди прочих отрядов устремились к головному кораблю неприятеля, который открыл жестокий огонь; снаряды подобно граду падали вокруг отряда повсюду, но он все-таки приближался. В 8 часов 10 минут, идя противным курсом с неприятелем, «Оборо» с расстояния 500—600 метров выпустил первую мину; прочие три миноносца выпустили мины вслед за ним. На «Икадзучи» снарядом была перебита главная паровая труба, повалил густой пар, миноносец убавил скорость и остался один на расстрел неприятеля. В него попало несколько снарядов, которыми были пробиты все три дымовые трубы, кают-компания и проч., и были ранены два офицера, старший кондуктор и 9 нижних чинов. Миноносец, стреляя из 12-фунтовых орудий, оставался в пределе падения неприятельских снарядов около 8 минут, наконец постепенно отошел (вследствие полученных повреждений миноносец пошел в Такесики).

В «Инадзума» также попало два снаряда, но повреждения были не велики; после атаки он подошел на помощь к «Икадзучи», но, получив от него ответ, что способен к плаванию без посторонней помощи, отошел. «Акебоно», видя, что с «Икадзучи» валит пар, также хотел взять его на буксир, но потерял его из виду. Позже он соединился с «Оборо» и «Инадзума». На «Оборо» был убит 1 чиновник и ранены врач и 4 нижних чина. На «Акебоно» были ранены старший кондуктор и 3 нижних чина. Эта была первая атака этой ночи.

Находившиеся к северу от неприятеля истребители 1-го отряда «Харусаме», «Фубуки», «Ариаке», «Араре» и «Акацуки» (захваченный в Чифу бывший русский миноносец «Решительный»), следуя за 2-м отрядом, направились к неприятелю. Начальник отряда капитан 1 ранга Фудзимото велел 2-му («Ариаке» и «Араре») и 3-му («Акацуки») отделениям отряда действовать самостоятельно, а сам с 1-м отделением («Харусаме» и «Фубуки») шел вперед. В 8 часов 40 минут, когда момент атаки приближался, «Харусаме» столкнулся с миноносцем 5-го отряда «Югири» и получил пробой под ватерлинией длиной почти в 1 метр и шириной в 30 сантиметров. «Фубуки», избегая столкновения с одним из миноносцев, в конце концов разошелся с «Харусаме», и оба миноносца в одиночку разыскивали неприятеля, но не нашли («Харусаме» на другое утро отправился для ремонта в Такесики, а «Фубуки» соединился с «Синано-Мару»). «Акацуки» также столкнулся с миноносцем 1-го отряда № 69 и получил в двух местах повреждения борта; так как вода сильно прибывала и два кормовых отделения были затоплены водой, то он отказался от атаки и на другое утро прибыл в Такесики. Только «Ариаке» и «Араре» около 9 часов 8 минут с расстояния 300—500 метров атаковали неприятеля и затем направились к острову Дажелет.

За время этой атаки на «Араре» был ранен 1 нижний чин.

Гнавшиеся вслед за неприятелем с *Ost'a* 4 истребителя 3-го отряда — «Синономе», «Усугумо», «Касуми» и «Сазанамии» — в 8 часов вечера догоняли арьергард неприятельской эскадры, но так как неприятель изменил курс на SW, то 3-й отряд истребителей, обрезав неприятелю корму, вышел на правую сторону и пошел одинаковым с ним курсом. Немного спустя отряд увидел, что несколько концевых судов неприятеля, светя прожекторами, открыли огонь. В 8 часов 40 минут начальник отряда, капитан 2 ранга Иосидзима, обнаружил неприятеля на *Ost*. Думая, что уже совершенно обогнал неприятеля, он хотел, пройдя вперед его курса, выйти у него с левого борта и атаковать на противном

курсе, почему изменил курс на S. Однако, по-видимому, неприятель менял курс, так как спустя немного по носу он заметил одно неприятельское судно. Приготовившись его атаковать, «Синоме» в 9 часов 2 минуты, идя на WtN рядом с неприятелем, несмотря на огонь, атаковал его с расстояния 500 метров. «Усугумо» отделился от «Синоме» и едва избег столкновения с одним неприятельским судном. Пойдя с ним рядом под дождем пулеметного огня (корпус миноносца носил на себе следы попадания 30 пуль), с расстояния 200—400 метров выпустил в него мину. «Касуми» вслед за «Усугумо» ворвался в строй неприятеля и, хотя в него попало три снаряда, выпустил мину с 300 метров. «Сазанами», идя в одиночку, выпустил в неприятеля мину с 400 метров и пошел к Урусану.

Прочие три миноносца прибыли на назначенный сборный пункт. В этой атаке на «Усугумо» был ранен 1 нижний чин.

Приближавшиеся к неприятелю с востока истребители 5-го отряда — «Сирануи», «Муракумо», «Югири» и «Кагеро» — вскоре после захода солнца разделились друг от друга и должны были идти в атаку в одиночку. «Сирануи», атаковав одно судно в 10-часов 30 минут вечера, направился в бухту Миура, чтобы свезти убитых и раненых еще днем чинов. «Муракумо» в 8 часов 30 минут внезапно был обстрелян с одного судна и получил снаряд в угольную яму, на нем возник пожар, и миноносец вышел за пределы падения снарядов. Затем снова пошел на поиски неприятеля, но не нашел его. «Югири» около половины девятого выпустил мину в одно судно с расстояния около 600 метров, но, столкнувшись с «Харусаме», свернул себе нос в правую сторону. Ввиду сильной прибыли воды, не мог дать более 3 узлов ходу. На следующий вечер он прибыл в Сасебо. «Кагеро» в 8 часов 40 минут с расстояния 500 метров выпустил в неприятеля мину и пошел в Урусан.

4-й отряд истребителей — «Асагири», «Мурасаме», «Асасиво» и «Сиракумо» — также приближался к неприятелю с востока. Следуя заранее составленному плану, отряд вы-

жидал окончания атаки прочих миноносцев, но так как за это время неприятель неоднократно менял курс, то и потерял его из виду. На «Мурасаме» была сильная течь от полученных еще днем повреждений, и потому он направился в Такесики. Прочие три миноносца, продолжая искать неприятеля, пошли к Урусану. В пути, около 2 часов 30 минут ночи, вдруг справа по носу открыли 2 неприятельских судна и, атаковав их, пошли в Урусан.

Ко времени атаки истребителей 9-й отряд миноносцев — «Аотака», «Кари», «Цубаме», «Хато» — также подходил к неприятелю с SO и, видя, что он светит прожекторами и ведет сильную стрельбу, решил, что момент для атаки настал, и понемногу стал приближаться. «Аотака» в 9 часов 20 минут вечера с расстояния в 800 метров выпустил мину в концевой корабль неприятеля; «Кари», атаковав его же и удаляясь, увидел миноносец № 69 с поднятым красным огнем, просящим о помощи. «Кари» хотел взять его на буксир, но, узнав, что прибыль воды на нем значительна и ему почти не избежать потопления, хотел спасти только людей, но и тут, ввиду большой волны, не мог подойти близко. Так как, наконец, в 10 часов 45 минут миноносец № 69 затонул, то «Кари» подобрал плававших с него людей в числе 25 человек. «Цубаме», разойдясь со своим передним мателотом, около 9 часов вечера пошел в атаку один и в 9 часов 10 минут, идя противным курсом, выпустил в неприятеля мину с расстояния 400—500 метров. «Хато» также в одиночку атаковал одно неприятельское судно с расстояния около 60 метров. Позже все 4 миноносца соединились в бухте Миура. За эту атаку на «Цубаме» был ранен 1 нижний чин.

Шедшие на неприятеля с востока 1, 10, 15, 17 и 18-й отряды миноносцев к заходу солнца все еще не могли войти в надежную связь с неприятелем и, только слыша звуки выстрелов, шли в ту сторону. Вскоре после захода солнца неприятель стал светить прожекторами, тогда миноносцы узнали его место и немедленно устремились к нему. Несмотря на сильный свет прожекторов и страшный огонь неприятеля, они выполнили свою атаку.

Миноносцы 1-го отряда №№ 69, 68, 70 и 67 с захода солнца шли на *NW* и только в 9 часов 5 минут открыли неприятеля слева по носу и бросились к нему, невзирая на стрельбу. Подойдя на 200—300 метров, миноносец № 69 столкнулся с «Акацуки», причем свернул себе нос в правую сторону метра на три. Получилась течь, он лишился способности управляться. Случайно подошел миноносец «Кари»; с № 69 просили взять его на буксир. Однако вода сильно прибывала, и было видно, что миноносец затонет; начальник отряда капитан-лейтенант Фукуда в 10 часов 45 минут приказал спустить флаг, и команда, прокричав три раза «банзай», бросилась в воду. Одновременно с этим миноносец совсем затонул. Начальник отряда и с ним 24 человека были подобраны на «Кари», но два нижних чина пропали без вести; капитан-лейтенант Фукуда, старший машинный кондуктор Тамаоки и 4 нижних чина были ранены. Миноносец № 68 около 9 часов вечера, потеряв из виду головной миноносец, пошел один и подошел справа по корме к неприятельскому отряду, состоящему из четырех судов; в 9 часов 15 минут с 300 метров атаковал одно судно, но в это время снарядом был поврежден котел, и миноносец остановился перед неприятелем, заделывая повреждения; за это время в него было до 30 попаданий, образовалась течь в носовом отделении, и было убито 4 нижних чина и ранено 6. В 10 часов 30 минут вечера, едва закончив исправление, он пошел малым ходом в Такесики. На миноносце № 70 случилось повреждение в штуртросе, и потому он потерял суда своего отряда. Закончив ремонт минут через 30, пошел искать неприятеля, но, не найдя, отправился в Миура-ван. Миноносец № 67 также нагонял неприятеля в одиночку. Подойдя к одному с правого борта и идя противным курсом, выпустил в него мину с 200—300 метров, а затем вернулся в Миура-ван.

Миноносцы 10-го отряда №№ 43, 40, 41 и 39 шли к неприятелю с юга, с кормы. После захода солнца пошли на свет неприятельских прожекторов. В 9 часов 20 минут обнаружили идущий на *NO* в неправильном строю кильватера отряд из пяти или более судов неприятеля и прямо по-

вернули на него в атаку. В это время атака наших минных судов была в самом разгаре; многочисленные миноносцы, окружив со всех сторон неприятеля, сновали взад и вперед, и, понятно, возможность столкновения была велика. Миноносец № 43, подойдя к неприятелю на 800 метров, хотел было выпустить мину, как вдруг столкнулся с миноносцем 15-го отряда «Саги», причем был поврежден нос и ранен 1 нижний чин. В это же время был поврежден рулевой привод, так что нельзя было и думать об атаке, и миноносец вернулся в Такесики. Миноносец № 40, потеряв из виду головной, подошел к неприятелю один. Идя противным курсом с его правого борта, он выпустил мину с расстояния 500 метров и направился в Такесики. Миноносцы №№ 41 и 39, разойдясь со своими передними миноносцами, атаковали неприятеля: первый — с 400, второй — с 500 метров, и оба вернулись в Такесики.

Миноносцы 15-го отряда — «Хибари», «Удзура», «Хаситака» и «Саги» — подходили к неприятелю с юга, а затем легли на *W*. В 10 часу вечера справа обнаружили 2—3 луча прожекторов и, удостоверившись, что неприятель идет на *NNO*, решили пройти у него под носом и атаковать на расходящемся курсе. Постепенно поворачивая к северу, в 9 часов 30 минут они увидели неприятеля с левого борта и снова повернули к нему. «Хибари» в 9 часов 40 минут взял было курс, противный неприятелю, но из-за встречной волны, ничего не видя впереди себя, прорезал строй неприятеля и вышел у него по левую сторону и, идя рядом с ним, в 10 часов 10 минут выпустил в него мину с 600 метров, после чего направился к Урусану; «Удзура» и «Хаситака» в 9 часов 45 минут отделились от головного миноносца и искали неприятеля, но, не найдя, также пошли в Урусан.

«Саги» подошел к неприятелю около 9 часов 30 минут и собирался выполнить атаку, как столкнулся с миноносцем № 43. На нем получилась большая пробоина с левого борта в машинном отделении; в мгновение ока ворвалась вода, и миноносец сел кормой и накренился на левый борт; приняв всевозможные меры, с трудом избегая потопления,

миноносец пустился в обратный путь и сначала прибыл в бухту Найин на южном берегу Цусимы, а затем перешел в Такесики.

Миноносцы 17-го отряда №№ 31, 32, 33 и 34 догоняли неприятеля с юга. В 9 часов вечера, увидев свет прожекторов, пошли на них, понемногу склонившись к югу. В 9 часов 5 минут обнаружили отряд неприятеля приблизительно из шести судов, идущих на *НО*. Начальник отряда капитан-лейтенант Аояма хотел пройти у него под носом и, выйдя с его левой стороны, атаковать на обратном курсе; несмотря на то что, ввиду большой волны, миноносцы плохо слушались руля, он все-таки решил исполнить свое намерение — прорезать строй неприятеля, о чем и дал приказание своим миноносцам. Головной миноносец № 34, определяясь по трем прожекторам, бросился вперед, в 9 часов 10 минут прорезал линию неприятеля и в то же время с расстояния 250 метров атаковал два неприятельских судна, но при этом неприятельский снаряд разбил передний котел и сделал большую пробоину в левом борту. Другой снаряд попал в носовой минный аппарат и перебил штур-трос; миноносец, потеряв способность управляться, очутился под расстрелом неприятеля. На нем были убиты 7 нижних чинов и ранены начальник отряда, два кондуктора и 9 нижних чинов. Течь усиливалась, вода заполнила носовую кочегарку, и миноносец значительно сел носом; казалось, что он немедленно затонет, но около 10 часов удалось отойти от неприятеля, и, кроме того, подошел миноносец 18-го отряда № 61, который начал оказывать помощь; однако при сближении миноносец № 34 вдруг поднялся вверх кормой и сразу затонул. Экипаж его очутился в воде, но целиком был подобран на № 61. Миноносец № 31 шел вслед за головным и выпустил мину с расстояния около 600 метров; затем в поисках за головным встретил миноносец 18-го отряда № 35, на котором был разбит котел; пробовал было взять его на буксир, но так как на нем образовался сильный крен и не было никакой возможности его спасти, то, сняв с него на шлюпках командира и 20 человек экипажа, направился в Такесики. Миноносец

№ 33 в 9 часов подошел с правого борта неприятеля на 1200—1300 метров и, потеряв из виду передних мателотов, пошел сближаться один. В 9 часов 30 минут, выйдя у неприятеля с правого борта и идя противным курсом, с расстояния приблизительно в 500 метров выпустил по неприятелю мину и пошел в Такесики. Миноносец № 32 в 9 часов 23 минуты, подойдя к неприятелю на 250 метров и выпуская в него мину, получил снаряд в минный аппарат и свыше 20 попаданий снарядов легкого калибра и несколько пулеметных, причем был убит офицер и ранено 7 нижних чинов; однако миноносец самостоятельно вернулся в Такесики.

Миноносцы 18-го отряда №№ 36, 60, 61 и 35 догоняли неприятеля с юга. В 8 часов 15 минут по левому борту открыли группу неприятельских судов, идущих на север. Желая сначала прорезать курс неприятеля, миноносцы понемногу с ним сближались, но на третьем миноносце № 61 случилось повреждение рулевого привода, а прочие попали под освещение и огонь неприятеля и потому потеряли один другого. № 36 прошел у неприятеля с носа и, выйдя обратным курсом с его левого борта, хотел было атаковать, но ему помешали шедшие в атаку другие миноносцы; избегая их, он снова повернул на одинаковый курс с неприятелем и с расстояния 400 метров выпустил мину, после чего пошел в Такесики. На нем за эту атаку были ранены механик и три нижних чина. Миноносец № 60, желая пройти впереди курса неприятеля, потерял из виду головной миноносец и, выйдя с левого борта у неприятеля, пошел с ним одним курсом; сблизившись до 400—500 метров, атаковал одно судно и также пошел в Такесики. На миноносце № 61 случилось повреждение руля, и он отстал от товарищей. Исправив повреждение только к 10 часам вечера, пошел на север в поисках за неприятелем, когда увидел утопающий миноносец 17-го отряда № 34. Отказавшись от атаки, подошел к гибнувшему миноносцу, снял людей и прибыл в Миура-ван, откуда направился в Такесики. Миноносец № 35, идя один к неприятелю под градом снарядов, подошел к нему почти вплотную так,

что можно было видеть людей на палубах неприятельских судов, выпустил мину, причем в него был направлен страшный огонь; много снарядов попало в корпус миноносца, почти не было ни одного отделения без следов от снарядов, но миноносец снова пошел в атаку, на этот раз снарядом была перебита главная паровая труба и цилиндр высокого давления, миноносец остановился; было убито два нижних чина и ранены командир, 1 офицер и 7 нижних чинов; команда, однако, мужественно боролась с прибывающей водой. Чтобы не остаться совершенно беззащитным, перенесли мину из хранилища в минный аппарат, но, так как неприятель уже отдалялся, подняли сигнал о бедствии. Вскоре подошел миноносец 17-го отряда № 31. Он три раза пытался брать миноносец на буксир, но из-за крупной волны буксир рвался. Наконец, пробовали подать якорный канат, но, к несчастью, он запутался в винте миноносца № 31, и, таким образом, и тот не мог двигаться. Разрубили канат, и № 31 распутал винт, но положение № 35 уже было безнадежно; сняли людей, спустили флаг, и в конце концов № 35 затонул.

Укрывавшиеся днем от свежей погоды в бухте Миура 14, 16, 19-й отряды миноносцев и следовавший за 5-м боевым отрядом 20-й отряд также всю ночь всюду искали неприятеля, но так как он с 10 часов 30 минут совершенно закрыл боевое освещение, то нигде его не нашли и прекратили поиски¹.

Расположение японского флота к рассвету 15 мая

К рассвету 15 мая вся наша эскадра рассеялась отдельными группами и судами. Подробное описание их действий может служить задачей особому исследованию. Здесь место описать лишь в кратких чертах их дальнейшую судьбу.

Как было сказано выше, японский флот, принимая предосторожности от минных атак, перешел за ночь к Даже-

лету с тем, чтобы встретить здесь атаки нашей эскадры и довершить ее истребление.

По пути, по некоторым сведениям, японские боевые суда пополнили свои боевые запасы, перегрузив их в погреба из угольных ям, куда они были нагружены для этой цели. Опыт предыдущих боев, когда к концу боя боевые запасы истощались, послужил им уроком.

К 5 часам утра японский флот был расположен следующим образом:

1-й и 2-й боевые отряды — в 30 милях на *StW* от острова Дажелета.

4-й боевой отряд, со включением «Отава» и «Ниитака», — в 60 милях на *StW* от Дажелета.

5-й боевой отряд — в 43 милях на *O* от мыса Clonard (Корея).

6-й боевой отряд — в 52 милях на *NOtO* от мыса Clonard¹.

Расположение это было рассчитано, вероятно, на то, что наша эскадра будет стремиться достигнуть Владивостока кратчайшим путем и придерживаться Дажелета для проверки своего места, что могло быть для них желательным в случае пасмурной погоды и имея в виду возможность подхода к Владивостоку в тумане.

Почти все наши суда, кроме «Алмаза» и «Бравого», избрали именно этот путь.

Расстояние от линии этих судов до японского берега (о-ва Оки) было 120 миль, и этим путем можно было проскользнуть.

15 (28) мая около 5 часов утра 1-й и 2-й боевые отряды подошли к пункту в 30 милях на *StW* от острова Дажелет, но так как вокруг не было видно неприятеля, то адмирал Того в 5 часов 20 минут хотел было предпринять поиски, как получил телеграмму от находившегося на *S* в 60 милях 5-го боевого отряда, что неприятельская эскадра видна идущей в прежнем направлении. Ввиду сего, адмирал Того приказал 5-му боевому отряду (в.-адм. Ка-

¹ О. В. Д. на море в 37—38 гг. Мейдзи, том IV, стр. 131—139.

¹ О. В. Д. на море в 37—38 гг. Мейдзи, том IV, стр. 149.

таока) держаться в соприкосновении и наблюдать за неприятелем, а сам с 1-м и 2-м боевыми отрядами направился навстречу¹.

Расположение русских судов к рассвету 15 мая. «Безупречный»

Расположение наших судов в это время было следующее:

«Император Николай I» (Небогатов), «Орел», «Генерал-Адмирал Апраксин», «Безупречный». «Адмирал Сенявин» и «Изумруд» шли на $NO 23^\circ$, находясь от Дажелета милях в 100.

«Адмирал Ушаков» шел позади этого отряда милях в 20².

«Сисой Великий» и «Владимир Мономах» шли к берегу Цусимы с целью свезти на берег свои команды и затопить корабли, грозившие вскоре пойти ко дну. При них находился миноносец «Громкий».

«Адмирал Нахимов» приблизился с той же целью к северной оконечности Цусимы. «Дмитрий Донской» держался, по-видимому, восточнее отряда Небогатова, вне видимости его. При нем были «Буйный», «Бедовый» и «Грозный»³.

«Светлана» в 5 часов утра была в виду Дажелета, который открыла слева по носу. В то же время справа и несколько позади был виден японский 5-й боевой отряд. Со «Светланой» шел «Быстрый».

«Алмаз» шел на восток по направлению к о-ву Окиносима (мимо которого прошел около 9 часов утра) с целью проскользнуть во Владивосток⁴.

«Бравый» шел во Владивосток, держась восточнее японских судов. Миноносцы «Бодрый» и «Блестящий» (последний из них в бедственном от пробоины положении)

находились к югу от Цусимы, в виду ее «Бодрый» принимал с «Блестящего» команду.

«Безупречный» (командир кап. 2 р. Матусевич), шедший вслед за эскадрой на север, был настигнут около 4 часов утра крейсером «Читосе» под флагом в.-адм. Дева, шедшего из Абурадана, куда он отконвоировал «Касаги» с миноносцем «Ариаке». Японские суда в 4 часа 20 минут открыли по нему огонь. Бой длился до 5 часов 27 минут утра, после чего японцы бросили тонувший «Безупречный» на произвол судьбы. «Так как с него не осталось в живых ни одного человека, о последних минутах его ничего не известно»¹.

Транспорты «Анадырь», «Корея» и «Свирь» находились близ Готских островов и шли на юг.

«Иртыш» шел с полночи на О и в 5 часов утра был близ острова Миносима и лег на N, пытаясь идти во Владивосток.

Адмирал Энkvист с «Олегом», «Авророй» и «Жемчугом» в 3 часа 30 минут ночи был в широте $33^\circ 30'$ и долготе $120^\circ 42'$ О и шел 10-узловым ходом на SW.

Ночью наши корабли приступили к заделке, насколько возможно, пробоин и к исправлению механизмов и орудий, прибрали убитых и подали первую помощь раненым.

Того получает телеграмму в.-адм. Катаока о местонахождении нашей эскадры

Получив телеграмму от в.-адм. Катаока о местонахождении остальной нашей эскадры, адмирал Того приказал ему держаться с нею в соприкосновении, а сам с 1-м и 2-м боевыми отрядами пошел на пересечку ее курса.

Между тем 4-й отряд (в.-адм. Уриу), 5-й (в.-адм. Катаока) и 6-й боевой отряд (в.-адм. Того-младшего) подошли к нашей эскадре и шли параллельно с ней слева.

«Отава» и «Ниитака» (3-го отряда, с вечера вошедшего в состав 4-го), увидев около 7 часов утра «Светлану», направились к ней.

¹ О. В. Д. на море в 37—38 гг. Мейдзи, том IV, стр. 154.

¹ О. В. Д. на море в 37—38 гг. Мейдзи, т. IV, стр. 145.

² Показ. лейт. Максимова 4-го след. ком., протокол 73. А. В., шк. 4, д. 204.

³ Миноносец «Буйный», шедший западнее «Донского», видел при восходе солнца влево от себя шедшие на NO «Ниитаку» и «Отава», бывших при 4-м боевом отряде. Документы. Отд. IV, кн. 3 вып. 1, стр. 249.

⁴ Документы. Отд. IV, кн. 3, вып. 2, стр. 313.

Окружение и сдача Небогатова.

«Изумруд», «Орел»

«Около 5 часов утра, — доносит командующий эскадренным броненосцем «Орел» кап. 2 р. Шведе, — слева показались дымы, у нас приняли их за дымки нашего крейсерского отряда...». Вскоре, однако, увидели, что это 7 неприятельских судов. Адмирал поднял сигнал: «Приготовиться к бою»; на судах была пробита боевая тревога, и мы склонились в сторону неприятеля. Неприятель также удалился влево. Адмирал Небогатов приказал семафором «Изумруду» осмотреть суда, видимые на левом траверзе, и «Изумруд», обойдя отряд с хвоста, направился к ним. Произведя разведку, «Изумруд» вернулся на свое место.

В 8 часов 40 минут адмирал Того, не видя до сих пор неприятеля, послал вперед адмирала Камимура со 2-м боевым отрядом, который в 9 часов 30 минут увидел нашу эскадру справа по носу (он появился на правую раковину Небогатова).

Увидев дымы этих судов, к.-адм. Небогатов послал «Изумруд» осмотреть и их. «Изумруд», исполнив поручение, вновь вернулся к эскадре.

В 10 часов утра отряд Небогатова оказался окруженным со всех сторон.

С севера и востока находился 4-й, а позади его 5-й боевые отряды; с запада и юго-запада — 1-й и 2-й; с юга — 5-й боевой отряд, и приближался крейсер «Читосе» под флагом в.-адм. Дева.

Японские суда не имели видимых повреждений, кроме сбитой стеньги у «Микаса».

Подойдя на 60 кабельтовых в половине одиннадцатого утра, 1-й и 2-й боевые отряды открыли огонь. «Орел» отвечал на него несколькими выстрелами. Вдруг на «Николае I» был спущен кормовой, контр-адмиральский и стеньговые флаги, а затем поднялся по международному своду сиг-

¹ Документы. Отд. IV, кн. 3, вып. 3, стр. 552.

нал «окружен» и «сдаюсь», и затем передано семафором на остальные суда: «Окруженный превосходными силами неприятеля, вынужден сдаться».

«Орел», «Апраксин» и «Сенявин» также спустили флаги и подняли тот же сигнал.

Огонь японцев продолжался еще некоторое время. Небогатов поднял японский флаг и застопорил машины. Японцы прекратили огонь, и адмирал Того послал офицера своего штаба к Небогатову для переговоров. Небогатов вызвал сигналом к себе командиров всех судов, которые и были доставлены на флагманский броненосец на японском катере. Он сказал им: «Я сдал отряд; причины сдачи были вызваны желанием избежать бесполезного кровопролития. Я выговорил у адмирала Того сохранение офицерам их оружия, денег и вещей, им принадлежащих, и разрешение возвратиться в Россию, а обещал, в свою очередь, адмиралу Того, что сданные суда не будут испорчены, равно как и их механизмы»¹.

Когда командиры вернулись на свои корабли, их встретили там завладевшие уже ими японцы.

Разобрав сигнал о сдаче, «Изумруд» дал полный ход и ушел на О; за ним погнались 6-й боевой отряд и «Читосе»; 6-й отряд скоро вернулся обратно, не сумев его догнать. «Читосе» и «Акицусима» преследовали «Изумруд» до 2 часов дня, но затем вернулись обратно. Тогда «Изумруд» лег на *НО 43°*. Предполагая, что у Владивостока его ждут японские суда, он пошел в бухту Владимир, куда подошел в 1 час ночи на 16 мая, имея ничтожное количество угля. Командир крейсера кап. 2 р. барон Ферзен опасался, что угля не хватит до утра, вошел в бухту немедленно в темноте и выскочил на мель. Не сумев сойти с мели и опасаясь появления японцев, он взорвал крейсер и направился с командой пешком во Владивосток.

При более хладнокровном образе действий крейсер мог бы быть сохранен, так как он был поднят на камни против

¹ Документы. Отд. IV, кн. 3, вып. 3, стр. 555.

своего углубления всего на полтора фута и легко мог быть разгружен.

«Орел» был совершенно избит. Палуба загромождена обломками. Могли действовать два 12" и четыре 6" орудия. Боевые запасы были почти все израсходованы. Командир был при смерти и без чувств. Из 19 флотских офицеров двое было убитых, 9 тяжело раненных и совершенно выведенных из строя, 5 легко раненных или контуженных, но оставшихся при исполнении обязанностей, и совершенно здоровых — 3. Нижних чинов убито и выведено из строя 96. При таких условиях нельзя бросить упрека доблестному «Орлу» в том, что он не воспротивился поступку своего адмирала¹.

Прочие суда понесли небольшие потери и почти не имели повреждений.

Небогатов говорил, что сдал свой отряд во избежание бесполезного кровопролития и чтобы сохранить 5000 жизней...

Нет сомнения, что силы неприятеля были подавляющие, но кровопролитие во имя чести флага никак не может быть названо бесполезным. Честная смерть витязей на поле брани питает военную доблесть народа не на одно, а на многие и многие поколения. Примеры доблести создают мощь воинства. Проходят годы, проходят столетия, а память о падших за честь знамени продолжает цвести. На ней воспитывается молодежь, ею утешаются те, которым приходится страдать и проливать кровь за Родину.

Напротив того, бесславная сдача — зародыш слабости на многие годы. Слабые находят оправдание своей слабости в таком соблазнительном примере, и пятно гангрены растет, и если с ним не бороться, то он заражает весь организм. Дух же врага-победителя возвышается, возрастает его материальная сила, увеличенная попавшими в его руки дорогими боевыми единицами.

¹ Когда «Орла» вели в Сасебо, то несколько нижних чинов, по указаниям раненых офицеров, пытались потопить его, но попытка была замечена и предупреждена японцами.

«Светлана»

В то время как японский флот сосредоточивался навстречу отряду Небогатова, «Светлана» в сопровождении «Быстрого» шла к северу и около 5 часов утра открыла остров Дажелет. В то же почти время справа и немного позади открылись японские суда 5-го боевого отряда (Катаока). Чтобы уйти от них, «Светлана» склонилась влево и прибавила хода. Около 6 часов слева по носу показались крейсера 4-го боевого отряда (в.-адм. Уриу), который тотчас отрядил к «Светлане» бывшие с вечера в составе его отряда «Отава» и «Ниитака». В 9 часов 25 минут японцы открыли по «Светлане» огонь. Вскоре к ним присоединился истребитель «Муракумо».

«Светлана» энергично отвечала из двух 6" орудий. После часового боя «Светлана», расстреляв все свои патроны, открыла кингстоны. В 11 часов она пошла ко дну. Стрельба по ней не прекращалась, пока она не погрузилась совершенно в воду, и многие из бывших уже в воде людей были убиты. После этого «Отава» погнался за показавшимися вдали двумя пароходами, которые оказались норвежскими китобоями. Часа через полтора-два к месту гибели «Светланы», затонувшей в ф 34° 0' и L 129° 50' на глубине 2000 футов, подошел вспомогательный крейсер «Америка-Мару» и подобрал 11 офицеров, 7 кондукторов и 273 нижних чина. Было убито в бою и погибло 10 офицеров, священник, 4 кондуктора и 153 нижних чина. Командир «Светланы» кап. 2 р. Шеин и старший офицер Зуров были убиты в последние минуты боя.

«Быстрый»

«Быстрый», когда «Светлана» начала тонуть, стал уходить к Корейскому берегу, но за ним погнались «Ниитака» и «Муракумо». Они настигли «Быстрого», когда он выбросился на берег к северу от Чикупен-вана и взорвался.

После этого командир миноносца лейт. Рихтер высадился на берег с командой (с ним было 83 человека, так

как накануне он спас команду «Ослябя») и ушел в горы. Он был замечен с находившегося поблизости японского наблюдательного пункта и взят в плен японским десантом с «Касуга-Мару». Оружия у него почти не было, так как при высадке на берег парусник с оружием опрокинулся.

«Сисой Великий»

Эскадренный броненосец «Сисой Великий» после полученной им пробоины постепенно погружался носом; к 3 часам ночи над водой оставался едва 1 фут форштевня. Увидев крейсер «Владимир Мономах», он просил его принять команду, но тот отвечал, что через час пойдет сам ко дну, и прислал шедший с ним миноносец «Громкий». Командир «Сисоя Великого» кап. 1 р. Озеров, считая, что миноносец существенной помощи принести ему не может, отпустил его обратно. Видя бедственное положение броненосца, кап. 1 р. Озеров после совещания со своими офицерами решил идти к видневшемуся берегу Цусимы. В 7 часов 20 минут утра к броненосцу подошли японские вспомогательные крейсера «Синано-Мару», «Тайнан-Мару», «Явата-Мару» и истребитель «Фубуки». Они хотели открыть по нему огонь, но «Сисой Великий» поднял сигнал: «Тону и прошу о помощи». На вопрос японцев, сдается ли он, командир «Сисоя Великого», видя, что без посторонней помощи идти к берегу не может, ответил утвердительно. В 8 часов 15 минут утра к броненосцу подошла японская шлюпка, и прибывший на ней офицер поднял на гафеле японский флаг. На стенге развивался русский флаг, который японцам спустить не удалось. Японцы пытались взять броненосец на буксир, но это не удалось, почему приступили к спасению людей на баркасе и плотках с «Сисоя» и на японских шлюпках, причем шлюпки, приставая, держались за дула носовых 12" орудий. В 10 часов броненосец был покинут японцами, спустившими свой флаг. В 10 часов 5 минут броненосец опрокинулся на *НО* от мыса Карасаки в 3 милях. Часть людей была подобрана из воды. Всего было спасено 32 офицера, 8 кондукторов и 582 нижних чина.

Сдача при таких обстоятельствах не может быть никому поставлена в упрек. Судьба сжалилась над несчастным броненосцем, доблестно ведущим себя накануне, и он пошел ко дну под родным Андреевским флагом.

«Адмирал Нахимов»

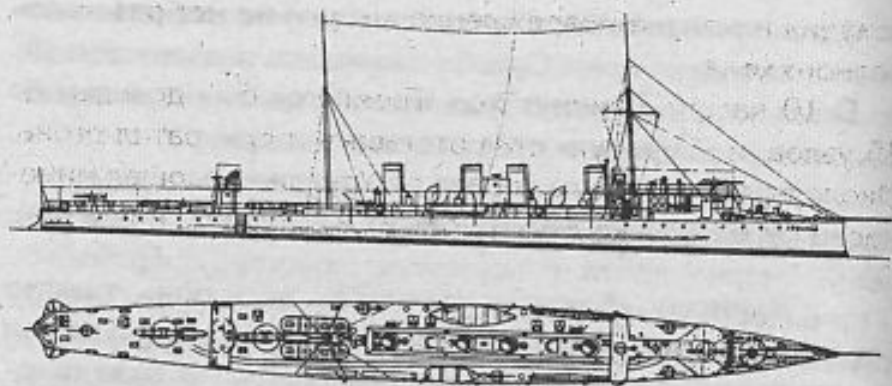
Крейсер «Адмирал Нахимов» всю ночь тщетно боролся с минными пробоинами. Когда взошла луна, он увидел очертания берега и подошел к нему. Потеряв счисление, он считал себя у Корейского берега, но берег, к которому он подошел, оказался северной оконечностью Цусимы. Приблизившись к берегу, он остановился на 50-саж. глубине и не пошел дальше, чтобы не затонуть на слишком мелком месте. Позднее его поднесло на 42-саж. глубину. Тотчас же он начал спускать шлюпки. В начале шестого часа появился японский миноносец «Сирануи», и вскоре за ним вспомогательный крейсер «Садо-Мару». Тотчас были открыты кингстоны и иллюминаторы. Японцы открыли было огонь, но, увидев, что крейсер тонет, прекратили его, и «Садо-Мару» прислал шлюпки для спасения людей. Крейсер «Адмирал Нахимов» пошел около 8 часов утра ко дну, как только на него вступили японцы. До последней минуты на нем оставался командир кап. 1 р. Родионов 1-й, старший штурман лейт. Клочковский. Они были спасены японскими рыбаками. С крейсера было спасено японцами 628 человек.

Крейсер флага не спускал, и японский флаг на нем, вопреки повествованию «Описание Военных действий на море в 37—38 гг. Мейдзи», поднят не был.

«Владимир Мономах» и «Громкий»

Около 8 часов утра «Сирануи» увидел «Владимира Мономаха», идущего к берегу Цусимы. Пар на нем падал, и вода уже в 6 часов 30 минут утра подошла к топкам котлов задней кочегарки¹. В начале 9-го часа пар упал до

¹ Документы. Отд. IV, кн. 3, вып. 3, стр. 413.



Тип "ГРОМКИЙ"

25 ф. В это время с «Владимира Мономаха» увидели «Нахимова» и японские суда, спасавшие его команду. Командир, кап. 1 р. Попов, приказал «Громкому» (командир — кап. 2 р. Керн) идти во Владивосток, а сам направился к берегу и открыл кингстоны. За «Громким» тотчас погнался «Сирануи». По нему было сделано несколько выстрелов с «Владимира Мономаха», «Садо-Мару», приняв команду с «Нахимова», подошел к «Мономаху» и открыл огонь, однако вскоре прекратил и послал на «Мономаху» команду, чтобы им завладеть. Но так как крейсер окончательно тонул, то он принял с него людей. В спасении людей с «Мономаха» принимал участие и вспомогательный крейсер «Манджу-Мару», конвоировавший в Сасебо наши госпитальные суда, захваченные накануне.

Миноносец «Громкий», отойдя от «Мономаха», взял курс $NO\ 23^\circ$. За ним погнались три миноносца. Один 4-трубный, вероятно «Фубуки»¹, и два других, из коих один был «Сирануи»². «Фубуки» первое время преследовал «Громкого» и стрелял по нему, а другие два миноносца отстали, видимо, получив повреждения³. Ход «Громкого» был доведен до 23 узлов. Все же вскоре его стал настигать двухтрубный 30-узловой миноносец «Сирануи», который

получил накануне повреждение котла и не мог развивать полного хода.

В 10 часов 20 минут ход «Громкого» был доведен до 25 узлов, и «Сирануи» стал отставать и прекратил огонь. Около половины 12-го справа от Урусана подошел миноносец № 63 (также двухтрубный) и вступил с ним в бой. Один снаряд попал в кормовую кочегарку «Громкого», и пришлось остаться под двумя котлами. Ход упал до 17 узлов. Завязался горячий бой с двумя противниками. Миноносцы описывали круги и поражали друг друга. «Громкий» выпустил по «Сирануи» две мины — неудачно. В «Сирануи» попало свыше 20 снарядов, и на нем четыре раза сбивало флаг. Флаг «Громкого» также сбило, но командир миноносца кап. 2 р. Керн приказал прибить его к флагштоку гвоздями. В 12 часов 4 минуты «Громкий» замолчал, так как были расстреляны все патроны и вся артиллерия была повреждена, и открыл кингстоны. Все одели пояса. Командир был убит в последние минуты боя. Последними его словами к подбежавшему к нему мичману Потемкину были: «Я умираю, примите командование миноносцем». Лейт. Паскин был серьезно ранен, мичман Шелашников убит. Команда стала бросаться за борт. Подошедшие японские миноносцы пробовали завладеть «Громким», но он пошел ко дну. Японские миноносцы подобрали людей из воды и ушли для ремонта в свои порты.

«Дмитрий Донской», «Буйный»

«Дмитрий Донской» с 10 часов 30 минут вечера, когда он окончательно отстал от крейсерского отряда, шел во Владивосток. К нему присоединились «Буйный», «Бедовый» и «Грозный». «Буйный», однако, ночью отстал, и к рассвету при «Донском» оказались только «Бедовый» и «Грозный». В 7 часу была получена телеграмма от «Буйного»: «Прошу остановиться». Вскоре подошел «Буйный». На нем находился начальник эскадры ген.-ад. Рожественский со своим штабом и 227 человек, спасенных с «Ослябя». Угля до Владивостока не хватало. «Буйный» передал начальника

¹ О. В. Д. на море в 37—38 гг. Мейдзи, том IV, стр. 173.

² Там же, стр. 205.

³ Вероятно, он скрыл свой неуспех.

эскадры с его штабом на «Бедовый», который тотчас ушел вместе с «Грозным» на $NO\ 23^\circ$, а часть команды «Ослябя» перешла на «Донской». Затем оказалось, что «Буйный» едва ли способен дойти до Владивостока. «Донской» принял с него всех бывших на нем людей и после неудачной попытки миноносца взорваться утопил его выстрелами из 6" орудия в 70 милях к югу от Дажелета. Всем этим «Донской» был задержан до 12 часов дня.

Около 4 часов дня был усмотрен справа 5-й боевой отряд и 4 миноносца. «Донской» уклонился от них на $3R$ влево. В 4 часа 30 минут «Дмитрий Донской» был замечен 4-м боевым отрядом (Уриу), который и погнался за ним вместе со 2-м отрядом истребителей. Отряды эти несли сторожевую службу при 1-м и 2-м боевых отрядах, принимавших сдавшийся отряд Небогатова. Вскоре показались еще «Отава» и «Ниитака». В начале 7-го часа крейсера эти приблизились слева на 50 кабельтовых, и завязался бой. Через четверть часа справа приблизился 4-й боевой отряд («Нанива», «Такачихо», «Акаси» и «Цусима»), и бой завязался на оба борта. Адмирал Уриу поднял сигнал: «Ваш флагман Небогатов уже сдался», но «Дмитрий Донской» отвечал огнем. В 8 часов вечера был смертельно ранен командир, кап. 1 р. Лебедев, и сдал командование старшему офицеру, кап. 2 р. Блохину. Ожесточенный бой длился до 9 часов, когда сгустился ночной мрак. Дымовая труба была сбита, и тяга упала. Ход совсем уменьшился; до Владивостока осталось 300 миль. При таких условиях пришлось решиться направиться к Дажелету и, затопив крейсер, спасти команду. С наступлением темноты истребители трижды атаковали крейсер, но были отражены. В 9 часов вечера «Донской» стал на якорь в бухте по S в сторону Дажелета. За ночь свезли на берег команду и, отойдя на большую глубину, затопили крейсер. Он пошел ко дну в полтора-двух милях от берега в 6 часов 30 минут утра 16 мая, в день кончины князя Дмитрия Донского. С Дажелета люди были приняты на крейсер «Касуга» и отвезены в Японию. Кап. 1 р. Лебедев скончался через два дня в госпитале.

«Грозный», «Бедовый», его сдача

«Бедовый» и «Грозный», отделившись от «Донского», шли во Владивосток. В начале 4-го часа, находясь милях в 30 на S от Дажелета, они были усмотрены неприятельскими истребителями «Сазанами» и «Кагеро», которые к 4 часам 30 минутам стали настигать их. При их приближении флаг-капитан Клапье де-Колонг приказал «Грозному» идти во Владивосток. Командир «Грозного» кап. 2 р. Андреевский спросил, почему уходить, а не принять бой, но, увидев, что «Бедовый» спускает флаг и поднимает белый флаг и флаг Красного Креста, он дал полный ход и быстро удался. За ним погнался «Кагеро», и между ними завязалась перестрелка с расстояния 26 кабельтовых. К 6 часам расстояние увеличилось до 37 кабельтовых. В 6 часов 30 минут «Кагеро», увидев, что не может догнать «Грозного», прекратил погоню. (С «Грозного» казалось, что он затонул.) «Грозный» продолжал путь и в 7 часов утра 16 мая подошел к Аскольду, где был встречен к.-адм. Иессен. 17-го, приняв уголь с миноносца, он пришел во Владивосток.

Чины штаба и командир «Бедового» объясняли сдачу тем, что жизнь раненого адмирала ценнее миноносца. Объяснение постыдное и судом не было принято во внимание. Сам адмирал был в полубесчувственном состоянии и не мог чем бы то ни было распоряжаться.

«Адмирал Ушаков»

Броненосец береговой обороны «Адмирал Ушаков» отстал от эскадры с вечера 14 мая. В полночь на совете, собранном командиром, кап. 1 р. Миклуха, было решено стараться поискать эскадру, если же это не удастся, идти во Владивосток. С рассветом 15 мая он увидел по носу дымы 4 судов. Думая, что это отряд Небогатова, он взял курс на них. Однако вскоре по траверзу показался 5-й боевой отряд (Катаока); от него удалось уклониться. Около 6 часов показался «Читосе», который шел некоторое время параллельным курсом, но затем скрылся вправо. В 3 часа 30 ми-

нут справа по носу показались 1-й и 2-й боевые отряды (Того и Камимура). «Адмирал Ушаков» уклонился от них, но адмирал Того послал в погоню за ним к.-адм. Симамура с «Ивате» и «Якумо». Симамура держал сигнал: «Советую вам сдать. Ваш флагман сдался». Кап. 1 р. Миклуха, разобрав первую часть сигнала, сказал: «Продолжение сигнала нам знать не надо» и приказал открыть огонь из 10" орудий. Японцы отвечали. Это было в 5 часов 30 минут вечера. После горячего боя броненосец получил несколько пробоин у ватерлинии и большие повреждения артиллерии и начал тонуть. Видя неизбежность гибели и имея боевые запасы на исходе, командир, желая прекратить кровопролитие, решил потопить броненосец и распорядился открыть кингстоны, застопорил машины и приказал команде спастись. Через несколько минут, в 6 часов 10 минут вечера, корабль перевернулся и затонул в ф 37° и L 133°30' O.

Погибли командир, кап. 1 р. Миклуха, 5 офицеров, 3 кондуктора и 83 нижних чина. Через два с половиной часа команда была подобрана шлюпками с японских крейсеров. Спасено 11 офицеров, священник, 7 кондукторов и 319 нижних чинов.

«Бодрый» и «Блестящий»

Миноносец «Бодрый» (кап. 2 р. Иванов) встретил в 10 часов 5 минут вечера «Блестящего», который получил несколько пробоин, спасая команду «Ослябя», и шел, погрузившись носом и не слушая руля. «Бодрый» остался при нем. С рассветом на юг от Цусимы «Блестящий» начал тонуть. Опасаясь приближения японцев, кап. 2 р. Иванов приказал ускорить потопление «Блестящего», открыв кингстоны и иллюминаторы. Команда «Блестящего» и 8 человек спасенных с «Ослябя» перешли на «Бодрый». Когда «Блестящий» пошел ко дну, «Бодрый» пошел в Шанхай, предполагая принять там уголь и затем прорываться во Владивосток.

16-го был шторм. В полночь на 17-е уголь весь вышел, и миноносец подвигался, пользуясь приливными течениями и становясь на якорь, когда оно было противное. Из тентов

были приспособлены паруса. 20 мая в полдень место миноносца ф 32°27', L 122°45' от маяка Шавейтан в 65 милях. 21 мая с рассветом миноносец по просьбе был взят на буксир английским пароходом «Квейлин», проходившим мимо, и 22 мая приведен в Шанхай, где и интернирован.

«Иртыш»

Транспорт «Иртыш» получил в бою крупные повреждения; крен — 10°. Предполагалось идти вдоль японского берега во Владивосток, но пластырь держался плохо, вода прибывала. 15-го в 2 часа 30 минут дня стал на якорь близ японского города Хамада в полутора милях. К 5 часам вечера свезли команду на берег, и в 10 часов вечера «Иртыш» затонул.

«Алмаз»

«Алмаз», придерживавшись японского берега до 2 часов дня 15 мая, пройдя остров Окиносима, повернул во Владивосток. В 11 часов 30 минут утра 16-го он встал на якорь в бухте Стрелок, а затем был переведен тралящим караваном во Владивосток.

«Бравый»

Миноносец «Бравый», отстав с вечера от «Владимира Мономаха», благополучно пробрался сквозь отряд японских миноносцев и проложил курс в 15 милях восточнее островов Оливуца и Менелай. Под конец он шел, сжигая дерево, так как угля не хватало. Снесясь с Владивостоком по беспроволочному телеграфу, он утром 17-го, идя последние часы 4—6-узловым ходом, дошел до острова Аскольда, где его встретил высланный к нему «Якут».

Отряд к.-адм. Энkvиста

Отряд к.-адм. Энkvиста в 3 часа 30 минут утра 15-го находился по наблюдениям в широте 33°30' и долготе 128°42' (на север от островов Гото в 40 милях) и шел на SW.

Офицеры «Олега» волновались, и некоторые из них, в том числе лейт. Политовский, Миштовт, поручик Мельницкий и мичман Домерщиков, настаивали перед командиром на прорыве во Владивосток. К ним присоединился и старший офицер кап. 2 р. Посохов, считавший, что хотя на удачу прорыва и нельзя рассчитывать, так как угля мало, повреждения судов значительны и японцы преграждают путь, но что лучше погибнуть с честью, чем быть интернированными в нейтральном порту.

Командир «Олега» Добротворский согласился с тем, что нужно идти во Владивосток, но полагал, что необходимо зайти в Шанхай, чтобы исправить повреждения и принять уголь.

Командующий крейсером «Аврора» сообщил по семафору, что офицеры крейсера считают правильным идти во Владивосток. Около того же времени «Жемчуг» подошел к «Олегу», и командир «Жемчуга» кап. 2 р. Левицкий спросил командира «Олега» кап. 1 р. Добротворского: «Почему не идем во Владивосток?», на что получил ответ: «Прорывайтесь сами, если достаточно силы».

В полдень адмирал Энkvист, ввиду смерти командира и раны старшего офицера крейсера «Аврора», перенес свой флаг на этот последний.

Утром 16-го встретили «Свирь», на котором находился командир «Урала» и часть его команды. К.-адм. Энkvист поручил ему передать по телеграфу из Шанхая приказание о присылке угольщика в Манилу и решил идти туда.

Кап. 1 р. Добротворский сперва хотел остаться при прежнем решении и идти в Шанхай, но затем передумал и последовал за адмиралом. Офицеры «Олега» вторично настаивали на повороте во Владивосток или по крайней мере на прежнем решении идти в Шанхай с тем, чтобы оттуда прорываться во Владивосток.

Адмирал Энkvист полагал, что в Шанхае отряд будет интернирован через 24 часа, а что в Маниле американцы дадут возможность исправить корабли и уйти.

Действия адмирала не представляли ничего явно преступного, и те из офицеров отряда, которые настаивали на повороте во Владивосток, не имели ни юридического, ни

нравственного права противиться его решению. Их настойчивые уговоры не подействовали, но в том не их вина, так как ими было сделано все, что было в пределах законности и что подсказывали им их воинская честь и доблесть.

20-го отряд зашел в Суал, предполагая пополнить там запас перевязочных материалов и сдать раненых в госпиталь, но оказалось, что место это заброшено американцами и что там ничего достать нельзя. 21-го вечером пришли в Манилу, где были, вопреки ожидания, интернированы.

«Свирь», «Анадырь», «Корея»

«Свирь» 16 мая благополучно прибыла в Шанхай.

«Анадырь» и «Корея» потеряли ночью эскадру и с полночи на 15-е шли вместе на SW. В 9 часов утра «Корея» ушла в Шанхай, куда и прибыла 17 мая. Командир транспорта «Анадырь», кап. 2 р. Пономарев, отказался от мысли прорываться Сангарским или Лаперузовым проливами, опасаясь быть захваченным японцами. Решение это для тихоходного транспорта было разумно. Он решил идти на Мадагаскар для получения инструкций, так как заход в какой-либо порт Китайского моря повлек бы за собой разоружение транспорта. Место для получения инструкции было им избрано чрезмерно удаленное. Заход в один из портов на несколько часов не повлек бы за собой разоружения и дал бы возможность запросить инструкции из Петербурга.

Нельзя, однако, не признать, что такому тихоходному транспорту, как «Анадырь», надлежало использовать ближайшие к сражению дни, чтобы уйти подальше от японских крейсеров, которые, не имея другого дела, за полным уничтожением нашей эскадры, могли заняться его преследованием с целью получить лишний трофей. 14 июня он прибыл в Диего-Суарес и затем отправился в Россию.

Мероприятия японцев

По окончании сражения японцы тотчас же принялись за организацию дальнейшей охраны морских путей. Флот был переформирован и была образована 4-я эскадра под командой в.-адм. Дева.

1-ю эскадру под командой Того составили: «Микаса», «Сикисима», «Асахи», «Фудзи»; 4-й боевой отряд: «Нанива», «Такачихо», «Акаси» и «Цусима». Посыльное судно «Тацута», 1-й и 3-й отряд истребителей и 4-й отряд миноносцев.

2-я эскадра в.-адм. Камимура — 2-й боевой отряд: «Идзумо», «Токива», «Асама», «Ивате»; 3-й боевой отряд: «Читосе», «Касаги», «Ниитака» и «Отава». Посыльное судно «Чихая», 2-й и 4-й отряды истребителей и 19-й отряд миноносцев.

3-я эскадра в.-адм. Катаока — 5-й отряд: «Якумо», «Адзума», «Ниссин» и «Касуга»; 6-й боевой отряд: «Сума», «Чийода», «Идзуми» и «Акицусима». Посыльное судно «Яеяма», 5-й и 6-й отряды истребителей и 9-й миноносцев.

4-я эскадра в.-адм. Дева — 7-й отряд: «Чин-Иен», «Ики», «Окиносима», «Мисима»; 8-й боевой отряд: «Ицукусима», «Хасидате», «Мацусима»; 9-й боевой отряд: «Чиокай», «Мая», «Акаси», «Удзи»; 1, 10, 11, 5 и 20-й отряды миноносцев.

Охрана Корейского пролива была поручена в.-адм. Дева.

Был сформирован отряд под командованием в.-адм. Уриу из «Токива», «Нанива», «Такачихо» и истребителей «Синаноме» и «Сазанами» и судна особого назначения «Ицукусима-Мару». Отряд этот направился в Шанхай и осмотрел Седельные острова и Чусанский архипелаг.

25 мая по распоряжению адмирала Того он отправился в Бакао для демонстрации против отряда к.-адм. Энквиста. Он прибыл туда 30 мая. Здесь было получено извещение, что все ушедшие на юг русские суда или интернированы, или ушли к западу от Сингапура. 3 июня японский отряд ушел в Мозампо.

Одновременно началось формирование японской эскадры для конвоирования десантной экспедиции на Сахалин, куда посылались 13-я дивизия. Для этой цели была составлена соединенная эскадра под общим начальством в.-адм. Катаока из 3-й эскадры (кроме 5-го боевого отря-

да) и 4-й эскадры (Дева). Охрана же Корейского пролива была поручена в.-адм. Камимура. 15 июня эта эскадра, названная «Отправленной на север», собралась в Оминато и 19 июня выступила по назначению.

Вместо заключения

Так закончилась эта несчастная операция, недостаточно обдуманно начатая и еще менее обдуманно и целесообразно проведенная. В действиях начальника эскадры, как в ведении боя, так и в его подготовке, трудно найти хотя бы одно правильное действие. Подчиненные ему флагманы действовали вяло и без всякой инициативы. Адмирал Рожественский был человек сильной воли, мужественный и горячо преданный своему делу, умелый организатор снабжения и хозяйственной части, превосходный моряк, но лишенный малейшей тени военного таланта. Поход его эскадры от Петербурга до Цусимы беспримерен в истории, но в военных операциях он проявил не только отсутствие таланта, но и полное отсутствие военного образования и боевой подготовки — качества, которые он не сумел сообщить и своей эскадре. Многие командиры кораблей и судовые офицеры оказались гораздо более на высоте и покрыли свои корабли неувядаемой славой. «Князь Суворов», «Бородино», «Император Александр III», «Адмирал Ушаков», «Дмитрий Донской», «Светлана», «Безупречный», «Громкий» будут всегда памятны в русском флоте. Многие другие корабли и офицеры составили себе доброе имя в этом бою и последующих происшествиях. Многие офицеры и нижние чины сумели бесстрашно и красиво умереть. Многие проявили правильное понимание своего долга. Память об этих героях да послужит утешением в том народном горе, которое причинило России поражение и бесславное поведение и сдача некоторых судов. Последним боевым действием на море этой войны был славный бой «Дмитрия Донского» с целым отрядом из десяти вымпелов.

Да будет это счастливым предзнаменованием на будущие времена!

¹ «Николай I».

² «Генерал-Адмирал Апраксин».

³ «Адмирал Сенявин».

**ПОТЕРИ В ЛЮДЯХ В СРАЖЕНИИ
ПРИ ЦУСИМЕ 14 И 15 МАЯ 1905 ГОДА¹**

Состав	Умерших от повреждений									Итого
	Без оказания помощи				По оказании помощи					
	Убитых	Сгоревших и сварившихся	Утонувших	Погибших от невыясненных причин	От ранений	От контузий	От ожогов	От отравлений газами	От шока	
14 мая										
Эскадренный броненосец «Князь Суворов»										
Офицеров	9	-	1	28	-	-	-	-	-	-
Кондукторов	1	-	-	15	-	-	-	-	-	925
Нижних чинов	-	-	-	871	1	-	-	-	-	-
«Император Александр III»										
Офицеров	-	-	-	29	-	-	-	-	-	-
Кондукторов	-	-	-	11	-	-	-	-	-	867
Нижних чинов	-	-	-	827	-	-	-	-	-	-
«Бородино»										
Офицеров	-	-	-	34	-	-	-	-	-	-
Кондукторов	-	-	-	12	-	-	-	-	-	865
Нижних чинов	-	-	-	819	-	-	-	-	-	-
«Орел»										
Офицеров	1	-	1	-	1	-	1	-	-	-
Кондукторов	-	-	-	-	-	-	-	-	-	41
Нижних чинов	24	-	4	-	6	-	3	-	-	-

¹ Санит. отчет по флоту за Русско-япон. войну 1904—1905 гг. Изд. Упр. Санит. Ч. Фл. 1915 г., 1 ч., стр. 156—163.

Оставшихся в живых после повреждений												Итого	Всех пострадавших
Раненых			Контуженных		Обожженных		Отравленных газами		Перенесших шок	Перенесших тепловой удар			
Тяжко	Средней тяжести	Незначительно	Тяжело	Легко	Тяжело	Легко	Тяжело	Легко					
2	4	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	10	935
1	1	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
7	-	1	2	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	87	128
16	38	8	3	2	2	3	-	-	-	-	-	-	-

Состав	Умерших от повреждений									Итого
	Без оказания помощи				По оказании помощи					
	Убитых	Сгоревших и сварившихся	Утонувших	Погибших от невыясненных причин	От ранений	От контузий	От ожогов	От отравлений газами	От шока	
«Ослябя»										
Офицеров	3	-	7	14	-	-	-	-	-	-
Кондукторов	-	-	-	8	-	-	-	-	-	504
Нижних чинов	-	-	-	472	-	-	-	-	-	-
«Наварин»										
Офицеров	-	-	-	27	-	-	-	-	-	-
Кондукторов	-	-	-	11	-	-	-	-	-	700
Нижних чинов	-	-	-	662	-	-	-	-	-	-
«Сисой Великий»										
Офицеров	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-
Кондукторов	-	-	1	-	-	-	-	-	-	20
Нижних чинов	8	-	4	-	3	1	1	-	-	-
«Император Николай I»										
Офицеров	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Кондукторов	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5
Нижних чинов	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Броненосец береговой обороны «Ген.-Адм. Апраксин»										
Офицеров	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Кондукторов	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2
Нижних чинов	1	-	-	-	1	-	-	-	-	-
Броненосец береговой обороны «Адмирал Сенявин»										
Офицеров	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Кондукторов	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Нижних чинов	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Оставшихся в живых после повреждений												Всех пострадавших
Раненых			Контуженных		Обожженных		Отравленных газами		Перенесших шок	Перенесших тепловой удар	Итого	
Тяжко	Средней тяжести	Незначительно	Тяжело	Легко	Тяжело	Легко	Тяжело	Легко				
1	4	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-
-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	68	572
9	21	10	4	15	-	1	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3	703
-	1	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	2	-	-	-	2	1	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	46	66
4	13	4	2	2	6	7	2	1	-	-	-	-
-	3	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	35	40
10	14	3	2	2	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	1	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	15	17
2	6	3	1	-	-	-	-	-	-	1	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	3	3
-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-

Состав	Умерших от повреждений								Итого
	Без оказания помощи				По оказании помощи				
	Убитых	Сгоревших и сварившихся	Утонувших	Погибших от невыясненных причин	От ранений	От контузий	От ожогов	От отравлений газами	
«Адмирал Ушаков»									
Офицеров	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Кондукторов	-	-	-	-	-	-	-	-	3
Нижних чинов	2	-	-	-	1	-	-	-	-
«Крейсер 1-го ранга «Адмирал Нахимов»									
Офицеров	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Кондукторов	1	-	-	-	-	-	-	-	25
Нижних чинов	21	-	-	-	3	-	-	-	-
«Дмитрий Донской»									
Офицеров	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Кондукторов	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Нижних чинов	-	-	-	-	-	-	-	-	-
«Олег»									
Офицеров	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Кондукторов	-	-	-	-	-	-	-	-	13
Нижних чинов	7	-	-	-	6	-	-	-	-
«Аврора»									
Офицеров	1	-	-	-	-	-	-	-	-
Кондукторов	-	-	-	-	-	-	-	-	16
Нижних чинов	9	-	-	-	6	-	-	-	-
«Светлана»									
Офицеров	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Кондукторов	-	-	-	-	-	-	-	-	2
Нижних чинов	-	-	2	-	-	-	-	-	-

Оставшихся в живых после повреждений												Всех пострадавших
Раненых			Контуженных		Обожженных		Отравленных газами		Перенесших шок	Перенесших тепловой удар	Итого	
Тяжко	Средней тяжести	Незначительно	Тяжело	Легко	Тяжело	Легко	Тяжело	Легко				
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	4	7
4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	51	76
18	23	5	2	2	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	4	4
1	2	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	1	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-
-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	43	56
5	25	5	-	2	-	1	1	1	-	-	-	-
2	4	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	83	99
18	39	11	3	4	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	4
1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Состав	Умерших от повреждений										Итого
	Без оказания помощи				По оказании помощи						
	Убитых	Сгоревших и сварившихся	Утонувших	Погибших от невыясненных причин	От ранений	От контузий	От ожогов	От отравлений газами	От шока		
«Владимир Мономах»											
Офицеров	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Кондукторов	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
Нижних чинов	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-
Крейсер 2 ранга «Жемчуг»											
Офицеров	1	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-
Кондукторов	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	13
Нижних чинов	7	-	-	-	3	-	-	-	-	-	-
«Изумруд»											
Офицеров	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Кондукторов	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Нижних чинов	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
«Алмаз»											
Офицеров	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-
Кондукторов	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	6
Нижних чинов	1	-	-	-	4	-	-	-	-	-	-
Крейсер 2 ранга «Урал»											
Офицеров	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Кондукторов	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	22
Нижних чинов	-	-	-	21	1	-	-	-	-	-	-

Оставшихся в живых после повреждений												Итого	Всех пострадавших
Раненых			Контуженных		Обожженных		Отравленных газами		Перенесших шок	Перенесших тепловой удар			
Тяжко	Средней тяжести	Незначительно	Тяжело	Легко	Тяжело	Легко	Тяжело	Легко					
-	2	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	16	17
3	5	1	1	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-
-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	30	43
5	13	1	-	8	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	6	6
2	1	-	-	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	13	19
2	7	3	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	6	28
1	3	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Состав	Умерших от повреждений									Итого
	Без оказания помощи				По оказании помощи					
	Убитых	Сгоревших и сварившихся	Утонувших	Погибших от невыясненных причин	От ранений	От контузий	От ожогов	От отравлений газами	От шока	
Эскадренный миноносец «Буйный»										
Офицеров	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Кондукторов	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
Нижних чинов	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Эскадренный миноносец «Бравый»										
<i>Своя команда</i>										
Офицеров	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Кондукторов	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5
Нижних чинов	4	-	-	-	1	-	-	-	-	-
Спасенные с эскадрен. бронен. «Ослябя»										
Офицеров	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Кондукторов	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5
Нижних чинов	4	-	-	-	1	-	-	-	-	-
Эскадренный миноносец «Блестящий»										
Офицеров	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Кондукторов	-	-	-	-	-	-	-	-	-	6
Нижних чинов	2	-	-	-	1	-	2	-	-	-
«Бодрый»										
Офицеров	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Кондукторов	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
Нижних чинов	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Оставшихся в живых после повреждений												Итого	Всех пострадавших
Раненых			Контуженных		Обожженных		Отравленных газами		Перенесших шок	Перенесших тепловой удар			
Тяжко	Средней тяжести	Незначительно	Тяжело	Легко	Тяжело	Легко	Тяжело	Легко					
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	2
-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
<hr/>													
-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	8	13
4	2	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
<hr/>													
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	6
-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
<hr/>													
1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	16	22
2	6	1	1	1	3	-	-	-	-	-	-	-	-
<hr/>													
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	9	10
1	3	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Состав	Умерших от повреждений										Итого
	Без оказания помощи				По оказании помощи						
	Убитых	Сгоревших и сварившихся	Утонувших	Погибших от невыясненных причин	От ранений	От контузий	От ожогов	От отравлений газами	От шока		
Транспорт «Иртыш»											
Офицеров	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Кондукторов	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	14
Нижних чинов	6	-	2	1	5	-	-	-	-	-	-
Транспорт-мастерская «Камчатка»											
Офицеров	-	-	-	16	-	-	-	-	-	-	-
Кондукторов	-	-	-	4	-	-	-	-	-	-	259
Нижних чинов	-	-	-	239	-	-	-	-	-	-	-
Мастеровых	-	-	-	68	-	-	-	-	-	-	68
Транспорт «Корея»											
Офицеров	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Кондукторов	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Нижних чинов	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Буксир «Свирь»											
Офицеров	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Кондукторов	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
Нижних чинов	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-
ВСЕГО											
Офицеров	17	-	9	148	3	-	1	2	-	-	-
Кондукторов	3	-	1	61	-	-	-	-	-	-	4390
Нижних чинов	102	-	14	3980	4	-	6	1	-	-	-

Оставшихся в живых после повреждений												Итого	Всех пострадавших
Раненых			Контуженных		Обожженных		Отравленных газами		Перенесших шок	Перенесших тепловой удар			
Тяжко	Средней тяжести	Незначительно	Тяжело	Легко	Тяжело	Легко	Тяжело	Легко					
-	1	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	1	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	35	49
16	10	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	11	270
4	3	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
3	6	-	4	-	-	-	-	-	-	-	-	13	81
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	2
-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
13	22	9	3	12	-	2	1	-	-	1	-	-	-
1	5	1	1	1	-	-	-	-	-	-	-	621	5011
132	245	69	23	48	11	15	3	2	-	1	-	-	-

Состав	Умерших от повреждений									Итого
	Без оказания помощи				По оказании помощи					
	Убитых	Сгоревших и ссварившихся	Утонувших	Погибших от невыясненных причин	От ранений	От контузий	От ожогов	От отравлений газами	От шока	
15 мая										
Эскадренный броненосец «Орел»										
Офицеров	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Кондукторов	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2
Нижних чинов	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-
«Сисой Великий»										
Офицеров	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Кондукторов	-	-	-	-	-	-	-	-	-	39
Нижних чинов	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Броненосец береговой обороны «Адмирал Ушаков»										
Офицеров	3	-	3	-	-	-	-	-	1	-
Кондукторов	-	-	-	3	-	-	-	-	-	84
Нижних чинов	12	-	1	59	1	-	-	-	1	-
Крейсер 1 ранга «Адмирал Нахимов»										
Офицеров	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Кондукторов	-	-	-	-	-	-	-	-	-	18
Нижних чинов	-	-	-	18	-	-	-	-	-	-
Крейсер 1 ранга «Дмитрий Донской»										
Своя команда										
Офицеров	3	-	-	18	1	-	-	-	-	-
Кондукторов	-	-	-	-	-	-	-	-	-	59
Нижних чинов	5	1	-	43	6	-	-	-	-	-

Оставшихся в живых после повреждений												Всех пострадавших
Раненых			Контуженных		Обожженных		Отравленных газами		Перенесших шок	Перенесших тепловой удар	Итого	
Тяжко	Средней тяжести	Незначительно	Тяжело	Легко	Тяжело	Легко	Тяжело	Легко				
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	39
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	7	91
1	4	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	18
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
1	1	1	-	-	-	-	-	3	-	-	-	-
-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	71	130
20	37	5	2	1	-	2	-	-	-	-	-	-

Состав	Умерших от повреждений								Итого
	Без оказания помощи				По оказании помощи				
	Убитых	Сгоревших и сварившихся	Утонувших	Погибших от невыясненных причин	От ранений	От контузий	От ожогов	От отравлений газами	
<i>Спасенные с миноносца «Буйный»</i>									
Офицеров	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Кондукторов	-	-	-	2	1	-	-	-	3
Нижних чинов	-	-	-	-	-	-	-	-	-
<i>Спасенные с броненосца «Ослябя»</i>									
Офицеров	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Кондукторов	-	-	-	-	-	-	-	-	22
Нижних чинов	20	-	-	-	2	-	-	-	-
<i>Крейсер 1 ранга «Светлана»</i>									
Офицеров	4	-	4	-	1	-	-	1	-
Кондукторов	3	1	-	-	-	-	-	-	168
Нижних чинов	7	-	-	147	-	-	-	-	-
<i>Эскадренный миноносец «Грозный»</i>									
Офицеров	1	-	-	-	-	-	-	-	-
Кондукторов	-	-	-	-	-	-	-	-	4
Нижних чинов	2	-	-	-	-	1	-	-	-
<i>«Громкий»</i>									
Офицеров	1	-	-	-	1	-	-	-	-
Кондукторов	1	-	-	-	-	-	-	-	23
Нижних чинов	17	1	-	-	2	-	-	-	-

Оставшихся в живых после повреждений											Всех пострадавших	
Раненых			Контуженных		Обожженных		Отравленных газами		Перенесших шок	Перенесших тепловой удар		Итого
Тяжко	Средней тяжести	Незначительно	Тяжело	Легко	Тяжело	Легко	Тяжело	Легко				
1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	12	
-	9	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	7	
-	4	1	1	1	-	-	-	-	-	-	-	
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	34	
9	15	6	1	2	-	-	-	-	-	-	-	
1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	11	
1	2	2	2	3	-	-	-	-	-	-	-	
1	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	28	51	
8	10	5	-	-	-	-	-	-	1	-	-	

Состав	Умерших от повреждений										Итого
	Без оказания помощи				По оказании помощи						
	Убитых	Сгоревших и сварившихся	Утонувших	Погибших от невыясненных причин	От ранений	От контузий	От ожогов	От отравлений газами	От шока		
Эскадренный миноносец «Быстрый»											
Офицеров	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Кондукторов	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2
Нижних чинов	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-
«Безупречный»											
Офицеров	-	-	-	5	-	-	-	-	-	-	-
Кондукторов	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	73
Нижних чинов	-	-	-	66	-	-	-	-	-	-	-
ВСЕГО											
Офицеров	12	-	7	5	3	-	-	-	2	-	-
Кондукторов	4	1	-	5	-	-	-	-	-	-	497
Нижних чинов	63	2	5	374	12	-	1	-	1	-	-
14 или 15 мая (точно не установлено)											
На разных судах (на каких именно не выяснено)											
Офицеров	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Кондукторов	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	158
Нижних чинов	-	-	-	157	1	-	-	-	-	-	-

Оставшихся в живых после повреждений												Всех пострадавших
Раненых			Контуженных		Обожженных		Отравленных газами		Перенесших шок	Перенесших тепловой удар	Итого	
Тяжко	Средней тяжести	Незначительно	Тяжело	Легко	Тяжело	Легко	Тяжело	Легко				
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	4
-	1	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	73
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
4	3	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
1	1	1	-	-	-	-	-	-	-	1	172	669
39	82	20	6	9	-	2	-	-	-	1	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	10	168
2	2	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Состав	Умерших от повреждений									Итого
	Без оказания помощи				По оказании помощи					
	Убитых	Сгоревших и сварившихся	Утонувших	Погибших от невыясненных причин	От ранений	От контузий	От ожогов	От отравлений газами	От шока	

Сумма потерь в Цусимском бою 14 и 15 мая 1905 года

Всего на всех судах

Офицеров	29	-	16	153	6	-	1	2	2	-
Кондукторов	7	1	1	66	-	-	-	-	-	5045
Нижних чинов	165	2	19	4511	55	-	7	1	1	-

Примечание. Интенсивность потерь на 2-й Тихоокеанской эскадре

Личный состав 16 171	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5046 31,2%
-------------------------	---	---	---	---	---	---	---	---	---	------------

Оставшихся в живых после повреждений											Всех пострадавших	
Раненых			Контуженных		Обожженных		Отравленных газами		Перенесших шок	Перенесших тепловой удар		Итого
Тяжко	Средней тяжести	Незначительно	Тяжело	Легко	Тяжело	Легко	Тяжело	Легко				

17	25	11	3	12	-	2	1	-	-	1	-	-
2	6	2	1	1	-	-	-	-	-	1	803	5845
173	329	95	29	57	11	17	3	2	-	2	-	-

следующая:

-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	8095,0%	58 5586,2%
---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---------	------------

Кититаро Того «МОРСКИЕ СРАЖЕНИЯ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ»

Главы из книги

БОЙ В ЯПОНСКОМ МОРЕ

«Без четверти пять, господин капитан 2 ранга. Построение на палубе через 15 минут». Именно так утром 27 мая 1905 года меня разбудил мой вестовой. Я немедленно выпрыгнул из койки и быстро умылся. Я человек неаккуратный, и когда корабль находится в состоянии повышенной готовности, никогда не раздеваюсь на ночь. Поэтому я сразу выскочил из каюты и под звуки боцманских дудок поднялся на мостик, где присоединился к вахтенным офицерам.

Когда койки были увязаны, я отдал приказ поднять противоминные сети. Едва я закончил давать последние инструкции, вахтенный офицер доложил, что все готово.

В тот самый момент, когда сети коснулись борта корабля, вахтенный мичман прибежал доложить, что получена радиограмма с сообщением: виден вражеский флот. Это произошло во время моей вахты ровно в 05.15, и на флагманском корабле немедленно взвился сигнал с приказом подготовиться к немедленному выходу из порта. Сети были уложены вдоль бортов, и на корабле вместо обычной повседневной жизни началась подготовка к бою.

Каждый человек на борту рвался в бой и старался исполнить свои обязанности не так, как это делалось обычно, все буквально кипело, мы готовились к встрече с русским флотом, которую ждали так долго.

Вельботы и паровые катера, которые временно стояли на якорях по всей бухте, получили приказ вернуться на

корабли и сейчас мчались полным ходом; очевидно считая позором на всю оставшуюся жизнь опоздать к сражению, которое должно было решить судьбу Японии. Их командам было приказано приготовиться поставить свои суденышки на якорь рядом с кораблями.

Вскоре корабли, стоявшие ближе к выходу, начали двигаться. Флагманский броненосец «Микаса», который немного задержался с подготовкой, возглавил колонну, и наш флот построился за ним в следующем порядке: «Сикисима», «Фудзи», «Асахи», «Касуга» и «Ниссин». Мы вышли из порта в бурное море и направились в Восточный пролив Цусимского пролива, где должны были уничтожить русский флот сокрушительным ударом.

По пути я распевал песню собственного сочинения:

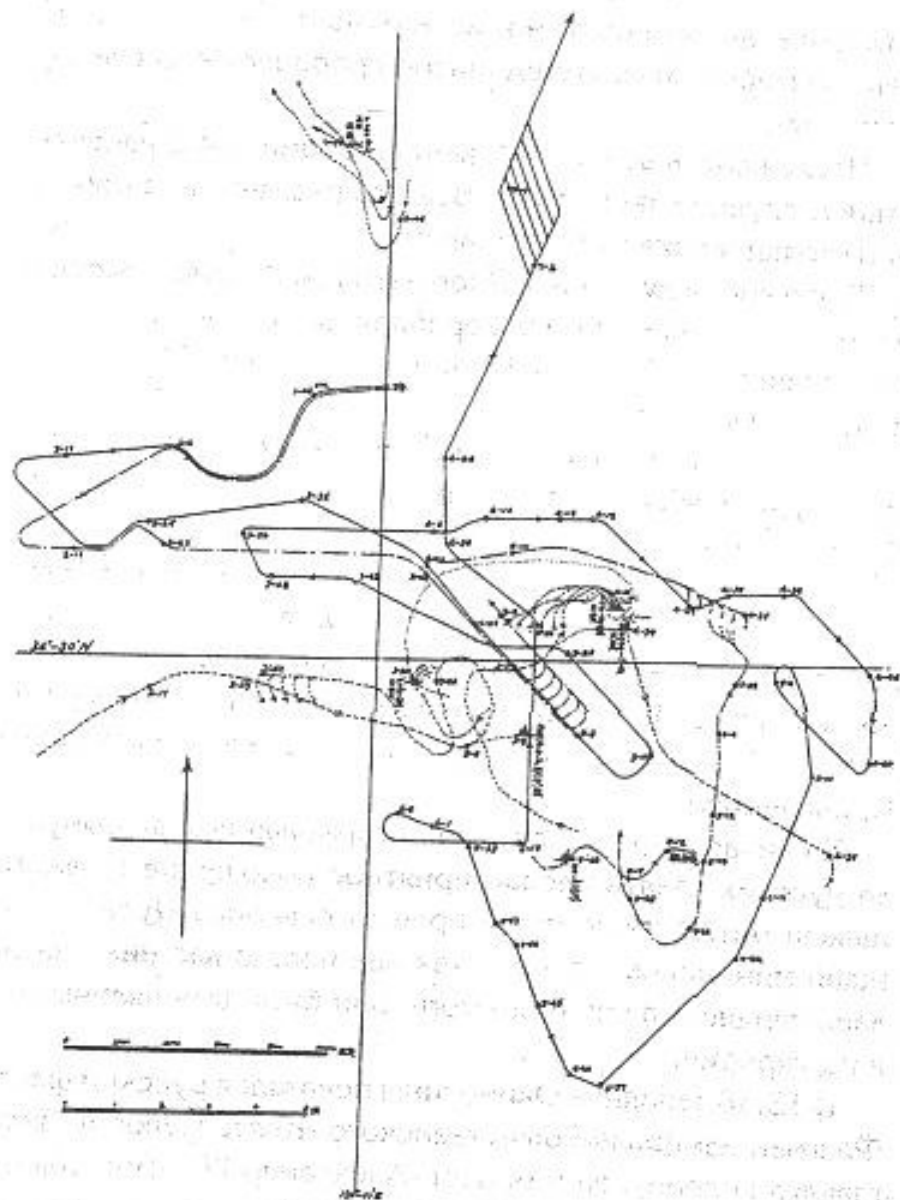
Подобно тому, как великолепие восходящего солнца
И бушующие штормы рассеивают утренний туман,
Точно так же триумф наших кораблей победит
И рассеет русские корабли и их команды.

«Идзуми», один из наших разведчиков, каждую минуту передавал нам по радио строй и курс русских кораблей, и в том, что они приближаются, не осталось сомнений. Самый потрясающий шанс шел нам в руки, и сердца офицеров и матросов бились сильнее, наполненные радостью и отвагой.

Процесс подготовки к бою был завершен повсюду. «Пусть они идут, если так хотят», — переговаривались наши офицеры, которые собрались у кормового барбета и курили.

Старший помощник принес коробку сигар, которые презентовал нам в дар от Его Величества принца Комацу, и роздал их офицерам, чтобы отпраздновать ожидающую нас победу. Единственным, кто не курил, был сублейтенант Морисита.

Капитан 2 ранга убедил его закурить сигару, полученную из столь высокопочтенного источника, так как она могла принести ему удачу в бою. Когда Морисита снова отказался, лейтенант Хатано сказал шутливо: «Если ты не



Японская схема боя

возьмешь ее добровольно, возможно ты первым погибнешь сегодня». Увы, это шутивное пророчество оказалось истинным.

Наслаждаясь великолепными сигарами, мы с удовольствием слушали фонограф. Все это развлекало в ожидании столкновения с противником.

В это время дул сильный юго-западный ветер, высокие злые волны били в борта кораблей, заставляя их сильно раскачиваться. Открыть орудийные порты на батарейной палубе было совсем нелегко.

Мы радовались предстоящей встрече с противником и молились, чтобы ветер немного утих. Хуже того, погода была такой туманной, что видимость не превышала 5 миль. Уже не один раз в нашей истории в критические моменты штормы в западных морях помогали Японии, самый памятный пример относится к монгольскому вторжению на Кюсю в 1281 году. Этот шторм получил название камикадзе — божественный ветер, так как он явно был вызван Провидением.

И сейчас, словно нарочно, штормовая погода вынудила русских занять неблагоприятное положение с самого начала битвы. Вскоре мы прошли севернее Цусимы, но наши миноносцы отстали, так как погода для них оказалась слишком плохой, поэтому они были вынуждены искать укрытия.

В 13.36 западнее Окиносимы показался русский флот. Флагман адмирала Рожественского «Князь Суворов» возглавлял колонну, за ним шли «Александр III», «Бородино», «Орел», «Ослябя» (под флагом адмирала Фелькерзама), «Сисой Великий», «Наварин», «Нахимов», «Николай I» (флаг адмирала Небогатова), «Апраксин», «Сенявин» и «Ушаков». Остальные корабли нельзя было увидеть в тумане. Это был действительно огромный флот, длинная серая линия, светло-голубые трубы резко выделялись на ее фоне. Балтийский флот Российской империи, который должен был дать нам последний и решительный бой, был равен нам по количеству кораблей, но превосходил в линейных су-

дах и тяжелых орудиях. Однако русские уступали нам в броненосных крейсерах и 203-мм орудиях. В 13.40 наш флагман «Микаса» повернул навстречу вражескому флоту, словно собирался преградить ему путь. Одновременно адмирал Того поднял на мачте памятный сигнал: «Судьба империи зависит от результатов этого сражения. Пусть каждый сделает все, что только может».

Каждый офицер и матрос нашего флота прочел сигнал спокойно и с полным самообладанием, мы не испытывали даже тени возбуждения.

В 14.07 русские открыли огонь, но дистанция была слишком велика, большинство снарядов падало в море, к огромному удивлению морских богов. Наш флот спокойно держался под жарким огнем 6 минут, проявив исключительную дисциплину, и только в 14.13 «Микаса» сделал первый выстрел. Любое положение, которое занимал наш флот после этого, имело одну цель — направить огонь на противника. Таким образом был поднят занавес великого морского сражения, которое мы так долго ждали.

Орудийные выстрелы и дым из труб затянули все море дымом. Столбы воды вырастали там, где снаряды падали в море, и грохот орудий был просто оглушительным. Однако вражескому огню не доставало меткости, либо эта нервозность была следствием неопытности, либо нехватки дисциплины, но лишь немногие наши корабли получили повреждения. С другой стороны, меткость наших комендоров была такова, что клубы черного дыма от разрывов слились в сплошную пелену.

После начала боя я покинул кормовой мостик, чтобы осмотреть корабль, и начал обход с верхней палубы. Я с удовольствием отметил, что орудийные расчеты были так же хладнокровны, как на обычных артиллерийских учениях.

После обхода главной палубы я спустился вниз и пошел в носовую часть вместе с толпой людей, которые тащили ведра с водой. Это было признаком того, что случилось нечто неожиданное. Я был немного возмущен этой сумато-

хой и спросил, что они делают. «Несем воду в 12-дюймовую башню». Я заподозрил, что там начался пожар после вражеского попадания, но не стал беспокоиться и пошел на корму. Когда я поднимался на верхнюю палубу, то услышал ужасный грохот взрыва, долетевший с кормы. Вокруг посыпались обломки дерева и осколки, среди этого хаоса лежали раненые люди. Посмотрев на правый борт, я увидел перекрученные стальные листы, на палубе валялись окровавленные тела, оторванные руки и ноги. В живых не осталось никого. Затем с шельтердека спустился матрос, который нес на руках суб-лейтенанта Мориситу. Его подчиненный сопровождал раненого, и мне сразу пришлось сделать ему резкий выговор. «Чьей обязанностью является управление огнем, когда убит командир plutонга?» Молодой офицер сразу помчался обратно, словно внезапно вспомнил о своих обязанностях.

Вполне естественно для молодого человека в подобных условиях покинуть свой пост, так как он вряд ли мог не обратит внимания на гибель в бою своего командира. Однако в бою офицер просто обязан проявлять стойкость.

Я позвал Мориситу: «Пятый лейтенант, пятый лейтенант!» — но не получил ответа. Я положил ему руку на лоб, он еще не был холодным. Казалось, он еще кое-как дышит, поэтому я пошел, чтобы вызвать санитаров с носилками и отправить его в перевязочный пункт.

Затем я поднялся на шельтердек и перешел на правый борт. Щит 12-фунтового орудия был пробит русским снарядом. Я с трудом находил место, куда поставить ногу, так как палуба была засыпана обрывками человеческой плоти и залита свежей кровью, оторванные руки и ноги, изуродованные тела валялись повсюду. Вызвав людей с подбойного борта, я приказал им убрать останки. Они заколебались, прежде чем приступить к столь тягостной работе, и мне пришлось подать им пример, после чего они взялись за дело. К 14.40 палуба была убрана. При этом исход сражения уже был решен в первом столкновении главных сил.

В 15.17 наш 1-й отряд сосредоточил весь огонь на авангарде вражеской эскадры, который потом повернул вправо, чтобы уклониться, поэтому мы направили огонь левого борта в точку, где он изменил курс. Мы дали великолепный образец меткой стрельбы.

Еще до этого на борту русского флагмана «Ослябя» начался пожар, и он выкатился из строя, погружаясь носом. В этот момент вражеский флот был фактически разбит. Флагман Рождественского «Суворов» тоже был охвачен пламенем и выкатился из линии в 15.23.

После второй атаки мы потеряли из вида главные силы русского флота за исключением флагманского корабля, который некоторое время оставался один, весь окутанный дымом разрывов и пожаров. Так как это был самый удобный случай выяснить, сколько снарядов мы израсходовали, я отдал приказ сделать это командирам всех батарей. Натолкнувшись на суб-лейтенанта Году, я приказал ему передать распоряжение своему лейтенанту, но он отвечал совершенно невпопад. Я переспросил его громче, так как все мы оглохли от выстрелов, однако он снова не ответил. Я страшно разозлился, но потом мой гнев сменился жалостью, когда я узнал, что еще во время первого столкновения у него лопнули барабанные перепонки. Вскоре после этого происшествия я отправился во второй обход по батареям. Меня повсюду приветствовали словами: «Поздравляем, господин капитан 2 ранга». Мы имели все основания для поздравлений, так как исход боя был решен. Аналогичными поздравлениями моряки обменивались по всему кораблю. Мы чувствовали себя так, словно праздновали Новый год. Следующей моей обязанностью было посещение раненых в перевязочном пункте на нижней палубе. У некоторых из них были ранения в горло, и они даже дышали с трудом, но все-таки они еле слышно кричали «Банзай!» Кое-кто лежал без сознания и с раздробленными конечностями, а один, которого сейчас перевязывали, крикнул мне: «Капитан 2 ранга, мне досталось».

Когда я повернулся, то смог сказать ему только одно: «Мы все лишь опадающие цветы на распутившемся дереве воинской славы».

В 16.30 наши главные силы прошли перед «Суворовым», сосредоточив свой огонь на нем. Он уже был наполовину выведен из строя, а теперь получил несколько залпов с наших броненосцев. Его сразу окутало облако черного дыма. На борту корабля вспыхнули огромные пожары, и через несколько минут мы увидели зловещее облако дыма, смешанного с паром, так как взорвались его котлы.

Это ужасное зрелище сильно меня взволновало. Я был рад, что рядом со мной стоял кто-то с фотокамерой в руках. Я протянул руку и указал ему на «Суворова», и он охотно начал делать снимки. Мы думали, что эта картина — просто редчайшее сокровище: сцена гибели флагманского корабля Балтийского флота. Его радость и гордость при виде этого легко можно представить. Однако когда после боя мы проявили пластинки, то не увидели ничего, кроме коек, которые использовались для защиты мостика. Как выяснилось, мы сильно ошиблись при фокусировке камеры. Даже нервозность под огнем противника не может служить нам достаточным извинением за такую ошибку. Но мы в тот момент просто радовались результату.

В 17.08 я увидел наши истребители, бросившиеся в атаку на «Суворова». Несчастный корабль все еще стрелял из 76-мм орудий кормовой батареи по миноносцам и по нашему флоту.

До самого конца «Суворов» не прекращал сражаться, и его отвага заслуживает самого высокого восхищения. Когда наш «Асахи» прекратил огонь, 76-мм снаряд с тонущего «Суворова» попал в нашу фок-мачту. Его осколки влетели в боевую рубку, ранив нескольких человек. Квартирмейстер Ягинума, который стоял на руле в бронированной рубке, получил осколок в правое плечо. Совершенно невозмутимый, он продолжал держать штурвал левой рукой и попросил стоявшего рядом с ним минного офицера

осмотреть плечо. Лейтенант подошел и обследовал рану. Она была достаточно велика, чтобы просунуть в нее палец. Ягинума побледнел, как мел, но продолжал управлять кораблем одной левой рукой как ни в чем не бывало. Он дождался, пока придет смена, и лишь потом отправился на перевязку. Великолепный пример! Его поведение может служить бессмертным примером поведения настоящего воина. Такие действия, совершает их наш товарищ или противник, заслуживают уважительного отношения и служат примером для всех будущих воинов.

Тем временем наш отряд еще раз прошел мимо «Суворова», всадив в него еще несколько залпов, а потом снова повернул к нему.

В этот момент мы увидели неподалеку от себя ползущий русский вспомогательный крейсер «Урал» (две мачты, три трубы). На него обрушился сосредоточенный огонь всего 1-го боевого отряда.

В 17.45 шквал 305-мм снарядов накрыл его, на корабле начались взрывы и пожары, повалил дым. Труба рухнула, одна мачта сломалась, за ней последовала вторая, потом упали обе оставшиеся трубы. Он начал садиться кормой и постепенно скрылся в воде. Мы все закричали от радости и захлопали в ладоши, глядя, как он медленно переворачивается килем вверх и исчезает в бездне. Это продолжалось около 5 минут, и «Урал» затонул в 17.50.

Двигаясь на север в поисках главных сил русского флота, мы сумели обнаружить 4 корабля на северо-запад от «Суворова», два ближе к нам, два поодаль. Наш отряд пошел на ближайшие 2 корабля, и начался бой на параллельных курсах, который продолжался около часа. В 19.18 на «Бородино», шедшем в голове русской колонны, вспыхнуло огромное пламя, пробившееся сквозь палубу. Наш флагман «Микаса» повернул на север, остальные корабли последовали за ним.

Когда «Фудзи» поворачивал, он дал залп из кормовой 305-мм башни по «Бородину», который теперь был весь охвачен огнем. Это был великолепный выстрел, и снаряды

взорвались, попав в цель. Над кораблем взвился огромный столб дыма.

Затем мы тоже навели на него 305-мм орудия кормовой башни, но увидели, как наши снаряды легли с большим недолетом. Я пошел на корму, чтобы указать наводчикам дистанцию. Однако мне сообщили, что «Бородино» взорвался, и когда я посмотрел туда, то не увидел ничего, кроме клубов дыма. Я не мог сказать даже самому себе, как именно он погиб, и только удивлялся скорости, с которой броненосец пошел на дно. Вероятно, это произошло в результате взрыва погребов ровно в 19.23. В 19.25 мы получили приказ прервать бой. Наш отряд шел на север до рассвета, пока наши истребители и миноносцы кружили вокруг неприятельских кораблей, высскивая любую возможность для атаки и дожидаясь удобного времени.

На этом наше участие в бою 27 мая 1905 года завершилось, и мы поручили ночные атаки нашим минным флотилиям.

Ветер и волны немного успокоились, мы собрались все вместе и молились за успех наших миноносцев. Тем временем русский флагман «Суворов» полностью потерял боеспособность. «Ослябя» покинул строй в самом начале битвы из-за большого пожара, «Бородино» несомненно взорвался и затонул. Таким образом три сильнейших вражеских корабля были выведены из боя. Другие корабли тоже были серьезно повреждены, а весь флот пришел в состояние полного хаоса.

Исход битвы был полностью решен. Мы словно бы стояли в весеннем саду, наслаждаясь легким ветерком, доносящим аромат цветов.

Холодный апрельский утренний ветерок
Доносит аромат каждого распустившегося цветка
И мягко веет над лугом.

Солнце уже скрылось за горизонтом, который становился все темнее. Далеко на юге тут и там мы видели лучи

прожекторов и слышали отдаленные раскаты орудийных залпов. Это говорило о том, что наши истребители и миноносцы начали атаку. С 20.00 до 22.00 выстрелы были слышны, но по мере того как мы уходили, они постепенно стихали. Мы сами были заняты подготовкой кораблей к завтрашнему бою. Пустые гильзы были убраны, проведен временный ремонт повреждений, с палуб смыли кровь наших отважных погибших товарищей.

Медики были заняты перевязкой раненых, обследовали тела убитых. Словом, все как полагается после тяжелого боя.

Плотники спешно сколачивали деревянные гробы для мертвых, и за ночь было изготовлено 8 штук. Осмотрев их, я решил, что они слишком коротки для тел. Улепсись внутри одного гроба, я обнаружил, что не могу выпрямить ноги. Когда я спросил плотников, почему был дан приказ делать такие короткие, мне сказали, что причина — слишком маленькое место кремации. Я со смехом ответил: «Если меня завтра убьют, вы должны сделать для меня гроб подлиннее».

После того как все тела осмотрели и уложили в гробы, на крышках написали имя и звание каждого покойника.

Несколько человек были назначены нести ночную вахту. Примерно к 02.30 все дела были закончены. Офицеры и матросы собрались для небольшой поминальной службы, чтобы почтить тех, кто пал в бою.

В качестве старшего помощника командира «Асахи» я прочитал следующую речь:

«В решительном сражении между японским и русским флотами мы уничтожили вражеский флот. Благодаря самопожертвованию, продемонстрированному вами сегодня, мы одержали великую победу. Позвольте мне сказать несколько слов, выражающих глубочайшее восхищение и уважение, которые я испытываю при виде вашей отваги.

В том самом бою, который закончился бегством врага,
Как под ударами несущих смерть ураганов,
Наши отважные сыны, подобно цветам,
Слишком прекрасным, чтобы завянуть,
Были сломлены яростными ударами.

Ваши отважные деяния всегда будут являться образцом поведения воинов, сияющие, подобно утреннему солнцу в нашей земле. Примите эти заверения, а теперь выразим наше восхищение и скорбь».

В бою 27 мая мы потеряли 1 офицера и 6 матросов убитыми, 2 матроса были смертельно ранены, 2 матроса — тяжело ранены. Кроме них еще 18 человек получили легкие ранения и 8 — незначительные царапины. Рано утром 28 мая наш отряд вместе со 2-м боевым отрядом шел к острову Уллодо, чтобы помешать противнику прорваться на север. В 06.05 мы получили радиogramму от наших кораблей, которые обнаружили русских, идущих на север. В 09.49 юго-западнее Такесимы мы увидели пять кораблей. Один из них, «Изумруд», сразу дал полный ход и сбежал, зато остальные четыре: флагманский «Николай I», «Орел», «Апраксин» и «Сенявин» продолжали двигаться на север. Мы начали спускаться на них, чтобы отрезать их с юга, однако они не стали, как накануне, первыми открывать огонь. Как только мы подошли на дистанцию выстрела, то сразу открыли жаркий огонь, но сопротивления не было. Присмотревшись внимательнее, мы обнаружили, что каждый из них поднял сигнал по международному своду и не имел флага на мачте. Сигналы выражали желание сдаться, и мы сразу прекратили стрельбу. Это было сверх всяких ожиданий. Мы открыли огонь с полной решимостью сразу уничтожить их, но напрасно, так как адмирал Небогатов сдал 4 больших военных корабля, не сделав даже одного выстрела в ответ. Это было очень странное решение, и мы были несколько разочарованы. Тем временем подтянулись 4-й и 5-й отряды, которые следовали за этими добровольными пленниками и полностью окружили их. Русские корабли беспомощно дрейфовали среди наших, напоминая, если сказать честно, крыс, попавших в ловушку.

Главнокомандующий Объединенным флотом вызвал адмирала Небогатова для переговоров на борт «Микасы» и принял его сдачу в плен. Одновременно сдались и все русские корабли.

Мне был дан приказ занять «Орел» и привести его в наш порт. Для этого была сформирована призовая команда из офицеров и матросов «Асахи» и «Касуги». После необходимых приготовлений в 16.00 я поднялся на борт «Орла» вместе с остальными. Со мной были 8 офицеров, 4 старшин и 196 унтер-офицеров и матросов.

Когда я с призовой командой подошел к «Орлу», стало видно, как серьезно он пострадал. Лишь теперь мы оценили, насколько ужасающей была мощь нашего огня.

Как только мы поднялись на борт, я заставил русских спустить флаг Восходящего Солнца, который они подняли в момент своей сдачи, и вместо него мы подняли привезенный с собой.

Когда в октябре Балтийский флот покинул Россию, Его Величество Император России вместе с великими князьями Алексеем и Михаилом посетил этот корабль и, стоя на мостике, обратился к офицерам и матросам, выстроенным на корме. Он приказал им отомстить за «Варяг» и «Кореец», уничтоженные японцами, и поддержать честь и славу русского флота. Теперь над тем же самым мостиком развевался наш национальный флаг!

Все русские моряки были готовы покинуть корабль, забрав с собой вещи, словно намеревались сдать в плен лично. Квартердек был в полном беспорядке, и на передний мостик меня провожал артиллерийский лейтенант, который был ранен в грудь и руку.

Он немного говорил по-английски, и когда я спросил его, где командир, он ответил, что тот лежит тяжело раненный в лазарете. На мой вопрос о старшем помощнике лейтенант сказал, что тот отправился на «Николай». Мы с большим трудом кое-как понимали друг друга, но на большее не были способны. Тем временем остальные офицеры собрались вместе, но все качали головами, когда я спрашивал, говорит ли кто-нибудь из них по-английски. Когда я уже почти пришел в отчаяние от неспособности заставить понимать себя, лейтенант Синдзиро Ямамото, который хорошо говорил по-французски, прибыл на «Орел» с де-

пешей от главнокомандующего. Воспользовавшись счастливым случаем, через него я объяснил русским офицерам порядок передачи корабля.

Однако еще до этого, как только мы поднялись на «Орел», в различных местах были поставлены часовые. Они охраняли артиллерийские погреба, и за всем кораблем был установлен самый строгий надзор.

Сверх того наши офицеры были распределены, чтобы следить за штурманским, артиллерийским и минным завыванием, а также за машинными отделениями и корпусом. Их сопровождали русские офицеры, которые были выделены для передачи корабля.

Прежде всего были осмотрены наиболее опасные артиллерийские и минные погреба. Мы убрали разбросанные патроны и снаряды. Наши механики и кочегары осмотрели кингстоны. Машины были переданы им таким образом, чтобы не возникло никаких помех в дальнейшем плавании. Особые предосторожности были приняты против попыток различного саботажа. В порядке предосторожности мы отослали пленных на борт «Асахи» и «Касуги». Некоторые из них, потеряв чувство стыда, напились до невменяемого состояния. Похоже, им удалось дорваться до корабельных запасов спирта и украсть офицерские вина. Их товарищам приходилось следить за пьяными, и поэтому приготовления к отъезду с корабля шли очень медленно. Не только погрузка в катера оказалась сложной, выяснилось, что самих катеров не хватает, чтобы нормально разместить пленных. Тем временем я начал обход в сопровождении русского врача, который мог говорить и понимать английский достаточно хорошо, и своего рассыльного.

Сначала мы пошли в кают-компанию, где осмотрели раненых, а потом отправились в лазарет, где лежал тяжело раненный командир и другие офицеры.

Командир был ранен осколками во время боя 27 мая, когда находился в боевой рубке. С тех пор он лежал в постели, так как голова и грудь его были обмотаны окро-

вавленными бинтами. Он был смертельно бледен и почти без сознания. Врач, сопровождавший меня, пощупал его пульс и сказал: «Вероятно, он не доживет до утра».

Кроме командира были ранены еще 4 офицера, но все они вроде бы имели легкие раны.

После подсчета мы решили, что корабль потерял 20 человек убитыми и 47 ранеными¹. Мне показалось, что это слишком мало, учитывая, какие повреждения получил корабль. Даже при беглом осмотре мы насчитали около 40 пробоин снаружи и великое множество внутри. На мой вопрос, как русские объясняют это, мне ответили, что большинство потерь пришлось на первую фазу боя. Их артиллеристы получили приказ вести бой только в бронированных башнях, все остальные укрылись на нижних палубах. Впрочем, я подозревал, что по приказу прятались немногие, а остальные постарались укрыться, чтобы не находиться на верхней палубе под огнем.

Покинув лазарет, мы осмотрели все отсеки на верхней и нижней палубах. Ночью было сильное волнение, вода через пробоины попадала внутрь корпуса и сейчас в некоторых отсеках плескалась на палубе, так что мы шли по щиколотку в воде. Поэтому на палубах расстелили маты, чтобы мы могли пройти.

Каюты были разгромлены, с трудом можно было найти пригодные для жизни помещения, исключая одно в носовой части по правому борту, кают-компанию и лазарет в кормовой, командирскую и адмиральскую каюты на нижней палубе. Буквально все на корабле носило следы пожаров. Трупы покойников не были похоронены в море, их сложили в носовой части. Из-за вони я не рискнул войти туда.

Снаряды и гильзы валялись повсюду. Развороченные борта зияли множеством пробоин, броневые плиты несли на себе отчетливые отметины разрушительной силы на-

¹ Совершенно непонятные цифры. На «Орле» был убит 41 человек, 128 получили ранения. Раны лейтенантов Ларионова и Гирса никак нельзя назвать легкими. *Прим. пер.*

шей шимозы. Зрелище было просто ужасающим, особенно в средней части верхней палубы, где стояли катера и шлюпки. Туда было просто страшно смотреть.

После осмотра я поднялся на передний мостик, чтобы выслушать отчеты своих офицеров о том, что они обнаружили. Один за другим они завершали свои отчеты. Так как сопровождавшие их русские офицеры не говорили по-английски, им приходилось весь осмотр проводить лично. Но в целом передача корабля под наше наблюдение прошла нормально. Следующей нашей заботой было найти помещения для наших офицеров и матросов. Под штаб была отведена командирская каюта, и мы заставили русских офицеров покинуть ее. Для унтер-офицеров и матросов мы выбрали адмиральский салон. Русским унтер-офицерам и матросам пришлось спать на полубаке под открытым небом. Так как целых кают не осталось, офицеров отправили в кают-компанию к раненым.

Но пока мы распределяли каюты, вода продолжала прибывать и всюду плескалась на палубах. Поэтому нам пришлось устанавливать скамейки и шкафчики среди луж, чтобы не замочить ноги даже в командирской каюте, иногда сооружая нечто вроде пирамид.

В разгар этой суматохи продолжался перевод пленных на «Асахи» и «Касугу», туда были отправлены около 500 человек. Самые умные и послушные среди них присматривали за остальными, поднимаясь на борт наших кораблей. Остальные, которые были пьяны в стельку, бормотали что-то невнятное, очевидно, объясняя, что они напились от отчаяния.

После захода солнца наш флот двинулся домой, но мой механик считал, что вряд ли сумеет заставить машины работать нормально. Поэтому нам разрешили использовать русских пленных и приказали русскому старшему механику оставить на борту всех, кто был нужен.

Но инструкции понимают правильно далеко не всегда, и большинство его людей оказались на «Асахи», а мы никак не могли выяснить, остались на «Орле» кочегары или нет. По-

этому нашим матросам, хоть их было совсем немного, пришлось потрудиться, чтобы запустить машины броненосца.

После захода солнца флот начал движение, и мы заняли место за кормой 1-го боевого отряда.

Готовясь запустить машины, кроме прочих неполадок, мы обнаружили, что клапаны паропроводов закрыты, а предохранительные клапаны котлов — открыты или заклинены кусками железа так, что закрыть их невозможно. Потребовалось некоторое время, чтобы все привести в порядок, но даже после этого мы не сумели заставить машины работать нормально, поэтому корабль начал понемногу отставать от основной эскадры. В такой ситуации истребитель «Усугумо» (капитан-лейтенант Масуда) был отправлен сопровождать нас. Это заметно помогло нам поддерживать связь с остальными кораблями, но толку от этого было мало.

В 22.20 мы совершили пробный пробег с удовлетворительными результатами, однако еще оставались щели, через которые выходил пар. Постоянно исправляя поломки, мы делали все возможное, чтобы следовать за эскадрой, но никак не могли дать больше 5 или 6 узлов.

29 мая в 00.05 мы были вынуждены остановиться из-за проблем с машинами. Они ломались так часто, что мы вряд ли давали больше 10 узлов.

Внезапно в 01.45 корпус корабля накренился на 3 или 4 градуса вправо. Когда мы обследовали трюм, то не нашли ничего необычного, но русские офицеры боялись, что корабль перевернется, и поспешили надеть спасательные жилеты. Все остальные пленные явно разделяли их опасения, что создало еще больший переполох. Так как все это ухудшало положение, нам пришлось утихомирить их, сказав, что нет никаких оснований для серьезной тревоги.

К 03.28 вода в котлах упала ниже безопасной отметки, а вдобавок мы никак не могли включить электрическое освещение, и на корабле было совершенно темно, исключая особо важные отсеки, где горели свечи, чтобы полу-

чить минимум света, необходимый для работы. В начале ночи мы услышали отдаленные выстрелы, но никакого внятного объяснения этому не было, так как никаких боев с прошлого утра мы не видели. В случае столкновения с кораблями противника русские пленные наверняка восстали бы против нас. Нашим единственным источником надежды оставался «Усугумо», который шел рядом с нами, чтобы предохранять от всяких неприятных неожиданностей. Мы распределили среди своих матросов винтовки и патроны, которые мы захватили.

В случае если бы корабль был потоплен или снова перешел в руки противника, мы наверняка погибли бы, но гораздо тяжелее для нас была бы потеря воинской чести. Пока эти мысли проносились у меня в голове, я чувствовал, что тревога просто давит меня. Эти чувства сейчас передать очень сложно.

По той же самой причине мы не могли отправить «Усугумо» с донесением до наступления рассвета. Мы все с нетерпением ждали наступления дня.

Но одну вещь мы особенно жаждали выяснить: куда же делась вода из котлов? Мы не могли найти никаких неисправностей в трюме, а открывать отсеки двойного дна было слишком опасно.

Отложив наш осмотр до утра, мы провели допрос пленных, чтобы узнать, осталась ли еще котельная вода и где она хранится.

В 04.15 «Усугумо» был отправлен вдогонку за эскадрой, чтобы сообщить о наших проблемах адмиралу и вызвать на помощь буксир.

По пути он натолкнулся на «Асаму» и обо всем сообщил капитану 1 ранга Ясиро. «Асама» имел несколько пробоев в корме и получил дифферент примерно 5 футов из-за принятой воды. Несмотря на это, он подошел к нам и приготовился взять «Орел» на буксир. Поэтому «Усугумо» не стал отправлять радиogramму командующему. Однако когда «Асама» подошел к нам, мы уже были готовы к продолжению плавания, и его помощь не потребовалась.

В 07.45 мы обнаружили, что вода имеется и попробовали запустить машины, что нам удалось. Учитывая опасность продолжающегося затопления через пробойны в бортах, когда ветер и волны были сильными, мы решили более разумным направиться в ближайший порт, которым оказался Майдзуру.

Наши механики и кочегары не спали ни минуты в течение всей ночи, и сейчас просто валились с ног на своих местах. Но их поднимали, и они снова принимались за дело. Общими усилиями нам удалось поднять пар в 10 котлах, чего было достаточно, чтобы корабль развил скорость 7 или 8 узлов. Поэтому мы вызвали 10 добровольцев из строевых матросов и нашли русских, которые согласились нам помочь. Наш механик и его подчиненные получили возможность немного передохнуть. Их работа была просто замечательной.

В 08.18 мы начали свое путешествие в Майдзуру. «Усугумо» вернулся к нам, в 09.20 мы отправили его к Оки, чтобы передать важные радиограммы главнокомандующему и военно-морской базе Майдзуру, а также морскому министру. В 08.35 мы встретили наш флагман «Микасу» и получили разрешение следовать в Майдзуру. «Асахи» и «Асама» сопровождали нас, «Усугумо» был отправлен к острову Оки, чтобы передать сообщения.

В 11.30 четверо раненых пленных скончались, и мы устроили погребальную церемонию, на которой присутствовали все мои офицеры и матросы, не занятые на вахте. Мы не захватили с собой на «Орел» ничего, кроме жестких сухарей и консервов, но лишь теперь смогли приготовить себе хоть что-то, чтобы перекусить. Положение на борту к этому времени немного успокоилось, поэтому у нас появилось время заняться приготовлением пищи, мы использовали для этого русский камбуз. Питание пленных мы оставили целиком на их собственном попечении, поэтому время приготовления завтрака неожиданно совпало.

Их офицеры, похоже, не могли найти даже горячей воды, потому что они пришли ко мне и заявили, что у них

есть несколько раненых, начиная с капитана, которым нужно дать хоть что-то поесть. Однако они не могут использовать камбуз, так как там готовится наш завтрак.

Они просили проявить милосердие к раненым товарищам и попросили разрешения воспользоваться камбузом после нас.

Теперь они говорили на достаточно беглом английском, тогда как вчера не могли выдать из себя ничего, кроме короткого «Но», когда я спрашивал, говорят ли они на этом языке.

Я сказал им, что нам очень жаль их капитана и других раненых, поэтому мы разрешаем им использовать камбуз в отведенное время. После этого они ушли, произнеся тысячу благодарностей.

Мы были сильно удивлены, что голод заставил их заговорить по-английски, хотя ранее они упорно отрицали, что могут это. И мы просто не смогли удержаться от смеха, когда они ушли.

Когда закончилась добровольная вахта русских, мы передали русским кочегарам несколько бутылок вина, и они были полностью удовлетворены. Мы были снова сильно удивлены, когда они начали шутливо кланяться нам, крепко сжимая бутылки.

У нас не было необходимости использовать строевых матросов из числа пленных, и потому не было оснований поить их вином. Тем не менее простакни прибыли к двери нашей офицерской каюты, постоянно отдавали нам честь и бормотали что-то на невнятном русском. При этом они жестами и гримасами показывали, как пьют вино, поднимая руки ко рту, словно держали стаканы. Каждый раз, когда эти люди появлялись, нам приходилось прогонять их прочь.

В 08.10 капитан 1 ранга Юнг скончался от серьезных ран, и русские офицеры попросили у меня разрешения похоронить его так, как хотел он сам. Я сказал им, что в Майдзуру будут устроены торжественные похороны, однако они просили похоронить своего командира в море. Мы пошли навстречу их просьбам и решили устроить

прощальную церемонию на следующее утро. Этой ночью один из пленных, поляк по национальности, тайно пришел к нам и сообщил, что один из русских механиков пытался открыть кингстоны и затопить корабль. Так как пленные очень этого боялись, мы допросили подозреваемого офицера и посадили его под арест, приставив к двери каюты часового. После этого за кингстонами был установлен бдительный надзор, и были приняты все возможные меры предосторожности, чтобы защитить артиллерийские погреба и другие опасные отсеки. Все ключи к кингстонам, находившиеся в кладовых, были изъяты, и мы воспользовались первым же случаем, чтобы сигналом сообщить на «Асаму» и «Асахи», что обстоятельства требуют от нас проявлять сугубую осторожность, и попросили их бдительно следить за «Орлом». Командир «Асамы» капитан 1 ранга Ясиро ответил, что он еще пришлет людей, если это необходимо. Но я поблагодарил его за предложение и отказался, сообщив, что пока это не нужно. Наши часовые самым бдительным образом следили за входами в машинные отделения, а также за кингстонами и тому подобным. Каждого русского механика или кочегара, входящего в отсек и выходящего оттуда, мы останавливали и досматривали, приставив штык. Некоторые из них обвиняли наших часовых в том, что им нанесли раны штыками. Языковой барьер еще больше ухудшал дело, но при рассмотрении все обвинения оказались выдумкой.

Один из русских офицеров, как я уже говорил, оказался в заключении, и его товарищи обратились ко мне с просьбой освободить его, утверждая, что мы ошибаемся в своих подозрениях.

Позднее он представил мне общую петицию всех офицеров и заявил: «Нам сообщили, что его взяли под стражу по подозрению в попытке открыть кингстоны и затопить корабль. Мы все гарантируем, что он не совершит подобной попытки, и берем на себя ответственность, что он больше не покинет кают-компанию. Позвольте нам заметить, что если бы он хотел затопить корабль, он сделал бы

это до нашей сдачи. Но теперь мы повинемся приказу адмирала сдаться, и абсурдно предполагать, что один из нас будет тайно пытаться затопить корабль среди бела дня. Не думаете же вы, что это случится?» Он еще привел много аргументов в защиту пленника, но я ответил ему, что полностью принимаю его аргументы, однако у меня есть еще и другие основания держать в заключении его товарища. Поэтому я прекратил дальнейший спор, как совершенно бесполезный.

На следующее утро, прежде чем мы прибыли в Майдзуру, мы удовлетворили просьбу русских офицеров и передали им механика, указав, чтобы ему не позволяли выходить из кают-компания. Я рискнул его освободить.

Когда мне сказали, что кто-то из русских офицеров совершил такую попытку, кое-кто из нашей молодежи пришел в страшное возбуждение и захотел сам застрелить русского. Однако я категорически запретил подобные действия и сказал: «Мы обязаны с должным уважением относиться к чести русских офицеров даже после сдачи и со своей стороны не допускать никаких непродуманных импульсивных действий. В любом случае мы должны быть справедливыми. Я симпатизирую арестованному офицеру. Обвинения против него были почти невероятными, однако вопрос имеет слишком большое значение, поэтому мы обязаны провести самое тщательное расследование». Поэтому я вызвал одного из своих офицеров и передал ему бутылку вина. Когда лейтенант Сёити Каваками с бутылкой в руке вошел в комнату, где сидел пленник, тот сильно удивился, побледнел и сказал: «Вы пришли за мной?» Когда выяснилось, что ему прислали в подарок бутылку, он был приятно удивлен и высказал нам самую сердечную благодарность за доброту.

Похороны капитана 1 ранга Юнга состоялись 30 мая в 07.30. Я вспомнил, что когда Иэхиса Симадзу атаковал сёгуна Катахаси в замке Ивая Тикузен в эпоху Тэнсё, он пригласил священников, чтобы те провели погребальную церемонию со всем надлежащим уважением к сёгуну Та-

кахаси. «Я жалею, что родился в семье воина и вынужден сегодня лично убить столь отважного военачальника», — сказал он. Когда были завершены все приготовления к похоронам, Симадзу хлопнул в ладоши и закрыл глаза, когда Таканобу Рюдзёдзи поднес ему голову врага. В те далекие дни все военачальники обращались с побежденным врагом таким же образом, и наш кодекс «Бусидо» обязывал нас и сегодня вести себя точно так же.

Господин Юнг был командиром броненосца, он отважно сражался за свою Родину и погиб, поэтому с разрешения своего командира я приказал приспустить флаг до половины мачты и построить караул, чтобы произвести салют во время погребения. Таким образом мы выразили уважение противнику со стороны всех наших офицеров и матросов.

«Асама» тоже приспустил флаг до половины и выстроил свою команду на палубе. Могло ли что-то больше поразить русских офицеров и матросов, когда они услышали об этом? Не знаю.

В полдень мы подошли к входу в порт Майдзуру. Адмирал Хидака, командующий военно-морской базой, вышел навстречу нам на паровом катере. «Асаму» и «Асахи» приветствовали с оркестром. «Орлу» на рейд подали буксир, чтобы облегчить броненосцу вход в порт, и в 13.00 мы благополучно бросили якорь.

Русские пленные, офицеры и матросы, всего 268 человек, были отправлены во флотские казармы. Их раненые, 42 человека, были увезены в госпиталь.

После того как все офицеры и матросы «Асахи» и «Касуги» покинули «Орел», в 21.00 корабль был передан военно-морскому резерву.

ЯПОНСКИЕ БОЕВЫЕ ИНСТРУКЦИИ

[Взято из флотских и отрядных
«Секретных Приказов».]

I ОБЩАЯ ИНСТРУКЦИЯ АДМИРАЛА ТОГО ДЛЯ СОЕДИНЕННОГО ФЛОТА

Данные боевые планы иллюстрируют общие принципы, которым необходимо следовать в случае, если Соединенный флот в полном составе встретит в море неприятельский флот примерно одинаковой мощи и вступит с ним в бой. Естественно, условия войны всегда изменяются в соответствии с действиями, предпринятыми как нами, так и неприятелем; мы не можем всегда рассчитывать на правильное сражение в открытом море. Поэтому невозможно предсказать будущее и расписать все возможные ситуации, и все нижеприведенное есть всего лишь базовые принципы маневрирования, по которым мы будем действовать в случае сражения в полном составе. Если они перестанут отвечать насущным требованиям, новые инструкции будут выработаны, смотря по обстановке.

(1) Задачи каждой части флота

(а) Главные силы состоят из 1-го и 2-го отрядов. Их задача состоит в уничтожении кораблей противника от крейсеров 2-го ранга и выше. До перехода боя в погоню оба отряда должны всегда действовать совместно и ни в коем случае врозь.

(б) 3-й и 4-й отряды будут включены в особую эскадру. Она должна заняться более слабыми кораблями против-

ника и миноносцами, а также уничтожать и захватывать поврежденные или отрезанные корабли неприятеля. Более того, эти отряды должны прикрывать наши миноносцы от быстроходных крейсеров противника.

(в) Основная задача Chihaya и Tatsuta — уничтожение вражеских истребителей и миноносцев; по возможности они могут также атаковать флот противника торпедами.

(г) В начале боя все отряды истребителей и миноносцев переместятся на нестреляющий борт и должны маневрировать по способности. При любой возможности они должны атаковать неприятельские корабли; также, при потере противником управления и строя, они должны поддерживать контакт до темноты и тогда взрывать неприятельские корабли торпедами.

(2) Боевое построение и скорость

(а) Каждый отряд будет находиться в строю кильватерной колонны, с флагманом во главе. При необходимости изменение строя будет производиться поворотами «все вдруг».

(б) Полный боевой ход каждого отряда определен как:

Первый отряд — 15 уз.

Второй отряд — 17 уз.

Третий отряд — 18 уз.

Четвертый отряд — 15 уз.

Chihaya, Tatsuta, а также отряды истребителей и миноносцев — по обстановке.

Хотя скорости для отрядов четко обозначены выше, каждый корабль может менять ход, скорость во время боя, смотря по ситуации. Во время боя можно не поднимать сигнал о собственной скорости, но сигналы о количестве оборотов обязательны к показу.

(3) Общие правила боя

(а) Бой является основной функцией 1-го и 2-го отрядов; свобода их маневрирования ни в коем случае не может быть стеснена другими отрядами.

(б) Любой корабль, который не может поспеть за флотом из-за повреждений или пожара, просто поднимает флаг «Не обращать внимания», и оставляет линию как удобно.

(в) В зависимости от расположения неприятеля наш флот может быть разделен, но каждый отряд должен оставаться неделимым.

(г) В случае ночного боя все корабли должны нести навигационные огни и огни указания скорости. Также все должны иметь на топе мачты красный огонь поверх белого.

(д) Во время ночного боя скорость должна оставаться такой же, как и в предшествующий день, но повороты «все вдруг» применяться не должны.

(4) Позииции и построения в бою

Когда позиция неприятеля точно известна и решение к бою принято, сперва все наши корабли, которые могут быть на тот момент в отдалении, будут созваны сигналом или радиотелеграфом; вне зависимости от того, чем они заняты — в разведке, в боевом охранении, либо в поиске — все отряды должны с наибольшей скоростью собраться там, где находится 1-й отряд. Потом по сигналу «Занять места для боя» 1-й отряд увеличит ход до полного боевого и проследует в точку для установления контакта с неприятелем, а остальной флот построится по 1-му отряду.

В таком порядке весь флот будет поддерживать скорость и курс по 1-му отряду. Данное построение будет соблюдаться до дистанции около 8000 ярдов от неприятеля. Chihaya, Tatsuta и 3-й отряд истребителей имеют особую задачу охраны головы от атак истребителей и миноносцев. Если те будут замечены движущимися на нас, они (наши) должны выдвинуться против них и приложить все усилия к их разгону и уничтожению.

(5) Начало боя

и основные нормативы наших маневров

Когда (в порядке, предписанном выше) мы приблизимся к неприятелю и будем почти на боевой дистанции, корабль главнокомандующего поднимет боевой флаг (военно-морской флаг на топе грот-мачты) и отдаст приказ начать

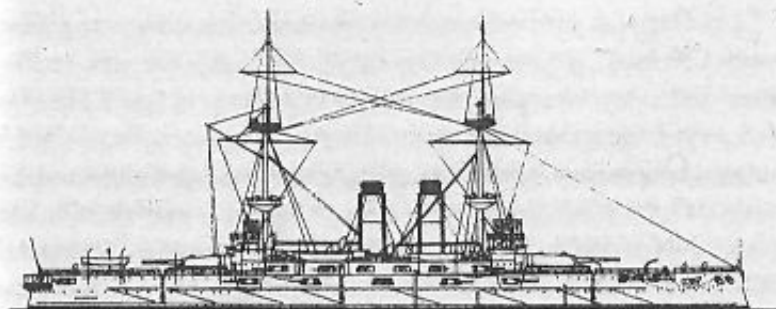
бой. Сразу после этого 3-й отряд истребителей с Chihaya и Tatsuta (но только при условии если истребители неприятеля нам не угрожают) изменят курс и переместятся в хвост ордера, открывая таким образом путь главным силам. Остальные отряды истребителей и миноносцев перейдут на нестреляющий борт, и ордер распадется, так как каждый отряд увеличит ход до собственного боевого и проделает следующее:

(а) 1-й отряд изберет себе целью наиболее легко атакуемое крыло неприятеля и займет позицию Т по отношению к нему (как показано ниже); все маневры будут подчинены идее «нажима» на головной неприятельский корабль.

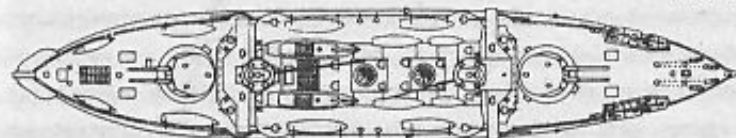
Отряд может изменять курс «все вдруг» по необходимости для сохранения палочки над Т по отношению к неприятелю. Нужно заметить, что объектом нашей первой атаки не обязательно будут главные силы неприятеля — мы выберем ту часть их строя, которую легче и эффективнее атаковать. Если мы будем действовать таким образом, неприятель наверняка среагирует. В результате флоты либо перейдут на параллельный курс, либо разойдутся на контркурсах. Тогда курс может быть изменен «все вдруг» на 4 румба или около того для сохранения эффективной боевой дистанции, либо же «все вдруг» на 16 румбов для смены стреляющего борта.

(б) 2-й отряд должен следить внимательно за маневрами неприятеля, чтобы в любой момент быть готовым поразить его анфиладным огнем, либо поставить его в два огня совместно с 1-м отрядом. Для этого отряд либо будет следовать за 1-м отрядом, либо отвернет, но так, чтобы составить с 1-м подобие L вокруг неприятеля. Тогда оба отряда могут атаковать врага перекрестным огнем.

После завязки боя таким образом 1-й и 2-й отряды (безразлично, кто из них наносит главный, а кто вспомогательный удар) оперируют вместе для развития атаки на часть вражеского флота; любой из двух отрядов может наносить главный удар в зависимости от обстоятельств на данный момент. После мы примемся за следующее от-



“МИКАСА”



деление неприятеля — здесь главный принцип в том, что мы противопоставляем части вражеского флота всю нашу мощь и выбираем общие цели.

(в) 3-й и 4-й отряды следуют указаниям Статьи 1 и маневрируют соответственно. Они должны следить внимательно за схождениями и расхождениями кораблей неприятеля, и особо — за передвижениями его крейсеров. Последние не должны получить возможности для атаки на наши истребители и миноносцы. Также эти отряды по возможности могут обстрелять анфиладным огнем ту часть вражеских сил, которая ведет бой с нашей эскадрой, но такой маневр не должен помешать движению наших главных сил. После окончания главного боя эти отряды должны атаковать все поврежденные или изолированные корабли неприятеля, которые видно, не давая им возможности оправиться. Любые вражеские корабли, пытающиеся уйти, необходимо догнать и остановить.

(г) Chihaya и Tatsuta следуют указаниям Статьи 1, но действуют независимо и по обстоятельствам. Их главная задача отгонять вражеские истребители и миноносцы и пытаться их уничтожить. Кроме того, если представится возможность, они должны попытаться торпедировать поврежденные и изолированные корабли противника.

(д) Отряды истребителей и миноносцев следуют указаниям Статьи 1 и в начале боя отойдут подальше как удобно вне сферы огня неприятеля и будут следить за боем. При появлении благоприятной возможности (лучше всего — когда вспомогательная артиллерия противника временно выведена из строя нашим огнем) они смело атакуют вражеский флот. 1-й отряд истребителей будет действовать совместно со 2-м, 4-й с 5-м и 14-й отряд миноносцев с 9-м для максимального эффекта атаки. 3-й отряд истребителей всегда атакует самостоятельно. Когда противник разделится и разбежится во все стороны, минная дивизия может разделить на отряды поддерживать контакт и — пользуясь темнотой — взрывать его минами. Также (смотря по обстоятельствам) отряды могут идти вперед и ждать на пути к вражеским базам и атаковать неприятеля на его пути домой.

(е) Офицеры, начальствующие над частями флота, будут каждый для своего отряда определять тактику и применение артиллерии и торпед.

Примечание. — Инструкция, приведенная выше, предназначалась для боя, в котором принимает участие весь Соединенный флот. Вдобавок адмирал Того установил порядок ведения боя для случая, когда только Первый отряд вступает в контакт с противником. Озаглавленная как «Тактика первого отряда» эта инструкция была поделена на разделы о боевом построении и скорости, боевой тактике, использовании артиллерии и торпед. Инструкция была доведена до сведения 1-го отряда 10 января и выглядела так:

II ОСОБАЯ ИНСТРУКЦИЯ АДМИРАЛА ТОГО ДЛЯ ПЕРВОГО ОТРЯДА

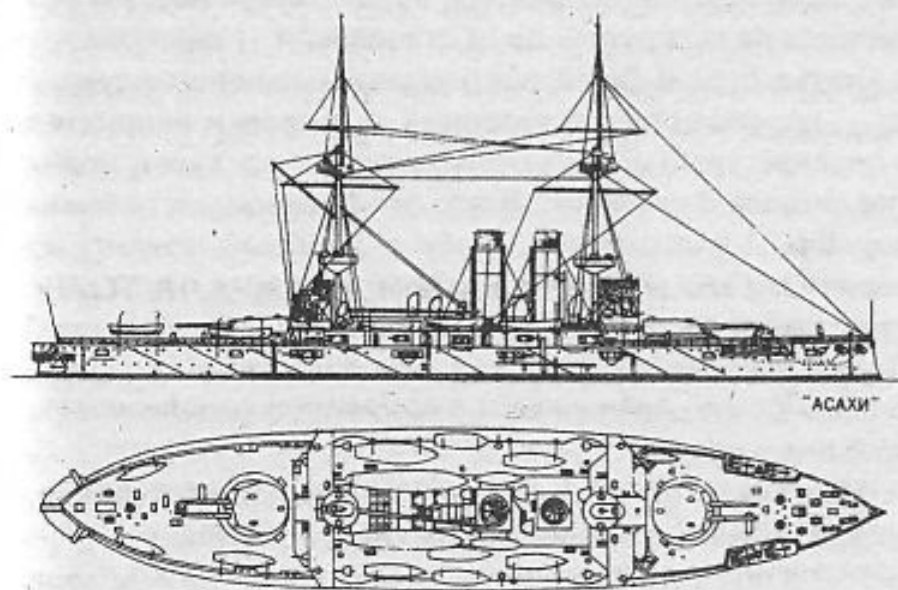
Данный план является собранием основных тактических схем для использования в случае встречи 1-го отряда — при действиях самостоятельно — с неприятельским флотом. Я считаю, что этот отряд обладает исключительными возможностями как при наступлении, так и

при обороне; также, вне зависимости от силы неприятеля, если мы принимаем план концентрации всей нашей мощи и атаки неприятеля по частям, вероятность нашего поражения просто исчезает. Поэтому должна быть полная ясность: следовать нижеприведенной тактике обязательно, вне зависимости от того, сильнее нас неприятель или нет.

1. Боевое построение и скорость

(а) Обычным строем будет гибкая линия, с моим кораблем в голове и кораблем младшего флагмана концевым. Если нужно, корабли будут менять курс «все вдруг» и переходить в строй фронта или одиночного уступа. Иногда мы повернем на 16 румбов «все вдруг», в результате чего порядок кораблей в колонне станет обратным и концевой корабль — головным. Следовательно, в любом случае наш строй всегда будет состоять из одной линии. Расположение кораблей показано ниже:

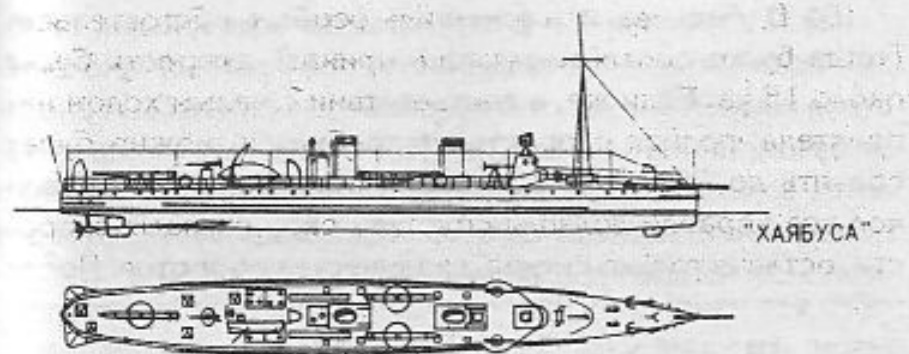
1-я подгруппа. — 1. Mikasa (Флагман). 2. Asahi. 3. Fuji.
2-я подгруппа. — 4. Yashima. 5. Shikishima. 6. Hatsuse (Флагман).



(б) В бою, за исключением особых обстоятельств (тогда будет соответствующий приказ), скорость будет около 15 уз. Если же, в соответствии с малым ходом неприятеля, полная скорость не требуется, можно будет сбавить до 14 уз. По получении приказа на боевой ход все корабли должны спустить свои сигналы скорости, оставив только сигнал о количестве оборотов. После этого все изменения скорости будут показаны таким образом: «средний ход» — уменьшить ход до половины того, что держится на данный момент; «малый ход» будет фиксирован на 4 уз.

2. Фундаменты тактики этого отряда заложены в «Общей инструкции» Главнокомандующего в секции 5(а) и заключаются в пересечении неприятельского Т. Вне зависимости от того, атакуем мы голову или хвост неприятельской колонны, мы должны удерживать такую позицию по отношению к противнику и концентрировать огонь всех наших кораблей на части его линии. В крайнем случае мы перейдем на параллельный (такой же либо контр) курс, и будем вести бой на равных. Хотя мы и не сможем всегда придерживаться оптимальной дистанции боя, мы попытаемся избирать дистанцию не менее 3000 м. Если неприятель будет слабее нас, мы разделимся на подгруппы по обстановке, и — как показано в Статье 5(б) «Общей инструкции» Главнокомандующего — перейдем на построение L и поставим неприятеля в перекрестный огонь (этому приказом послужит поднятие сигнала о времени). Когда это произойдет, головной корабль 2-й подгруппы, выбрав удобный момент, повернет вправо или влево и начнет маневрировать самостоятельно для создания построения L с 1-й подгруппой. По достижении построения L обе подгруппы продолжат атаку и будут действовать совместно для развития перекрестного огня.

При бое в строю L и возникновении необходимости возвращения в одиночную колонну и построение Т 1-я либо 2-я подгруппа изменит курс «все вдруг» на необходи-



мое число румбов и последует за другой подгруппой. Хотя последовательность кораблей в линии, вероятно, будет нарушена, на это можно не обращать внимания, и колонна должна быть выстроена, как требуется по обстановке.

В общем, основным построением нашего отряда по отношению к неприятелю будет Т, но смотря по обстоятельствам — L, создаваемая разделением на подгруппы. Так как во втором случае голова и хвост теряют свои порядковые номера, передний либо фланговый корабль будет всегда считаться головным в линии без учета старшинства его командира.

3. Идеи по применению артиллерии и торпед

(а) Особых приказов к открытию огня не будет. Когда дистанция будет меньше 6000 м, каждый командир корабля может открывать огонь по собственному усмотрению смотря по обстановке. С более чем 3500 м можно ожидать всего лишь 1 процент попаданий. Поэтому торопливой или беспечной стрельбы быть не должно.

(б) Нужно иметь в виду, что нашей целью является концентрация огня на голове, хвосте, либо крыле неприятеля в соответствии с основами плана боя. Но, смотря по обстоятельствам, командир любого корабля имеет право проигнорировать это правило и обстрелять любой другой объект, огнем по которому можно добиться наибольшего эффекта.

(в) Построения Т и L задуманы для максимального использования нашей артиллерии, поэтому особых изменений строя или сближения с неприятелем для стрельбы торпедами предприниматься не будет. Но если по ходу боя представится возможность применить их с уверенностью, можно использовать торпеды типа «А». Корабли в линии могут для этой цели менять курс, но не более чем на 2 румба.

III ОСОБАЯ ИНСТРУКЦИЯ АДМИРАЛА КАМИМУРЫ ВТОРОМУ ОТРЯДУ

Вице-адмирал Камимура, командующий 2-м отрядом, составил тактический план для случая, когда 2-й отряд ведет бой в одиночку. Он поделил эту инструкцию на следующие разделы — боевой ордер, скорость в бою, план боя, применение орудий и торпед и огонь и тактика против истребителей и миноносцев. Эта тактическая инструкция для самостоятельных действий 2-го отряда была доведена до сведения отряда 21 января. Вот ее текст:

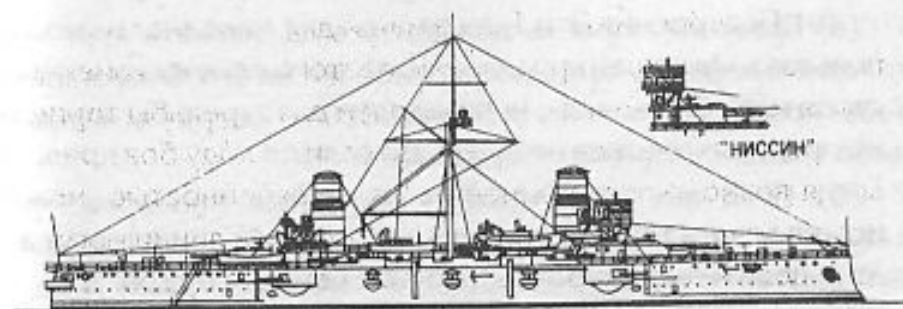
1. Ниже даны основные тактические принципы для следования в случае ведения боя 2-м отрядом в одиночку.

2. Соответственно, нашим главным построением будет пересечение Т, как предписано общей инструкцией Соединенного флота. Если наш отряд сильнее противника, будет применено построение L.

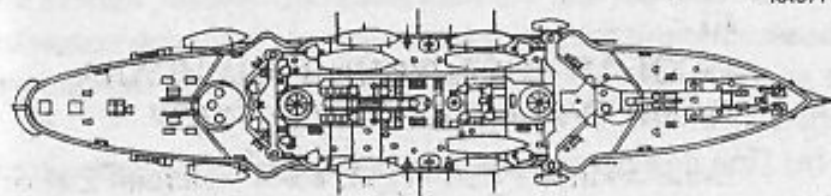
Боевой ордер

3. В боевом ордере мой флагманский корабль будет головным в линии, а флагманский корабль контр-адмирала — концевым. Линией будет являться в основном гибкая кильватерная колонна, но строй и порядок кораблей будут меняться по необходимости. В таком случае головной либо фланговый корабль примет на себя обязанности лидера вне зависимости от старшинства его командира и будет вести остальные корабли для занятия выгодного положения.

¹ Это дальнобойные торпеды. Литера «А» обозначает дальность стрельбы, а не калибр.



"КАСУГА"



Порядок кораблей в строю

1. Idzumo. (Флагман).
2. Adzuma.
3. Asama.
4. Yakumo.
5. Tokiwa.
6. Iwate (флаг).

Корабли всегда должны стараться не оттягивать линию от предписанного им места.

Скорость в бою

4. Полный боевой ход — 17 уз., и при отсутствии особых распоряжений эта скорость будет держаться в бою. Малый ход — 5 уз., а крейсерская скорость будет определена как среднее значение между скоростью на данный момент и малым ходом.

5. Кроме особых случаев, сигнал с указанием скорости не будет подниматься, только о числе оборотов.

План боя

6. При встрече с противником, равным или превосходящим нас в силе, мы будем сохранять нашу первичную колонну и использовать наше преимущество в ходе для пересечения палочки над Т у неприятеля, концентрируя огонь всей нашей линии на его головном корабле, либо же на его хвосте. Главные тактические принципы для следования нашим головным кораблем будут следующими:

(а) Головной корабль должен всегда держать курс на головной корабль неприятеля, либо же на его ближайшее к нам крыло; на дистанции около 8000 м повернуть вправо либо влево, смотря по обстановке.

(б) Если же, в результате обоюдных маневров, мы окажемся на контркурсах с неприятелем, нужно будет использовать наше преимущество в скорости для пересечения палочки над Т у неприятеля с головы, хвоста или с фланга; после расхождения с неприятельской колонной все повороты будут производиться в сторону нестреляющего борта.

(в) При бое на параллельных курсах, если неприятель отворачивает от нас либо обгоняет нас, мы также будем отворачивать от противника. Если же мы обгоняем неприятеля, мы будем стараться использовать скорость для пересечения его Т.

(г) Если наша колонна параллельна неприятелю, на параллельном или контркурсе, и если изменение курса неприятелем, по всей видимости, не принесет нам особого вреда, мы свой курс изменять не будем.

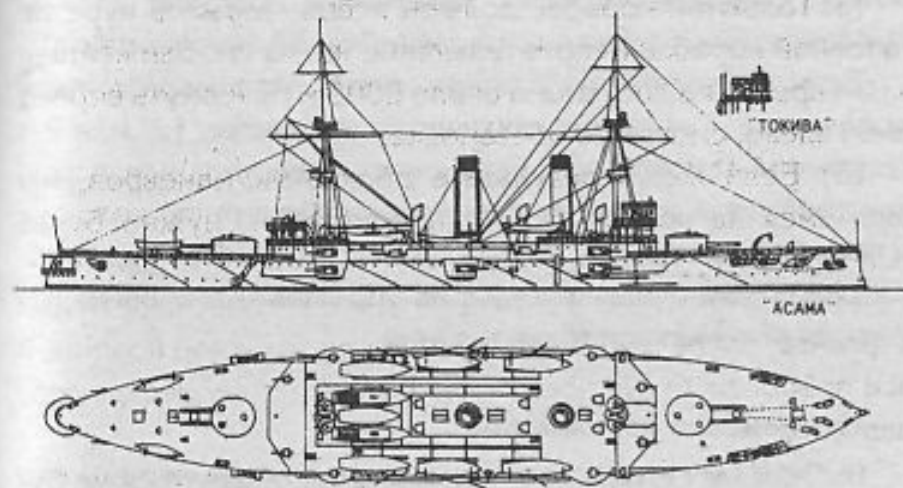
(д) Хотя в результате маневрирования мы можем приблизиться к неприятелю, нужно стараться держать расстояние не менее 3000 м.

7. Если неприятель слабее нас, следует придерживаться вышеозначенной тактики

Но если мы готовимся атаковать значительно более слабого противника, нужно действовать в следующем порядке.

6 (Флаг). 5. 4: 1 (Флаг). 2. 3.

В таком случае нижеследующие тактические решения должны быть использованы (в добавление к вышеизложенным) при общей цели заставить неприятеля драться на параллельных курсах. В нужное время мой флагманский корабль поднимет сигнал «Общее движение», и повернет примерно на 8 румбов вправо либо влево, по обстановке; остальные корабли 1-й подгруппы последуют мне в киль-



ватер. 2-я подгруппа будет ждать, пока сигнал не будет спущен, затем — оставаясь на старом курсе — увеличит скорость и, стараясь не ослаблять плотность огня, создаст гибкую линию в новом направлении. Если же из-за ответных действий неприятеля будет лучше остановить маневр до его завершения, будет поднят тот же сигнал («Общее движение»), но с добавлением «Отрицание».

Иногда порядок кораблей в линии будет отличаться от вышеприведенного, но система маневрирования останется та же; тогда головной корабль головной или концевой подгруппы будет обязан вести остальных. Во всех случаях без исключения такие маневры будут начаты по сигналу «Общее движение», поданному с моего флагмана.

8. Во время сражения, если нужно отделить часть нашего отряда для построения L, мой флагманский корабль подаст сигнал «Показать время» (иногда будет указано название корабля, который должен начать маневр). После этого 2-я подгруппа либо тот корабль, чье имя будет названо, начнет маневр в соответствии с сигналами начальника своей подгруппы.

ВНИМАНИЕ. В результате таких маневров подгруппы окажутся разделенными, еще одним результатом будет заметная

потеря скорости. Поэтому, начальники подгрупп должны приложить все усилия для сохранения взаимного контакта.

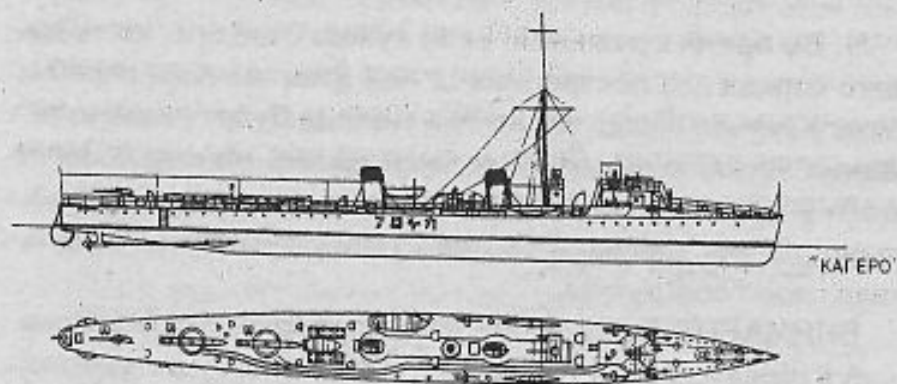
Если мы ведем бой в положении L, но возвращение в положение T выглядит тактически выгодным, 1-я или 2-я подгруппа (смотря по обстановке) повернет «все вдруг» как требуется для возвращения в кильватерную колонну, и последует за другой подгруппой. В результате будет образована одиночная колонна, не обращая внимания на порядковый номер кораблей в линии.

Применение артиллерии

9. Особые сигналы к открытию огня подаваться не будут — каждый командир корабля будет определять момент по своему усмотрению. На дистанциях более 4500 м следует избегать беглого огня, и все предварительные поправки должны вноситься с величайшей тщательностью. На дистанциях менее 4500 м поправки на скорость неприятеля вводить не следует, а за точку прицеливания следует принять форштевень.

Применение торпед

10. Перестроения или маневры для сближения с неприятелем, чтобы получить хорошую возможность для пуска торпед, производиться не будут, но подготовиться к пуску торпед все же следует, и нужно постараться не упустить шанс, если таковой представится. Если есть возможность



применить торпеды во время боя, любой корабль может отклониться для этого от курса не более чем на 2 румба и должен вернуться на курс сразу же после пуска.

Огонь и маневрирование против истребителей и миноносцев

11. Если замечен выход истребителей или миноносцев в атаку на полном ходу, вы должны их обстрелять, приняв за точку прицеливания половину длины корпуса по их курсу. Иногда, для избежания торпедной атаки или для усиления огня, будет произведен поворот «все вдруг».

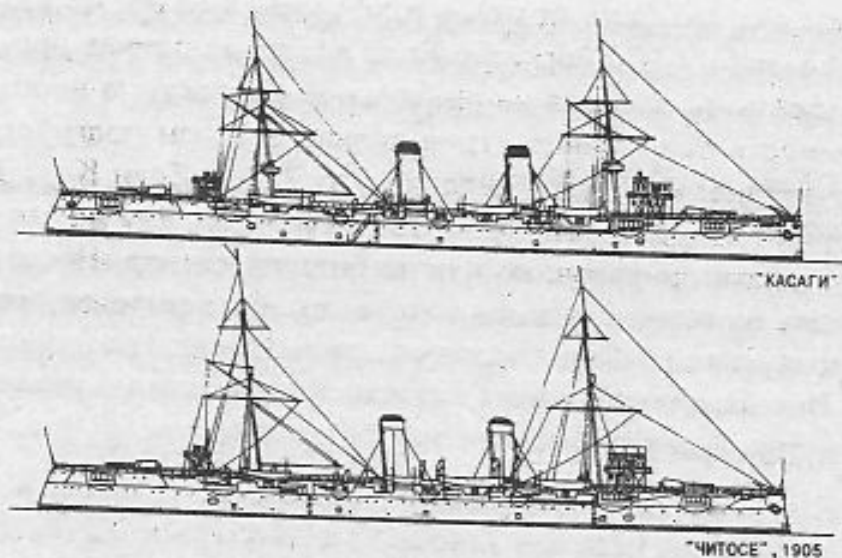
IV ОСОБАЯ ИНСТРУКЦИЯ КОНТР-АДМИРАЛА ДЭВА ДЛЯ ТРЕТЬЕГО ОТРЯДА

Контр-адмирал Дэва, младший флагман 1-й эскадры, также разработал тактическую систему на случай, если 3-й отряд встретит неприятеля в одиночку. Этот документ назывался «План боя для 3-го отряда» и состоял из разделов — построение в бою, скорость в бою, завязка боя, тактика, применение артиллерии и торпед как для самостоятельных действий, так и на случай, если отряд получает какую-либо особую задачу. План был доведен до сведения эскадры 20 января и содержал следующее:

Наш отряд — это глаза и уши флота, поэтому находясь в поиске либо дозоре, иногда будет вынужден самостоятельно вести бой с крейсерами неприятеля. Кроме того, если весь Соединенный флот ведет бой, мы должны воспользоваться нашей высокой скоростью и помогать нашим главным силам. Данные правила составлены именно для вышеперечисленных случаев.

1. Построение в бою

1-я подгруппа. — 1. Chitose (Флагман). 2. Takasago.
2-я подгруппа. — 3. Kasagi. 4. Yoshino.



Основным строем является одиночная кильватерная колонна в вышеописанном порядке при обычных интервалах; иногда, смотря по обстановке, курс будет меняться поворотами «все вдруг» на 8 или 16 румбов. Все, что требуется от кораблей, это всего лишь определить, в какую сторону производится поворот — вправо либо влево. В случае если флагман не является головным кораблем (после поворота на 16 румбов построившего линию в обратный порядок либо же по любой другой причине), тот корабль, который окажется впереди, должен вести остальные корабли вне зависимости от старшинства его командира, избирая маневры по обстановке в соответствии с тактическим планом. В случае если корабли наши окажутся разобщены, по приказу вступить в колонну по флагману все построятся в одиночную колонну кильватера насколько можно быстрее и вне зависимости от порядковых номеров.

2. Скорость в бою

Полный ход — 18 уз. Средний ход — уменьшение до половины скорости на данный момент.

Малый ход — 4 уз. Поворот руля — 25 град.

Отдельных приказаний по скорости не будет, но сразу по подъему боевого флага сигнал с указанием ско-

рости должен быть спущен, а ход увеличен до 18 уз., прибавляя по 10 оборотов. Если поступил приказ преследовать неприятеля на предельной скорости, а необходимость сохранения строя кильватера или подгрупп неочевидна, ход будет увеличен до 22 уз. Если Kasagi не имеет возможности держать ход и строй, ему не следует ждать приказов, но нужно поднять сигнал «Не обращать внимания» и, выйдя из линии, маневрировать по обстановке.

3. Завязка боя

При плавании (А) в боевом порядке или (Б) отдельно, если головной корабль замечает неприятеля и поднимает боевой флаг, каждый корабль, следуя примеру, также должен поднять этот флаг и увеличить ход до боевого. Чтобы флаг не упал в случае, если фалы будут перебиты, он должен быть дополнительно привязан к мачте сверху и снизу.

В случае (А) должна применяться следующая тактика. Находясь на стреляющем борту линии, мы, смотря по обстоятельствам, повернем либо «все вдруг» либо последовательно вправо, тем самым угрожая поставить неприятеля в два огня. Находясь же на нестреляющем борту линии, мы продолжим идти, не меняя курса и координируя маневры с головным отрядом.

В случае (Б) головной корабль направится прямо на головной корабль неприятеля или его ближайшее к нам крыло, и — примерно на дистанции в 8000 м — мы повернем «последовательно» вправо либо влево, смотря по обстановке, и начнем бой.

4. Тактический план

При встрече с неприятелем наш отряд будет использовать те же тактические приемы, что и 1-й и 2-й отряды, а именно — построить палочку Т по отношению к неприятелю, сконцентрировать весь наш огонь на голове или

хвосте его линии, и уничтожить его корабли по одному. В соответствии с этим планом, для сохранения строя и оптимальной боевой дистанции, курс будет меняться в основном поворотами «все вдруг». На параллельном с неприятелем курсе мы используем наш большой ход для выхода вперед неприятельского курса и попытки охвата его головы пересечением Т; торпеды класса «А» могут применяться, если позволяет дистанция боя. Если неприятель слабее нас, мы разделимся на подгруппы (как разъяснено в параграфе 5(а) общей инструкции для Соединенного флота) и, выстроив L вокруг неприятеля, подвергнем его перекрестному огню. Приказанием к началу этого маневра будет поднятие сигнала «показать время», по которому головной корабль 2-й подгруппы выдвинется из колонны вправо либо влево, по обстановке, и маневрирует, как необходимо для построения L. Обе подгруппы должны приложить все усилия для сохранения обоюдного контакта.

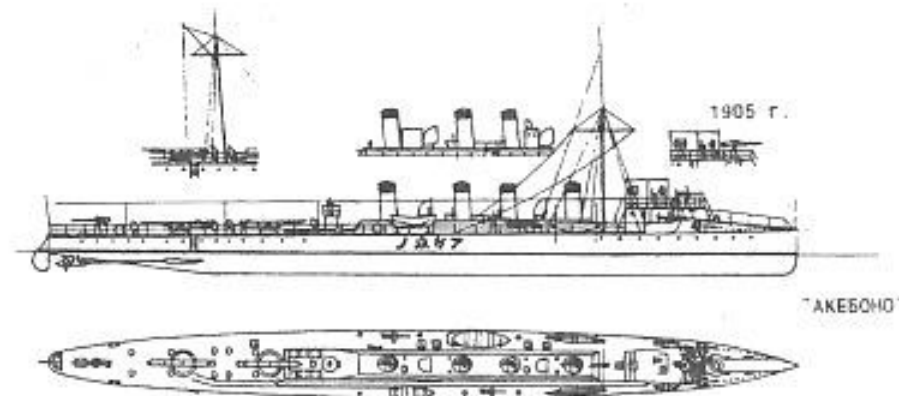
5. Правила применения артиллерии

(а) Особого приказа к открытию огня не будет, но каждый командир корабля может по собственному усмотрению дать приказ к началу стрельбы по возможности как только дистанция станет меньше 6000 м. Следует не допускать беглого огня на дистанции более 4000 м.

(б) В основном дистанция будет около 3500 м, и нужно стараться не приближаться к неприятелю менее чем на 3000 м.

(в) Целью является головной, концевой либо фланговый корабль неприятеля; но каждый командир корабля может по собственному усмотрению игнорировать это указание (если сила неприятеля позволяет) и выбрать своей целью предмет, огонь по которому принесет наибольший результат.

(г) В завязке боя, после того как дистанция до ближайшего неприятеля подтверждена пристрелкой, на фок-мачте поднимается флажный цифровой сигнал, показывающий



дистанцию в сотнях метров. Этот сигнал не обязателен для следования остальными кораблями.

(д) Следуя в кильватерной колонне, концевой корабль может иногда менять курс не более чем на 2 румба, чтобы иметь возможность стрелять главным калибром, но нужно стараться не отставать от предписанного места.

6. Правила для применения торпед

Так как результат боя будет определен артиллерией, особых изменений строя либо сближения с неприятелем для стрельбы торпедами не будет. Но, если во время боя появится шанс применить их, можно стрелять торпедами типа «А». Поворот на 2 румба для этой цели разрешен, но немедленно после пуска корабли должны вернуться на генеральный курс.

7. Случаи, когда корабли могут маневрировать самостоятельно

(а) При распаде строя.

(б) При угрозе столкновения с другим кораблем.

Кроме как в этих случаях, самостоятельные маневры отдельным кораблям без соответствующего приказа запрещаются. В случае если линия прорезана неприятелем, задние корабли должны приложить все усилия для того чтобы нагнать передних и восстановить линию.

8. Тактический план на случай, если 3-му отряду даны особые задания

(а) У неприятеля имеется семь кораблей одинаковых по мощи с нами — «Дмитрий Донской», «Богатырь», «Варяг», «Паллада», «Диана», «Аврора» и «Аскольд». По некоторым боевым характеристикам они нас превосходят, но если учесть наш моральный боевой дух, нет никаких оснований опасаться боя с четырьмя из этих семи кораблей. В этом случае план боя не будет отличаться от вышеописанного.

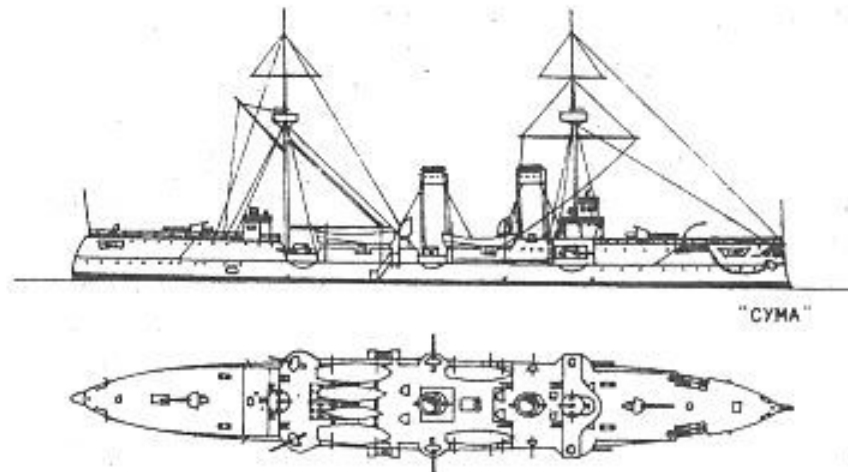
(б) Против неприятеля, более сильного, чем мы (например, против броненосца 1-го класса либо крейсера 1-го ранга), мы будем следовать такому плану — постоянно менять курс и маневрировать, не мешая движениям других отрядов, приближаясь по необходимости для помощи им, и вообще стараться по возможности запутать неприятеля.

(в) Все, что нужно предпринять против кораблей слабее нас (например, «Боярин», «Новик», «Алмаз» или другие малые суда), это создать построение Т или L и немедленно их уничтожить.

(г) Против истребителей или миноносцев неприятеля главная задача все время маневрировать и так часто, как если бы мы видели миноносцы со всех сторон. Если неприятель идет полным ходом с носа, то когда он будет в 5000 м от нас, мы изменим курс и пересечем его Т. Когда он приблизится ближе чем на 5000 м, мы повернем на 4 румба «все вдруг» и жесточайше атакуем его. Если же он приближается с любого другого направления, мы так же пересечем его Т и атакуем его со всех сторон.

(д) Если после боя обнаружатся поврежденные или отрезанные корабли, мы разделимся на подгруппы и, окружив неприятеля, будем их топить; но нужно остерегаться его торпед.

(е) При погоне за неприятелем наши маневры должны вывести нашу кильватерную колонну на траверз неприятеля либо впереди его траверза. Если неприятель слабее любых двух наших кораблей, наш отряд разделится на подгруппы и сблизится с неприятелем с обеих раковин,



ставя его в два огня. Приказанием на этот маневр будет служить флажный сигнал «Показать время».

(ж) Если, находясь в разведке, мы повстречаем слабейшего неприятеля, он безусловно должен быть уничтожен; но если он равен нам или превосходит нас по мощи, наше особое задание заставит нас избегать боя. В тот момент скорость будет изменена по обстановке и, оставаясь на границе его зоны поражения, мы начнем отход в строю фронта. Эта процедура будет применяться также и при действиях подгруппами и в одиночку.

(з) При встрече с превосходящим нас неприятелем, находясь в разведке или в авангарде флота, для предоставления главным силам времени, чтобы подготовиться к бою, мы должны проводить ложные атаки и отходить на ложном курсе, но так, чтобы обеспечить перехват неприятеля нашими главными силами; после этого мы можем присоединиться к ним.

(и) Во время боя некоторые из неприятельских кораблей могут поднять белый флаг. Ведите себя как будто белый флаг ничего не значит и немедленно уничтожайте эти корабли. Так же нужно поступать и с транспортами, чтобы избежать задержек и трудностей при их захвате.

(й) Даже если вы увидите наши поврежденные корабли, если нет на то особых приказаний, вам нужно думать только об уничтожении того неприятеля, который еще имеет боеспособность.

(к) Если наши истребители и миноносцы атакованы неприятелем, нужно идти между ними и неприятелем и отогнать его корабли.

9. Во время ночного боя, красный и белый огни, поднятые на топ мачты должны быть наибольшей яркости.

V ОТДЕЛЬНАЯ ИНСТРУКЦИЯ КОНТР-АДМИРАЛА УРИУ ЧЕТВЕРТОМУ ОТРЯДУ

Контр-адмирал Уриу, младший флагман 2-й эскадры, также разработал тактический план для использования 4-м отрядом при встрече с противником в одиночку. План был разделен на параграфы: боевое построение, основные принципы тактического маневрирования под управлением головного корабля, скорость, руль, применение артиллерии и торпед, а также управление огнем. Под заголовком «План боя 4-го отряда» он был доведен до сведения отряда 28 января. План был таков:

1. Данный план определяет тактику, принятую для случая, когда 4-й отряд вступает в бой с противником в одиночку. Этой же тактики следует придерживаться, если мы вступаем в бой в составе Соединенного флота.

2. Так как мы будем оперировать самостоятельно, невозможно предугадать наше точное место в порядке Соединенного флота в случае боя. Поэтому мы будем держать постоянный курс, пока намерения главных сил не станут явными. Тогда мы уравнием наш ход с 1-м отрядом и будем держаться позади нестреляющего борта и (стараясь не отдаляться слишком далеко) действовать по возможности.

3. Наша общая тактическая цель — это добиться пересечения Т неприятеля (как заявлено в Инструкции для Соединенного флота) и сконцентрировать огонь всей

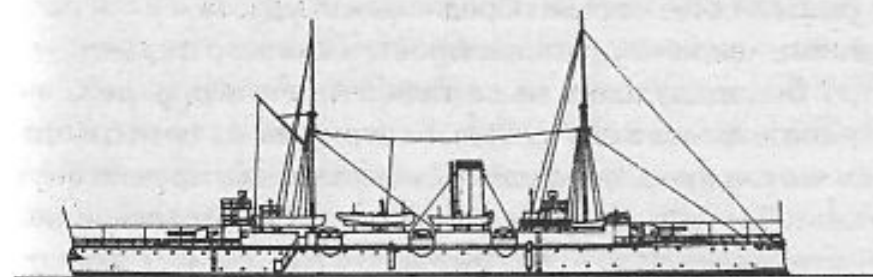
нашей линии на головном корабле или крыле неприятеля. В любом случае дистанция должна быть не меньше 3000 м.

Боевое построение

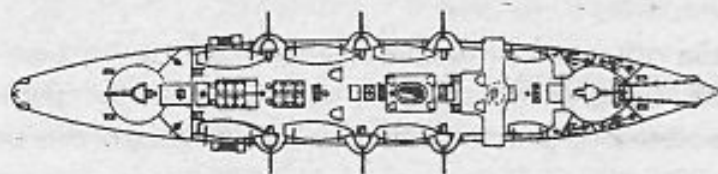
4. Основным нашим строем будет гибкая кильватерная колонна, дистанция между мателотами — обычная; смотря по обстоятельствам, мы можем поворачивать «все вдруг», образуя строй фронта или одиночного пеленга. (Такие построения будут использоваться в основном при погоне или отступлении.) Еще мы можем поворачивать «все вдруг» на 16 румбов, выходя таким образом на контркурс. В этом случае корабль, оказавшийся головным, будет обязан вести колонну до получения новых приказаний. Командир этого корабля, невзирая на старшинство, будет иметь полную свободу действий по выводу нашего отряда в наилучшее положение.

1-я подгруппа. — 1. Naniwa. 2. Suma. 3. (Не решено.)
2-я подгруппа. — 4. Akashi. 5. Takachiho.

Примечание. 31 января адмирал Уриу поменял это распределение отряда, сделав Akashi #3 в 1-й подгруппе и поменяв состав 2-й подгруппы на (4) Takachiho и (5) Niitaka.



«НАНИВА», «ТАКАЧИХО»



Порядковые номера кораблей меняться не будут, невзирая ни на роспуск, ни на потерю места в линии. В боевом построении корабли могут иногда сблизиться, но должны стараться не растягивать интервалы: Во время боя командиры кораблей могут по своему выбору изменять ненамного курс, если нужно уклониться от вражеской торпеды или выпустить свою, но все должны понимать, что в бою первейшая необходимость — это точно соблюдать строй. Если же какой-либо корабль окажется вне линии и не сможет с легкостью вернуться на свое предписанное место, он должен без приказа занять место концевого в линии. Остальные корабли, опять же без приказа, должны сомкнуть строй до обычных интервалов.

Тактика

5. При начале боя по плану, описанному в пункте 3 выше, основные принципы маневрирования головного корабля будут таковыми:

(а) Наш головной корабль проложит курс прямо на головное либо ближайшее крыло противника, и на дистанции около 8000 м повернет вправо либо влево, по обстановке.

(б) Если, как результат действий наших либо неприятеля, он идет контркурсом на нас, нужно маневрировать для пересечения палочки над Т по его головному, концевому, либо фланговому кораблю.

(в) Если бой идет на параллельных курсах и если противник по-видимому отворачивает, мы тоже отвернем.

(г) В том случае если слабейший противник либо же истребитель подходит с носа, мы перейдем в строй L и атакуем его с двух направлений. Данный маневр должен быть начат по сигналу «Показать время»; после того как сигнал опущен, корабли той подгруппы что находится в хвосте, повернут за своим лидером на курс, позволяющий поставить противника в два огня.

6. Скорость и руль

(а) Обычно полный ход в бою будет 15 уз.; малый ход — 5 уз.; отклонение руля — 20 град. у Naniwa.

(б) Во время боя, за исключением случаев, когда командир корабля посчитает обязательным, сигналы скорости не будут репетоваться; необходимы только сигналы о числе оборотов.

(в) Набор хода с крейсерского до полного боевого будет производиться по 2 уз., чтобы не смешивать строй. То же касается уменьшения хода до крейсерского. Но в последнем случае, если сигнал поднят, а затем опущен с полпути, следует НЕМЕДЛЕННО сбросить ход до наиболее близкого к крейсерскому.

7. Использование артиллерии

(а) Особых сигналов к открытию огня не будет; подобные решения принимаются командирами кораблей по собственному усмотрению.

(б) Наша цель — концентрация огня на головном, концевом или фланговом корабле неприятеля. Если же противник достаточно слабее нас, это правило может не соблюдаться, и каждый корабль может выбрать своей целью тот неприятельский корабль, огонь по которому даст наибольший результат.

8. Применение торпед

(а) Корабли с торпедами типа «А» должны иметь 1 боеготовую торпеду у каждого аппарата.

(б) Корабли с торпедами типа «Б» или с торпедами Швацкопфа также должны иметь 1 боеготовую торпеду у каждого аппарата.

(в) Моменты для зарядания готовых торпед в аппараты, а также для приготовления остальных торпед определяются каждым командиром корабля в отдельности по собственному усмотрению, в зависимости от хода боя. Главное — это уменьшить сколько возможно опасность взрыва торпеды в аппарате от попадания вражеского снаряда, но вместе с этим не пропустить момента для стрельбы.

9. Управление огнем

(а) На дистанциях более 4500 м все поправки к стрельбе должны тщательно выверяться, но на меньших дистанциях лучше все поправки на скорость противника просто игнорировать и наводить в форштевень.

(б) Против истребителей и миноносцев в условиях, описанных во второй половине предыдущего абзаца, лучше наводить в точку, лежащую на полкорпуса впереди неприятеля. (Эти полкорпуса есть половина видимой длины корпуса миноносца неприятеля ввиду укорачивания последней от изменения угла цели.) Тренировки по этим методам (а и б) должны проводиться постоянно для достижения необходимых навыков.

(в) Очень важна экономия боеприпасов, а так как в азарте боя можно легко впасть в беззаботно-расточительную стрельбу, командиры кораблей должны следить за тем, чтобы на беглый огонь переходили, только если заметны попадания в цель.

(г) Каждый командир корабля должен делать все возможное для поддержания боевого духа у нижних чинов, особенно в горячке боя. Если вражеские снаряды наносят большие повреждения, настрой команды будет падать, даже если они и побеждают в реальности. Поэтому командир должен ободрять своих подчиненных, убеждать их в том, что неприятелю вдвое хуже, чем нам, и поддерживать в их душах уверенность в победе. Разница между победой и поражением состоит из выносливости и сильного духа.

Примечание.

Вышеприведенные тактические инструкции для Соединенного флота и для отдельных отрядов были взяты за основу для действий в этой войне, и от боя в Желтом море (10 августа 1904 г.) до боя в Японском море (27 мая 1905 г.) не было проведено ни одного боя, где действия японцев не основывались бы на них.

Джулиан Корбетт. Морские операции в Русско-японскую войну. Т. 2. Лондон, 1915.

Julian Corbett. «The naval operations in Russo-Japanese war. V. 2. London, 1915.»

Д. Корбетт «МОРСКИЕ ОПЕРАЦИИ В РУССКО-ЯПОНСКУЮ ВОЙНУ»

Главы из книги

БОЙ В ЯПОНСКОМ МОРЕ

Первая фаза

Ни одно великое морское сражение со времен многодневных и запутанных боев периода англо-голландских войн не является столь трудным для реконструкции, как Цусимский бой, или бой в Японском море, как его официально называют японцы. Едва истек первый час, как битва выродилась в игру в жмурки, когда отдельные японские отряды охотились за осколками русской эскадры среди полос тумана и стреляли по всему, что только могли заметить. Поэтому попытки детальной реконструкции этого боя являются напрасной тратой сил не только потому, что дадут картину, далекую от реальности, но и не принесут никакой пользы. Тактический интерес представляют лишь первые маневры противников, а беспорядочная погоня непонятно кого неизвестно за кем, которой был посвящен весь остальной день, профессионалам не интересна. Поэтому в данном описании, исходя из имеющихся фактов, которые могут считаться достоверными, мы постараемся рассказать, каков был план адмирала Того, его тактические идеи, и какую тактику применяли японцы для реализации упомянутого плана.

Ни по одному из вопросов мы, к сожалению, не имеем полных и достоверных сведений. Вероятно, лучше всего об этом сказал адмирал Энkvист в своей телеграмме из

Манилы через неделю после боя: «Тактика японцев заключалась в том, чтобы не пропустить нас во Владивосток. Поэтому каждый раз, когда наша эскадра поворачивала на север, они, пользуясь преимуществом хода, заходили в голову нашей колонны броненосцев и выбивали головного из строя».

Хотя это, вне всякого сомнения, справедливо, настоящие тактические инструкции японцев, как мы видели, связаны с более ранними, и здесь мы чувствуем под ногами твердую почву. Если читать эти инструкции с учетом достоверных фактов, связанных с боем, инструкции четко показывают, что японцы использовали систему отдельных отрядов, но без четкого распределения ролей. Например, мы можем проследить, как отряды объединялись попарно, и старший из адмиралов принимал на себя командование, не являвшееся, однако, абсолютным. Мы можем увидеть, что 4-й боевой отряд (Уриу), поддерживая 3-й (Дева) и 6-й (контр-адмирал Того), исполнял срочный приказ адмирала Катаоки. Аналогично главные силы, состоявшие из 1-го и 2-го боевых отрядов, получали тактические приказы с «Микасы».

Общая тактическая идея, заложенная в основу такого объединения, судя по всему, заключалась в том, чтобы выстроить линейные корабли в одну кильватерную колонну, так как первоначальные инструкции не предусматривали этого однозначно. Несомненно, это было следствием того, что русский флот имел большее, чем ранее, количество линейных кораблей, что привело к возрождению старой идеи уравнивания числа вымпелов в линии кордебаталии. Согласно первоначальной инструкции, которая предусматривала сосредоточение сил против части вражеского флота, отряд адмирала Камимуры должен был отделиться и атаковать арьергард, пока 1-й боевой отряд старается перерезать путь авангарду. Однако можно без труда заметить, что адмиралу Камимуре все равно была оставлена значительная свобода действий, он мог сам решить: следовать ли ему в кильватер

главнокомандующему или выбрать иной курс. В общем, можно сказать, что младший командир каждой группы имел право действовать самостоятельно при отсутствии прямого приказа старшего адмирала, но при этом главнокомандующий сохранял за собой право контролировать все группы и отряды.

Кое с чем мы можем согласиться без колебаний, но если речь пойдет об общем плане боя, то придется признать, что такой информации у нас нет вообще. Здесь мы можем лишь строить догадки с той или иной степенью вероятности. В общем, как подметил адмирал Энkvист, этот план напоминал действия японцев 10 августа. Главная стратегическая цель была той же самой — помешать русским прорваться во Владивосток. Средство достижения цели тоже было практически тем же — сосредоточение огня на голове колонны. Но за этими внешними сходствами кроются большие различия. В первом сражении у адмирала Того не было никакой необходимости предусматривать какие-то рискованные действия, как выяснилось, для реализации стратегического плана войны было вполне достаточно загнать русскую эскадру обратно в смертельную ловушку Порт-Артура. Теперь адмирал должен был выбрать между двумя вариантами. Либо пойти на медленный, но более верный вариант, либо попытаться добиться немедленного разрешения кризиса, пойдя на риск, и все поставив на карту в одном генеральном сражении. Но в дело вмешались факторы, далекие от чистой стратегии. Общий ход войны, сокращение ресурсов Японии, истощение наступательной энергии сухопутных войск требовали от флота сокрушительной победы, чтобы добиться приемлемых условий мира. Следовало идти на любой риск, чтобы добиться желаемого результата, и здесь кроется второе фундаментальное различие. У японцев не имелось никаких оснований далее беречь свой флот. Русские поставили на карту буквально все оставшиеся корабли, поэтому для японцев пришло время сделать то же самое. Поэтому следовало вести бой до конца на тех дистанциях, которые

адмирал Того считал наиболее подходящими для достижения решительной победы.

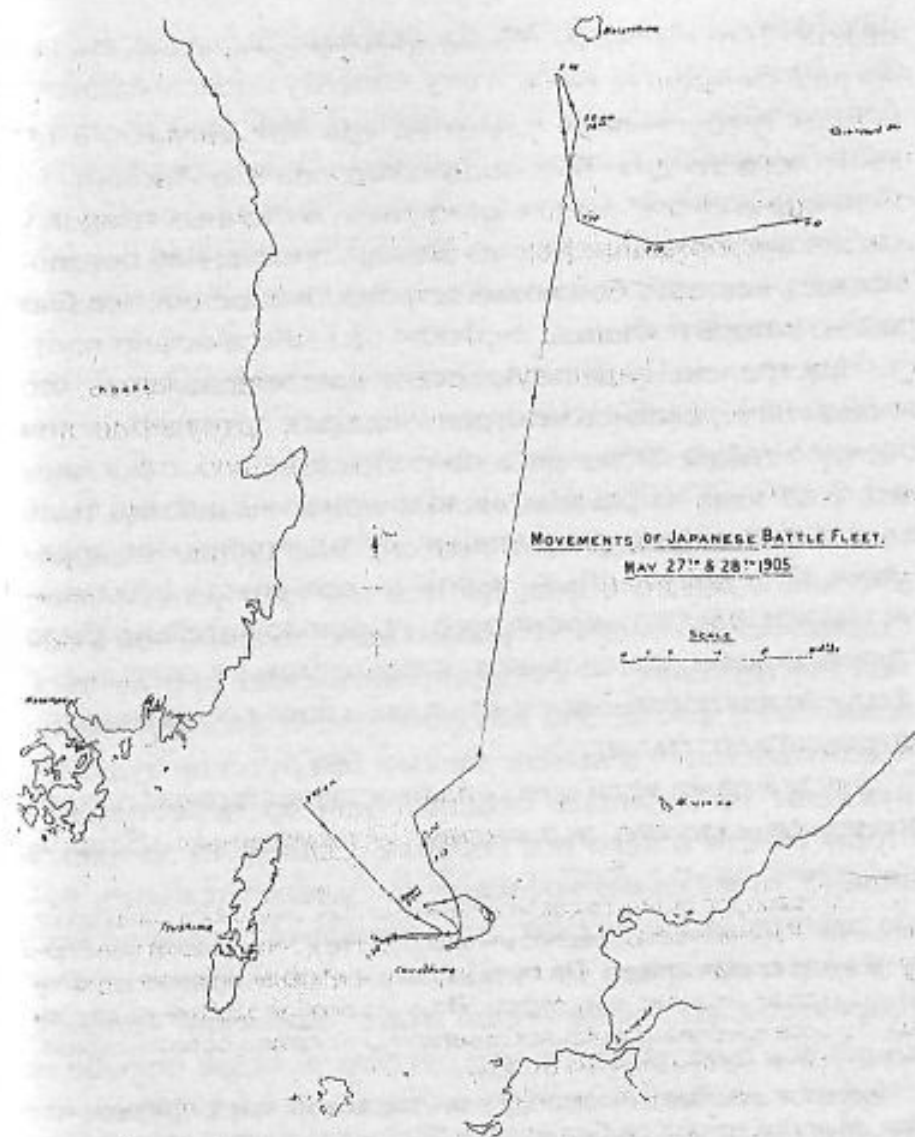
Если требуемый результат не удастся получить в течение первого дня, бой предполагалось возобновить на следующие сутки, однако относительно точных планов у нас нет информации. Как мы видели, противнику предполагалось навязать бой возле острова Окиносима, это был район, который японцы держали под максимально плотным контролем. Существуют основания предполагать, что японцы намеревались не ограничиваться артиллерийским боем, но также собирались провести дневную атаку минных флотилий, и большое число миноносцев должно было взаимодействовать с крупными артиллерийскими кораблями. Они должны были выйти в море вместе с главными силами флота, и, кроме того, предположительно было сформировано специальное подразделение во главе с «Асамой» для постановки настоящих и ложных мин по курсу вражеского флота¹.

Однако даже если такой план и существовал, плохая погода сделала его исполнение невозможным. Второй

¹ Этот вопрос остается совершенно неясным. Мы имеем следующие сведения. Рассказывая о тревоге, имевшей место 23 мая, наш атташе при 2-м боевом отряде пишет: «По пути из гавани «Асама» покинул строй и занял место в кильватер 1-му отряду. Получив особое задание на случай боя, которое требовало действий независимо от своего боевого отряда, он был временно придан 1-му отряду».

Говоря о действиях «Асамы» 27 мая, наш атташе при 1-м боевом отряде пишет: «Сначала он был отделен, чтобы вести отряд миноносцев, которые должны были сковать передвижения противника, поставив у него на пути ложные и настоящие мины. Но погода и другие условия не позволили выполнить это задание».

Это подтверждает запись в сигнальном журнале «Адзумы»: «10.08. «Микаса» — «Асама» и специальному отряду истребителей и миноносцев. Расформировать группу, вернуться к своим отрядам». В «Конфиденциальной истории» также говорится, что «Асама» не вышел в море со своим боевым отрядом, так как «его выход был задержан необходимостью принять офицеров и матросов, переведенных на госпитальное судно «Сайкэ-мару», что предполагает какие-то особые задания. 4-й отряд истребителей также действовал отдельно и шел на соединение с 3-м отрядом, который, как известно, действовал в составе четвертой линии дозоров. Есть свидетельства, что эти корабли несли мины, однако они не были сведены в один отряд с «Асамой».



Действия японского флота 27 и 28 мая 1905 г.

стадией сражения должна была стать массированная ночная атака минных флотилий, а третьей — новый артиллерийский бой. Это должно было произойти возле полностью оборудованного разведывательного центра на острове Мацусима, рядом с которым должен был собраться флот на второй день. Примерно так же действовал адмирал Того в августе, когда назначил точку рандеву

на юге Желтого моря. Что последовало бы далее, мы сказать не можем, так как к этому моменту японцы добились решительной победы, и дальнейших действий просто не потребовалось. Наверное, примерно так собирался действовать адмирал Того в тот момент, когда головные русские корабли показались из пелены тумана. Нам остается посмотреть, как его тактика способствовала достижению решительной победы.

Как мы уже видели, в момент контакта адмирал Того оказался в таком положении, которое затрудняло принятие немедленного решения. Полагая, что противник все еще идет двумя колоннами, причем наиболее сильные корабли находятся в правой, Того решил атаковать русских с левого борта, прежде чем они успеют перестроиться. Это соответствовало идее, заложенной в боевых инструкциях, — сосредоточить силы против части вражеского флота. Это давало японцам дополнительное преимущество — в момент завязки боя русские будут вынуждены предпринять опасный маневр перестроения, чтобы ввести в дело все корабли. Однако из-за плохой видимости японские крейсера не сумели отследить точно перемещения русских, и те оказались справа по носу у эскадры адмирала Того, поэтому ее положение не благоприятствовало намеченной атаке. Японский командующий все еще не видел, что русская эскадра больше не следует в походном порядке, он также не подозревал, что адмирал Рожественский уже изменил курс своего отряда и увеличил скорость, чтобы занять место во главе флота, чтобы восстановить временно нарушенный боевой порядок. Конечно, существует вероятность, что адмирал Того все это видел, но принял маневр русских за попытку повернуть весь флот влево. Если это так, то это и было настоящей причиной поворота японского флота вправо. В любом случае адмирал Того по-прежнему считал, что преимущество на его стороне, и, чтобы использовать его, адмирал повернул эскадру вправо последовательно, чтобы на «боевой скорости» 15 узлов пересечь курс русских.

Он, разумеется, не собирался ставить свой флот прямо поперек курса русских, он отклонился на NW-t-W, чтобы начать схождение под углом. Увеличение дистанции дало адмиралу Того время, чтобы занять выгодное положение перед авангардом русских, который он собирался атаковать. Этим курсом японцы следовали 15 минут, и только в 13.55, когда последний корабль 2-го боевого отряда оказался прямо по курсу русского флота, адмирал Того повернул на запад и поднял боевые флаги.

К этому времени русские выстроились в колонну длиной около 7 миль следом за своим флагманом в направлении S-t-W и, насколько адмирал Того мог видеть сквозь туман, находились у него чуть позади траверза. Он мог различить, что правая колонна русских находится чуть впереди левой и что она состоит только из 4 броненосцев типа «Суворов», однако японский командующий все еще не понимал, что именно происходит. В действительности же в 13.50, за 5 минут до того как японцы повернули на запад, адмирал Рожественский приказал своему отряду увеличить скорость до 11 узлов, а 2-му отряду — пристроиться в кильватер и таким образом сформировать единую кильватерную колонну. Но этот маневр затянулся более чем на 10 минут, а в 14.02 адмирал Того сделал свой следующий ход.

Это был исключительно опасный маневр, который так и не получил удовлетворительного объяснения. Вместо того чтобы повернуть «все вдруг» и начать давление на русский авангард, он просто изменил курс на SW-t-S. «Конфиденциальная история» сообщает: «Это выглядело так, словно он решил разойтись с противником на контркурсах». В своем официальном рапорте адмирал пишет, что предпринял этот маневр, «чтобы заставить противника поверить, что он намерен пройти мимо него в противоположном направлении». Однако совершенно непонятно, даже если это и было задумано как уловка, какое преимущество Того рассчитывал получить. В тот момент не было никаких видимых причин, которые оправдывали

подобный риск, так как японскому флоту приходилось поворачивать на 14 румбов под огнем не только левой колонны, но и 1-го отряда русских, которые выдвигались вперед 2-го.

Адмирал следовал новым курсом всего лишь 3 минуты, а в 14.05 он повернул на ОНО, чтобы «начать постепенно отжимать авангард противника». В результате этого маневра русские командиры пришли в необычайное возбуждение. Им показалось, что противник запутался, совершая ошибочный маневр, который совершенно неожиданно может отдать японцев им в руки. Адмирал Рожественский использовал свой шанс с холодным расчетом. Дождавшись, пока «Микаса» повернет, а остальные японские корабли начнут описывать дугу, «Суворов» в 14.08 открыл огонь с дистанции 7000 метров. Все головные корабли также начали стрельбу, исключая «Орел», который шел замыкающим в 1-м отряде и находился позади «Осляби». Сначала японцы не отвечали, но в 14.10, когда дистанция сократилась до 6000 метров — максимума, предусмотренного японскими боевыми инструкциями, «Микаса» первым, а затем и остальные корабли, выходя на новый курс, начали стрелять по «Суворову» и «Ослябе», возглавлявшим две русские колонны.

Это была атака, столь же рискованная, как действия Нельсона при Трафальгаре, но, как и Нельсон, адмирал Того был совершенно уверен, что огонь противника на больших дистанциях будет неэффективен. Если так, то адмирал все хорошо рассчитал. «Тяжелые снаряды сыпались градом», а всем 12 японским кораблям потребовались 20 минут, чтобы завершить поворот, но каким-то чудом оба японских боевых отряда не получили серьезных повреждений. В случае с броненосными крейсерами это, вне всякого сомнения, объясняется огнем 1-го боевого отряда по русскому флоту, но немалое влияние оказало то, что адмирал Камимура маневрировал самостоятельно, хотя точных сведений о его действиях мы не имеем. В рапорте его штаба говорится, что в 14.09, как только шедший впереди его

флагмана «Ниссин» завершил поворот и навел свои орудия на «Ослябю», Камимура повернул на румб вправо, то есть от противника, «чтобы выйти из тени 1-го боевого отряда». Если смотреть на карту в официальной японской истории, то кажется, что Камимура совершил поворот по гораздо более широкой дуге, чем командующий. Его точка поворота находится в 1500 метрах дальше от противника, чем точка поворота 1-го отряда, и в 14.15, когда Камимура завершил поворот, он оказался в 8000 метров от «Осляби», тогда как расстояние между «Микасой» и «Суворовым» в этот момент составляло 6400 метров. Но, с другой стороны, наш атташе, находившийся при 2-й боевом отряде, пишет, что крейсер «Адзума» открыл огонь с дистанции всего лишь 4800 метров. (Собственный рапорт «Адзумы» говорит о 4600 метрах в 14.17.) Также капитан 1 ранга Джексон отмечает, что из-за того, что «Ниссин» и «Касуга» (концевые корабли 1-го отряда) затянули поворот, 2-й отряд оказался ближе к противнику, чем броненосцы Того. Далее он подтверждает, что адмирал Камимура приказал сделать сигнал о повороте на 4 румба «все вдруг», чтобы пристроиться в кильватер адмиралу Того, но когда обнаружил, что вражеские снаряды ложатся перелетами и что Того постепенно одолевает своих непосредственных противников, приказал не спускать сигнальные флаги и следовал прежним курсом, пока циркуляция 1-го отряда вправо не позволила ему пристроиться в кильватер. Судя во всему, дело обстояло именно так, потому что сначала Камимура был вынужден склониться вправо, а потом пойти по более широкой окружности и начать бой с более близкого расстояния.

Весь этот эпизод является курьезным повторением действий Того в бою против артурской эскадры в феврале

В первые 10 минут «Микаса» получил 10 попаданий, а «Адзума» — ни одного. Причина, скорее всего, заключается в том, что, по наблюдениям атташе, «Ослябю» повернул слишком круто. «Когда начался бой, я видел, как «Ослябю» повернул вправо, чтобы пристроиться в кильватер 1-му отряду, подставив нам корму».

1904 года. Тогда он тоже был вынужден совершить подобный маневр под огнем фортов и кораблей, и он точно так же избежал серьезных повреждений. Однако на основании этих двух примеров было бы слишком поспешно делать вывод, что подобный поворот в любом бою не представляет столь серьезной опасности, как кажется на первый взгляд. Если флот подставляется подобным образом, в каждом конкретном случае следует учитывать человеческий фактор, то есть мастерство вражеских комендоров и офицеров, управляющих огнем. Они часто поддаются соблазну вести беглый огонь по большой мишени вместо того, чтобы медленно и прицельно стрелять по отдельным кораблям¹.

Отважный и даже безрассудный маневр принес японцам огромные выгоды. С самого начала боя он позволил адмиралу Того диктовать выгодную ему дистанцию огня и, сближаясь под углом с вражеским авангардом, сосредоточить огонь на этих кораблях. Эффект оказался практически немедленным. Когда адмирал разобрал, в каком строю идут русские — кильватерная колонна с адмиралом во главе, — он немедленно обстрелял «Суворов». То же самое сделал шедший третьим «Асахи», однако остальные корабли 1-го боевого отряда, а также крейсера сосредоточили огонь на «Ослябе», как и планировалось изначально. Зарывающий японский корабль «Ивате» обстрелял его из орудий левого борта, а после завершения поворота перенес огонь на флагман адмирала Небогатова «Николай I», стреляя с дистанции 6800 метров.

Японцы нащупывали дистанцию довольно медленно, адмирал Рожественский утверждает, что не менее 10 минут, и сначала стрельба была довольно медленной. Однако по мере сокращения дистанции перелеты и недолеты становились все меньше, а темп стрельбы увеличился.

¹ Наши рапорты констатируют, что, в отличие от прицельного огня японцев в этот период, русские вели беглый огонь. Японцы перешли на беглый огонь лишь в 14.20, когда дистанция сократилась до 4600 метров (рапорт «Микасы»), и расчеты 76-мм орудий были вызваны на места.

К 14.12 дистанция между «Микасой» и «Суворовым» сократилась до 5500 метров, адмирал Того, по-видимому, считал это расстояние наиболее выгодным. Но затем, когда неприятель повернул вправо и лег на параллельный курс, дистанция начала увеличиваться, так как скорость японцев была выше. Поэтому в 12.15, когда последний корабль завершил поворот, адмирал Того тоже повернул вправо и лег на курс S-t-O, а через 3 минуты, когда дистанция сократилась до 5400 метров, он повернул обратно на NO-t-O. Две кильватерные колонны двигались почти параллельными курсами, хотя, как мы видели на японских картах, адмирал Камимура завершил поворот, оказавшись на левой раковине 1-го боевого отряда, а не в кильватер ему¹.

Японцы ввели в дело свои 76-мм орудия, причем все это время тяжелые орудия почти непрерывно поражали противника. В результате огонь русских, который сначала был неожиданно метким, начал ухудшаться. «Ослябя» первым пострадал от сосредоточенного огня японцев. К тому моменту, когда японцы завершили поворот, а русские выстроили идеальный кильватер, на броненосце произошел сильный взрыв. Тяжелый снаряд сделал пробоину ниже ватерлинии в носовой части, которая немедленно вызвала крен и заставила броненосец сесть носом. На палубах валялось множество убитых и раненых, начался пожар. Через несколько минут была выведена из строя носовая башня.

Хотя «Суворов» подвергся ужасному обстрелу, он не получил столь опасных повреждений. Согласно русским отчетам, после двух или трех перелетов и нескольких недолетов почти каждый снаряд начал попадать в корабль. Все конструкции, не защищенные броней, были букваль-

¹ Еще одной причиной сомневаться в правильности прокладок являются рапорты кораблей 2-го отряда. «Идзума» указывает, что в 14.20 до «Осляби» было 6500 метров. «Адзума» (14.15, когда он завершил поворот) дает расстояние до «Суворова» 600 метров, а в 14.17 до корабля, по которому велся огонь, — 4600 метров. «Токива» в 14.17 открыл огонь по «Ослябе» с 5000 метров. Карта, которая показывает, что расстояние примерно равнялось 8000 метров, должна ошибаться.

но сметены, даже в боевой рубке невозможно было находиться из-за множества осколков, залетавших в амбразуры.

Русские столкнулись с совершенно новым фактором морской войны, о существовании которого даже не подозревали. Они знали о том, что уступают противнику по многим параметрам, но никогда не принимали в расчет новую японскую взрывчатку. Они с ужасом следили, как новые снаряды взрываются при попадании в такелаж или при падении в воду. Это не были бронебойные снаряды, казалось, противник обстреливает русские корабли минами, которые сносят все на своем пути. Они обладали не только беспрецедентной силой взрыва, но и давали шквал мельчайших осколков, которые залетали в любые отверстия, и тучи удушливого дыма. Но кроме того, при взрыве выделялось огромное количество тепла. Адмирал Рожественский писал: «Краска на стальных поверхностях горела ярким пламенем. Шлюпки, такелаж, койки, дерево загорались, патроны в кранцах вспыхивали, надстройки и мелкие орудия сносило, башни заклинивало». Один из офицеров штаба, который участвовал в бою в Желтом море, обнаружил, что все пережитое было просто детской игрой по сравнению с тем, что творилось сейчас. Он просто не понимал происходящего. «Стальные листы борта и надстроек на верхней палубе рвались в клочья и своими обрывками выбивали людей, железные трапы свертывались в кольца, неповрежденные пушки срывались со станков. Это не могла сделать ни сила удара самого снаряда, ни тем более его осколков. Это могла сделать только сила взрыва. А потом — необычайно высокая температура взрыва и это жидкое пламя, которое, казалось, заливает все. Я видел своими глазами, как от взрыва снаряда вспыхивал стальной борт. Конечно, не сталь горела, но краска на ней! Такие трудногорючие материалы, как койки и чемоданы, сложенные в несколько рядов и политые водой, вспыхивали мгновенно ярким костром. Временами в бинокль ничего не было видно — так искажались изображе-

ния от дрожания раскаленного воздуха. Нет! Это было не то, что 10 августа».

Адмирал Рожественский полагал, что его плохо подготовленный флот наиболее эффективно будет действовать на малых дистанциях, но выдержать подобный расстрел было просто невозможно. В течение четверти часа — слишком долго, как полагают некоторые — он стойко держался, несмотря на сосредоточенный огонь японцев, но в 14.25 повернул на 2 румба вправо. Это было самое подходящее время для подобного маневра, потому что «Микаса», который имел скорость 15 узлов против 9 или 10 узлов русских, уже проскочил вперед и начал поворачивать вправо, чтобы охватить русский авангард. Японцы стремились удерживать дистанцию от 5000 до 6000 метров. В 14.28, когда дистанция увеличилась, японцы прекратили беглый огонь, но «Суворов» не получил облегчения¹. Осколки снарядов залетали даже в боевую рубку. Броневые карнизы, которые были установлены под прорезями, оказались бесполезными против мелких осколков. Потери быстро росли, к 14.35 были ранены адмирал и его флаг-капитан. Поняв, что продолжать попытки лобового прорыва больше невозможно, флаг-капитан предложил повернуть на 4 румба вправо, и в 14.40 адмирал с этим согласился.

Ожесточение боя достигло максимума. Ведя «обычный огонь», вся японская колонна сосредоточилась в основном на «Суворове» и «Ослябе», но какая-то часть снарядов была направлена на остальные корабли, чтобы помешать им действовать. Это делал каждый из японских капитанов по своему усмотрению. Вид происходящего был столь ужасен, что дрогнули даже самые закаленные сердца. В рапорте 1-го боевого отряда говорится: «Снаряды рвались в воде по обоим бортам кораблей, дым раз-

¹ Время изменения между «беглым» и «обычным» огнем взято из рапорта «Микасы». Другие корабли не давали столь подробных сведений, но, судя по всему, они следовали примеру флагмана. Адмирал Камимура начал использовать свои 76-мм орудия в 14.43, когда дистанция сократилась до 4300 метров.

рывов стлался над морем черной пеленой, пронизываемой фиолетовыми вспышками. Ужасному грохоту орудий вторил рокот голодных волн, и эта картина потрясала до глубины души каждого, кто ее видел». К 14.40, то есть к тому моменту, когда «Суворов» отвернул прочь, пелена тумана и дыма стала совершенно непроницаемой. Дым пожаров, бушевавших на русском флагмане и его товарищах, добавляясь к дыму разрывов, стал таким густым, что тот рапорт сообщает: «Мы совершенно не видели русских кораблей, только верхушки мачт с развевающимися стеньговыми флагами». В таких обстоятельствах дальномеры были бесполезны, наводка орудий тоже стала невозможной. Очевидно, по этой причине 1-й отряд прекратил огонь, а 2-й перенес огонь на другие корабли. Поэтому русские флагманские корабли получили передышку в несколько минут.

Японские корабли к этому времени тоже получили достаточно много попаданий, причем некоторые были достаточно тяжелыми. Потери росли, но все корабли оставались в строю, исключая крейсер «Асама». Он шел пятым в строю 2-го боевого отряда и в 14.28, через 10 минут после начала поворота, получил попадание 305-мм снарядом, который повредил рулевое управление. Крейсер был вынужден отвернуть влево. Ремонт повреждений занял всего 10 минут, но к этому времени его отряд исчез в тумане и крейсер оказался в полном одиночестве. Вдобавок на него обрушился сосредоточенный огонь кораблей русского арьергарда. В течение 45 минут «Асама» пребывал в одиночестве, хотя он не получил опасных попаданий, его надстройки были разворочены русскими 76-мм снарядами. Затем досталось флагманскому крейсеру адмирала Камимуры. Расчет одного из 152-мм орудий был полностью перебит взрывом 152-мм снаряда, но корабль не получил 305-мм попаданий и поэтому сохранил огневую мощь и маневренность. «Ниссин» получил одно серьезное попадание 305-мм снарядом. В 14.40 он попал в носовой барбет, «разворотил его», пострадали 19 человек, офицер

и 2 матроса были убиты. Но этим и ограничились потери крейсера в течение всего боя.

Через 3 минуты, когда дым немного рассеялся и стал виден поворот «Суворова» вправо, адмирал Того совершил новый поворот на SO, прямо поперек курса противника, практически добившись «crossing T», и возобновил бой, обрушив на русских шквал огня, к которому присоединился и 2-й боевой отряд. Это было гораздо больше, чем мог выдержать надломленный противник, и вскоре японцы начали собирать жатву. В 14.50 они увидели, как «Ослябя» выкатился из строя вправо. Он получил почти одновременно два тяжелых снаряда в ватерлинию, причем один из них лег рядом с уже упоминавшимся серьезным попаданием. В результате вода хлынула в огромную пробоину, и крен начал быстро нарастать, все попытки остановить затопление ничего не дали. Через несколько минут «Суворов» был вынужден сделать то же самое. Адмирал Рожественский был ранен еще раз — в голову и в ноги. Более того, переменной курса из-за дыма и удушливых газов, так как пожары бушевали по всему кораблю, начали задыхаться артиллеристы в башнях. Огонь подобрался к боевой рубке, и находиться там стало невозможно. Адмирал и все, кто еще остался в живых, были вынуждены спуститься в центральный пост. Палубы к этому времени были завалены обломками разрушенных надстроек, руль был заклинен в положении «лево на борт», поэтому поворот на 4 румба превратился в полную циркуляцию вправо.

«Александр III», шедший следом за «Суворовым», сначала последовал за ним, но видя, что головной корабль просто потерял управление, лег на новый курс и повел за собой флот, как и было приказано перед боем. Кильватерные колонны противников теперь шли почти параллельными курсами, и теперь японцы сосредоточили свой огонь на «Алексадре», которому сразу стало плохо. Шедший за ним «Бородино» временно выкатился из строя, створившись с «Ослябей» и «Орлом». Они мешали друг другу стрелять,

но представляли собой превосходную цель для кораблей японского арьергарда. «Бородино» быстро исправил поломку и в 14.50 занял свое место за кормой «Александра». Однако в результате многочисленных попаданий, которые получили к этому времени корабли русского 2-го отряда, они сломали строй, между ними и броненосцами 1-го отряда образовался большой разрыв. Кильватерная колонна русских рассыпалась. Беспомощный «Суворов» описывал круги, полностью потеряв управление. В этот момент приданные ему миноносцы должны были, согласно приказу, забрать адмирала. Но рядом с броненосцем не было никого, попытка управляться машинами из-за нарушенных систем связи провалилась, поэтому корабль так и остался кружить на одном месте.

Миноносцы в это время были заняты где-то в других местах. Совсем недалеко находился «Ослябя», положение которого было еще хуже, чем у «Суворова». С проходящих мимо кораблей русского арьергарда видели, что он стоял на месте, кое-как отстреливаясь, но крен броненосца увеличивался столь быстро, что было понятно — близятся его последние мгновения. Экипаж столпился на правом борту под градом снарядов, который продолжал сыпаться на корабль. «Когда мы проходили мимо него, был виден весь правый борт до самого киля. Его яркая обшивка была похожа на мокрую чешую какого-то морского чудовища. Внезапно, словно по команде, все люди, столпившиеся на борту, бросились вниз по этим чешуям. Большинство из них налетели на скуловой киль и упали в море. В воде они сбились в невообразимую массу, и снаряды противника все это время непрерывно рвались среди них. Еще через несколько секунд «Ослябя» скрылся под водой». Воздействие зрелища этой катастрофы на уже полуразгромленный флот можно представить без труда. Однако на кораблях японского 1-го отряда не знали, что произошло, хотя с броненосных крейсеров видели это. Именно они нанесли броненосцу роковой удар. Но место гибели корабля затянул такой густой дым, что на концевом «Ивате» решили,

что потоплен русский крейсер типа «Жемчуг». Три русских миноносца примчались туда и, несмотря на огонь японцев, начали спасать всех, кого могли. Они сделали это великолепно, и вскоре были переполнены спасенными, но при этом фактически потеряли свою боеспособность. Именно в результате этого адмирал Рожественский остался на своем пылающем флагмане.

«Суворов» оказался брошен решительно всеми, так как бой вступил в новую фазу. До сих пор русские пытались маневрировать по внутренней окружности и, как мы видели, корабли, следовавшие за «Суворовым», приняли его затянувшуюся циркуляцию вправо за продолжение маневра, но теперь командир «Александра» капитан 1 ранга Бухвостов понял, что флагман потерял управление¹. Японцы, оказавшиеся на левом крамболе «Александра», сосредоточили свой огонь на нем, и Бухвостов решил больше не двигаться на юг, куда его отжимали японцы, прочь от горящего «Суворова». Последние боевые инструкции адмирала Рожественского, то есть приказ № 243 от 23 мая, гласят: «В бою линейным кораблям обходить своих поврежденных и отставших передних мателотов. Если поврежден и не способен управляться «Суворов», флот должен следовать за «Александром», если поврежден и «Александр» — за «Бородино», за «Орлом». При этом «Александр», «Бородино», «Орел» имеют руководствоваться сигналами «Суворова», пока флаг командующего не перенесен, или пока в командование не вступил младший флагман». Поскольку никаких сигналов не было видно, командир «Александра» не только имел право, но и был обязан вести эскадру. Поэтому он, без всяких колебаний, за пару минут до 15.00, то есть за 5 или 10 минут до гибели «Осляби», повернул на 8 румбов влево и направился на север, хотя рапорт «Мика-

¹ Сколько именно «Александр» продержался во главе колонны, неизвестно, так как сведения расходятся. Русские утверждают, что он уступил место «Бородино» в 14.40 и что следующий маневр выполнял уже этот броненосец. «Конфиденциальная история», однако, говорит, что головной корабль русских повернул в 14.50. Рапорт адмирала Рожественского недвусмысленно утверждает, что «Бородино» стал головным в 15.20.

сы» утверждает, что он «бросился прямо в середину нашей эскадры».

В результате этого смелого маневра бой мог превратиться в беспорядочную свалку. Каковы бы ни были намерения капитана 1 ранга Бухвостова, он мастерски оценил ситуацию. Так как японцы теперь находились под ветром, поворот был частично скрыт дымом. Он позволил Бухвостову вернуться к горящему флагману, а также мог дать шанс прорваться под хвостом у японцев. Адмирал Того сразу понял, какую опасность представляет этот маневр. Ситуация изменялась столь стремительно, что на последовательный поворот уже не оставалось времени. Как только командующий увидел маневр русских, в 14.58 он приказал своему отряду повернуть «все вдруг» на 8 румбов влево. В рапорте говорилось, что такой маневр был выбран, отчасти чтобы не дать русским возможность использовать торпеды. Почти сразу он приказал совершить еще один такой же поворот, чтобы лечь на обратный курс, в результате чего расстояние до русского авангарда начало быстро сокращаться. Было совершенно ясно, что 2-й боевой отряд намерен сделать то же самое. В это время броненосные крейсера вели тяжелый бой и получили большое количество попаданий. Согласно рапорту «Иватэ» дистанция сократилась до 3100 метров. Японцы решили, что крейсер типа «Жемчуг» пытается выйти в торпедную атаку, и отогнали его сосредоточенным огнем. Все крейсера Камимуры получили более или менее серьезные попадания и понесли потери в личном составе. На «Адзуме» вышло из строя одно из орудий кормовой башни. Но на этом расстоянии японцы видели, что и русские серьезно страдают от их огня. В рапорте штаба боевого отряда говорится: «Наши снаряды попадали в цель и взрывались, представляя великолепное зрелище. Противник тоже стрелял очень хорошо, и множество снарядов всех калибров летали вокруг нас, столбы брызг поднимались вокруг наших кораблей, словно еловый лес». В отряде Камимуры сейчас было всего

5 броненосных крейсеров, но «Асама» уже находился в миле за кормой, ведя бой с концевыми русскими броненосцами в одиночку. Однако он попал под такой плотный огонь, что не смог сократить это расстояние, а наоборот, отстал еще больше.

В такой ситуации адмирал Камимура, который вел бой на близкой дистанции с броненосными крейсерами против броненосцев, вполне мог последовать за своим командующим, однако на некоторое время задержался. «2-й боевой отряд уже готовился повторить маневр 1-го отряда, но в это время головные корабли русского флота полностью потеряли строй и, казалось, поворачивают вправо. Поэтому 2-й боевой отряд, чтобы помешать противнику удрать на юг, не изменил курс и даже увеличил скорость до 17 узлов. Следуя прямо, он прошел под кормой 1-го отряда, который двигался строем фронта». Относительно этого маневра рапорт адмирала Того сообщает: «Как раз в этот момент 2-й боевой отряд, который шел, не меняя курса в тылу 1-го отряда, перекрыл ему линию огня и вынудил временно прекратить бой».

Поэтому у нас нет никаких свидетельств, что адмирал Того одобрил этот маневр или, наоборот, решил, что это срывает его замыслы. Но данный эпизод прекрасно показывает пределы инициативы командира отдельного отряда. Оправданны ли были действия младшего флагмана флота адмирала Камимуры, который нарушил сосредоточение сил, опираясь только на свои впечатления? Так или иначе, но это было сделано. Капитан 1 ранга Джексон писал: «Было исключительно трудно проследить за перемещениями противника, и наши наблюдатели даже не могли сразу решить, поворачивает он вправо или влево». Единственно, что совершенно точно видели с «Идзумо», так это то, что второй корабль в русской колонне потерял трубу и начал поворачивать вправо. Это было не слишком много, и вряд ли могло служить объяснением маневра командующего. Но что японцы видели совершенно точно — строй противника полностью развалился. Времени

на рассуждения не оставалось, и адмирал Камимура смело решил пойти на риск, чего не посмел сделать адмирал Того — попытался пересечь курс противника. Камимура тоже мог подумать, что русские намереваются использовать торпеды, но, скорее всего, решил, что увеличение скорости поможет ему проскочить на безопасном расстоянии. Проходя мимо русских на расстоянии около 3000 метров, он вел очень действенный огонь. «Противник постоянно загорался и окутывался дымом пожаров и взрывов и постепенно начал склоняться вправо. 2-й боевой отряд также повернул вправо на SO и, описывая окружность вокруг вражеского авангарда, начал охватывать его». Он прошел так близко к русским, что авизо «Тихая» обнаружил, что его позиция на подбойном борту совсем небезопасна из-за перелетов, и решил отстать от отряда. Оказавшись позади, он открыл огонь из всех орудий и, подойдя на расстояние 2500 ярдов, выпустил 2 торпеды в «Бородино».

Если читать рапорт адмирала Того, представить себе все это крайне сложно. Согласно этому рапорту как раз в то время, когда адмирал Камимура пытался окружить авангард русских, 1-й боевой отряд также давил на русский авангард, но при этом двигался в противоположном направлении! В 15.05, когда адмирал Того увидел, что 2-й отряд освободил линию огня, он совершил второй поворот на 8 румбов влево «все вдруг» и лег на обратный курс. Головным стал «Ниссин», который шел на WNW и «начал отжимать вражеский авангард». Далее рапорт «Микасы» сообщает: «В 16.07 мы открыли огонь по дезорганизованному русскому флоту из орудий левого борта. Мы подвергли плотному обстрелу все корабли с дистанции от 3000 до 5000 метров».

Сейчас уже ясно, что из-за тумана и дыма выстрелов и пожаров японцы совершенно не представляли себе, что делают русские с того момента, как их колонну возглавил «Александр». Это замешательство могло быть усилено хаосом, воцарившимся в рядах неприятеля.

Из показаний адмирала Небогатова на судебном процессе понятно, что русские в этот момент перестраивались. Адмирал утверждал: «Катастрофа с «Ослябей» привела в замешательство 2-й броненосный отряд. Он начал отставать от 1-го, и образовался большой интервал. Заметив это, я дал самый полный ход, на какой только был способен «Николай», чтобы занять место в разрыве. Мои капитаны последовали за мной, и мы заняли его. Мы прошли с борта, ближайшего к неприятелю».

Этот маневр был совершен, разумеется, в согласии с предыдущими приказами Рождественского и оказался очень удачным, если учесть ошибочную оценку адмирала Камимуры. Он повернул вправо от 2-го броненосного отряда русских раньше, чем понял, что 3-й отряд пытается занять место впереди 2-го.

Обстоятельства, при которых адмирал Камимура осознал свою ошибку, так и остались неизвестными. В 15.05, когда, описывая дугу, он шел на юго-восток, отдаляясь от отряда адмирала Того, 305-мм русский снаряд попал в корму «Идзумо» на высоте около 7,5 фута над ватерлинией. Двигаясь почти вдоль диаметральной плоскости, он взорвался на нижней палубе, разрушив офицерский лазарет и ранив 4 человек. Через 2 минуты, в 15.07, шедший за ним «Адзума» сообщил, что противник окончательно скрылся в дыму, поэтому крейсер прекратил огонь. Хотя казалось, что в этот момент русские исчезли, снаряд, попавший в «Идзумо», заставлял предположить, что они оказались за кормой Камимуры и что 2-й боевой отряд проскочил мимо них. «Ослябя» оказался единственным кораблем, по которому он мог стрелять, и, когда броненосец затонул, Камимура решил, что остальные русские корабли ушли на север. Поэтому в 15.10 он последовал за ними и повернул на северо-восток¹. Еще через 7 минут, в 15.17, никого не

¹ Нет никаких описаний того, что в этот момент видели корабли 1-го отряда. Это лишь техническое замечание, из которого следует, что японцы просто повторили маневр, который видели последним, то есть поворот на северо-восток.

обнаружив, Камимура взял курс на северо-запад, выполнив поворот на 16 румбов, а затем двинулся на WNW, чтобы выйти в точку, где он расстался с 1-м боевым отрядом, который он теперь тоже не видел.

Что бы командующий ни думал о маневрах Камимуры, они являются хорошим примером того, с какой осторожностью командир отдельного отряда должен пользоваться предоставленной ему свободой действий, если видимость ограничена. В критический момент битвы, когда противник оказался на грани полного разгрома, его действия привели к разделению сил. В результате адмирал Того потерял контроль над ходом битвы, который он, казалось бы, удерживал совершенно прочно. Началась новая фаза боя, в которой все-опять было отдано на волю случая.

Следует предположить, что более слабый флот, уступающий противнику в скорости и артиллерии, в условиях плохой видимости ни в коем случае не должен повторять маневры противника, любой иной способ действий будет лучше, особенно если вражеская артиллерия уже проявила свое полное превосходство. Поэтому мы можем смело утверждать, что смелый маневр капитана 1 ранга Бухвостова, который угрожал контратакой, спас русских от немедленного уничтожения. Они получили драгоценную передышку.

БОЙ В ЯПОНСКОМ МОРЕ

Вторая фаза

Первая фаза боя, в которой японцы практически разгромили своего противника, длилась около часа. Вторая фаза заняла примерно два часа и длилась примерно с 15.00 до 17.00. Однако она происходила примерно на том же месте, где происходили самые упорные столкновения первой фазы, и лишь чуть в сторону — севернее и под ветер. По-прежнему весь район боя был затянут туманом и дымом. Вдобавок русский строй рассыпался, а с головных кораблей не спаслось ни одного человека, который смог

бы точно рассказать об их действиях. Поэтому невозможно восстановить точную картину происходившего, и мы вынуждены ограничиться лишь общей картиной новой фазы боя.

В течение нескольких минут после того, как адмирал Того отвернул «все вдруг», японцы потеряли противника из вида и не могли знать, что он делает. Даже когда адмирал выполнил второй поворот на 8 румбов и перестроил свой отряд на обратном курсе, о присутствии русских можно было догадаться лишь по снарядам, прилетавшим откуда-то из тумана по левому борту. Но едва Того лег на новый курс NW, чтобы снова перекрыть противнику дорогу во Владивосток, как в тумане прорисовались смутные силуэты головных русских кораблей. Отряд Того смог снова открыть огонь левым бортом, расстояние при этом изменялось от 3000 до 5000 метров.

Что в это время делали русские, совершенно не известно. Похоже, «Александр III», когда повел флот на север, едва не налетел на Камимуру и был вынужден описать циркуляцию, прежде чем снова лечь на курс норд. Но мы полагаем, что сделал это он не столько ради того, чтобы прорваться во Владивосток, а чтобы прикрыть «Суворов», который все еще крутился на месте, пылая от носа до кормы, но при этом продолжая отстреливаться из нескольких уцелевших мелких орудий. К этому времени броненосец восстановил некое подобие управления. После того как он выкатился из строя вправо, он описал полную циркуляцию и теперь двигался на север, пересекая курс обоих флотов. В результате, когда корабли адмирала Того открыли огонь левым бортом по головным кораблям русских, их поворот на 16 румбов привел флот к горящему флагману.

Японский 1-й боевой отряд открыл огонь по русским в 15.07, зато адмирал Камимура в это время несся на скорости 17 узлов в прямо противоположном направлении. Так как ставший головным «Ниссин» в соответствии с устоявшейся практикой не снижал «боевую скорость», отряд

адмирала Того снова начал обгонять противника, но еще до этого японцы сумели отжать русскую эскадру обратно на юг. По крайней мере, если верить рапорту нашего атташе, находившегося при 1-м боевом отряде, дела обстояли именно так. Одним из трех русских кораблей, которые обстреливал Того, был, вероятно, «Александр», снова героически возглавивший строй. Какое-то время эти 3 корабля шли прямо на японцев. Капитан 1 ранга Пакенхэм пишет: «Дистанция к 15.18 сократилась до 2500 метров¹, и головной русский корабль, находившийся позади траверза японцев, подвергся ужасному обстрелу, который еще больше ухудшил его положение, хотя бушевавшие на нем пожары уже были крайне серьезными. На короткий промежуток времени японские моряки решили, что видят нечто похожее на бросок «Ретвизана» 10 августа, и полагали, что он пытается идти на таран». Результат оказался тем же самым. Русский броненосец был встречен шквалом огня, который, хотя и не причинил смертельных повреждений, все-таки вынудил его отвернуть вправо. Иначе действовали другие корабли. Пакенхэм отмечает: «Менее решительные или более рассудительные товарищи «Александра» повернули влево и легли на тот же курс через запад к югу».

Весь этот эпизод с неудачной попыткой «Александра» красочно описан офицером штаба адмирала Рожественского. Вот что он пишет об отважной попытке капитана 1 ранга Бухвостова: «Из правых портов батареи мы могли теперь хорошо видеть «Александра», который был у нас почти на траверзе и держал прямо на «Суворова». За ним следовали остальные. В бинокль уже отчетливо видны были избитые борта броненосца, разрушенные мостики, горящие рубки и ростры, но трубы и мачты еще стояли. Следующим шел «Бородино», сильно горевший. Японцы

¹ Судя по всему, ошибка в определении расстояния. В рапорте «Ми-касы» на 15.12 указаны 3000 метров, и броненосец снова открыл огонь из 76-мм орудий. В 15.15 до «Нахимова», который был концевым в отряде Небогатова, расстояние было 3300 метров. К 15.21 расстояние увеличилось с 3900 до 4200 метров.

уже успели выйти вперед и повернуть на пересечку. Наши подходили справа, японцы оказались слева от «Суворова», стреляя в нас и через нас. Наша носовая 12-дюймовая башня (единственная до сих пор уцелевшая) принимала деятельное участие в бою... Затаив дыхание, все ждали.

По-видимому, вся сила японцев была сосредоточена на «Алексаднре». Временами он казался весь окутан пламенем и бурным дымом, а кругом него море словно кипело, взметывая гигантские водяные столбы. Он подходил к нам ближе и ближе, и расстояние было не больше 10 кабельтов. И вот — один за другим — целый ряд отчетливо видимых попаданий по переднему мостику и в левую 6-дюймовую башню. «Александр» круто ворочает вправо, почти на обратный курс, и уходит. За ним — «Бородино», «Орел» и другие. Ворочают поспешно, даже не выдержав линии кильватера, не то — последовательно, не то — «все вдруг».

Глухой ропот пробежал по батарее.

Бросили!.. Уходят!.. Сила не взяла».

«Александр» к этому времени уже получил больше, чем мог вынести. Повреждения броненосца уже не позволяли ему держать скорость, и, согласно инструкциям, головным стал «Бородино».

«Суворов» остался один перед противником и попытался пройти под кормой отряда адмирала Того, который сосредоточил огонь на нем. Он снова окутался дымом и пламенем и едва мог двигаться, еще одна попытка русских прикрыть его не удалась. Рапорты «Нисина» и «Касуги» сообщают, что русский крейсер типа «Жемчуг», который, казалось, пытается помочь своему флагману, «подходил на большой скорости, словно намеревался пустить торпеды». Оба броненосных крейсера обстреляли его из легких орудий, и когда «Александр» и броненосцы отвернули, крейсер тоже ушел.

Примерно в это же время японский отряд был усилен «Асамой». Следует напомнить, что последние полчаса крейсер, пытаясь присоединиться к своему адмиралу,

один вел бой с отрядом Небогатова. Хотя он сумел временно исправить свои первые повреждения, во время неравного боя «Асама» получил новые, поэтому, как только был замечен подходящий с востока 1-й боевой отряд, «Асама» воспользовался случаем уйти от опасности и пристроился впереди «Ниссина». Таким образом он удрал от адмирала Небогатова, который, судя по всему, вел 2-й и 3-й броненосные отряды следом за 2 «Суворовыми». Некоторые из его кораблей уже находились под огнем, так как японцы обстреливали горящий флагман с дистанций от 2000 до 3000 метров. В 13.21, когда «Микаса» проходил достаточно близко к одному из русских броненосцев, он выпустил торпеду, но без видимого результата. Снова «боевая скорость» не была снижена, и 1-й отряд проскочил мимо «Суворова», не успев добить его. В результате к 15.28 русские скрылись в тумане, и «Микаса» прекратил огонь.

С кораблей 1-го отряда напрасно пытались разглядеть свои броненосные крейсера, которые могли бы уничтожить «Суворова». Увы, в это время адмирал Камимура находился слишком далеко, хотя и делал все возможное, чтобы пристроиться к командующему.

К 15.15, то есть когда «Асама» присоединился к отряду Того, Камимура окончательно потерял противника из вида и повернул на северо-запад, чтобы соединиться с Того. В результате поворота он довольно быстро увидел корабли, которые принял за главные силы русских, «идушие на север беспорядочным строем». Предполагается, что еще 10 минут назад адмирал Того вынудил их повернуть назад, но все-таки предположение Камимуры выглядит правильным, так как его крейсера видели всего лишь два или три русских корабля. Они находились слегка впереди его левого траверза на расстоянии 6000 метров. В 15.20 он открыл огонь, то есть когда адмирал Того пытался добить «Суворова». По свидетельству Камимуры, бой сразу стал

очень жарким, расстояние сократилось до 3000 метров¹, и в 15.26 «Идзумо» даже выпустил торпеду. Но так не могло продолжаться слишком долго, поскольку теперь Камимура начал испытывать беспокойство, так как сражался один. Дистанция снова увеличилась, и в густом тумане, где-то слева по носу, он услышал грохот выстрелов 1-го отряда. Однако где японские броненосцы и как далеко, Камимура не знал, а потому прекратил бой из опасения обстрелять своих. В его рапорте говорится: «Временами туман неожиданно сгушался. Из-за этого, а также из-за дыма мы не могли точно отследить маневры противника, обнаружив, что не можем отличить свои корабли от русских, мы временно прекратили стрельбу, продолжая вести огонь лишь по тем кораблям, которые могли опознать по стеньговым флагам». В результате была упущена еще одна возможность нанести решительный удар. Противник должен был повернуть вправо, чтобы встретить его атаку на контркурсе, так как Камимура утверждает, что «главные силы противника, которые исчезли в тумане и дыму, прошли мимо хвоста 2-го отряда, вероятно, намереваясь прорваться на север». Скорее всего, адмирал пришел к этому выводу далеко не сразу, так как он продолжал следовать прежним курсом, и у него имелся шанс соединиться со своим командующим.

В 15.30, когда адмирал Того прекратил огонь, основные силы русских были едва видны с «Микасы», двигаясь куда-то на северо-восток, словно намеревались пройти у него под кормой. Но по каким-то причинам японский адмирал не отреагировал немедленно. Могло показаться, что он не знает, где находятся остальные русские корабли, так как именно в 15.30 он сигналом приказал «Ниссину» повернуть на 4 румба влево и лечь на курс SW. Примерно 10 минут японцы шли новым курсом, но увидеть противника так и не сумели. Они полагали, что русские ушли на юг, но так как противник вполне мог повернуть на север и проскочить

¹ Несколько кораблей указывают, что стреляли по «Сисою» и «Нахиму» с расстояния от 3300 до 6500 метров.

за кормой адмирала Того, тот решил снова вернуться назад. Поэтому двумя поворотами «все вдруг» влево (в 15.42 и 15.49) он выстроил свой отряд в правильном порядке и снова взял курс на северо-восток.

Тем временем адмирал Камимура делал именно то, что от него ожидали, хотя и непонятно, знал ли он о маневрах командующего. Во время хаотичных стычек, когда он опасался слишком сближаться с противником, он постепенно поворачивал влево, пока не оказался на курсе W-t-N, который в конце концов привел его к «Суворову». Проходя мимо броненосца на расстоянии менее 2000 метров, крейсера Камимуры обстреляли его¹. Эффект должен был оказаться ужасным. Адмирал писал: «Противник, который уже был сильно поврежден, потерял мачты, трубы, мостики и надстройки, разнесенные на куски нашим огнем практически в упор». Затем Камимура увидел авизо «Тихая» вместе с приданным ему 5-м отрядом миноносцев и приказал добить броненосец «Суворов». «Казалось, броненосец больше не управляется, он потерял всю свою боевую мощь, если не считать пары мелких орудий на корме, которые изредка стреляли, пока мы вели огонь по нему».

Именно этот момент, в 15.39, использовал авизо «Тихая» для своей атаки. Сблизившись на расстояние 1600 метров, авизо уменьшил скорость и выпустил две 356-мм торпеды с левого борта. Столб дыма и воды свидетельствовал об одном вероятном попадании. Так как состояние «Суворова» не изменилось, авизо развернулся, чтобы выстрелить из носового аппарата, но, как говорится в его рапорте, сотрясение от выстрелов и удары высоких волн заклинили торпеду, наполовину вышедшую из аппарата. К этому времени русские корабли, вероятно из отряда адмирала Небогатова, пришли на помощь «Суворову». Вероятно, помня о приказе Рождественского держать флот вместе, он еще раз попытался вернуться к «Суворову».

¹ «Идзумо» указывает расстояние 1700 метров, «Адзума» — 1400 метров, «Токива» — 2000 метров, то же самое сообщает «Якумо», который выпустил торпеду. «Иватэ» дает расстояние 1500 метров.

ву». В результате этого маневра авизо «Тихая» попал под сильный огонь и после двух попаданий в рангоут получил большую пробоину на ватерлинии. Поэтому отважный маленький корабль прервал бой и в течение 2 часов занимался срочным ремонтом. 5-й отряд миноносцев последовал за ним, дожидаясь своего шанса. Сначала они прошли вдоль подбойного борта броненосных крейсеров и на скорости 20 узлов перерезали им курс. Затем миноносцы бросились на корабль «Суворов» «сквозь очень высокие волны» и атаковали его с левого борта. С дистанции от 400 до 500 метров они выпустили 4 или 5 торпед. Японцы считали, что добились 2 попаданий, но никаких свидетельств этого спасшиеся с «Суворова» не привели¹. Зато самим миноносцам пришлось провести несколько неприятных минут. Пылающая развалина продолжала огрызаться, и корабль командира отряда получил 2 попадания 75-мм снарядами, которые повредили котел, убили 4 человек и ранили еще 6. Это была отлично проведенная атака, торпеды выпускались с малой дистанции, и считалось, что миноносцы сделали все возможное в сложившихся обстоятельствах. Увы, все закончилось полной неудачей. Героическое сопротивление русского флагманского броненосца не было сломлено, он весь извергал языки пламени и клубы дыма, но его стрельба вынудила миноносцы поспешно отойти.

Пока проводились эти атаки, адмирал Камимура следовал прежним курсом, и прежде чем все кончилось, он сквозь клубящийся туман слева по носу увидел смутные силуэты броненосцев адмирала Того, которые совершали свой первый поворот на 8 румбов. Через пару минут Камимура понял, что они совершили второй поворот и сейчас идут ему навстречу. Намереваясь занять место у них на левом крамболе, он прошел перед 1-м отрядом, а затем повернул, пока не оказался примерно на том же курсе, что и адмирал Того. В результате этого маневра Камимура увидел «Асаму», который после поворотов Того «все вдруг»

¹ Владимир Семенов узнал об этой атаке лишь от самих японцев.

оказался замыкающим. Крейсер немедленно дал полный ход, чтобы пройти по подбойному борту и присоединиться к своей эскадре. И снова ему не повезло! Прежде чем «Асама» занял свое место, в 16.10 неизвестно откуда прилетел 152-мм снаряд и попал в основание задней трубы. Скорость корабля немедленно упала до 10 узлов, и «Асама» был вынужден покинуть строй для нового ремонта.

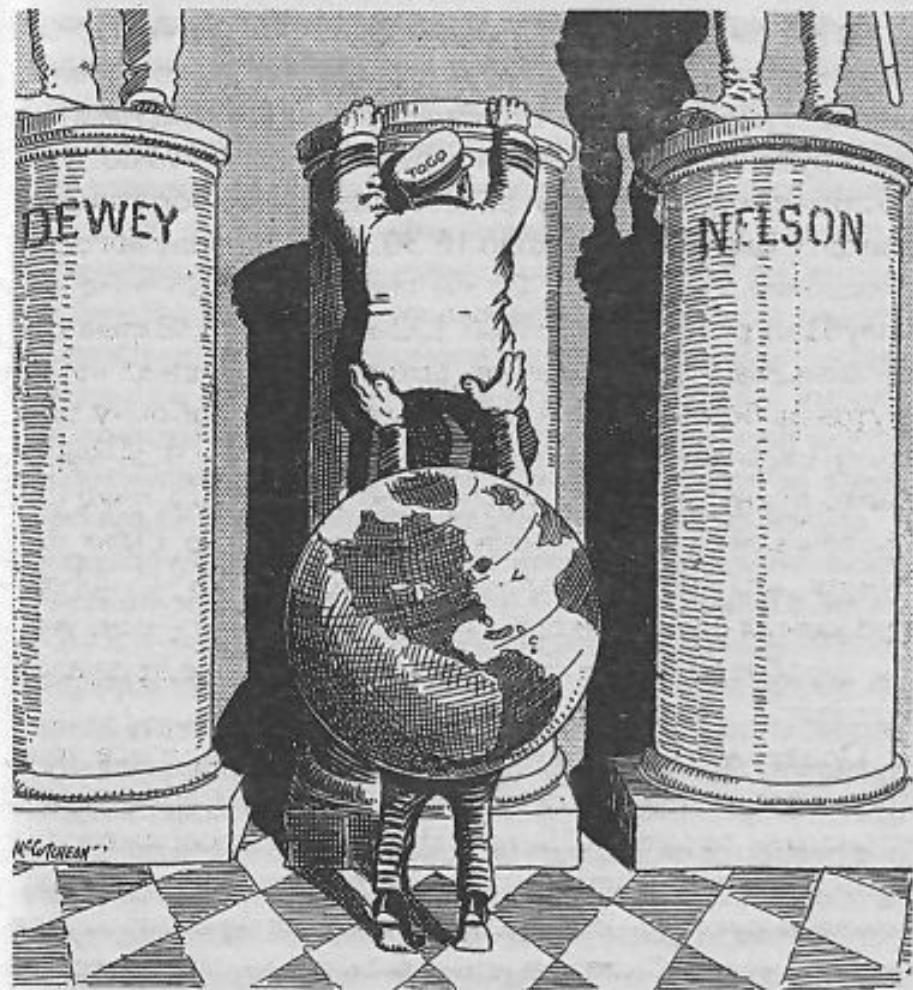
Несчастье подкралось к нему непонятно с какой стороны. В течение нескольких минут после того, как японцы завершили свои повороты, противника не было видно совершенно. Адмирал Того лишь по всплескам падений снарядов мог догадываться, где находятся русские. Однако в 15.55 он увидел их главные силы на O-t-S от себя на расстоянии около 7000 метров. В авангарде шли «Александр III», «Бородино» и «Орел», за ними корабли отряда Небогатова, а последними — три корабля 2-го броненосного отряда. Туман был настолько густым, что с «Микасы» отчетливо видны были только головные корабли, которые вроде бы шли на ННО, чтобы вернуться к «Суворову» и прикрыть его. Справа по носу адмирал Того увидел свой 2-й боевой отряд, и в 16.00 оба японских отряда открыли огонь по русским. 1-й отряд стрелял с дистанции около 650 метров, 2-й — 5000 метров. Так как японцы шли на восток, флоты противников быстро сближались, но головные русские корабли находились впереди траверза Того. Поэтому адмирал счел необходимым на 3 или 4 минуты отвернуть влево на НО, чтобы перекрыть им путь на север. Примерно в это же время русские, не выдержав огня японцев, повернули вправо. Вместо того чтобы пройти между «Суворовым» и японцами, они оказались позади флагмана. В результате броненосец оказался в таком же положении, как «Рюрик» в бою у Ульсана, — он оказался на линии огня между своими и противником. Адмирал Камимура, видя, как тяжело он поврежден, не стал тратить боеприпасы, по нему дали лишь пару выстрелов, а потом броненосные крейсера начали склоняться вправо, чтобы вместе с 1-м отрядом вести бой с главными силами русских. Ему показалось, что в это

время русские в очередной раз сломали строй и начинают в беспорядке отворачивать вправо, словно намереваются бежать на юг.

Но по каким-то причинам адмирал Того не воспользовался представившимся преимуществом. В 16.08 он также заметил «Суворова» и перенес огонь на него, дистанция составила 5600 метров, но быстро сокращалась. В 16.15, чтобы еще больше сблизиться, он начал поворачивать вправо, и вскоре оказался менее чем в 3000 метров от «Суворова». Тогда «Микаса» выпустил вторую торпеду, а через 10 минут — третью с дистанции менее 2000 метров, ни одна не попала. Следовавший за флагманом «Сикисима» тоже выпустил торпеду, но участвовали остальные корабли 1-го отряда в попытках добить «Суворова» или нет — неизвестно. В любом случае замыкающие корабли вели огонь по русскому арьергарду, так как «Асахи» (четвертый) стрелял сначала по «Нахимову», а потом по «Суворову». «Ниссин» (пятый) стрелял по «Нахимову», а потом по «Наварину», но ни один из них не упоминает про обстрел «Суворова» в упор. Однако адмирал Того совершенно недвусмысленно пишет: «Сначала он попал под сосредоточенный огонь наших кораблей, пока его мачты, трубы, мостики и надстройки не были снесены. Пожары распространялись по палубам, языки огня выбивались из орудийных портов. Он представлял собой потрясающее зрелище, что-то вроде извержения вулкана Ивасима». Однако броненосец еще двигался и стрелял, его экипаж дал непревзойденный пример стойкости и верности долгу, продолжая защищать изуродованный корабль. Капитан 1 ранга Пакенхэм писал: «Его кормовая башня еще продолжала безнадежную борьбу и стреляла изредка, но эти отважные усилия оставались без награды. Снаряды падали недолетами, вероятно потому, что корабль имел сильный крен. Он представлял собой просто ужасную картину. Весь окутанный дымом, сквозь который была видна одна мачта, он медленно полз вперед. Крен на левый борт был заметным, корабль немного сел носом. Время от времени

были видны разрывы, вспышки мелькали и там и тут. Казалось просто невозможным, чтобы хоть кто-то остался живым в надстройках». Не обращая внимания на главные силы русских, оба японских отряда обходили его по дуге, но при этом увеличивали расстояние. Снова обратимся к рапорту Пакенхэма: «Около 16.30, когда он получал одно попадание за другим, 305-мм снаряд взорвался между палубами рядом с кормовой 152-мм башней. Взрыв сопровождался столбом огня, который выбросило на 50 футов из борта, а затем сквозь огромную пробоину стал виден сильный пожар во внутренних отсеках. Фок-мачта давно рухнула, теперь упала и грот-мачта, что тоже сопровождалось сильнейшим взрывом. Можно было подумать, что приближается его конец, однако «Суворов» продолжал неравный бой». Казалось невозможным, чтобы корабль, получив столько попаданий, еще держался на плаву.

Однако «Суворов» никак не желал тонуть, и все усилия, которые прикладывали японцы, чтобы добить его, пропадали попусту. Адмирал Камимура продолжал постепенно поворачивать вправо и снова охватил голову колонны русских. Их стрельба почти прекратилась, насколько можно было увидеть сквозь туман, они потеряли даже подобие строя. «Александр» получил такие тяжелые повреждения, что больше не мог возглавлять эскадру; но «Бородино» еще не успел выйти в голову, поэтому вся эскадра отходила на юг беспорядочной толпой, неспособной маневрировать или перестроиться. Именно в этот момент адмирал Того, все еще возившийся с «Суворовым», выпустил контроль из рук. Вероятно, упрямая вера в давно лелеемый японцами принцип чередования больших и малых усилий как путь к победе не могла не сказаться на людях, утомленных почти двухчасовым боем. Но вероятно и другое, более простое объяснение: он просто потерял противника в тумане и дыму. Из-за плохой погоды почти невозможно было проследить за маневрами противника, никто не мог сказать, куда именно поворачи-



Английская карикатура на адмирала Того

ет конкретный корабль — вправо или влево¹. Рапорт 2-го боевого отряда сообщает, что именно поэтому они потеряли противника. «Противник, вероятно, изменил курс и пропал в тумане».

¹ По крайней мере, таково официальное объяснение этого маневра, которое появилось лишь потому, что японцы полностью потеряли контакт с противником. «Противник все больше и больше доворачивал вправо, пока они не пошли на юг. Поэтому в 14.35 мы повернули «все вдруг» вправо». То же пишет и официальная японская история, но «вправо» может быть опиской, так как на картах показан поворот влево. «Конфиденциальная история» утверждает, что это маневр был предпринят, чтобы не допустить прорыва русских на север.

Действительное положение на 16.30, когда русские скрылись, было следующим: адмирал Камимура шел на юго-восток, его корабли составляли почти правильную кильватерную колонну с броненосцами; главнокомандующий направлялся на восток, не повторив поворот 2-го отряда. С «Микасы» главные силы противника были едва видны, но адмирал Того решил, что они поворачивают вправо, словно намеревались совершить очередную попытку прорыва у него за кормой. Поэтому он приказал своему отряду повернуть на 8 румбов влево «все вдруг», чтобы передвинуться дальше к северу и повторить маневр, которым он ранее отбросил противника на юг. С другой стороны, 2-й отряд, который потерял русских, продолжал поворачивать вправо, пока не двинулся прямо на юг. Однако через 10 минут адмирал Камимура понял, что броненосцы Того снова пропали на севере, и в 16.47 он потерял с ними контакт, поэтому он резко повернул вправо и пошел на северо-запад, пытаясь догнать командующего. Поворот 1-го отряда прочь от неприятеля был до некоторой степени случайным. Практически сразу после поворота «все вдруг» на север адмирал Того понял, что противник продолжает уходить на юг. Поэтому он сигналом приказал сделать еще один поворот «все вдруг» на 8 румбов вправо, чтобы вернуться кильватерной колонной на прежний курс. Но по неизвестным причинам его корабли так долго репетовали сигнал, что поворот был выполнен лишь в 16.43. Одновременно Того пришлось бросить «Суворова», поэтому он просигналил куда-то в туман: «Отрядам миноносцев атаковать противника». Адмирал не имел представления, где находятся его миноносцы, так как из-за многочисленных поворотов он потерял контакт с ними. Ничего больше адмирал Того сделать не мог, и в 16.51 он повернул на юг следом за адмиралом Камимурой.

Аviso «Тихая», который специально контролировал миноносцы, находился неподалеку. В 16.00 после неудачной атаки «Суворова» он остановился, чтобы вытащить торпеду, заклиненную в носовом аппарате, и исправить повреждения. После тяжелой работы, занявшей

45 минут, он избавился от торпеды, но еще час занял ремонт повреждений, прежде чем авизо вернулся в бой. Однако он сумел передать дальше приказ адмирала, и 4-й отряд истребителей принял его. Эти 4 истребителя, которые имели на борту мины, были приданы крейсерам адмирала Девы. Но во время боя с русскими крейсерами адмирал следовал таким большим ходом, что истребители из-за сильного волнения не смогли удержаться за крейсерами и совсем недавно пристроились ко 2-му боевому отряду. Получив приказ, они увеличили скорость до 18 узлов и постарались «выйти в голову противнику». По их сообщениям, «Суворов» весь пылал и был окутан клубящимся дымом, однако сохранял скорость 10 узлов. Когда появились истребители, броненосец быстро повернул вправо, чтобы уклониться от них. Но в 17.05 «Асагири» и «Мурасамэ» легли на параллельный курс, и каждый выпустил по торпедой с 800 метров. Затем, обнаружив, что волны с такой силой бьют по торпедам, что те становятся неэффективными, они попытались совершить новый заход с правого борта на контркурсе. «Асасиво», пройдя почти вплотную к броненосцу, выпустил 2 торпеды, но безрезультатно. Четвертый истребитель, «Сиракумо», вообще не атаковал. Он шел вместе с остальными, но, как указано в рапорте, «видя, что противник больше не двигается, он не стал тратить торпеды». Можно предположить, что его командир решил дождаться, чем закончится повторная атака первой пары истребителей, и к этому времени «Суворов» остановился. Проходя у него с правого борта на контркурсе, он выпустил 2 торпеды с дистанции 300 метров. На «Асагири» из-за разрыва в электрической сети произошла осечка, но «Сурасамэ», как считается, добился попадания, был виден взрыв под левой раковиной «Суворова». Броненосец получил крен 10 градусов.

3-й отряд истребителей, один из трех, приданных броненосцам Того, также подошел и стал ждать своей очереди, но прежде чем 4-й отряд завершил атаку, неожиданное развитие событий вынудило его отойти. На борту «Суворова» создалось впечатление, что броненосец отогнал

японцев огнем оставшихся орудий. Но в действительности у них появился более грозный противник. Уже на заключительной стадии атаки 4-й отряд попал под огонь не только «Суворова», но и других кораблей, и командир «Асагири» получил две раны. 3-й отряд истребителей был готов атаковать, несмотря на сыплющиеся снаряды, но они заметили русские корабли, выходящие из тумана на юго-востоке, которые двигались на помощь своему флагману. Они находились на расстоянии всего 3000 метров и вели беглый огонь. Поэтому у истребителей не оставалось иного выбора, кроме как уйти полным ходом от внезапной опасности, оставив еще державшийся на воде «Суворов».

Чтобы объяснить появление почти всего русского флота в тот момент, когда никто этого не ожидал, нам следует посмотреть, что происходило в том районе, куда сейчас направлялся адмирал Того. Сделав сигнал своим миноносцам, он пошел на юг, чтобы восстановить контакт с 2-м боевым отрядом. После этого Того намеревался принять меры, чтобы не допустить повторного разделения своих сил. Поэтому Того сделал сигнал, которым в качестве главнокомандующего Объединенным флотом он приказал адмиралу Камимуре занять место впереди броненосцев. Именно в таком строю японцы двигались на юг, пока не завершилась вторая фаза боя. Делая определенные допущения с учетом плохой видимости, можно твердо сказать, что далее японцы проявили недостаточную решительность и настойчивость. Русские получили не слишком нужную передышку, и следует сказать, что они избежали крайне серьезных последствий.

БОЙ В ЯПОНСКОМ МОРЕ

Третья фаза и действия крейсеров

После прекращения преследования русских адмиралом Того японские крейсера оказались в опасной ситуации. Следует напомнить, что в начале боя они отделились

от главных сил, чтобы двумя отрядами атаковать вражеский арьергард. Практически все время боя броненосцы противников маневрировали в северной части круга радиусом 10 миль, если взять за его центр точку гибели «Осляби», и адмирал Того к концу дня установил полный контроль над этим участком. В южной половине этого воображаемого круга маневрировали крейсера. Адмирал Энквист в своем рапорте писал: «Японцы вынудили наш флот ходить по окружности, в центре которой находились наши крейсера и миноносцы. Японцы двигались по окружности большего диаметра».

В 13.50, когда адмирал Рожественский заметил японские броненосцы, он приказал сигналом крейсерам и транспортам выйти из строя вправо, как предписывали его боевые инструкции. В результате адмирал Энквист оказался во главе отряда, в который вошли 4 транспорта — «Анадырь», «Иртыш», «Камчатка» (плавучая мастерская) и «Корея», а также эскадренные буксиры «Русь» и «Свирь». Этот отряд шел кильватерной колонной, держась на правой раковине броненосцев, а на его правом траверзе шел старый броненосный крейсер «Мономах». Слева от них шел сам Энквист на «Олеге» вместе с «Авророй» и «Донским». Так называемый Разведывательный отряд капитана 1 ранга Шеина («Светлана», «Алмаз» и «Урал») находился позади транспортов. Однако за 10 минут до начала боя был замечен японский крейсер «Идзуми», приближающийся с правого борта. «Мономах» открыл по нему огонь с большой дистанции, и адмирал Энквист, чтобы прикрыть транспорты от атаки с этой стороны, вывел свои крейсера в голову транспортов, чтобы перейти на их правый борт. Разведывательный отряд также повернул вправо. «Идзуми» попал под плотный огонь и, решив больше не рисковать, повернул на юг. Этим маневром он сумел отрезать 2 русских госпитальных судна, которые, согласно инструкциям адмирала, держались в 3 или 4 милях за кормой эскадры. Но ни это расстояние, ни их мирный статус не спасли эти суда. Японцы заподозрили, что они зани-

маются разведкой, что аннулировало их статус как судов Красного Креста.

В 14.25, когда «Идзуми» ушел, а бой в голове колонны броненосцев принял особенно ожесточенный характер, адмирал Дева, до сих пор державшийся на почтительном расстоянии от главных сил, повернул на юг в соответствии с «Тактическими инструкциями»¹, чтобы атаковать замыкающие корабли русских. 4-й боевой отряд адмирала Уриу шел следом, держась на его левой раковине. При этом Уриу прошел так близко от концевых кораблей русских главных сил, что сумел обстрелять их, проходя на контр-курсах. К 14.45 они прошли мимо замыкающего русского броненосца, и адмирал Дева, заметив, что русские крейсера выходят на правый борт транспортов, повернул на SW, чтобы обрезать им хвост и с дистанции 7800 метров открыл огонь по «Олегу», «Авроре», «Донскому» и «Мономаху». Адмирал Уриу, вероятно из-за того, что расстояние было слишком велико для его легких пушек, или потому, что решил атаковать Разведывательный отряд, повернул круче и начал бой на дистанции 6500—6000 метров. Совершенно неожиданно стрельба русских оказалась достаточно меткой, а погодные условия мешали японцам эффективно отвечать. Рапорт штаба 3-го боевого отряда говорит: «Ветер и волны оказались очень сильными. Качка также была сильной, волны захлестывали палубу. Когда корабли шли против ветра и волны, носовые орудия не могли стрелять, всем расчетам приходилось работать в плащах и зюйдвестках». 4-й боевой отряд страдал от погоды еще сильнее. Вероятно поэтому, а также потому, что ситуация складывалась не в его пользу, адмирал Уриу повернул свой отряд на 4 румба вправо «все вдруг» и ушел под корму 3-му отряду. Однако при этом он по-прежнему держался ближе к русским, чем адмирал Дева. Так как к этому времени русские крейсера, повторяя маневры своих броненосцев, повернули вправо, два японских от-

¹ 3-й и 4-й боевые отряды.

ряда обнаружили, что движутся на параллельных курсах с ним, и начался «правильный» бой на расстоянии около 5000 метров.

Адмирал Катаока со своим отрядом действовал не так уверенно. Когда в 14.10 Катаока получил приказ главнокомандующего атаковать арьергард русских, он вместе с контр-адмиралом Того находился слишком далеко к западу и не видел русских из-за тумана. Все, что он мог сделать, — это пойти на звук выстрелов. До 14.20 он шел почти точно на восток, но через 5 минут решив, что видит русские транспорты, приказал контр-адмиралу Того следовать прежним курсом, а сам повернул на SO. 6-й отряд сразу увеличил скорость и практически тут же обнаружил, что неизвестные корабли на самом деле вспомогательные крейсера «Садо-мару» и «Мансю-мару», которые следили за русской эскадрой и теперь пытались присоединиться к отряду Катаоки. Поэтому контр-адмирал Того повернул влево, чтобы восстановить контакт с 5-м отрядом, и так как Катаока в поисках противника повернул вправо, вскоре его заметил. Адмирал Катаока сигналом передал приказ: «6-му отряду действовать по обстоятельствам». Получив свободу действий, контр-адмирал Того начал самостоятельные поиски замыкающих кораблей русской эскадры вместе с 2 вспомогательными крейсерами и приданными миноносцами. Почти сразу он заметил корабль, который оказался плавучим госпиталем «Орел», одним из тех, что отрезал «Идзуми». Адмирал поручил его вспомогательным крейсерам, а сам проследовал дальше. Так как из-за сильной волны миноносцы не могли удержаться рядом с крейсерами, он отослал их к 5-му отряду. Вспомогательные крейсера, исполняя приказ, нашли и второе госпитальное судно — «Кострому». Так как море было слишком бурным для спуска шлюпок, они сигналом приказали русским следовать за собой и отвели их в бухту Миура. Там при досмотре было обнаружено нарушение

¹ 5-й и 6-й боевые отряды.

нейтрального статуса, так как на борту «Орла» оказались пленные с «Олдгамии».

Пока отряд Катаоки занимался этими мелочами, 3-й и 4-й отряды действовали очень отважно. Хвост русского строя, где транспорты постепенно отставали от крейсеров, пришел в полный беспорядок, но в 15.10 флагман адмирала Дева «Касаги» получил большую пробоину на ватерлинии. Однако, воодушевленный своим успехом, адмирал продолжал идти на сближение и примерно через 10 минут вынудил «Олега» и «Аврору» повернуть на помощь транспортам. В результате крейсера противников вели бой на контркурсах. В результате своего рывка на юг адмирал Энkvист был замечен отрядом Катаоки, который следовал на SO, и после этого повернул влево напересечку русским крейсерам, открыв по ним огонь из тяжелых орудий с дистанции 10000 метров.

Прошло некоторое время, прежде чем адмирал Дева понял, что происходит. Он заметил поворот русских в 15.30 и потом заявил: «3-й отряд, чтобы повторить этот маневр и не помешать своим главным силам, которые тогда шли на север, в 15.35 повернул на 18 румбов вправо и начал угрожать перерезать курс противнику». 4-й отряд сделал то же самое, и во время поворота «Такатихо» получил попадание тяжелым снарядом ниже ватерлинии. Хотя пробоины не было, сотрясение оказалось таким сильным, что рулевое управление отказало, крейсер был вынужден покинуть строй и остановиться для ремонта.

Совместные маневры нескольких японских отрядов оказались настолько удачными, что 2 русских крейсера, которые начали поворот вправо по широкой дуге, оказались между всеми четырьмя японскими отрядами. Японцы

¹ Что он подразумевал под помехой главным силам, не ясно. Согласно японским официальным картам 1-й боевой отряд находился в 12 милях на NW, а 2-й отряд — в 9 милях на NNW. Вероятно, он слышал только их орудия и не знал, что эти отряды повернули обратно на запад. Поэтому адмирал опасался столкнуться с ними.

в это время отбили атаку миноносцев, сопровождавших Энkvиста, а некоторые крейсера успели обстрелять брошенный товарищами «Суворов». В 15.45 6-й отряд в полном составе, так как к нему присоединился «Идзуми», заметил 4-й отряд (Уриу) и повернул, чтобы занять место в кильватер ему. В это же время к крейсерам Энkvиста присоединились «Жемчуг» и «Изумруд».

Так как русские все больше и больше склонялись вправо, адмирал Дева следовал за ними примерно до 16.00, и три японских отряда (3-й, 4-й и 6-й) в конце концов взяли курс на север. 5-й отряд Катаоки, который все еще шел на восток, не мог видеть их и прошел у них за кормой в 3 милях южнее. Однако в 16.10 Катаока все-таки обнаружил остальные крейсерские отряды на северо-западе, на своей левой раковине, и сразу повернул на соединение с ними. В этот момент адмирал Дева предпринял новый маневр, который ускорил соединение. Обнаружив, что из-за большого превосходства в скорости он слишком обогнал противника, который оказался на юго-запад от него, адмирал повернул на восток и ввел в действие орудия левого борта. 4-й и 5-й отряды самостоятельно повернули вправо, а 6-й продолжал идти на встречу с ними.

В этот момент адмирал Энkvист осознал, что он со своими крейсерами и транспортами оказался в центре вражеского кольца. На него сыпались снаряды не только с крейсеров, но даже с японских броненосцев, находившихся к северу. Один из офицеров «Олега» писал: «Пройдя мимо транспортов, сбившихся в кучу у нас по правому борту, мы заметили «Урал», который поднял сигнал: «Имею подводную пробоину, справиться не могу». В суматохе его протаранил один из крейсеров — либо «Мономах», либо «Изумруд», который пытался прорваться сквозь хаос, чтобы присоединиться к Энkvисту. Под сильным огнем два буксира поспешили на помощь «Уралу», в результате «Анадырь» столкнулся с «Русью», но, к счастью, без серьезных последствий. Буксиры сняли ко-

манду «Урала», но при попытке взять его на буксир «Русь» была потоплена 305-мм снарядом¹. Русские крейсера могли отвечать лишь из 152-мм орудий, которые были совершенно неэффективны. Солнце и волны были против русских. Хотя на море штормило, и его поверхность была покрыта туманом, небо было совершенно чистым. «Солнце било нам в глаза, и так как мы находились под ветром, брызги залетали в орудийные порты и заливали прицелы, делая их на время бесполезными. Кроме того, передача расстояний с кормового мостика прекратилась, автоматическое стреляющее приспособление отказало, так же как и элеваторы подачи снарядов в казематы. Орудийные расчеты были перебиты». Тот же автор добавляет: «Японцы были едва видны. Где-то вдали непроницаемую стену тумана и дыма разрывали вспышки вражеских выстрелов, и сразу же вода вскипала вокруг нашей колонны». Плавучая мастерская «Камчатка» окончательно потеряла управление, «Светлана» быстро принимала воду через пробоину в носовой части. В обстановке воцарившегося хаоса сосредоточенный огонь японцев был просто сокрушительным, но вскоре обстановка резко изменилась.

Русские следовали курсом O-t-S, японские отряды легли на параллельный курс, но вынужденно — чтобы избежать столкновения с собственными броненосцами. Они следовали на юг, хотя на крейсерах этого не знали, но японцы заметили русские броненосцы, возникшие из тумана на севере, и идущие прямо на них. В результате японские крейсера оказались в крайне сложном положении, особенно тихоходный 5-й отряд, который находился примерно в 5 милях за кормой у остальных — адмирал Катаока только что пристроился в кильватер другим.

¹ Это согласно русским отчетам. Японские 6-й и 4-й отряды обстреливали двухтрубный двухмачтовый пароход, вероятно именно «Русь», с 16.20 до 16.35. Затем 6-й отряд вроде бы, потопил его. Но самыми тяжелыми на этих крейсерах были 152-мм орудия. 5-й отряд, на кораблях которого стояли 320-мм орудия, ни на что не претендует.

Точное развитие дальнейших событий сложно установить. Судя по всему, головные броненосцы, оказавшись на траверзе у своих крейсеров, начали поворачивать вправо, чтобы пройти между ними и японскими крейсерами. Также вполне вероятно, что это была еще одна попытка прорваться на север. Адмирал Дева отреагировал, повернув головной 3-й отряд влево примерно на NO. Два других отряда последовали за ним, тогда как 5-й отряд Катаоки по-прежнему пытался присоединиться к ним. В результате они оказались вовлеченными в бой с русскими главными силами на контркурсах на расстоянии менее 5000 метров. Это было слишком опасное место, чтобы задерживаться там. Флагман адмирала Девы «Касаги» продолжал принимать воду через упоминавшуюся пробоину, но помпы оказались забиты угольной пылью, на крейсере не могли ни заделать пробоину, ни откачать воду. Поэтому он круто повернул на восток и увеличил дистанцию. Адмирал Уриу последовал его примеру, повернув свою эскадру «все вдруг», но еще до этого флагманский крейсер «Нанива» получил серьезную пробоину на ватерлинии. Следовавший за ним «Акаси» («Такатихо» отсутствовал) получал снаряд за снарядом, и от тяжелых повреждений его спасло то, что снаряды пробивали корпус насквозь, не взрываясь. 6-й отряд тоже спасся просто чудом. Снаряды градом сыпались вокруг крейсеров, но лишь «Идзуми» и «Акицусима» получили попадания. Но в самый нужный момент, ни секундой позже, появился отряд адмирала Камимур, шедший полным ходом. «Асама» завершил ремонт и присоединился к нему, Камимура прошел между противниками, прикрыв свои легкие крейсера. Когда он повернул на юго-запад, он мог видеть адмирала Катаоку, который вел жаркий бой. Поэтому Камимура прошел дальше и позволил 5-му отряду уйти, не получив особых повреждений, если не считать «Мацусиму», который был вынужден покинуть колонну, когда рулевое управление вышло из строя.

Но самым волшебным оказалось спасение шедшего в одиночестве «Такатихо». Он только исправил свои повреждения и дал полный ход, чтобы догнать свой отряд, как обнаружил, что головные русские броненосцы могут отрезать его. По утверждениям капитана, в 17.11 в 5 милях слева по носу были замечены 3 броненосца и несколько крейсеров, идущих прямо на него. Хотя крейсер быстро удрал на юг, он попал под обстрел и был спасен все тем же адмиралом Камимурой, прикрывшим отход «Такатихо».

В результате серьезные повреждения получил один «Касаги». Все попытки заделать пробоину были напрасными, и вскоре было затоплено машинное отделение. Часть котлов пришлось погасить, и адмирал Дева решил перенести свой флаг. Он выбрал «Титосэ», приказав двум остальным крейсерам следовать прежним курсом и присоединиться к 4-му отряду. Адмирал намеревался последовать за ними, как только перейдет на другой корабль, но к этому времени положение «Касаги» стало настолько опасным, что его нельзя было оставить в одиночестве. Более того, из-за сильного волнения перенос флага стал настолько рискованным, что адмирал решил идти к ближайшей земле, держа «Титосэ» при себе. Это вполне удалось, и примерно в 21.00 оба корабля вошли в залив Абурадани возле Цусимы.

В этой конкретной фазе боя 1-й отряд не принимал активного участия, так как находился слишком далеко от броненосных крейсеров, и соединился с ним лишь позднее. Однако небольшую перестрелку он все-таки имел. В 17.05, через 5 минут после того, как адмирал Камимура ушел вперед, были замечены 2 броненосца типа «Бородино», подходящие с юго-востока. Никто из штаба адмирала Того не говорит об этом, в документах «Микасы» тоже нет никаких упоминаний. Однако остальные корабли отряда, за исключением замыкающего «Нисина», в течение 10 минут обстреливали эти броненосцы, расходясь с ними на контркурсах. Русские отвечали, так как в 17.20 «Нисин» получил попадание в кормовой барбет 305-мм снарядом,

который оторвал ствол одного орудия. Вероятно, они не были замечены с флагманского корабля адмирала Того, так как он шел на юг, а русские скрылись на севере. Однако в 17.15 появилась беспорядочная толпа кораблей, идущая на северо-запад. Среди них были опознаны «Урал» и «Нахимов», и хотя первый был брошен командой и едва двигался, оба были подвергнуты интенсивному обстрелу. Только через 10 минут, то есть в 17.25, адмирал Того понял, что ему следует сменить тактику. Не было никакого смысла продолжать погоню всем флотом, точно так же было бы рискованно повернуть все корабли на север за ушедшими броненосцами. Поэтому, несмотря на строжайший приказ, отданный 2-му отряду, он решил еще раз разделить свои силы, чтобы наверняка разгромить рассыпавшуюся эскадру противника. Из рапортов штаба видно, что Того не знал об ушедших на север броненосцах и лишь предполагал, что лучше всего искать русских именно там. В рапорте сообщается: «1-й отряд в течение получаса не мог обнаружить вражеские броненосцы из-за сгустившегося тумана и дыма, поэтому он решил, что следует повернуть на север и, отделив 2-й отряд, в 17.28 повернул на NNW, чтобы помешать противнику прорваться в Японское море».

Почему адмирал не пришел к такому решению 20 минут назад, когда «Сикисима» и остальные четко видели броненосцы, идущие на север, нигде не говорится. Наблюдения его командиров были совершенно точными, они совпадают в деталях с рассказами русских, как их флот в этот момент сумел скрыться. Незадолго до 17.00, когда русские шли на юг и потеряли японцев из вида, они повернули на SW и этим маневром, как мы видели, прикрыли свои крейсера. Затем, продолжая поворот без сохранения строя, когда на левой раковине появился адмирал Камимура, они повернули на NW и наконец в 17.05 снова легли на курс NO 23°. Таким образом русские описали окружность и снова оказались на курсе, ведущем прямо во Владивосток.

Это согласуется с тем, что видел «Такатихо» и принял за попытку отрезать его. Корабли, которые угрожали ему, вероятно были последними в той толпе, которая постепенно поворачивала на север, а те, что командиры адмирала Того видели несколькими минутами ранее, были головными броненосцами, уже завершившими поворот.

Рывок адмирала Камимуря на юг вынудил русских повернуть на север, но этот поворот оказался очень своевременным. Они обстреляли японские миноносцы, пытавшиеся атаковать «Суворов», и спасли своего флагмана от гибели¹.

Какие именно корабли пришли на помощь «Суворову», сказать точно невозможно. Крейсера, транспорты и броненосцы перемешались между собой. К этому времени, как сообщает рапорт 2-го отряда, «примерно в 17.30 вражеский строй окончательно рассыпался. Некоторые корабли шли на север, некоторые — на запад, а еще несколько — на юго-запад. Русский флот вел себя подобно стае воронов, не пытаясь организовать». Адмирал Камимура ничего не сообщает о сигнале, предоставившем ему свободу действий и о котором говорит рапорт 1-го отряда, однако он постарался обогнать и отжать корабли, которые, видимо, пытались прорваться на юго-запад.

Его быстрый рывок, вне всякого сомнения, спас легкие крейсера и окончательно смешал русский строй. Но продолжая следовать на юг, по приказу или нет, Камимура окончательно оторвался от 1-го отряда. В 17.27 адмирал Того решил последовать за противником, исчезнувшим в тумане и дыму справа по корме. Он повернул примерно на 14 румбов последовательно и лег на курс примерно NNW.

Если говорить о японских крейсерах, 5-й отряд продолжал следовать на юго-восток до 17.30, не нашел никаких следов своего флота и повернул на северо-восток. 3-й, 4-й

¹ Русские источники полагают, что адмирал Того повернул, получив радиограмму с Окиносимы. Остров был виден с русских кораблей, но в японской истории о такой радиограмме даже не упоминается.

и 6-й отряды, которые находились не слишком далеко друг от друга, повернули на юго-запад, чтобы снова атаковать вражеский арьергард, но тот в это время находился к западу от них. В результате, когда завершилась третья фаза боя, японский флот разделился на четыре части, а главные силы русских находились к северу от него и шли прямо во Владивосток.

БОЙ В ЯПОНСКОМ МОРЕ

Четвертая фаза — погоня

Для японцев в тот момент, когда адмирал Того повернул на север в погоню за исчезнувшим противником, ситуация виделась совсем не блестящей. Они прекрасно понимали, что строй противника развалился. Также было очевидно, что русские корабли получили значительные повреждения, но истинный их размер был пока неясен. Два броненосца пропали, но в любом случае пока еще русские главные силы оставались достаточно грозными, и они, как и в боях 10 августа и возле Ульсана, проскочили мимо японцев. Но положение было хуже, чем в двух предыдущих сражениях, так как вражеская броненосная эскадра исчезла, и сгущающиеся вечерние сумерки вместе с поднимающимся туманом делали шансы обнаружить их до наступления ночи довольно призрачными.

Еще большую тревогу японского командующего вызывала «боевая скорость». Хотя эскадра держала 15 узлов, из-за полученных пробоин это достигалось лишь колоссальными усилиями машинных команд. Волнение было довольно сильным, и высокие волны, бьющие в левую скулу, создавали серьезные проблемы, особенно для «Нисина» и «Касуги». При этом пострадала и боеспособность эскадры. Броненосец «Микаса» получил 29 попаданий, и хотя вооружение осталось практически целым, трубы и вентиляторы были сильно помяты, броня была пробита в нескольких местах, потери составили чуть менее 100 че-

ловец, 5 офицеров были ранены. Второй флагманский корабль боевого отряда, «Ниссин», который шел замыкающим, тоже пострадал. Потери команды достигли почти 50 человек, были ранены адмирал Мису и 2 офицера его штаба, в носовом барбете вышли из строя оба орудия, в кормовом — еще одно.

В таких условиях, когда на пути противника к цели стояли только минные флотилии, которые ранее уже не раз терпели неудачу, висение на хвосте обещало мало шансов на успех, особенно потому, что требовалась решительная победа. Полное уничтожение противника вообще казалось невозможным, даже если бой возобновится на следующий день, так как корабли уже израсходовали от трети до половины боекомплекта¹.

Первым, кого встретил адмирал Того после того, как повернул на NNW, был «Урал». Так как японцы не знали, что он оставлен командой, адмирал изменил курс, чтобы пройти в 2000 метров от него, и около 10 минут эскадра тратила снаряды, чтобы потопить русский корабль. «Микаса» даже выпустил в него торпеду (уже четвертую за время боя), то же самое сделал «Сикисима», причем этот броненосец даже претендовал на попадание. Японцы открыли огонь из 47-мм орудий и добились множества попаданий, «от разрывов слепило глаза, после чего начался сильнейший пожар». Примерно в 17.45 был замечен приближающийся 6-й боевой отряд контр-адмирала Того. В 17.25, когда главные силы русских скрылись, он повернул на 16 румбов с курса NW, чтобы догнать арьергард противника, обнаружил «Урал» и повернул на север, чтобы добить его. Поэтому

¹ Японцы считали расход боеприпасов небольшим по сравнению с боями 10 и 14 августа. Они утверждали, что это свидетельство высокой дисциплины огня. «Стрельба японцев в определенные моменты была раздражающе медленной, но не потому, что они не могли стрелять быстрее, а потому что ожидали как минимум второго дня сражения и потому берегли снаряды. Все делалось обдуманно... Дисциплина в этом отношении была прекрасной... На больших расстояниях не было необходимости сдерживать людей, хотя иногда это делалось. Они совершенно очевидно сами пытались стрелять медленно», — пишет атташе.

главнокомандующий оставил брошенный крейсер ему, но прежде чем корабли контр-адмирала Того успели открыть огонь, в 17.51 «Урал» затонул.

Продолжая погоню, адмирал Того следовал курсом NNW и снова обстрелял беспомощную «Камчатку», но не заметил «Суворова», который должен был находиться где-то поблизости. Примерно в полумиле от дрейфующей плавучей мастерской миноносец «Буйный» нашел горящий флагманский броненосец. Командир продемонстрировал просто отличное владение искусством управления кораблем и сумел снять раненого адмирала. Постоянно теряющий сознание из-за пробитого черепа, он протестовал против перехода на миноносец и пробормотал едва слышным голосом: «Командование Небогатову... Владивосток... Курс NO 23°...» В 17.50 «Буйный» отошел, неся на мачте флажный сигнал: «Адмирал передает командование Небогатову». Остатки русского флота уже прошли мимо своего флагмана на север, и сейчас противники следовали слегка сходящимися курсами, поэтому новая встреча была неизбежной.

В 17.52 адмирал Того повернул на WNW, пытаясь побыстрее найти вражеский флот, но через минуту или две решил, что ему угрожает атака миноносцев и повернул на NO, открыв огонь, чтобы отогнать их. Ведя этот бой, в 17.57 Того заметил 2 броненосца типа «Бородино» в 6300 метрах от себя на WNW. Так как, судя по всему, они шли курсом на север, адмирал в 18.00 лег на прежний курс NNW и открыл огонь. Однако в рапорте «Микасы» говорится: «Так как мы следовали тем же курсом, то испытывали серьезные трудности при сокращении дистанции». Того с неудовольствием обнаружил, что повторялась старая история, имевшая место 10 и 14 августа.

Через несколько минут японцам померещилось, что остальные русские броненосцы не потеряли боеспособности, так как они следовали за первыми двумя. Здесь Того оценил значение передышки, полученной русскими. Они даже сумели кое-как перестроиться. В голове колонны

шел «Бородино», который поднял сигнал: «Транспортам идти курсом NO 23° к выходу из Корейского пролива. Скорость 8 узлов». За ним следовал «Орел». Далее на некотором расстоянии шел адмирал Небогатов на «Николае I» во главе своего отряда — «Апраксин», «Сенявин», «Ушаков». Тяжело поврежденный «Александр III» не мог держаться в строю и двигался отдельно на правом траверзе «Сенявина». Далее шли 3 корабля 2-го отряда: «Сисой», «Наварин» и «Нахимов». Крейсера и транспорты, вероятно, подчинившись последнему приказу «Бородина», пытались держаться восточнее броненосцев, но изменили курс, когда на SO показался японский флот, чтобы перейти на подбойный борт эскадры. Они шли двумя колоннами, правую образовали «Анадырь», «Иртыш» и «Корея» вместе с «Алмазом» и «Светланой». Левая шла чуть впереди, адмирал Энkvист вел остальные крейсера в следующем порядке: «Олег», «Аврора», «Донской», «Мономах», «Жемчуг» и «Изумруд». Истребители частично шли с «Олегом», частично с транспортами. Поэтому повторилась ситуация начала боя, исключая то, что теперь японцы находились немного за кормой у русских¹.

Сначала огонь японцев был неточным, тогда как русские снаряды начали падать очень близко. Они имели то преимущество, что заходящее солнце оказалось у них за спиной, поэтому оно слепило глаза японским наводчикам и те на большом расстоянии не могли следить за падениями своих снарядов. Как обычно, они сосредоточили огонь на головных кораблях русских, но лишь к 18.12 «Микаса» сумел сократить расстояние до 6000 метров. Через несколько минут «Бородино», который до этого шел на север, повернул на 2 румба влево, вероятно, чтобы выйти из-под сосредоточенного огня японцев, которые в 18.00 повторили его поворот. Эти маневры русских подставили

¹ В 18.00, когда расстояние было не более 7000 ярдов. В рапорте атташе говорится, что японцы повернули через 5 минут, но японские рапорты этого не подтверждают. На японской карте этот поворот помечен временем 18.30.

под японские орудия «Александра III». Он уже испытывал проблемы в результате полученных ранее повреждений, а теперь начал быстро отставать, подняв сигнал «Не могу управляться». «Огромный пожар пылал на спардеке, его ют был разворочен, в носовой части по левому борту виднелась пробоина длиной около 20 футов. Я несколько мгновений думал, что он разделит судьбу «Осляби», но броненосец начал выправляться и медленно вступил в кильватер «Сенявину», возобновив бой».

Стрельба японцев постепенно улучшалась, несмотря на плохое освещение. К 18.25 дистанция сократилась до 5500 метров, и противник все еще находился впереди траверза «Микасы», но стрельба русских не стала заметно хуже. В рапорте японского 1-го боевого отряда говорится: «Они выправили линию строя и вели по нам хорошо нацеленный огонь. Бой снова стал весьма жарким. Все наши корабли прежде всего сосредоточили огонь на головном корабле русских. Были видны многочисленные попадания, и вскоре он совершенно окутался дымом, который сделал прицеливание трудным. Более того, второй в колонне «Орел» продолжал отважно отбиваться. Его снаряды падали кучно и рядом с нашими кораблями, всплески заливали мостики. Поэтому мы перенесли огонь на второй корабль». Это было ясным указанием на опасность бездумного сосредоточения огня, если не обращать внимания на ответную стрельбу. Однако до сих пор, благодаря своему везению, японцы не получили серьезных попаданий. 75-мм снаряд взорвался, попав в фок-мачту «Сикисимы», и убил офицера и матроса, еще 2 офицера и 3 матроса были ранены. «Микасе» 152-мм снаряд попал в каземат № 10 (это было тридцатое попадание) и взорвался при ударе о ствол орудия. Унтер-офицер был убит, офицер и 6 матросов были ранены. Ни один из концевых японских кораблей не пострадал.

Хотя следует отметить, что еще до 18.30 русские начали постепенно отворачивать, но только в 18.42 адмирал Того заметил этот маневр. К этому времени дистанция уве-

личилась до 7000 метров, и только через 3 минуты адмирал начал поворачивать влево на курс NW. Однако один из офицеров штаба добавляет: «Русские повернули влево еще сильнее, и сблизиться с ними было крайне трудно». Японцы больше не прилагали усилий к этому, отчасти это можно объяснить тем, что в этот момент 305-мм снаряд взорвался позади носового барбета «Микасы», засыпав мостик осколками и разворотив помещение лазарета. Следующая запись гласит: «После этого дистанция снова увеличилась, пока в 18.59 головной корабль противника не оказался на расстоянии 7200 метров. Но мы продолжали вести огонь главным калибром».

Дистанция продолжала увеличиваться, и адмирал Того, следуя курсом, который выводил его в точку рандеву к северу от острова Мацусима, постепенно обогнал русских. Еще примерно 5 минут было видно, что японцы добиваются попаданий, но противник отвечал тем же. В 19.00 «Ниссин» получил 305-мм снаряд в носовой барбет, который оторвал ствол последнего 203-мм орудия, убив 2 матросов и ранив 2 офицеров и 6 матросов. Но в 19.10, когда солнце уже почти скрылось в тумане, «Микаса» прекратил огонь, постепенно то же самое сделали и остальные японские корабли.

Может показаться, что адмирал Того намеревается еще раз обогнать противника. В такое позднее время он мог считать бесполезными попытки сблизиться с противником и намерен бросить в атаку минные флотилии, чтобы возобновить артиллерийский бой на следующий день. Того практически не сомневался, что сумеет восстановить контакт утром, так как его отряды легких крейсеров уже догоняли свои главные силы, и он знал, что броненосные крейсера Камимуры будут давить на арьергард русских с юга.

В 18.00, как раз когда адмирал Того начал бой с главными силами русских, адмирал Камимура прекратил гоняться за русскими крейсерами. Его соображения были довольно любопытными: «Их скорость была выше нашей,

и дистанция постепенно увеличивалась». На самом же деле, скорее всего, его отряд больше не мог держать полный ход, и причиной увеличения расстояния была не потеря скорости, а поворот русских на север вслед за своими главными силами. Похоже, Камимура не заметил этого и двигался в неправильном направлении. В своем рапорте адмирал продолжает: «Поэтому у нас не было надежды догнать их, более того, время близилось к закату, и 2-й отряд больше не видел 1-й. Это было самым важным обстоятельством для адмирала Камимуры, так как большое расстояние в ночное время между 1-м и 2-м отрядами могло иметь неблагоприятные последствия для будущих действий. Поэтому в 18.03 он прекратил погоню и проследовал в точку, где, по его мнению, должны были находиться 1-й отряд и вражеские главные силы».

Однако и эту точку Камимура определил совершенно неправильно. Вместо поворота вправо, чтобы двигаться на север, он повернул влево и в 18.07 лег на курс OSO, «Желая соединиться с 1-м отрядом», как пишет он сам. Было совершенно понятно, что Камимура даже не подозревал о повороте адмирала Того на север, и он совершенно неправильно представлял себе обстановку. 2-й отряд не видел ничего, кроме обломков на месте первого боя. Так как выбранный курс привел Камимуру в тот район, где шел самый жестокий бой, его корабли прошли через «плавающие обломки шлюпок и полуобгоревшего рангоута. Среди высоких волн было видно множество людей, вероятно, с «Осляби», которые цеплялись за обломки. Они махали руками и кричали нам, жалобно призывая на помощь, это надрывало сердца».

Но ни о какой помощи нельзя было даже подумать, так как Камимура мчался вслепую за своим командующим, пока наконец-то не заметил на горизонте слева по носу 6-й отряд, обстреливающий «Камчатку» и «Суворова». Согласно донесению штаба, «адмирал Камимура в 18.15 повернул влево на север, чтобы не мешать действиям наших малых крейсеров». Но не приходится сомневаться, что его

главной целью было найти свой 1-й отряд, и сейчас Камимуре сильно повезло, так как контр-адмирал Того, единственный из младших флагманов, видел, что главнокомандующий ушел на север. Не приходится сомневаться, что именно 6-й отряд указал Камимуре верное направление, но даже получив эту ценную информацию, Камимура никак не успевал вовремя прибыть к месту решающих событий этого дня¹. Сейчас броненосные крейсера двигались в правильном направлении и проходили мимо двух русских кораблей, которые представляли собой просто плавучие руины, но Камимура все равно дал по ним несколько выстрелов и бросился далее на север.

Контр-адмирал Того оказался в этом месте потому, что из всех крейсерских отрядов он первым повернул на север и, увидев гибель «Урала», в 18.00 открыл огонь по двум отставшим русским кораблям. Через полчаса к нему присоединился адмирал Уриу, который наконец-то подобрал «Такасаго», а кроме него имел еще «Отову» и «Ниитаку» из 3-го отряда. Адмирал Дева передал эти крейсера ему после несчастья с «Касаги», и теперь под командой Уриу находились 6 крейсеров. Еще через четверть часа подошел адмирал Катаока с 3 кораблями, которые у него остались, и открыл огонь из тяжелых орудий. После этого адмирал Уриу, заметив впереди вспышки выстрелов вражеских броненосцев, в 18.30 прекратил огонь и бросился вдогонку, оставив «Суворов» в покое, как ранее сделал Камимура. Русским флагманом занялся Катаока, специальной задачей которого было уничтожение подбитых кораблей.

Вскоре после того как адмирал Камимура прошел мимо «Суворова», его усилия были вознаграждены, он увидел слева по носу на расстоянии около 11 000 метров несколько русских кораблей. Он мог предположить, что это был «Нахимов», шедший концевым, но японцам почему-то

¹ В рапорте «Идзумо» говорится: «Встретив 1-й отряд в 18.11, «Идзумо» повернул на север. Но это очевидная описка, должно было стоять «6-й отряд».

показалось, что русские идут на юг¹. Этот предполагаемый курс и грохот выстрелов дали основание предположить, что 1-й отряд ведет с ними бой. Именно в этот момент «Бородино» под огнем броненосцев Того начал склоняться влево, у японцев создалось впечатление, что часть русских кораблей следует курсом W-t-S. Русский историк пишет: «Ведя огонь правым бортом, эскадра все больше и больше склонялась влево, поэтому в тот момент, когда затонул «Александр» (примерно в 18.55), наш курс снова вел к островам Цусима». Эти маневры могли как-то оправдать действия Камимуре, который теперь повернул на северо-запад. Адмирал намеревался «сблизиться с русскими», но такой маневр отбросил бы их обратно на броненосцы Того. Однако через несколько минут Камимура мог заметить по правому крамболу вспышки выстрелов 1-го отряда, ясно видимые, несмотря на сгущающуюся темноту. Так как он намеревался как можно скорее соединиться с 1-м отрядом, в 18.40 он повернул на курс N-t-O. Затем адмирал сообразил, что прямо перед ним русские корабли, так как в 18.46 они начали обстреливать его броненосные крейсера. Поэтому Камимура довернул на румб вправо, чтобы ввести в действия артиллерию, и обстрелял 4 больших корабля, находящиеся на NNW от него на расстоянии более 7000 метров. Несколько минут русские снаряды падали совсем рядом, но темнота сгущалась так быстро, что вскоре ничего не было видно. Постепенно стрельба прекратилась сама собой, и в 19.04 Камимура повернул свой отряд на 4 румба влево «все вдруг», чтобы приблизиться к еле различимому противнику.

Все это время 5-й и 6-й отряды обстреливали несчастный «Суворов» почти в упор, но не смогли ни потопить его, ни заставить замолчать последние орудия броненосца. Трудно представить себе, в каком состоянии был русский флагман, когда 320-мм снаряды крейсеров Катаоки начали попадать в него. «Он едва походил на военный корабль».

¹ В рапорте «Токивы» говорится, что крейсер видел броненосец типа «Бородино», а также «Сисой», «Наварин», «Нахимов».

Его внутренние отсеки пылали, из пробоин и орудийных портов вырывались языки пламени. Густые клубы черного дыма стлались над палубой, и весь его вид был просто жалким. Он вилял вправо и влево, как будто пытался спастись, но два или три кормовых орудия, которые еще уцелели, продолжали героически отстреливаться». В 19.00 «Камчатка» перевернулась и затонула, а затем контр-адмирал Того решил прикончить русский флагман с помощью миноносцев. Но 5-й отряд продолжал вести размеренный огонь, и он не мог реализовать свое намерение. Адмирал писал: «Поэтому, опасаясь потерять контакт с главными силами противника в приближающихся сумерках, он повел приданную флотилию вместе с собой следом за русской броненосной эскадрой».

Но еще до того, как крейсера Того ушли, адмирал Катаока прекратил стрельбу. «Учитывая приближающуюся темноту и желая сохранить боеприпасы, он приказал атаковать 11-му отряду миноносцев». Следуя со скоростью 20 узлов в том месте, где плавали захлебывающиеся моряки «Камчатки», миноносцы обошли русский флагман с носа и в 19.20 атаковали с расстояния 300 метров. Они выпустили 7 торпед, и согласно рапорту командира отряда миноносцев, «3 взорвались с ужасным грохотом, корабль сразу начал крениться на левый борт. Очевидно, третья торпеда взорвала артпогреб, так как «Суворов» выбросил клубы черного и желтого дыма, пронизанные языками пламени, и потом перевернулся. Недолгое время он плавал днищем кверху, а в 19.30 задрал нос высоко в воздух и быстро исчез». Последнее орудие стреляло, пока не скрылось под водой, из экипажа не спасся ни один человек. Нет слов, чтобы характеризовать упрямую отвагу его команды, память о которой останется бессмертной в истории морской войны.

Тем временем в районе боя главных сил происходили не менее ужасные трагедии. Одну из них видел адмирал Камимура, когда начал сближаться с противником. Примерно в 18.50 «Александр III», который тащился за кормой «Сенявина», резко накренился на левый борт, поднял сиг-

нал «Терплю бедствие» и выкатился из строя влево. Затем, раньше чем кто-либо успел прийти ему на помощь, он внезапно перевернулся и затонул, унеся с собой всю команду, кроме 4 человек.

После этой катастрофы перестрелка затихла на 5 минут. Адмирал Того почти потерял противника из вида, а 2-й боевой отряд все еще находился вдалеке, пытаясь сократить дистанцию. В этот момент «Жемчуг» попытался было спасти остатки команды «Александра», но это заметил адмирал Камимура и в 19.10 повернул на NNW, после чего открыл огонь по «Жемчугу» и находившимся с ним 2 миноносцам. Крейсер быстро скрылся в дыму разрывов, а когда его снова увидели, он полным ходом уходил следом за своими броненосцами.

Но и это еще был не конец. В 19.20 «Бородино», на котором сосредоточил огонь 1-й отряд, получил тяжелое попадание, так как всю корму охватило пламя¹. Через несколько минут «Фудзи» дал последний залп с ужасным результатом. Снаряды попали в носовую часть «Бородина», после взрыва вверх взлетел столб дыма, и через пару минут весь корабль окутался дымом, пронизанным языками огня. Даже в таком состоянии он продолжал стрелять из 152-мм орудий, а затем внезапно перевернулся днищем вверх. С ближайших русских кораблей видели нескольких человек, машущих руками, но ничего не могли сделать. Вскоре они исчезли в волнах, а «Бородино» какое-то время еще держался на поверхности, подобно огромной рыбе, но потом затонул, никто не знает где и как. Так на одиннадцатом часу битва, вне всяких сомнений, превратилась в решительную победу японцев, и дух русского флота был сломлен. Офицер «Олега» писал: «Гибель «Бородина», которая случилась на наших глазах, была столь неожиданной, что мы оцепенели. Обнажив головы, мы смотрели на пенящуюся могилу героического корабля... Солнце садилось, и в его золотистых лучах на горизонте

¹ Японцы приписывают эти попадания «Сикисима».

с юго-запада через запад к северу появились черные точки японских миноносцев, следивших за нами». Но продолжения не было, «Орел», обойдя место, где исчез «Бородино», повернул на юго-запад, вынудив крейсера и транспорты повторить этот маневр.

К этому времени даже японский 2-й боевой отряд прекратил стрельбу, и, когда противник, повернув влево, исчез на западе, адмирал Камимура пошел на соединение со своим командующим. Некоторое время адмирал Того шел на север, а затем в 17.30 отослал посыльное судно с приказом всем отрядам идти к северному берегу острова Мацусима, а сам в 20.00 повернул прямо на восток. 2-й боевой отряд присоединился к нему, и они вместе направились к месту рандеву. Четыре отряда крейсеров, получив приказ, отпустили свои миноносные флотилии и сделали то же самое. Так в наступившей темноте завершилась великая битва, и теперь японские миноносцы готовились добить то, что осталось от Балтийского флота.

СРАЖЕНИЕ В ЯПОНСКОМ МОРЕ

Атака миноносцев

Когда на закате адмирал Того прервал бой, он находился у северного выхода из Цусимского пролива, и точка завтрашнего рандеву возле острова Мацусима лежала примерно в 200 милях севернее. Впереди него шли три приданных минных отряда (1-й и 2-й — истребителей и 9-й — миноносцев), которые уже ждали приказа атаковать русских с наступлением темноты, а потому вышли вперед, чтобы приготовиться к повороту на обратный курс навстречу русским. Два отряда истребителей сопровождали броненосцы весь день, несмотря на сильную волну, но действия 9-го отряда миноносцев заслуживают особого упоминания¹. Когда утром миноносцы получили

¹ Миноносцы 1 класса «Аотака», «Кари», «Цубамэ», «Хато» — капитан 2 ранга Кавасэ.

приказ укрыться в портах, этот отряд вместе с другими направился в бухту Миура, но в 14.52, вскоре после того, как было получено сообщение, что завязался бой, его командир повернул обратно в море, чтобы участвовать в сражении. Хотя погода немного улучшилась, это было все, на что оказались способны миноносцы. Лишь к 19.00 они сумели догнать свои главные силы, то есть прибыли вовремя, чтобы занять исходную позицию для атаки.

Далее к югу находились еще три отряда истребителей — 3-й, 4-й и 5-й, которые отказались от попыток торпедировать «Суворов». 4-й отряд, который некоторое время назад неожиданно налетел на русские броненосцы и поспешно от них ушел, действовал самостоятельно, но два остальных сопровождали 2-й боевой отряд Камимуры¹.

Причина, по которой 4-й отряд истребителей не атаковал «Суворов», заслуживает особого упоминания. Следует напомнить, что 26 мая он был придан отряду адмирала Девы для оказания помощи в охране четвертой дозорной линии, но погода вынудила его вернуться в Одзак. Утром 27 мая истребители присоединились к крейсерам и в течение всего боя оставались в распоряжении адмирала, пока тот в 14.35 не приказал крейсерам следовать полным ходом. Истребители не могли за ними угнаться из-за волны, и адмирал Дева предоставил им полную свободу действий, но сигнал не был принят, и истребители присоединились к отряду Камимуры. Однако японская «Официальная история», появившаяся в открытой печати, утверждает, что отряд получил особое задание и не должен был вступать в бой, пока основные силы минных флотилий не завершат атаку. Однако об этом особом задании «Официальная история» не говорит ни слова. По информации, полученной от наших атташе, этот отряд должен был провести активную

¹ 1-му боевому отряду были приданы корабли 1-го, 2-го и 3-го отрядов истребителей и 14-го отряда миноносцев. 2-му боевому отряду были приданы 4-й и 5-й отряды истребителей, 9-й и 19-й отряды миноносцев. Судя по всему, 4-й отряд истребителей получил особое задание, потому что 3-й отряд истребителей был передан адмиралу Камимуре, а 9-й отряд миноносцев — адмиралу Того.

минную постановку. «4-й отряд истребителей перед боем получил приказ принять на борт каждого корабля по восемь 100-фн мин, эти мины следовало использовать, если представится случай поставить их на пути противника». Собирались японцы ставить эти мины на четвертой линии дозоров или нет, мы не знаем, но в любом случае погода сделала эту операцию невозможной. Однако истребители по-прежнему имели мины на борту, поэтому попытка атаковать отстреливающийся «Суворов» была слишком рискованной. Эти корабли в первую очередь должны были действовать как заградители, а не как миноносцы. На закате отряд находился примерно на траверзе русской эскадры, и пока, как 3-й и 5-й отряды, подходили с востока, 4-й отряд ушел под корму броненосным крейсером, словно собирался ставить мины на пути русских, если те повернут назад.

Позиция остальных отрядов миноносцев была не столь выгодной. Большинство из них были вынуждены искать убежища в Миура или Косаки в соответствии с приказами, хотя два отряда, 10-й и 15-й, которые были приданы 3-му боевому отряду, последовали за 6-м отрядом. Однако миноносцы столкнулись с серьезными проблемами и находились достаточно далеко к югу от противника, плохо представляя, что им следует делать и чем занимаются остальные минные отряды. Выйдя из Миуры в шторм, двигавшийся с SSW, миноносцы оказались бортом к волне, когда повернули к району боя. От 4 до 10 часов несколько минных отрядов сражались только с погодой, которую главнокомандующий считал небезопасной для миноносцев. Рапорт штаба дает нам красочные картины этой борьбы. «Ветер, который имел силу шторма весь день, немного утих, однако волнение было еще настолько сильным, что миноносцы клало на борт на 50—60 градусов. Винты выходили из воды, а удары высоких волн, казалось, вот-вот переломят корпус пополам. Картушки компасов бешено вертелись и были совершенно бесполезны. Зрительные трубы и бинокли заливало

брызгами, поэтому сквозь них ничего не было видно. Моряки на миноносцах весь день страдали от брызг и дыма из собственных труб и почти ослепли». В других рапортах подтверждается, что погодные условия этого дня серьезно повлияли на зрение вахтенных. Вдобавок над миноносцами постоянно висела угроза катастрофы. 10-й отряд, который вместе с 15-м прилепился к отряду контр-адмирала Того, сообщил, что время от времени волны заливали корабли и клали на борт, «поэтому они испытывали предельные трудности».

С другой стороны, если японские минные флотилии не могли провести полноценную атаку, то русский флот не сумел бы отбить никакой. Из 4 кораблей 1-го броненосного отряда все, кроме «Орла», получили тяжелейшие повреждения. Большинство орудий на них было разбито, трубы так разворочены, что они не могли держать скорость. Во 2-м отряде «Ослябя» был потоплен, «Сисой» получил такую большую пробоину ниже ватерлинии, что еле двигался, «Наварин» находился в еще более худшем состоянии. В отряде Небогатва «Ушаков» тоже имел большую подводную пробоину, но «Апраксин» и «Сенявин», хотя и пострадали, боеспособность сохранили почти полностью. Из русских крейсеров серьезно была повреждена только «Светлана», которая села носом из-за нескольких пробоин в носовой части. Все остальные могли дать полный ход, и на них пострадало только вооружение.

Имея впереди 8 или 9 часов темного времени и маневрируя в открытом море, русские могли надеяться, что хотя бы часть кораблей прорвется к своей цели. Но в данный момент путь им был перекрыт, они видели японские миноносцы, подходящие с севера и востока, и отвернули прочь, направившись на юг, чтобы оторваться от противника. Хотя командование уже было передано адмиралу Небогатову, он еще не возглавил деморализованную эскадру, и маневр, который он предпринял, чтобы уклониться от миноносцев, совершался русскими в полном беспорядке. Корабли поворачивали кто как хотел, а крейсера, вместо

того чтобы прикрывать броненосцы от минной атаки, старались держаться на подбойном борту.

До некоторой степени этот хаос послужил на пользу русским, так как японские миноносцы были ослеплены волнами, туманом и дымом. Подходя с севера, они понятия не имели, где находятся русские, и не могли спланировать свою атаку. Незадолго до 20.00, когда уже совершенно стемнело, противник полностью исчез из вида, но тут русские включили прожектора, что сразу выдало их позицию. 2-й отряд истребителей, который вместе с остальными спускался с севера, решил выйти в голову главных сил противника. К этому времени русские восстановили некое подобие порядка. Адмирал Небогатов возглавил колонну броненосцев, за ним шел «Орел», «Апраксин» и «Сенявин» пристроились ему в кильватер. «Ушаков» из-за своих повреждений заметно отстал, но рядом с ним шли «Сисой» и «Наварин». «Изумруд» присоединился к броненосцам, поврежденная «Светлана» и тихоходные старые крейсера «Мономах» и «Донской» находились в пределах видимости. Однако адмирал Энkvист вместе с быстроходными крейсерами «Олег», «Аврора» и «Жемчуг» куда-то исчез.

Восстановив контроль над эскадрой, адмирал Небогатов начал поворачивать вправо, чтобы направиться на север, когда появились первые японские миноносцы. В результате он повернул на запад. Согласно японским отчетам адмирал Энkvист оказался впереди броненосцев, сам Энkvист утверждает, что тоже пытался прорваться на север, но миноносцы отогнали его обратно. Так или иначе, но японцы пошли в атаку под плотным перекрестным огнем русских крейсеров и броненосцев, однако они повернули влево и атаковали броненосцы на контркурсах. Удерживая правильный строй, миноносцы выпустили торпеды с дистанции от 400 до 500 метров, но при этом сами пострадали. Мелкие орудия русских стреляли довольно метко. Хотя головной миноносец выпустил обе торпеды, он получил множество попаданий в

палубу и трубы, 1 человек был убит, 5 ранены. На втором миноносце снарядом перебило главный паропровод, и в течение 10 минут он стоял на месте под сильным огнем. Прежде чем он дал ход, на нем был убит офицер и ранены 12 матросов. Корабль был так сильно поврежден, что еле сумел доползти до Такесики. Остальные 2 миноносца выпустили по 2 торпеды каждый, потеряли 4 человека ранеными и сохранили боеспособность. Однако этот отряд израсходовал торпеды, не добившись ни одного попадания, поэтому им пришлось уходить к острову Мацусима, чтобы принять запасные. Эту операцию командиры описывают, как трудную и опасную в условиях темноты и сильной волны.

Атака завершилась в 20.20, и к этому времени русские повернули на юго-запад, по крайней мере, так утверждала следующая группа миноносцев, атаковавшая их. Это был 5-й отряд истребителей, один из тех, что оказались восточнее, ведя бой с «Суворовым». Однако имея ветер в левую скулу и принимая носом высокую волну, корабли не сумели атаковать. «Конфиденциальная история» сообщает: «Волны заливали мостики, а брызги били по лицам всех, кто находился на палубе, ослепляя их. В результате вскоре после заката миноносцы разделились и были вынуждены принимать решение об атаке самостоятельно». Первый из них вообще сумел отыскать русских только в 22.30, когда выпустил последнюю торпеду по одиночному кораблю и отправился в Миуру за новыми торпедами. Второй корабль внезапно попал в лучи прожекторов, когда его аппараты были развернуты вдоль диаметральной плоскости из-за качки, он получил снаряд в угольный бункер, там вспыхнул пожар, и миноносец был вынужден отойти. Четвертый смог выпустить обе торпеды с дистанции 500 метров, но без видимого эффекта и отправился в Пусан за новыми. Третьему кораблю, «Югири», не повезло больше остальных. Выпустив одну торпеду, он промедлил несколько секунд и отошел, чтобы дожидаться новой возможности. Внезапно он заметил миноносец, который

принял за одного из своих товарищей, и пошел на соединение.

Это действительно был «Харусамэ», головной корабль 1-го отряда истребителей, который подходил с севера. Этот отряд состоял из 5 миноносцев, и его командир капитан 2 ранга Фудзимото¹ для атаки разделил его на три дивизиона. В 20.40 первый дивизион выходил в атаку, но тут Фудзимото, согласно его рапорту, заметил другой дивизион (5-й отряд истребителей), идущий прямо на него справа по носу. Резко положив руль на борт, он сумел увернуться от головного миноносца, но шедший за ним «Югири» врезался в «Харусамэ» и пробил борт в носовой части, сделав дыру около фута шириной. Миноносцы остановились, так как атаковать уже не могли. Пробоину удалось заделать матами, и «Харусамэ» не только остался на плаву, но даже вместе со своим мателотом отправился на поиски противника, хотя существовала постоянная опасность новых столкновений с другими дивизионами, «которые подходили на большой скорости со всех направлений, пробиваясь сквозь высокие волны». «Югири», нос которого был свернут вправо, лишь с большим трудом удерживался на поверхности. Однако примерно через час опасность гибели была устранена, и он на скорости 3 узла поплыл домой в Сасэбо.

Провал этой атаки имел более серьезные последствия для общего успеха миноносцев, потому что перед этим адмирал Небогатов во исполнение последнего приказа своего командующего лег на курс NO 23, направляясь во Владивосток. Сразу после атаки он выключил прожектора, и больше его главные силы практически никто не беспокоил. «Японские миноносцы, проходившие впереди на большой скорости, сначала их не замечали и проскакивали мимо, а те, которые все-таки выпускали торпеды, промахивались». Это подтверждают японские источники,

¹ Капитана 2 ранга Фудзимото Хидэсиро не следует путать с капитаном 2 ранга Фудзимото Уридзиро, командиром 11-го отряда миноносцев.

которые говорят, что лишь лучи прожекторов позволили миноносцам найти русских, и прожектора светили лишь на броненосцах 2 класса и старых крейсерах, оставшихся позади.

Направляемый этим светом, 3-й отряд истребителей, который также находился восточнее, в период с 21.00 до 21.15 врезался между броненосцами и крейсерами, и сам оказался в большой опасности. Один из миноносцев едва не погиб, и все они с трудом отыскивали цели, так как русские шли, практически не соблюдая строя. Находясь под обстрелом из орудий и винтовок, миноносцы выпустили 7 торпед, и один из них отправился в Фузан на ремонт.

В этот период атаки проводились совершенно хаотично, так как сразу шесть групп миноносцев пытались сделать это — две дивизиона 1-го отряда истребителей, 1-й, 17-й и 18-й отряды миноносцев, подошедшие с юго-запада, и 9-й отряд миноносцев с севера. Второй дивизион отряда Фудзимото провел атаку при свете прожекторов в 21.10. Оба корабля выпустили по 2 торпеды и отошли без повреждений. Но третий дивизион, который состоял из единственного «Акацуки», отличился в ином смысле. Когда 1-й отряд миноносцев подходил на большой скорости, они увидели, что «Акацуки» режет им курс. Головной миноносец № 69, чтобы избежать столкновения, положил руль так резко, что корпус не выдержал. Вода начала быстро прибывать, отказало рулевое управление. Миноносец затонул через 2 часа, но команда была спасена миноносцем 9-го отряда, стоявшим рядом. Когда «Акацуки» прошел сквозь строй 1-го отряда, миноносцы разлетелись в разные стороны, лишь два из них сумели выйти в атаку. Один из них попал под огонь русских и потерял 3 человека убитыми и 5 ранеными, после чего лишь с большим трудом добрался до Такесики. Второй миноносец получил лишь одно попадание.

17-й отряд, который атаковал в это же время, тоже ничего не добился. Головной миноносец не успел выпустить

торпеды, но получил попадание в правый котел, носовой торпедный аппарат и штур-трос были повреждены. Беспомощный миноносец оказался совсем рядом с поврежденным русским кораблем. Вероятно, это был «Нахимов», который получил торпедное попадание в одной из первых атак, или, что более вероятно, «Наварин», который к 21.00 так сел кормой из-за повреждений, полученных в артиллерийском бою, что потерял скорость и отстал от эскадры. Но кто бы то ни был, этот корабль сумел защитить сам себя, и подбитый миноносец, прежде чем сдрейфовал в темноту, потерял убитыми 7 матросов, еще несколько человек были ранены. Все попытки спасти его успеха не принесли, и вскоре после 22.00 он внезапно затонул кормой вперед. Весь экипаж, кроме погибших, был спасен. Остальные 2 миноносца сумели атаковать, но последний был тяжело поврежден и ушел в Такесики.

Атака 18-го отряда также сорвалась из-за какого-то миноносца, проскочившего у них прямо по курсу. Чтобы избежать столкновения, миноносцы отвернули, и отряд рассыпался. Когда они наконец собрались, волнение усилилось, миноносцы стали трудноуправляемыми, и точно прицелиться никто не смог. Хотя каждый из них сумел выпустить торпеды, но все получили повреждения. Концевой миноносец потерял 2 человек убитыми и 9 ранеными, и его оставили в тонущем состоянии.

Скорее всего, их атаку сорвал один из кораблей 9-го отряда миноносцев. Эти миноносцы 1 класса подходили с севера двумя дивизионами. Каждый из них выпустил по 2 торпеды в концевые русские корабли, спасли экипаж № 69. Хотя русские усиленно их обстреливали, они ушли, не получив ничего серьезнее пары царапин на корпусах.

До сих пор действия минных отрядов никак нельзя было назвать эффективными. Три лучших русских броненосца ушли на север и потерялись. Точно так же исчез адмирал Энkvист с 2 лучшими крейсерами. Что именно он делал, сказать крайне сложно. Сам адмирал утверждал,

что совершил несколько попыток следовать за адмиралом Небогатовым на север, но каждый раз его останавливали торпедные атаки. Наконец он отказался от этой идеи и повернул на юг, рассчитывая встретиться со своим флотом на следующее утро и принять уголь с угольщиками, которые остались позади. Один из офицеров флагманского крейсера «Олег» сообщил, что до 21.30 они шли на SSW, а потом повернули через запад к северу. Он передал, что их снова атаквали, после чего крейсера увидели огни кораблей противника и повернули на SW. Согласно его показаниям, было сделано несколько попыток прорваться на север, но каждый раз их встречали миноносцы. Всего было зафиксировано 17 торпедных атак. Лишь в 01.00 крейсера окончательно повернули к входу в Корейский пролив. Однако японцы уверяют, что никаких атак не было. Ни один миноносец не видел кораблей, похожих на эти крейсера. Их легко можно было опознать по трем трубам, поэтому можно предположить, что Энkvист наткнулся на собственные истребители. В любом случае эти крейсера ушли, и намерения адмирала были совершенно непонятными. Более того, несмотря на большое число торпед, выпущенных японцами, они добились лишь нескольких попаданий, причем в корабли, имевшие ограниченную боевую ценность.

В самом начале атак, примерно в 20.20, старый крейсер «Нахимов» получил пробоину в носовой части от истребителя, ошибочно принятого за свой. Крейсер покинул строй, но больше попаданий не получил, хотя был атакован еще несколько раз. «Мономах» получил торпедное попадание примерно час спустя, причем совершил такую же ошибку. Истребитель «Громкий» подошел к нему и сделал опознавательный сигнал. Но этот сигнал повторил другой истребитель, которому позволили приблизиться. Он подошел буквально вплотную и выпустил торпеду. Прогремел ужасный взрыв, и расчет 152-мм орудия, находившегося над местом попадания, был выброшен в море через орудийный порт. Крейсер завел аварийный пластырь, кото-

рый не помог, но второго попадания он не получил. Единственный корабль, о котором еще нужно упомянуть, это тяжело поврежденный «Наварин». Согласно путаным показаниям спасшихся с него, он был атакован со всех сторон целой тучей миноносцев, из которых один незаметно подкрался к корме и торпедировал броненосец. Началась паника, что позволило еще одному миноносцу попасть торпедой в середину корпуса. Вроде бы этот миноносец был потоплен во время отхода.

Но мы знаем, что японцы потеряли 3 миноносца, а еще несколько кораблей были полностью выведены из строя артиллерийским огнем и столкновениями. Вот как видели происходящее с кораблей 10-го отряда миноносцев, который вместе с 15-м отрядом весь день ходил вместе с крейсерами контр-адмирала Того. «В 21.20 они заметили группу из 5 или более русских кораблей, идущих на северо-восток. В это время атака наших миноносцев была в разгаре. Многочисленные истребители и миноносцы окружили противника со всех сторон, некоторые, как можно было видеть в мечущихся лучах прожекторов, подходили вплотную. Одни выбрасывали облака белого дыма под градом снарядов вражеских орудий. Другие потеряли ход и беспомощно раскачивались в бурном море. Бесчисленные миноносцы неслись подобно ветру сквозь мрак, царапая друг другу борта, и опасность столкновения была очень велика». Очень быстро японцы поняли, насколько она была велика. Когда головной миноносец в 21.30 повел свой отряд в атаку, другой миноносец был замечен прямо перед форштевнем у него. Корабль, который он протаранил, был миноносцем 1 класса «Саги», входивший в 14-й отряд, атаковавший в это же самое время. Хотя «Саги» получил большую пробоину, он сумел удержаться на плаву, выбросив за борт большое количество угля. Правое машинное отделение было залито водой, и механики работали, стоя по горло в воде, миноносец к утру сумел добраться до острова Цусима. Остальные 3 корабля 10-го отряда из-за высокой волны и помех со стороны

других миноносцев сумели выпустить всего 2 торпеды. Головной миноносец 15-го отряда за полчаса выпустил 3 торпеды, но 2 других не нашли противника, так как русские выключили прожектора.

Та же самая судьба ожидала еще 4 отряда миноносцев — 14-й, 19-й, 16-й и 20-й, которые вышли со стоянки на Цусиме. Ни один из них не сумел выйти в атаку, либо потому что они пошли неверным курсом и не нашли противника, либо потому что они ждали, пока русские погасят прожектора. Последнему отряду истребителей — 4-му — тоже не повезло. Как мы видели, они имели на борту мины и потому получили приказ дожидаться конца общей атаки. Только в 21.40 они начали искать противника, но к этому времени все прожектора погасли. Истребители в отчаянии метались то на восток, то на северо-восток, но не видели никого и ничего. К 11.30 один из них, который днем получил случайное попадание рикошетом, набрал столько воды, что был вынужден отправиться в Такесики для ремонта, а остальные 3 истребителя пошли на север в Фузан, чтобы принять уголь и воду.

Но потом счастье им улыбнулось. Примерно в 02.00, когда они находились в 27 милях на NO-t-O от мыса Карасаки, северной оконечности Цусимы, «команда чуть не сошла с ума от отчаяния», так как возможность встретить противника казалась безнадежно упущенной, но тут неожиданно в 600 метрах справа по носу был замечен силуэт, судя по всему — русского броненосца. На опознавательный сигнал ответ не последовал, и каждый истребитель сбросил в воду свои мины примерно в 300 метрах перед броненосцем, всего 24 штуки. После этого миноносцы отошли и стали ждать. Через 2 минуты «послышался глухой удар, за ним немедленно последовал громкий взрыв и на борту жертвы раздались крики ужаса и паники. Так как вдали началась сильная стрельба, миноносцы полным ходом пошли против ветра и волн, поэтому они ничего могли видеть и слышать. Однако они были совершенно уверены, что русский пошел на дно». На миноносцах не ошиблись,

Это был «Наварин», который из-за своих повреждений был вынужден снизить скорость, чтобы удержаться на плаву, и потому оказался в полном одиночестве. Трое спасшихся полагали, что он был торпедирован. Они описывали ужасный взрыв, который подбросил корму, а затем еще один в средней части корабля. Крен начал быстро увеличиваться, и корабль перевернулся. Все, кто находился наверху, прыгали в воду, но из 674 человек экипажа уцелели только трое. Одного спас японский миноносец, а еще двоих на следующее утро подобрал английский пароход¹.

Успех отряда заградителей был полным, но на этом их приключения не закончились. Сразу после прогремевших взрывов они заметили справа по носу броненосец типа «Сисой». Подойдя на высокой скорости, миноносцы обогнали его и выпустили 3 торпеды, после чего направились в Фузан, так и не узнав результатов атаки. На самом деле это и был сам «Сисой», причем одна из торпед попала ему в корму, полностью уничтожив руль. Сначала русским показалось, что корабль не получил смертельных повреждений, он мог управляться машинами, и капитан 1 ранга Озеров продолжал следовать на север. Однако вскоре корму начало затоплять так быстро, что стало понятно — корабль до Владивостока не дойдет. Поэтому командир решил, что ему остается лишь один выход: выбраться на берег. Броненосец развернулся и пошел к острову Цусима. Но очень быстро выяснилось, что и это вряд ли удастся, поэтому на рассвете, около 06.00 на броненосце с огромным облегчением увидели, что ему навстречу идет «Мономах» в сопровождении истребителя. Броненосец запросил помощи, но тут оказалось, что помощь оказывать некому. Крейсер сам тонул и тоже направлялся к берегу.

¹ Похоже, «Наварин» был торпедирован во время общей атаки, когда остановился. Из официального варианта «Мэйдзи» убраны все упоминания о плавучих минах, в результате чего образовались пропуски в тексте. Причину, по которой истребители не стали спасать экипаж «Наварина», указал наш атташе — они опасались подорваться на собственных минах.

Действительно, «Мономаху» самому требовалась помощь. Как мы помним, он был торпедирован во время общей атаки, потому что японский истребитель повторил опознавательный, сделанный «Громким». Но на крейсере сумели кое-как заделать пробоину и, несмотря на многочисленные атаки, он сумел еще немного продвинуться к северу в сопровождении «Громкого». Все шло хорошо, но около полуночи они натолкнулись на группу японских миноносцев, и при резком повороте пластырь сорвало. Положение стало безнадежным, и командир крейсера приказал истребителю следовать во Владивосток самостоятельно, а сам повернул к Цусиме. Но шел он не один, так как «Громкий» не принял сигнал и остался с крейсером.

Ответив «Сисою», «Мономах» обнаружил, что хотя крен продолжает увеличиваться, берег находится уже близко, поэтому команду вполне можно спасти. Тогда командир крейсера приказал «Громкому» идти на помощь «Сисою». К этому времени на юге, совсем рядом с берегом, стал виден «Нахимов». Рядом с ним стояли японские корабли, и он тонул, но уже под японским флагом. Из-за своей маленькой скорости «Нахимов» не смог последовать за крейсерами Энkvиста и шел вместе с броненосцами. Он стал первым кораблем, который торпедировали японцы. Как мы уже говорили, торпеды выпустил истребитель, ошибочно принятый за русский, она попала в носовую часть крейсера. Хотя во время последующих атак новых попаданий не было и пробоину удалось заделать, в течение ночи крейсер принял столько воды и так сел носом, что на рассвете просто вынужден был повернуть к Цусиме. Когда он подошел к берегу, были открыты кингстоны и спущены шлюпки. Но когда раненых эвакуировали, а корабль подготовили к взрыву, появился японский истребитель «Сирануи», на котором держал брейд-вымпел командир 5-го отряда истребителей. Потеряв своих товарищей, он направлялся в Миуру за новыми торпедами. В ответ на пробный выстрел шлюпки «Нахимова» начали поднимать белые фла-

ги. Поэтому истребитель подошел поближе и потребовал сдачи корабля, добавив, что за любую попытку затопить его начнется стрельба по шлюпкам. Но так как было совершенно очевидно, что «Нахимов» тонет, угроза не была приведена в исполнение. Вскоре появился вспомогательный крейсер «Садо-мару», который вместе с «Мансю-мару» провожал два госпитальных судна в Миуру, а теперь искал свой флот. Он сразу вызвал «Мансю-мару» вместе с госпитальными судами, чтобы забрать русских раненых, а сам вместе с «Сирануи» официально захватил «Нахимов» и начал подбирать людей из воды. Офицер, посланный на борт приза, поднял японский флаг, но не сумел спустить русский. Несмотря на применение силы, ему не удалось заставить капитана 1 ранга Родионова и его штурмана покинуть корабль.

Пока японцы возились с «Нахимовым», к их удивлению, появился еще один русский корабль. Это был, разумеется, «Мономах», который шел почти в кильватер «Нахимову». Столкнувшись с новой проблемой, японцы немедленно отозвали свои шлюпки и сыграли боевую тревогу. «Сирануи» пошел навстречу русскому крейсеру, а «Садо-мару» телеграфировал своему товарищу, чтобы тот вел госпитальные суда в Сасэбо. Затем, собрав своих моряков, он тоже направился к «Мономаху». Так как русский корабль не имел видимых повреждений, с дистанции 10 000 метров был сделан выстрел, чтобы выяснить, намерен ли он сражаться. После этого «Мономах» повернул и начал уходить на север. «Садо-мару» бросился вдогонку и с расстояния 6000 метров открыл жаркий огонь. Погоня продолжалась около часа, но около 10.00, получив 2 попадания, «Мономах» остановился и спустил флаг. В этот момент «Мансю-мару», который не желал лишиться своей доли добычи, отправил госпитальные суда в Сасэбо без всякого сопровождения и тоже пошел к месту стычки, намереваясь захватить приз. Часть экипажа уже переправлялась на берег в шлюпках, но большинство, заметив пленных на борту «Садо-мару», спокойно остались

на крейсере и дожидались, пока их снимут. Японцы начали готовиться взять «Мономах» на буксир, но к этому времени он очень сильно погрузился носом, и спасти крейсер было невозможно. Поэтому японцы свезли команду на «Мансю-мару» и спустили свой флаг. В 14.30 «Мономах» затонул.

Тем временем брошенный «Нахимов» со все еще поднятым флагом также затонул, едва не унеся с собой командира и штурмана. Эти люди, до конца преданные своему долгу, были в конце концов спасены местными рыбаками. Из остального экипажа 2 офицера и 99 матросов добрались до острова Цусима на шлюпках, а 26 офицеров и 500 матросов попали на борт «Садо-мару». С «Мономаха» «Мансю-мару» снял 32 офицера и 374 матроса и отправился с ними в Сасэбо, после чего крейсер затонул.

Тем временем примерно такие же события разыгрались вокруг «Сисоя», последнего из 4 поврежденных кораблей, подошедших к «Цусиме». Пробоину, сделанную торпедой 4-го дивизиона истребителей, удалось закрыть пластырем, и он попытался прорваться на север. Утром к броненосцу присоединился истребитель «Громкий», после того как «Мономах» отпустил его. Примерно в 06.30 показались 3 японских вспомогательных крейсера, подходящие с юга. Это были «Синано-мару», «Дайнан-мару» и «Явата-мару». Подняв стеньговые флаги, они устремились в погоню, поэтому «Громкий» дал полный ход и пошел на юго-запад, вероятно, намереваясь снова присоединиться к «Мономаху», который был еще виден. «Явата-мару» погнался за ним, а два остальных пошли к «Сисою». В 07.30 они приблизились на расстояние 6000 метров и приготовились открыть огонь, как увидели сигнал: «Тону», а затем «Прошу помощи». В ответ был поднят сигнал «Вы сдаетесь?», после чего броненосец, совершенно не способный сражаться, поднял белый флаг. Корабль погружался так быстро, что команде оставалось лишь поспешно покинуть его. В 10.50 японский флаг был спущен, капитан и последние офицеры были сняты, и через 5 минут он

опрокинулся на правый борт и погрузился в ужасном водовороте». Более трети команды снять не успели, но японцы изо всех сил старались спасти их. Поэтому в результате из 660 человек команды они приняли 42 офицера и 571 матроса.

Теперь из русских кораблей остался лишь истребитель «Громкий», который стал героем захватывающей истории. После того как он оставил «Сисоя» и едва не присоединился к «Мономаху», подошел японский вспомогательный крейсер «Мансю-мару», и «Мономах» отпустил истребитель, чтобы тот попытался самостоятельно прорваться во Владивосток. Оставшийся запас угля позволял пройти это расстояние лишь экономическим ходом, но командир решил дать полный ход, чтобы проскочить мимо японских миноносцев и истребителей, которые поодиночке или попарно возвращались в Фузан, Ульсан и другие базы. Русские офицеры видели несколько кораблей, но «Громкого», похоже, не заметил никто, и уж точно никто не попытался гнаться за ним. Лишь «Сирануи» попытался было догнать русский истребитель, но надежды на это не было. На японском истребителе вышел из строя котел, и он мог дать не более 20 узлов, тогда как «Громкий» развил около 24 узлов. Однако прежде чем русские оторвались, «Сирануи» добился удачного попадания из 76-мм орудия, после чего скорость «Громкого» тоже снизилась. Занудная погоня продолжалась, миноносцы обменивались огнем на расстоянии от 4000 до 5000 метров без особого результата. Так продолжалось до 11.30, когда они оказались на траверзе Ульсана, но тут впереди показался миноносец, идущий с востока. «Громкий» принял его за истребитель, но на самом деле это был № 63, корабль командира 20-го отряда миноносцев, который потерял своих товарищей и самостоятельно возвращался в Ульсан для пополнения запасов¹. В последний час он шел к замеченным дымам

¹ Остальные миноносцы отряда сделали то же самое. Каждый из отрядов получил свой порт для сбора. Главными из них были Миура, Фузан и Ульсан.

и теперь мог отрезать путь русским. Ошибочно оценив силу нового противника и решив, что уклониться от него не получится, командир «Громкого» решил повернуть назад и потопить преследователя торпедами. Пойдя прямо на «Сирануи», он выпустил обе торпеды с дистанции 3 кабельтова. Одна торпеда из-за дефектного заряда просто шлепнулась в море, но другая была так хорошо нацелена, что «Сирануи» увернулся от нее, лишь резко положив руль на борт. В результате «Громкий» упустил свой последний шанс. Вместо того чтобы сражаться с менее опасным противником, он оказался между двух огней, причем стрельба велась с малой дистанции. Уступая противнику в артиллерии, он был обречен. Один колет за другим, одно орудие за другим выходило из строя, пока «Сирануи» описывал круги, расстреливая его. Однако еще 45 минут «Громкий» отважно отбивался, пока на нем не осталось всего 2 мелких орудия, а артиллерийские погреба затопило через пробоины. Он предпринял последнюю отчаянную попытку таранить врага, но истребитель так быстро погружался, что из нее ничего не вышло. Команда начала прыгать в шлюпки и в воду, и так как японцы подошли вплотную, они сдались. Японцы поспешно поднялись на борт «Громкого», но все их усилия заделать пробоины были бесполезны. Высокие волны взяли верх, и приз ускользнул прямо из рук японцев. В 12.43 истребитель перевернулся и затонул, унеся с собой тело своего отважного командира капитана 2 ранга Керна¹.

Так закончилась великая атака миноносцев. Не считая 4-го отряда миноносцев, которые не сумели найти противника, в ней участвовали 53 корабля: 21 истребитель и 32 миноносца, хотя 14 из них не сумели выпустить ни одной торпеды. Всего японцы израсходовали 87 торпед:

¹ Этот отчет взят из «Конфиденциальной истории», и он отличается от рассказа лейтенанта Потемкина. Потемкин был уверен, что их преследовали 3 истребителя и несколько миноносцев.

50 истребители и 37 миноносцы¹, при этом они добились всего лишь 4 попаданий, если не брать в расчет дневную атаку «Суворова». Ни один русский корабль не погиб мгновенно. Хотя это было гораздо лучше, чем получилось 10 августа, когда погодные условия были гораздо более благоприятными, назвать результаты хотя бы удовлетворительными нельзя. Атака минных флотилий была отважной и решительной, однако можно даже усомниться в том, внесла ли она хоть какой-то вклад в конечный результат. Из 4 кораблей, получивших попаданий, 3 после дневного артиллерийского боя уже имели такие серьезные подводные повреждения. Вряд ли они могли участвовать в новом бою, и у них не оставалось никаких шансов уклониться от японцев на следующий день. Остается старый и слабый броненосный крейсер «Мономах»... Но даже эти скромные результаты стоили японцам 2 миноносцев, потопленных артиллерийским огнем, и одного — таранным ударом своего же корабля. Кроме того, в результате столкновений полностью вышли из строя 3 истребителя, а 4 были повреждены артогнем. Потери составили 2 офицера и 30 матросов убитыми, 17 офицеров и 69 матросов ранеными.

Но в двух отношениях предыдущий опыт торпедных атак, особенно ночной атаки после боя в Желтом море 10 августа, подтвердился. Прежде всего было доказано, что прожектора в качестве средства защиты дают более чем сомнительное преимущество. Вся ярость атаки обрушилась на ту часть русского флота, которая их использовала, тогда как головные корабли прожектора не включали, и их практически никто не тронул. А весь бой в целом вполне согласуется с более ранними уроками. Ночная атака движущейся эскадры, которая не включает огни, вряд ли может принести решительный итог.

¹ Эти цифры взяты из «Конфиденциальной истории». Сюда включены торпеды, выпущенные по «Суворову», но при этом имеются расхождения с рапортами отдельных кораблей.

Даже если корабли без огней будут обнаружены, выяснилось, что простое изменение курса сбивает с толка атакующие миноносцы. Но такие повороты необходимы, и отсюда следует второй вывод. В очередной раз было доказано, что эскадра, которая прибегнет к подобным маневрам, неизбежно потеряет строй. Этот результат торпедных атак совершенно очевиден. В каждом случае атакованная эскадра разваливалась на отдельные группы кораблей, неспособные действовать, как единое целое. Этот факт показывает, что торпедная атака может иметь больший результат при подготовке артиллерийского боя, а не как «завершение работы» с разбитым флотом.

Даже если в этих атаках японцы не сумели добиться более высоких результатов, это не следует приписывать недостатку энергии и решительности во время атак. По свидетельствам обеих сторон, миноносцы подходили почти вплотную, средняя дистанция пуска торпед составляла от 300 до 400 метров. Бросаясь в атаку толпой, японцы просто напрашивались на неудачу. Даже если не принимать в расчет высокие волны, которые предельно затрудняли управление маленькими корабликами, сравнительная неудача во многом объяснялась тем, что миноносцы мешали друг другу. В рапорте минной флотилии говорится: «Этой ночью почти все отряды выходили в атаку практически в одно время. Они собрались подобно пчелам вокруг русского флота со всех сторон и атаковали с правого борта, оставив левый наблюдателям, с носа и кормы. Каждый отряд создавал помеху остальным, но все вместе они заставили противника поволноваться. Однако поскольку они шли полным ходом в темноте, имело место множество столкновений, и в попытках избежать катастрофы несколько миноносцев потеряли шанс атаковать». Тщательное изучение событий может лишь родить сомнения: стоило ли использовать такое большое количество отрядов, не объединенных общим руководством. При этом явно не была учтена возможность нанести удар

по собственным кораблям. Даже при идеальном строе в дневное время взаимные помехи сковывают инициативу, а ночью в штормовую погоду, когда 50 миноносцев бросаются в атаку с трех разных направлений без приказа и установленного порядка действий, такая опасность может принять колоссальные размеры. В данном случае идея явно заключалась в том, что ложные атаки и отходы расстроят оборону. При этом, насколько мы знаем, штаб не готовил совершенно никаких планов совместных действий минных отрядов. Командиры отрядов получили полную свободу атаковать где, когда и как они хотели, не обращая внимания на действия других отрядов, исключая случаи, когда грозило столкновение. Но никаких ложных атак не было, во всяком случае у нас таких данных нет. Главным впечатлением остаются постоянная несогласованность и взаимные помехи. Даже такие действия могут до определенной степени запутать обороняющихся, но атакующим они мешают гораздо больше. Именно эта путаница лишила японцев решительного результата, которого вполне можно было ожидать при решительной атаке столь крупных сил против разбитого и деморализованного противника.

КАПИТУЛЯЦИЯ АДМИРАЛА НЕБОГАТОВА

Пока японские миноносцы проводили атаки, завершившиеся в конечном счете уничтожением или захватом кораблей, которые пытались спастись у берегов Цусимы, на севере готовилась завершающая фаза битвы, которая должна была вылиться в еще одну артиллерийскую дуэль.

Всю ночь адмирал Того шел со скоростью 15 узлов в точку рандеву флота, которая находилась у северного берега Мацусимы. В течение всего темного времени суток бдительные наблюдатели старались обнаружить русские миноносцы, которые, как полагали японцы, еще способны

нанести сокрушительный удар. Того пока еще не представлял точно размеры собственного успеха, не знал о разгроме главных сил русского флота. Все, что он знал, изложено в краткой радиограмме, отправленной в полночь в Императорский штаб: «Сегодня Объединенный флот дал бой русскому флоту возле острова Окиносима. Мы разбили его, мы потопили как минимум 4 корабля и серьезно повредили остальные. Повреждения нашего флота незначительны. Отряды истребителей и миноносцев атаковали на закате».

Из этой радиограммы видно, что он крупно недооценивал размеры потерь, понесенных русскими. Разумеется, адмирал Того знал, что броненосец типа «Суворов» потоплен, однако он не был уверен, что это был флагман флота. Два или три корабля, которые он считал потопленными, японцы относили к вспомогательным кораблям, и уж совершенно точно — Того не подозревал, что он практически истребил 1-й броненосный отряд. Только утром он узнал о судьбе «Бородино» и «Осляби». Все, в чем он мог быть твердо уверен, это то, что скорость русских ниже его собственной и что судьба сражения зависит от того, сумеет ли он утром оказаться между русской эскадрой и Владивостоком и снова навязать ей бой. «Конфиденциальная история» сообщает, что именно таковы были его намерения — опередить противника и утром дать ему бой, если он попытается прорваться на север. Но 28 мая к 05.00, когда начался рассвет, броненосцы Того находились еще в 30 милях от острова Мацусима, и его сопровождал только отряд адмирала Камимуры.

За все это время адмирал Того не отдал ни одного приказа своим командирам отрядов, только в 03.15 он радировал адмиралу Ямада, который охранял Западный пролив с 7-м боевым отрядом: «Выйти к месту вчерашнего боя и уничтожить то, что осталось от неприятеля». Поэтому адмирал Ямада взял курс на Окиносиму, имея с собой «Фусо», «Такао», «Цукуси», и приказал «Тёкай» и «Майя» следовать за собой, если позволит состояние моря.

Отряды крейсеров, не имея новых приказаний, просто следовали за адмиралом Того. Ближе всех на рассвете к нему оказался 6-й отряд, который находился в 25 милях SW-t-S. Еще дальше на юго-восток, в 6 милях от этого отряда и соответственно в 30 милях от командующего, находился адмирал Уриу с 4-м отрядом и 2 крейсерами 3-го отряда. В 26 милях у него за кормой шел тихоходный 5-й отряд¹.

Адмирал Дева, который увел свой поврежденный флагман «Касаги» в Абурадани, перенес флаг на «Титосэ» и отправился на соединение с главными силами еще в 21.30. На рассвете он натолкнулся на русский истребитель «Беспощадный» и потратил целый час, чтобы потопить его, хотя крейсеру помогал «Ариакэ» из 1-го отряда истребителей. Он потерял своих товарищей и шел на соединение с флотом, но был привлечен грохотом выстрелов². Из-за этой задержки он находился в 100 милях позади командующего.

Кроме всех этих отрядов имелись еще 2 корабля, которые также следовали на север. Первым был вспомогательный крейсер «Америка-мару», по собственной инициативе отправившийся в точку рандеву к острову Мацусима. Про него все забыли, и капитан не имел совершенно никаких приказаний. Другим кораблем была база миноносцев «Кумано-мару». Согласно плану боя она должна была находиться в бухте Миура, куда и отправилась рано утром 27 мая. Там корабль простоял весь день, передавая припасы на различные миноносцы и ремонтируя их. Однако к вечеру капитан, видя, что битва перемещается к северу, решил, что его стоянка оказалась слишком далеко к югу, и решил следовать к точке рандеву. Так он и сделал, по-

¹ Действительное положение в это время было следующим: 1-й и 2-й отряды — 30 миль S-t-W от Мацусимы; 4-й отряд и половина 3-го — 60 миль S-t-W от Мацусимы; 5-й отряд — 46 миль от мыса Клонар; 6-й отряд — 56 миль NO-t-O от мыса Клонар.

² «Титосэ» израсходовал 68 снарядов 120-мм и 39 снарядов 76-мм, «Ариакэ» — 12 снарядов 76-мм. «Титосэ» вел бой на дистанции от 5300 до 2000 метров и добился всего 6 попаданий.

пытавшись связаться по радио с «Микасой» и со своим непосредственным командиром адмиралом Катаока. Судя по всему, Катаока разрешил эту передислокацию. Они наверняка поддерживали связь между собой, так как в полночь адмирал приказал «Кумано-мару» следовать к сигнальной станции Омура и передать телеграмму адмирала Того Императорскому штабу. Сделав это, «Кумано-мару» поспешил к точке общего рандеву, начав приготовления к обслуживанию миноносцев, если те предпримут новую атаку. Поэтому всем миноносцам, которые утром пришли в бухту Миура, пришлось отправляться в Такесики, где находился ближайший арсенал, и они не сумели принять участие в дальнейших операциях.

Общая ситуация на рассвете 28 мая была такова, что не требовала специальных распоряжений для поиска потерявшегося противника. Все крейсера адмирала Того шли более или менее в кильватер своему броненосному отряду, и даже не были разбросаны на большой площади. Конечно, требовались кое-какие предосторожности против вражеских миноносцев, поэтому адмирал Того держал оба броненосных отряда в одной кильватерной колонне, а посыльные суда занимали позицию у него за кормой. Поэтому неудивительно, что когда начало светать, противника нигде не было видно, хотя утро было солнечным, а видимость предельной. Адмирал Того шел прежним курсом, лишь склонился на N-t-W, чтобы обойти западную оконечность Мацусимы, и снизил скорость до 13 узлов. Так как он не видел даже следов противника, то был готов «развернуть поисковые линии крейсеров на восток и запад, чтобы отрезать противнику пути отхода». Однако в 05.20 от 5-го отряда, отстававшего теперь на 60 миль, пришла радиограмма: «Вижу несколько дымов противника на востоке». В 05.30 последовало новое сообщение с уточнением: «Четыре броненосца и два крейсера 2 или 3 класса, идущие на северо-восток». Однако немного позднее, когда Того все еще шел на север кильватерной колонной, пришла очередная радиограмма: «Противник состоит из

2 броненосцев, 2 броненосцев береговой обороны и одного крейсера типа «Изумруд», все идут на NO». Эту информацию подтвердил в 05.50 4-й отряд, который, однако, сам противника не видел. Судя по всему, адмирал Уриу просто ретранслировал сообщение 5-го отряда. Но адмирал Того решил, что он видит русских, и приказал ему поддерживать контакт. Затем, незадолго до 06.00, командующий повернул на юг и двинулся обратно, все еще держа скорость 13 узлов¹.

Разумеется, это был адмирал Небогатов, который имел с собой «Николай I», «Орел», «Сенявин», «Апраксин» и «Изумруд». Поврежденный «Ушаков» отстал от него на 15 миль, а «Донской» — еще больше. 5-й боевой отряд заметил дымы русских чуть ранее 05.00 и повернул на NO, чтобы сблизиться. Но только в 05.30 японцы сумели опознать русские корабли и лишь 10 минут или даже немного позже «Микаса» принял радиogramму. В любом случае лишь в 06.00 Уриу получил приказ адмирала Того поддерживать контакт и повернул на ONO, так как рассчитывал этим курсом выйти на русских. 6-й отряд еще в 05.00 получил сообщение, что видны какие-то дымы, но ничего не предпринял и сейчас ждал новой информации, снизив скорость. Ничего не происходило, и в 05.30 крейсера повернули на SO. К 06.00 они по-прежнему не имели сведений, где именно замечен вражеский флот², но в 06.10 наконец увидели дымы 4-го отряда, после чего сразу повернули на восток, чтобы соединиться с ним. Действительно, утро с

¹ Существует некоторая путаница с временами, но нет особых сомнений в том, что поворот был совершен после получения радиogramмы. «Конфиденциальная история» не дает времени поворота, но указывает, что в 06.05 адмирал Того уже шел на юг. Наш аташе при 1-м отряде сообщает, что радиogramма была получена в 06.00, когда остров Мацусима находился на траверзе броненосцев, после чего флот повернул. Рапорт «Микасы» сообщает, что радио было получено в 05.50.

² Эта неспособность указать координаты просто удивительна. «Титосэ» сообщает, что получил сведения от «Яэямы», посыльного судна адмирала Катаоки, который в 05.30 передал: «Квадрат 603, идут на северо-запад». «Америка-мару» получил те же координаты от «Яэямы» в 04.50 и понял их как «40 миль O-t-S от мыса Клонар».

самого восхода было удивительно ясным, и вершины гор на острове Мацусима были видны с расстояния 60 миль. Однако по совершенно непонятной причине русские не могли определить принадлежность кораблей 5-го отряда еще в течение часа после того, как «Микаса» получил сообщение.

Некоторое время положение оставалось неизменным, исключая то, что «Америка-мару» заметил «Светлану», идущую на север в 35 милях на SSW от Мацусимы. Русский крейсер находился в жалком состоянии после того, как накануне получил тяжелый снаряд в носовую часть ниже ватерлинии. Крейсер заметно сел носом и получил такой крен на левый борт, что не мог стрелять из левых 152-мм орудий. Ночью, когда начались атаки миноносцев, он попытался следовать за адмиралом Энkvистом, но после постоянных перемен курса в попытках прорваться на север «Светлана» потеряла адмирала и в конце концов оказалась в одиночестве. Так как все динамо-машины вышли из строя, его рация вышла из строя, и после некоторых колебаний командир решил лечь на роковой курс NO 23 градуса. Хотя крейсер встретил множество миноносцев, ни один не атаковал его. С первыми лучами солнца выяснилось, что рядом находится японский 5-й боевой отряд, а его попытка незаметно ускользнуть была замечена вспомогательным крейсером «Америка-мару». Он не решился приблизиться к русскому кораблю и только следил за ним, передавая по радио его курс и позицию, однако никто не обращал на эти радиogramмы никакого внимания. Всех интересовали только главные силы русских. Например, тот же 5-й боевой отряд просто не заметил «Светлану» и продолжал следить за Небогатовым.

Адмирал Дева точно так же был слишком занят поисками Набогатова, и ничто не могло отвлечь его в сторону. По пути, разделавшись с истребителем «Безупречный», примерно в 06.30 он заметил на левом траверзе «Донского» и «Ушакова» справа по носу, но как сообщает рапорт «Титосэ»: «Считая своей главной обязанностью отыскать

главные силы, телеграфировал на «Микасу» координаты этих двух кораблей и продолжал следовать на север». Примерно через полчаса «Донской» скрылся из вида слева по корме, но броненосец береговой обороны, игнорируя Деву и его легкий крейсер, двигался на север и оставался на виду до 08.25, когда отклонился на восток и пропал в направлении N-t-O.

Но «Светлане» не суждено было отделаться так легко. Следуя избранным курсом, она удалилась от 5-го отряда лишь для того, чтобы налететь прямо на 4-й боевой отряд. Когда русские заметили опасность, они самым большим ходом, на который был способен поврежденный корабль, пошли на север, однако около 07.00 адмирал Уриу отправил за ним в погоню 2 крейсера 3-го отряда, которые ходили вместе с ним. «Отова» и «Нийтака» погнались за «Светланой», а «Америка-мару» поспешил убраться у нее с дороги.

До сих пор адмирал Того не мог определить, где находятся главные силы русских, вероятно, из-за несовершенства японской системы указания позиции в море. В 06.40 сообщили, что они находятся в 40 милях южнее, поэтому в 07.30 он повернул на SO-t-O и увеличил скорость до 15 узлов. В последующие два часа «оба отряда часто изменяли курс, подстраивая его под передвижения противника». В этот период «Асама», неспособный поддерживать высокую скорость из-за повреждений, полученных вчера, снова отстал. Детали перемещений русских, о которых говорит адмирал Того, нам не известны. Очевидно, проблемы с точным указанием координат русских продолжались. Несомненно, это было причиной нескольких поворотов японских броненосцев. Вскоре после того как адмирал Небогатов заметил 5-й отряд, он решил атаковать японцев. Уточнив состояние артиллерии своего отряда и получив обнадеживающий ответ, он приказал повернуть влево «все вдруг» и приготовиться к бою. Вероятно, это произошло вскоре после 08.00, когда адмирал Уриу все-таки увидел русских примерно через час

после того, как отправил «Отову» и «Нийтаку» в погоню за «Светланой». Теперь он имел под своей командой только 3 корабля, так как «Акаси» тоже остался позади из-за своих пробоин. Адмирал Уриу приказал «Наниве» и «Така-тихо» держаться на левом траверзе русских, а «Цусиме» предоставил полную свободу действий, «желая наиболее надежно поддерживать контакт». Эта предосторожность, вероятно, была предпринята из-за попытки русских сблизиться с 5-м отрядом, который сразу отвернул. Во всяком случае, так утверждает адмирал Небогатов. Он некоторое время шел новым курсом, но колебался, потому что не знал, кому принадлежат неясные силуэты кораблей 4-го отряда — русским или японцам. «Изумруд» был отправлен на разведку. Крейсер вернулся и сообщил, что это японцы, но сильно преувеличил их силы. Потом появился 6-й отряд, и хотя все надеялись, что это русские корабли, тот же «Изумруд» опознал в них 5 японских броненосных крейсеров.

К этому времени русские решили, что три японских отряда, которые их видят, перестроились в кильватерную колонну. Это впечатление наверняка возникло потому, что 5-й отряд так сильно ушел в сторону, что оказался почти что в кильватерной струе адмирала Уриу. Мы также знаем, что 6-й отряд занял место за кормой 5-го. Но, каковы бы ни были причины, адмирал Небогатов, приняв сигнал «Изумруда», приказал лечь на прежний курс. На процессе он заявил: «Я решил следовать во Владивосток, и если бы они попытались остановить нас, мы бы прорвались силой. Я молился Николаю Чудотворцу, чтобы он помог нам».

Но помочь русским могло только настоящее чудо. Тем не менее последний маневр Небогатова вызвал у адмирала Того определенное беспокойство. Он по-прежнему не видел противника, и выбранный им курс SO-t-O, как неожиданно оказалось, не поставит его впереди русских. Поэтому в 08.40 Того поворачивает на O-t-N и сигналом передает 2-му отряду: «Выйти вперед и установить кон-

такт с неприятелем». Камимура выходит вперед, увеличив скорость до 17 узлов. Но, прежде чем броненосные крейсера успели уйти вперед, беспокойство японского командующего улетучилось. В 09.18 на горизонте на SO-t-O показались трубы и мачты 5-го отряда. В 09.32 на SO появился 4-й отряд, а вскоре после этого на том же самом направлении стали видны и русские корабли. Они находились по правому борту «Микасы» чуть впереди траверза, очевидно, двигаясь на северо-восток. Имея превосходство в скорости, адмирал Того мог без труда охватить голову колонны противника, поэтому он не стал менять курс, а просто приказал сыграть боевую тревогу и поднять стеньговые флаги.

Как только адмирал Небогатов разобрал, какие корабли появились перед ним, его покинула последняя надежда. Японские броненосцы преграждали ему путь, а за кормой находились три отряда крейсеров, которые отрезали дорогу к отступлению. Адмирал Небогатов заявил: «Было ясно, что японцы стягивают кольцо вокруг нас, на четко определенном расстоянии, которое они могли выдерживать, благодаря превосходству в скорости».

К 10.15 японский 1-й боевой отряд подошел на расстоянии 12 000 метров, а 2-й отряд находился немного ближе. Русские по-прежнему шли на северо-восток, и расстояние быстро сокращалось. В 10.30, когда японцы оказались прямо на курсе у противника, оно составило 8000 метров. «Изумруд» пошел вперед, словно намеревался пустить в ход торпеды, и адмирал Того из осторожности повернул 1-й отряд чуть влево, чтобы уклониться от него. Адмирал Камимура в 10.33 повторил его маневр. Через минуту «Касуга» сделал первый выстрел, за ним открыли огонь и остальные корабли Камимуры с расстояния от 7000 до 8000 метров¹. 1-й отряд открыл огонь по «Николаю» в 10.38, а через 10 минут 2-й отряд начал по-

¹ Дистанции особенно важны, так как на них ссылается адмирал Небогатов, оправдывая свою сдачу. «Конфиденциальная история» говорит, что в 10.33 расстояние от «Касуги» до «Николая» составило 8000 метров. Для «Адаумы» в 10.36 расстояние было 7000 ярдов.

ворачивать вправо, чтобы сократить дистанцию. Русские не отвечали. Согласно показаниям адмирала Небогатова, он приказал своему старшему артиллеристу открыть огонь, но тот ответил, что расстояние слишком велико. Именно это, заявил адмирал, подтолкнуло его сдать. Его собственные 305-мм орудия были устаревшего образца, если не считать «Орла», больше таких орудий не имел ни один корабль эскадры. Однако «Орел» представлял собой просто груды металлолома¹, израсходовавшую боеприпасы. 254-мм орудия «Апраксина» и «Сенявина» были бесполезны из-за большого расстояния. Японцы могли держать нужное им расстояние, и русский адмирал не сумел бы его сократить из-за малой скорости своих кораблей. Была правильной его оценка состояния артиллерии или нет — сказать трудно, но суд не принял во внимание его заявления. Предположение Небогатова, что японцы не будут сблизаться, подтверждал маневр адмирала Того, который отвернул прочь при приближении «Изумруда». 2-й отряд, в кильватер которому шел 1-й, начал склоняться вправо, как бы намереваясь начать окружение. Правильно или нет, но Небогатов решил, что больше сопротивляться он не может, поэтому сейчас самым важным было провести капитуляцию так, чтобы избежать ненужных жертв.

Практически нет сомнений в том, что это решение соответствовало общему настроению эскадры. Появление японского флота в полном составе, совершенно нетронутого, после ужасного боя накануне, оказалось таким психологическим ударом, что моральный дух русских просто не выдержал. На нижних палубах разлетелся слух, что

¹ Это подтверждают японские рапорты в «Конфиденциальной истории». Японцы нашли 9—305-мм, 5—203-мм, 13—152-мм попаданий в левый борт. Самая крупная пробоина имела размеры 2,8 x 1,6 метра. В правый борт попали 3—305-мм, 2—203-мм, 7—152-мм снарядов, еще 2—152-мм снаряда попали в рубку. Ствол одного из 305-мм орудий носовой башни был отбит в 2 метрах от дульного среза. Из экипажа 30 офицеров и 825 матросов в плен попали 26 офицеров и 779 матросов, из них 14 офицеров и часть матросов были ранены. В бою погибли 4 офицера и 46 матросов.

русскую эскадру окружает нетронутый флот, с которым они просто не могли вести столь тяжелый бой вчера. Поэтому сразу появилась сплетня, что вчера вел бой другой флот, а именно английский, который пришел на помощь японцам. Русский офицер дает очень красочное описание этой изменившейся атмосферы. «Жестокая битва, которая продолжалась с 2 часов дня 27 мая всю ночь, не сломила дух наших матросов, которые сражались так стойко. Все ожидали возобновления битвы на рассвете, и они были совершенно готовы к ней. Все приказы для этого были отданы. Но когда на рассвете мы обнаружили, что окружены железной стеной из 27 вражеских кораблей, ни на одном из которых не было видно никаких следов повреждений, и офицеры, и матросы потеряли надежду. Они падали на колени и кричали, что все пропало. Эти великолепные корабли, весь японский флот, причем не пропал ни один корабль, которые стягивали кольцо вокруг того, что осталось от нас, — кто мог смотреть на них, не ощутив, как его душа отделяется от тела? Вот почему в момент сдачи ни один человек не имел силы показать свое мужество».

В общем, насколько можно судить по имеющимся свидетельствам, произошел внезапный надлом морального духа, против чего не устоял и сам адмирал. В его глазах все дальнейшие усилия были хуже чем бесполезными. Как только японцы открыли огонь, он приказал спустить русские флаги и поднять сигнал о сдаче по международному своду сигналов. Некоторое время японцы не могли понять, что происходит. Великолепное сопротивление русских вчера совершенно не приготвило их к мысли о возможности такого краха. Поэтому стрельба продолжалась еще 10 или 15 минут. Сначала она была плохой, и попадания были редкими, но так как точность японской стрельбы повышалась и японцы не обращали внимания на сигнал о сдаче, адмирал Небогатов приказал поднять белый флаг. Однако стрельба продолжалась до тех пор, пока на русских кораблях не

были подняты японские флаги. Лишь тогда ошеломленные японцы поняли, что именно произошло, и был отдан приказ прекратить огонь. Все 4 броненосца повиновались приказу адмирала без всяких протестов, но командир «Изумруда» капитан 2 ранга Ферзен решил, что у него причин сдаваться нет. Его корабль имел высокую скорость, и когда он увидел последнюю степень деградации — японский флаг над адмиральским броненосцем, он решил прорываться, пока еще не поздно. К этому времени японский 2-й боевой отряд уже пересек курс русских и находился к северу от них, угрожая закрыть брешь между собой и 6-м отрядом, который подходил сзади и находился на правой раковине у русских. Однако разрыв еще существовал, и Ферзен созвал офицеров на совет, чтобы сказать, чем может закончиться прорыв. Угля осталось не слишком много, и трубки в котлах были изношены, однако Ферзен собирался, если получится, прорваться к ближайшей земле, то есть к островам Оки, которые находились в 70 милях на юго-восток. Там он собирался высадить команду и взорвать корабль, если не будет другого пути спасти его от японцев. Как только было принято это смелое решение, он круто повернул вправо и помчался на юго-восток на скорости 20 узлов. 6-й отряд, который был ближе других, сразу бросился в погоню, но скорость его кораблей была совершенно недостаточной, и русский крейсер вскоре скрылся за горизонтом.

К этому времени (11.30) оба флота остановились примерно в 18 милях на SSW от скал Лианкур. Различные японские отряды образовали кольцо вокруг русской эскадры. Это был полный триумф, победа в сражении, которое началось в 180 милях отсюда. За несколько минут до полудня и примерно через 24 часа после того, как русские корабли сделали первые выстрелы по японским крейсерам, которые обнаружили их на входе в Восточный пролив, адмирал Того принял капитуляцию. На «Николай» были отправлены офицеры, чтобы обговорить детали. На

японских кораблях воцарилось торжественное молчание. Английские атташе пишут: «Не было особого ликования, все восприняли это спокойно. Конечно, все были счастливы, но никто не собирался шуметь».

Но битва еще не завершилась. Пока происходил болезненный процесс перехода призов в руки новых владельцев, другие корабли, которые не видели «железную стену», проявили высокий дух, который начисто отсутствовал на главной эскадре.

Первой это доказала раненая «Светлана». Мы оставили ее на рассвете, когда она шла на север полным ходом, пытаясь оторваться от преследующих ее «Отовы» и «Нийтаки», хотя японские крейсера имели превосходство в скорости. К 08.00 японцы точно опознали ее и увидели, что к крейсеру присоединился истребитель «Быстрый». Скорость японцев не превышала 18 узлов, тогда как подбитая «Светлана», набравшая 400 тонн воды в носовые отсеки, едва делала 15. Поэтому вскоре стало понятно, что бой неизбежен, и конец его был ясен заранее. В 08.00 капитан 1 ранга Шеин собрал офицеров в кают-компании и спросил их мнение. Все желали сражаться до последнего снаряда, а потом затопить корабль. После этого командир сказал, что таким было и его решение, и повернул корабль к корейскому берегу.

Вся машинная команда уже валилась с ног от усталости, однако люди действовали так здорово, что через час японцы все еще находились в 10 000 метров за кормой. Через полчаса дистанция сократилась до 9000 метров, и «Светлана» дала пробный выстрел. Но расстояние было слишком велико, и только в 09.40 «Отова» начал отвечать из носового 152-мм орудия. «Нийтака» дал пару выстрелов, но так как расстояние было слишком велико, крейсер прекратил стрельбу. Однако «Отова» продолжал огонь, и в 10.00 он сумел добиться попадания в корму «Светланы». Похоже, было повреждено рулевое управление, так как русский корабль начал выписывать зигзаги вправо и влево. Однако русский отчет утверждает, что он сохранил

управление, и эти маневры были совершенно намеренной попыткой сбить японцам прицел. Однако расстояние быстро сокращалось, и теперь попадания в «Светлану» стали чаще. К японским крейсерам присоединился истребитель «Муракумо» из 5-го отряда, который ночью не сумел атаковать русских. Он направлялся в точку рандеву, но принял участие в бою и помешал «Быстрому» вмешаться. В 10.12 «Нийтака» все-таки открыл огонь из 152-мм орудий с дистанции 8000 метров. Через 15 минут расстояние сократилось до 6000 метров, и он смог использовать свои 76-мм орудия. «Светлана» вскоре превратилась в сплошную массу огня и дыма. Ее боеприпасы быстро подходили к концу, левая машина вышла из строя, и всем было понятно, что вскоре наступит конец. Один из офицеров крейсера вспоминает: «Крейсера подошли ближе и сосредоточили страшный огонь. Каждый снаряд попадал в цель. Весь корпус «Светланы» дрожал от непрерывных взрывов попадавших снарядов... В нескольких местах вспыхнули пожары. Все патроны были расстреляны. Тогда, по отданному заранее приказанию, трюмный механик открыл кормовые клапаны затопления и двери водонепроницаемых переборок».

Когда крейсер прекратил стрелять, истребитель «Быстрый» пошел на север. «Нийтака» и «Муракумо» сразу бросились в погоню, тогда как «Отова», держась вне радиуса торпедного выстрела от «Светланы», продолжал расстреливать ее с дистанции 1000 метров. Под градом снарядов русские готовились покинуть корабль. Японская история с восхищением описывает ее конец: «Хотя экипаж ничего не мог сделать, он был полон решимости умереть и отказывался поднять сигнал сдачи. Засыпанные шквалом снарядов, они ждали, когда их корабль затонет. Командир был убит, старший помощник смертельно ранен. Корабль сильно накренился, и экипаж начал прыгать в воду. В 10.50 мы увидели, что он тонет, и «Отова» прекратил огонь». Это произошло через час после того, как адмирал Небогатов поднял японский флаг.

В этот момент пришла радиограмма от «Америка-мару». Вспомогательный крейсер после бегства от «Светланы» снова вернулся к «Отове» и «Нийтаке». Он сообщил, что видит русскую канонерку и еще 2 корабля, и «Отова» пошел в указанную точку. Когда он проходил мимо «Америка-мару», тому приказали идти к месту потопления «Светланы» и спасать экипаж. Отважный крейсер затонул вскоре после 11.00 в 20 милях от бухты Чукупен. «Америка-мару» прибыл вовремя, чтобы спасти 11 офицеров и 279 матросов. «Быстрый», преследуемый двумя кораблями, через несколько минут понял, что спасение невозможно, повернул влево к корейскому берегу и выбросился на скалы в 5 милях севернее бухты Чукупен. Русские частично подорвали свой корабль, экипаж высадился на берег и попытался скрыться в горах. Однако их перехватила и взяла в плен малочисленная охрана сигнальной станции Чукупен.

Погоня за «Изумрудом» была не столь успешной. Как только он скрылся из вида 6-го отряда, адмирал Дева на «Титосэ» поспешил на помощь с юга. Поэтому «Изумруд» был вынужден отказаться от попытки прорваться к Оки, и его преследователи все еще сохраняли шанс перехватить крейсер. Видя это, контр-адмирал Того отделил «Акицусиму», чтобы он вместе с «Титосэ» продолжал погоню, а сам с 3 крейсерами повернул на соединение с командующим. Но хотя «Титосэ» во время погони дал свою максимальную скорость — на приемных испытаниях он показал 23 узла, — постепенно он отставал все больше, и в 14.00 прекратил гонку, оставив «Изумруд» спокойно следовать во Владивосток.

К этому времени была завершена подготовка к приему сдавшихся кораблей. Офицерам охотно согласились оставить холодное оружие и вестовых при условии, что сдавшиеся корабли не будут повреждены командой. Из экипажей две трети оставались на кораблях, чтобы управлять ими вместе с призовыми командами, а по прибытии в Японию им должны были отдать личные вещи. Адмирал

Небогатов принял эти условия, прибыв по приглашению адмирала Того на «Микасу». Примерно в 14.30, после часовой беседы, Небогатов вернулся на «Николай», и начался процесс передачи кораблей.

Он серьезно затянулся, и адмирал Того чувствовал, что до завершения ему следует держать флот сосредоточенно, но это требование создавало серьезные неудобства. Он наконец-то узнал, какие потери нанес противнику. Для него стало огромным разочарованием, что русского командующего не оказалось на сдавшихся кораблях. Впервые японцам стало известно, что адмирал Рожественский держал флаг на «Суворове», но что с ним случилось, не знал никто. Теперь японцы твердо знали, что «Александр», «Бородино» и «Ослябя» потоплены. Единственным организованным осколком русского флота остался отряд адмирала Энkvиста. Они, если их оставить в покое, могли причинить много неприятностей, но, несмотря на это, начать охоту за ними прямо сейчас не представлялось возможным. «Конфиденциальная история» сообщает: «Было потрачено слишком много времени на приемку сдавшихся кораблей, поэтому возможность отправиться в погоню была упущена. Более того, адмирал Того считал необходимым дать призам сильное сопровождение на время перехода, а потому отказался от идеи погони за другими и отправился с призами в Сасэбо».

Это самоограничение было тем более необходимо, что его легкие крейсера уже разошлись в разные стороны в погоне за отдельными русскими кораблями, а сейчас командующему пришлось отделить еще 2 броненосных крейсера. Дело в том, что когда в 14.30 японцы прибыли на русские корабли, был замечен подходящий с юга броненосец береговой обороны «Ушаков». Этот корабль, как мы помним, некоторое время назад был замечен «Титосэ», когда пытался догнать отряд Небогатова. Не обращая внимания на японский крейсер, «Ушаков» следовал прежним курсом на север до полудня. Обнаружив, что остался один и никакого противника не видно, он повернул на NW, наме-

реваясь выйти к корейскому берегу и пробраться во Владивосток. Обнаружив, что этим курсом он выйдет прямо на главные силы японского флота, «Ушаков» снова повернул на юг. Адмирал Симamura, который первым заметил его, запросил разрешение догнать его на своем флагманском крейсера «Иватэ» вместе с «Якумо». Разрешение было дано, и он бросился в погоню, но так как к этому времени корпус «Ушакова» уже скрылся за горизонтом, погоня обещала стать долгой.

Хотя крейсера делали 18 узлов, они догнали «Ушаков» лишь к 17.00 в 50 милях к западу от острова Оки. Затем, находясь на расстоянии 7 миль, адмирал Симamura, согласно инструкциям командующего, поднял сигнал по международному своду: «Ваш адмирал сдался. Советую вам сдаться». Однако он тут же обнаружил, что столкнулся с людьми совсем иного закала, чем те, что сдались адмиралу Того. Офицерский совет «Ушакова» уже решил, что корабль будет затоплен, но не спустит флаг. Некоторое время на русском броненосце не могли прочесть сигнал и подняли «Ясно вижу» до половины. Но в 17.30, когда японцы подошли на расстояние 9000 метров, русские разобрали совет сдаться и немедленно ответили на него орудийным залпом.

«Ушаков» в это время шел на запад, поэтому «Иватэ» и «Якумо» повернули на юго-запад, чтобы отрезать его, и открыли жаркий огонь из орудий левого борта. В ответ «Ушаков» начал постепенно склоняться влево, пока не повернул на юг. Так как его огонь, который сначала был хорош, начал постепенно ослабевать, оба броненосных крейсера одновременно повернули влево, чтобы сократить расстояние, но уже через 5 минут в 17.45 снова перестроились в кильватер. К этому времени «Ушаков» уже почти не стрелял и почти остановился. Корабль имел такой большой крен, что его орудия не могли действовать. Крейсера медленно приближались к нему с обеих сторон, продолжая стрелять. Они находились сейчас в 60 милях

прямо на запад от Окиносимы, и в 18.07 с японских кораблей увидели сильный взрыв. Когда облако дыма рассеялось, стало видно, что «Ушаков» перевернулся, а через 3 минуты он затонул, оставив после себя массу плавающих обломков и людей.

Что именно с ним случилось — точно не известно. Некоторые из пленных утверждали, что катастрофа стала результатом попаданий японских снарядов, но остальные не сомневались, что капитан 1 ранга Миклуха принял все меры, чтобы затопить корабль и не допустить, чтобы он попал в руки японцев. Некоторые говорили, что он просто открыл кингстоны, но другие утверждали, что сработали подрывные заряды. В любом случае японцы отдали дань уважения упорному сопротивлению старого броненосца береговой обороны. Сразу поспешив на помощь, оба крейсера спустили шлюпки и в конце концов спасли 339 человек, в том числе 12 офицеров из 422 человек команды. Отважный Миклуха ушел на дно вместе со своим кораблем.

К 20.45 все было закончено, и адмирал Симamura пошел обратно на ОНО, чтобы присоединиться к командующему. Хотя выделение этих двух крейсеров серьезно ослабило охрану призов, крайнее спокойствие, с которым русские восприняли капитуляцию, убедило адмирала Того, что он может выделить корабли для охраны проливов. Для этого в 15.45, когда адмирал Симamura еще продолжал погоню, 5-й и 6-й отряды получили приказ следовать в Осаки, где они смогли бы перехватить отряд адмирала Энkvиста, если бы тот пошел на юг. Теперь захваченные корабли охранял только 1-й боевой отряд, часть кораблей 2-го и 4-го отрядов, а также несколько истребителей и миноносцев, которые смогли присоединиться к командующему. Едва они подошли, тут же был получен новый вызов. Как только 5-й и 6-й отряды скрылись из вида, на северо-западе появился подозрительный корабль. 4-й отряд получил приказ догнать его вместе с 3 кораблями 2-го отряда истребителей, который прибыл

совсем недавно¹. Однако неизвестный корабль оказался всего лишь плавбазой «Кумано-мару», которая проявила неуместную инициативу. В 13.00 она прибыла в точку рандеву, но ничего не нашла. В ответ на телеграфный запрос инструкций «Кумано-мару» получил приказ следовать к скалам Лианкур и сейчас направлялся именно туда. От него адмирал Уриу получил кое-какую информацию, связанную с действиями «Отовы» и «Нийтаки», но достаточно расплывчатую. В результате Уриу решил отправиться к Мацусиме и посмотреть, что там происходит.

Теперь у русских кораблей практически не осталось шансов избежать обнаружения, так как море было накрыто сетью бронепалубных и вспомогательных крейсеров, истребителей и миноносцев, которые готовились к новой ночной атаке. В соответствии с планом она должна была последовать за вторым артиллерийским боем. Среди истребителей был «Сазанами» из 1-го отряда и «Кагэро» из 3-го, которым посчастливилось вплести последние лавры в венок японской победы. Оба они после ночной атаки зашли в Ульсан, чтобы пополнить запасы и исправить мелкие повреждения, а на следующее утро вместе вышли к Мацусиме². К 14.15 они еще не дошли до острова примерно 40 миль, когда вдруг увидели дымы, перемещающиеся с юго-востока на северо-запад. К 16.00 они сумели различить 2 русских истребителя, увеличили скорость до 23 узлов и бросились в погоню.

¹ Этот отряд после ночной атаки, в которой он серьезно пострадал, отправился на рандеву, потеряв «Икадзути», который был совершенно небоеспособен. В 08.30 они заметили «Донского» и 2 истребителя в 50 милях к востоку от мыса Клонар, но решили, что их обязанностью является атака главных сил русских. Они направились к скалам Лианкур и встретились с флотом в 15.00. Поэтому они потеряли возможность захватить русского командующего.

² В Ульсане они нашли другую плавбазу «Касуга-мару», но как она там оказалась, никто не может объяснить. Согласно плану этот корабль должен был находиться в Фузане.

Это были истребители «Бедовый» и «Грозный», на первом находился адмирал Рожественский со своим штабом. «Буйный», на который они перешли с тонущего «Суворова», ночью из-за поломки машин потерял скорость и остался в одиночестве. Однако утром он встретил «Донского» в сопровождении еще 2 истребителей. Хотя адмирала убеждали перейти на «Донской», он предпочел «Бедовый», так как его машины были в полном порядке. Как только адмирал перешел на этот истребитель, он вместе с «Грозным» и «Донским» направился на север. Выбранный курс привел их на встречу с японскими истребителями. После получаса погони японские истребители оказались так близко, что адмиральский штаб на «Бедовом» решил, что спасение невозможно, и приказал «Грозному» уходить в одиночку. К 16.45 расстояние сократилось до 4000 метров, и японцы открыли огонь. «Грозный» ответил и начал уходить, но орудия «Бедового» молчали. Он остановился и поднял белый флаг. Поэтому, когда «Кагэро» устремился в погоню за «Грозным», «Сазанами» снизил скорость, приблизился к «Бедовому» и отправил на него призывную партию.

Там японцы неожиданно для себя нашли адмирала Рожественского, страдающего от тяжелых ран. Врач запретил его трогать, поэтому истребитель был разоружен и взят на буксир. Но японцы никак не могли решить, что делать с такой драгоценной добычей. Результаты битвы были японцам неизвестны, поэтому они имели все основания для беспокойства за свои призы. В конце концов было решено идти в Ульсан как ближайший порт, где можно было получить инструкции, именно туда они направились в 19.20. На востоке была слышна стрельба, но японцы постарались отойти подальше и ничего не увидели. В результате к наступлению ночи начался последний отрезок путешествия адмирала, в распоряжении которого остался только один поврежденный истребитель вместо грозного флота, который некогда отправился на восток.

Стрельба, которую они слышали на востоке, была последним боем крейсера «Донской». Следует напомнить, что примерно в 17.00 адмирал Уриу со своим 4-м отрядом начал прочесывать район, и незадолго до 18.00 он был вознагражден, заметив «Донской» на W-t-S от себя. Японцы погнались за русским крейсером. Эта новость сразу была передана по радио адмиралу Того, который решил отправить на помощь легким крейсерам «Асаму». Так как скорость «Донского» была примерно такой же, как у японских крейсеров, погоня грозила затянуться, и шансы навязать русским бой выглядели сомнительными. Поэтому адмирал Уриу пытался убедить его сдаться, передавая по радио сообщение: «Донской», «Донской», адмирал Небогатов уже сдался!» Но капитан 1 ранга Лебедев не обращал на это внимания и следовал прежним курсом. Примерно через полчаса он начал поворачивать к северу, чтобы подойти к Мацусиме, и адмирал Уриу начал его нагонять. Вскоре стала ясна и причина этого поворота. На западе появились «Отова» и «Нийтика». Покончив со «Светланой», они пошли на OSO, но заметили «Донского» и пошли на сближение на скорости 18 узлов. Его судьба была решена, поэтому крейсер совершил отчаянную попытку выброситься на берег Мацусимы. Вскоре после 19.00, находясь в 20 милях к югу от острова, «Отова» открыл огонь с дистанции 8000 метров. Через несколько минут к нему присоединился «Нийтака», а в 19.40 и 4-й отряд открыл огонь с расстояния 7000 метров. «Донской» отважно отстреливался, но шквал снарядов, сыпавшихся на него со всех сторон, сделал точную стрельбу невозможной. Начали возникать пожары, а когда японцы приблизились, обстрел превратился в расстрел. К 20.00 расстояние до 4-го отряда снизилось до 4000 метров, а «Отова» и «Нийтака» подошли на 3000 метров. Воздействие сосредоточенного огня было просто ужасным. Кроме собственного экипажа, «Донской» имел на борту около 270 человек с «Осляби» и «Буйного», который был затоплен, поэтому потери в забитых людьми отсеках были очень тяжелыми.

Среди погибших был и смелый командир крейсера. Затем было повреждено рулевое управление «Донского», пробит паропровод, но к этому времени серьезные проблемы появились и у японцев. Конец «Донского» был близок, но солнце садилось, и адмирал Уриу решил попытаться закончить дело до наступления темноты. Для этого он намеревался отрезать русский крейсер от Мацусимы. Однако он сильно недооценил упорство противника. Когда он поворачивал влево, чтобы пересечь курс русским, «Нанива» получил 152-мм снаряд в корму и через несколько минут уже имел крен 7 градусов. Крейсер был вынужден выйти из боя. Урок оказался настолько наглядным, что японский адмирал больше не решился на подобный маневр, решив дожидаться подхода миноносцев. К 20.30 стало слишком темно, чтобы видеть противника, и стало понятно, что «Асама» опоздал к месту боя.

Русские действовали просто великолепно и могут заслуженно гордиться этим боем. Старый броненосный крейсер, оказавшийся в безнадежном положении перед лицом шести вражеских крейсеров, упорно сопротивлялся и умело маневрировал. В течение часа он выдерживал неравный бой, и японцы были вынуждены отступить. Адмирал Дева отозвал «Отову» и «Нийтаку» на соединение с «Титосэ», а адмирал Уриу повел свой отряд в бухту Сильвия.

Торпедная атака оказалась ничуть не более удачной. Как только прекратилась стрельба, 2-й отряд истребителей попытался атаковать «Донского» и добить его, но крейсер находился уже слишком близко к прибрежным скалам, и атаку пришлось проводить со стороны моря. Еще 4 миноносца из разных отрядов шли вместе с «Отовой» и «Нийтакой», они тоже попытались атаковать после наступления темноты. Но 3 из них просто не нашли противника в тени острова, а четвертый «Фубуки» был встречен таким плотным и сильным огнем, что все его торпеды прошли мимо.

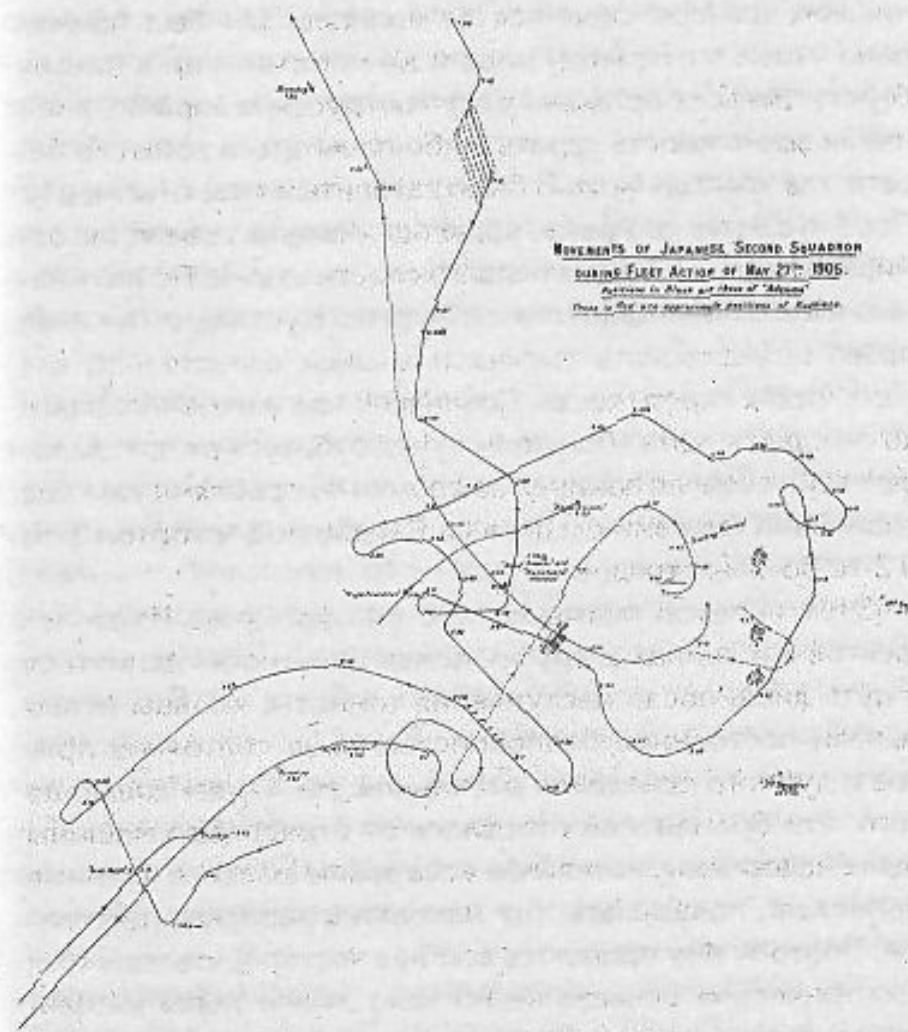
В результате «Донской» свободно стал на якорь под берегом, и команда покинула крейсер без помех. К 06.00

на следующий день весь его экипаж находился на берегу, исключая небольшую партию, которая получила приказ отвести корабль на глубокое место и открыть кингстоны. Именно эту картину увидели на рассвете «Асама» с миноносцами. Японцы попытались было захватить «Донской», однако он перевернулся и затонул раньше, чем они высадились.

Разумеется, нам никак не уйти от сравнения поведения команды «Донского» с действиями кораблей отряда адмирала Небогатова. Но не следует забывать, что их положение не было совершенно одинаковым. Адмирал не имел никаких шансов скрыться от японцев. Он был пойман рано утром в открытом море и не мог выйти ни к какому берегу. Во всех остальных случаях русские корабли либо имели возможность удраить, либо попытаться дойти до берега, где корабль можно было затопить и спасти команду. Все это следует помнить, когда оцениваешь поведение адмирала Небогатова, решившего спасти людей. По его мнению и в его понимании статей Морского устава, он не имел права пожертвовать тысячами жизней единственно для того, чтобы спасти честь. Правильно или ошибочно, однако он сдался, хотя «Донской» сумел отбиться от преследователей, и сейчас адмирал со своими 4 кораблями уже под японскими флагами следовал в Сасэбо под эскортом 1-го и 2-го боевых отрядов.

Этот переход оказался не столь простым. Из-за дефектов в машинах и других помех они смогли двинуться в путь лишь после наступления темноты, японцы испытывали постоянное беспокойство из-за состояния призов и дурного поведения пленников. На «Орле» дошло до того, что броненосец оторвался от отряда. Его машины были испорчены, котельная вода закончилась, а пленные не желали показывать, где находятся запасные цистерны. Поэтому ему пришлось вообще застопорить машины, электрическое освещение погасло, и все попытки связаться с эскортом по радио и ракетами ничего не дали. Кстати, это хорошо говорит о том, в каком состоянии

находились японские команды после боя. Адмирал Того ушел, и «Орел» остался совершенно один в темноте, рядом находился только истребитель «Усугумо». Поведение русской команды было настолько вызывающим, что командир корабля не рискнул обратиться к ней за помощью. Однако на рассвете положение улучшилось, пленные опомнились и предложили свою помощь. Истребитель был отправлен к сигнальной станции на Мацусиме, чтобы через нее вызвать буксир. Тем временем к 08.00 котельная вода нашлась-таки, и в 08.20 «Орел», который нахо-



Действия второго отряда японского флота 27 мая 1905 г.

дился в 16 милях на S-t-W от скал Лианкур, смог дать ход и медленно пополз в Сасэбо. Примерно в это же время «Усугумо» встретил «Асаму», возвращающегося после поисков «Донского» у Мацусимы, и броненосный крейсер поспешил на помощь. Через 10 минут появился адмирал Того. Обнаружив на рассвете, что «Орел» пропал, он повернул назад и сейчас приказал вести его в Майдзуру. «Орел» прибыл в этот порт 30 мая в сопровождении броненосца «Асахи» и крейсера «Асама». К этому времени 3 остальных приза благополучно пришли в Сасэбо, как и истребитель «Бедовый».

Тем временем экипаж крейсера «Донской» спокойно расположился на берегу, вероятно, считая, что остров необитаемый. Русские не сделали даже попытки занять сигнальную станцию, о существовании которой, скорее всего, даже не подозревали. Поэтому она связалась с адмиралом Того, и 29 мая он прислал крейсер «Касуга», чтобы решить этот кризис. Во второй половине дня русские спокойно сдались, удовлетворенные тем, что отстояли честь своего флага.

Из всех кораблей, участвовавших в последних событиях, мы не рассказали только о крейсере «Изумруд». О нем ничего не было слышно с того момента, как он оторвался от преследовавшего его «Титосэ». Страхнув преследователей с хвоста, он снизил скорость из-за неполадок в машинах, но затем стало понятно, что ему не удастся прорваться во Владивосток и его могут перехватить. Поэтому капитан 2 ранга Ферзен решил следовать в бухту Св. Владимира, которая находилась севернее. Берег был плохо обследован, и ночью, в условиях плохой видимости, крейсер вылетел на камни. Все попытки снять его с мели не удалось. Так как появления японцев ждали с минуты на минуту, экипаж сошел на берег, а крейсер был взорван, чтобы избежать его захвата японцами.

Так завершилась морская битва, ставшая образцом полной и решительной победы. Японцы потеряли 117 человек убитыми и 583 ранеными. Были потоплены 3 миноносца

и еще 2 или 3 были серьезно повреждены, однако все корабли были быстро отремонтированы и приняли участие в дальнейших операциях. Потери русских составили около 5000 человек убитыми и утонувшими, в плен попали почти 6000 человек. 4 корабля и 1 истребитель были захвачены японцами, 12 кораблей, 4 истребителя и 3 транспорта были потоплены в бою либо затоплены своими командами, остальные бежали. Из всего Балтийского флота лишь крейсер «Алмаз» и истребители «Грозный» и «Бравый» провалились во Владивосток, чтобы рассказать эту печальную историю.

¹ Официальные цифры потерь составили 261 офицер и 416 матросов погибшими, 278 офицеров и 5629 матросов, многие из которых были ранены, попали в плен. В нейтральных портах интернированы 79 офицеров и 1783 матроса. Добрались до Владивостока и Диего-Суарсе на своих кораблях 62 офицера и 1165 матросов. Общие потери, таким образом, составили 573 офицера и 12 036 матросов.

«РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА. СООБЩЕНИЕ ВОЕННО-МОРСКИХ АТТАШЕ»

Главы из книги

БОЙ В ЯПОНСКОМ МОРЕ

Рапорт капитана 1 ранга У.К. Пакенхэма

Вне зависимости от того, произошла ли битва на суше или на море, ее важность определяется не количеством войск, участвовавших в ней, а значимостью результатов. Даже если бы в данной войне участвовали большие по размерам флоты, вряд ли бы увеличилась цена победы, за которую дважды сошлись в бою флоты России и Японии. В каждом сражении русский флот нес заметные потери. Первый русский флот погиб, уничтожив сам себя в результате поражения, второй был уничтожен японцами прямо на месте боя. Если в Цусимском сражении результат был просто сенсационным, то ранние сражения устроили заметно более жесткую проверку боевых способностей японского флота. Хотя жалкое сопротивление, оказанное Балтийским флотом, не идет ни в какое сравнение с тем сильным отпором, который дал Порт-Артур, но все равно в течение боя целых пять часов исход его оставался не решенным. Хотя сравнивать боеспособность двух флотов было нельзя, однако напряженность битвы, которую мы будем описывать, навсегда будет связана с именем адмирала Того.

В середине апреля 1905 года почти весь действующий флот Японии был собран неподалеку от Мозампо, чтобы не дать Рождественскому пройти через Цусимский пролив. Казалось, на японцев смотрит весь мир. В предыду-

щий год, когда флоты противников месяцами находились всего в нескольких милях друг от друга, когда начинался новый день, никто не мог сказать, будет ли он последним днем противостояния. Сейчас же все обстояло не так. Любые передвижения русских легко отслеживались. А знание того, что вместе с врагом медленно, но верно приближается решающая для Японии схватка, не давало расслабляться и вынуждало моряков исполнять свои обязанности более ответственно.

27 мая примерно 05.30 из Такесики поступила первая информация о местоположении русских, которые находились к востоку от Квельпарта и направлялись к Восточному проливу. В 06.45 японский броненосный флот, состоящий из «Микасы» (флагман адмирала Того, начальник штаба контр-адмирал Като), «Сикисимы», «Фудзи», «Асахи», «Касуги» и «Ниссина» (вице-адмирал Мису), поднял якоря и покинул порт в указанном порядке, взяв курс на восток. 2-й боевой отряд: «Идзумо» (вице-адмирал Камимура), «Токива», «Адзума», «Якумо» и «Ивате» (контр-адмирал Симамура) последовал за ним. Остался только входивший в него крейсер «Асама». Он должен был возглавить несколько отрядов истребителей, задачи которых будут описаны дальше. Следом отправился вице-адмирал Уриу (флагман «Нанива»), взяв с собой «Такатихо», «Акаси», и «Цусиму». Посыльные суда «Тацута» и «Тихая» были приписаны к 1-му и 2-му боевым отрядам соответственно, а многочисленные миноносцы рассредоточились по обе стороны от флота.

Вице-адмирал Дева с «Касаги» (флагман), «Титосэ», двумя крейсерами поменьше: «Нийтакой» и «Отовой», а также с несколькими вспомогательными крейсерами уже находился к югу от Цусимы. Вице-адмирал Катаока на «Ицукусиме» вместе с «Тин-Иеном», «Хасидате», «Мацусимой», «Фусо» (контр-адмирал Ямада), «Цукуси», «Такао», «Акаги», «Тёкай», «Удзи», и «Майя» также находился по соседству с Цусимой. Еще здесь же находился контр-адмирал Того на

«Суме», в сопровождении «Изуми», «Акицусимы», «Тиёды» и «Яэямы».

Приготовления к бою были завершены к 08.00, а скорость была увеличена до 14 узлов. С юго-запада дул очень сильный ветер. Хотя из-за близости земли можно было не опасаться сильного волнения, но вода, регулярно заливавшаяся в порты орудийных башен и казематов, а также брызги, попадавшие на линзы прицелов, причиняли большие неудобства. Мы не будем больше повторять это, но данные обстоятельства следует учитывать, когда в результате маневров ветер дул то с кормы, то с носа. Само собой разумеется, что подобные неудобства испытывали и русские. Хуже всего для японцев было то, что малые миноносцы не могли выйти в море, и их пришлось укрыть в Такесики до поступления новых приказов.

Еще одним неприятным открытием стала плотная дымка, которую не могло рассеять яркое солнце. Из-за нее различить что-то на расстоянии больше 5000 метров становилось невозможным. Таким образом, хотя приближение долгожданного сражения и радовало людей, но неблагоприятные погодные условия вызывали некоторое беспокойство.

В 10.00 крейсер «Идзуми» заметил русский флот: 5 броненосцев, 5 крейсеров и еще 5 неопознанных судов. Во главе флота шел крейсер типа «Жемчуг». Но не факт, что это были все их корабли.

В качестве последних приготовлений японцы намочили палубы и шлюпки, а затем в 11.00 часов отправили матросов на обед.

В 11.30 авангард русского флота находился 20 милях к востоку и 10 милях к югу от маяка на южной оконечности Цусимы. Русские сменили курс на северо-восток, а также построились в две колонны, поместив самые сильные корабли в правую, а несколько вспомогательных крейсеров в тыл. В общем насчитывалось 22 судна.

В 12.40 японцы находились в нескольких милях к северу от Окиносимы. Местоположение определили при-

близительно, так как было много другой, более важной работы. Первоначальное направление SO-t-O сменили в 12.45 на SW-t-W. Если бы было возможно следовать этим курсом, то японцы прошли бы рядом с флотом противника, ведя огонь орудиями правого борта. Однако адмирал Того решил пройти перед русским флотом, направив первый удар по более слабой колонне. Возможно, это было сделано из-за того, что ему было трудно идти против ветра, но скорее всего внезапной перестановкой ввести русских в замешательство. Поэтому он повел свои корабли по циркуляции до тех пор, пока не пошел строго на запад. Туман все еще не рассеялся, и корабли, идущие позади, были едва различимы.

В 13.20 слева по носу был замечен дым. Поначалу решили, что это русские разведчики, но вскоре выяснилось, что это приближался отряд Девы, который шел впереди противника. Он сообщил, что русские находятся в 5 милях позади, хотя они были еле видны. Исходя из этого японский главнокомандующий решил, что он прошел впереди русских и в 13.30 повернул на SSW, но далеко этим курсом он не прошел, так как русские внезапно были замечены слегка правее вместо того, чтобы оказаться слева по носу.

Ситуация требовала быстрых и решительных действий. При таких погодных условиях было трудно точно оценить расстояния. Казалось, враг находится так близко, что японцы, следуя первоначальному плану, рискуют передать инициативу тем, о которых достоверно известно, что они в состоянии воспользоваться полученным преимуществом. Поэтому, исходя из положения флотов друг относительно друга, японцы должны были прекратить попытки занять выгодную позицию и выбрать наимпростейшее и наиболее очевидное положение перед началом боя, а именно: пойти параллельным курсом, но в противоположном направлении. Хотя такое начало имело явные недостатки, его следовало выбрать, чтобы компенсировать ошибки при определении скорости и расстояния до противника.

Однако адмирал Того предпочел следовать первоначальному плану, хотя имелись веские основания изменить его, так как он ожидал больших преимуществ от выбранного им метода действий. Во всяком случае, первоначальный план не был изменен, но в 13.45, подняв стеньговые флаги, японцы повернули последовательно на северо-запад. Позже, в 14.00, оказавшись прямо перед русскими, они снова повернули влево.

Теперь колонны русских были прекрасно видны. В правой из них находилось 4 самых больших броненосца, казавшихся огромными. На фоне их остальные смотрелись карликами. Догадаться, что, возможно, японские броненосцы производят похожее впечатление на русских, было довольно сложно. Так как Рождественский не предпринял попыток нарушить планы японцев, «Микаса» вскоре повернул на юго-запад, а затем на юг. Правая колонна русского флота теперь склонялась влево, явно намереваясь встать впереди более мелких кораблей.

Теперь «Микаса» направлялся почти прямо на головной корабль бывшей правой колонны русских. Ее первые корабли все еще совершали вышеупомянутый маневр и отклонились на несколько румбов влево от первоначального курса. Как только русские вернулись на прежний курс (14.07), их головной корабль открыл огонь. Первый же снаряд упал в 20 метрах позади «Микасы», за ним последовали другие, которые падали еще ближе. Колонна, ранее бывшая левой, похоже, не собиралась перестраиваться и тоже открыла огонь.

Немногие из наблюдателей не заметили, что положение японцев было критическим. Минуты превратились в часы. Пока головной корабль японского флота приближался к колонне русских, он попал под огонь, который становился все сильнее с каждым новым русским кораблем, вставшим в строй. Воодушевленные отсутствием ответного огня со стороны противника, русские начали стрелять более прицельно, и любой из них мог вывести «Микасу» из строя до конца дня. Много опасений внушало то, что русские ко-

рабли могли получить оптические прицелы, а комендоры в недалеком прошлом прошли суровую школу, закалившую их. Многие чувствовали опасения за исход битвы, начавшейся так неудачно.

Несмотря на то что он был единственной целью для русских, «Микаса» продолжал двигаться, не сделав ни единого выстрела. Оставалось непонятно, что собирался сделать Того. Опять же не было бы ничего удивительного, если бы он поддался искушению выпутаться из затруднительного положения, в которое попал, как можно скорее. Он мог просто повернуть вправо, проведя свой флот мимо русских на контркурсе, и нанести сокрушительный удар по слабым кораблям в тылу противника в качестве компенсации за упущенное преимущество.

Но это был бы не Того. Находясь в не менее опасной ситуации в бою с Виттефтом, он не отказался от своих грандиозных планов ради «Севастополя» и «Полтавы». Уже тогда он предпочитал большее меньшему, и сейчас у него появилась еще одна возможность показать свое выдающееся благородство и бесстрашие. Решив, что главной целью являются самые большие русские броненосцы, и полностью осознавая необходимость сосредоточить на них весь огонь в самом начале боя, он решил пойти на риск, лишь бы не отклоняться от намеченного плана.

«Микасе» сопутствовала удача, и он оставался не поврежденным. В 14.10 броненосец повернул на восток, на тот же курс, что и русские, и открыл огонь. В обоих флотах корабли шли друг за другом в кильватерных колоннах, но в строю русских тяжелые корабли находились на два три корпуса впереди японцев. Часть огня русских все еще оставалась сосредоточена на «Микасе», но все больше кораблей обратили внимание на точку поворота японского флота. Было интересно смотреть, как японские корабли приближаются, а затем проходят через эту горячую точку. К счастью, все были достаточно удачливы, и прошли ее, не получив серьезных повреждений. Русские вели огонь с небольшого расстояния, но им везло заметно меньше, чем

их противнику. И хоть их снаряды и падали довольно близко к японским кораблям, ни один снаряд калибром больше 152 мм не попал в цель. Впрочем, несколько таких снарядов попали в броневые пояса, несколько — в палубные надстройки.

К этому времени (14.15) расстояние между двумя флотами составляло 5100 метров. Корабли обоих флотов тут же открывали огонь, стоило им только лечь на новый курс. К счастью для броненосных крейсеров Камимуры, они достигли точки поворота уже после того, как самые тяжелые русские корабли перевели огонь на другие цели.

В более ранних сражениях, например 10 августа 1904 года, днем было можно идентифицировать вражеские корабли. Сейчас же все обстояло не так. Битва уже разгорелась к тому моменту, как стало возможно разглядеть вражеский строй в целом. А колонна была слишком длинной для того, чтобы ее можно было видеть целиком, и в течение времени достаточного, чтобы определить каждый участвующий в бою корабль. По показаниям военнопленных, первоначально корабли русских располагались так: «Суворов», «Александр», «Бородино», «Орел», «Ослябя», «Николай», «Сисой» и «Наварин». На этих же показаниях основываются данные о кораблях, принимавших активное участие в последующих событиях. Так, например, узнав из этого источника название корабля, можно было по рассказам отследить его предшествующие перемещения и таким образом вычислить названия остальных кораблей.

Следует принять во внимание ограниченные возможности одиночного наблюдателя. Не имея под рукой компаса ближе, чем тот, что находился в ходовой рубке, в которую ему не попасть, ему приходилось полагаться в определении курсов на показания, полученные из третьих рук, что, конечно же, не могло не сказаться на их точности¹. Таким образом, находясь не на головном корабле, он вполне мог

¹ Пакенхэм явно жалуется на собственные проблемы. Прим. пер.

упустить момент начала поворота. Где бы ни был наблюдатель, он не мог находиться в нескольких местах разом. И он мог лишь только догадываться о значениях сигналов, а его интерпретации замыслов адмиралов основывались на простых домыслах.

Когда оба флота завершили развертывание, в каждой колонне находилось по 12 кораблей, возможно, в строй русских впоследствии вошли еще корабли. Тяжелые корабли обеих сторон вели огонь друг по другу, и за короткое время «Суворов» получил несколько попаданий. То же произошло и с «Александром». Головной русский корабль, похоже, пошел на сближение, слегка повернув влево в 14.20. Но «Микаса» увеличил расстояние, таким образом голова русской колонны оказалась на траверзе «Асахи» на дистанции 5000 метров и попала под сосредоточенный прицельный огонь. Позади также начался жаркий бой, более мелкие русские корабли стреляли очень активно и, похоже, старались действовать так же решительно, как и головные.

В момент завязки боя организация внутренней службы должна быть идеальной, а особенно это требуется от системы контроля ведения огня, так как ее вклад наиболее значителен. Также следует отметить, что хоть повреждения, полученные головными русскими кораблями, и говорят о том, что они попали под очень интенсивный огонь, но ни одна из противоборствующих сторон не пыталась сконцентрировать огонь всех кораблей на одном или двух судах противника. Офицеры с «Орла» заявляют, что они стреляли только по «Асахи», решив, что судно такого размера обязано быть флагманом. Также они говорят, что именно он убил их капитана почти первым же выстрелом. «Фудзи» же, по словам экипажа, участвовал в уничтожении «Осляби». Если следить за ним, можно было заметить, как орудия наводятся в разные стороны, почти не следуя указаниям, данным откуда-либо как в это время, так и позже.

Это была самая захватывающая часть боя. Флоты, построившись в две длинные колонны, без устали обстреливали друг друга. Пока еще строй не был нарушен, повреждения были не серьезны, а победа зависела, казалось бы, от каждого выстрела. Камимура находился примерно в 500 метрах левее японских броненосцев. Однако он не позволял расстоянию между ним и «Ниссином» увеличиваться. «Суворов» в 14.25 снова получил несколько попаданий, и возможно это вынудило его уклониться, так как расстояние до него увеличилось до 6000 метров. «Микаса» двигался зигзагами, возможно из-за изменений дистанции до цели, но все следующие за ним корабли безукоризненно повторяли даже малейший его маневр.

Ветер был свежим. Скорость русских, по оценкам, была от 12 до 14 узлов, японцы же сначала имели 14 узлов, но потом увеличили скорость до 15 узлов и поддерживали ее вплоть до следующего утра. Это с самого начала дало японцам некоторое преимущество, русские же хоть и могли двигаться быстрее, но два малых судна не успели бы за остальным флотом. Японские броненосцы начали поворачивать к востоку, держа головной русский корабль на траверзе «Асахи», и к 14.30 колонны повернули почти строго на восток. Вскоре после этого «Суворов» слегка отстал, но расстояние до него оставалось 6000 метров. «Ослябя» загорелся, а «Бородино» был сильно поврежден, несмотря на то что основное внимание японских броненосцев было сосредоточено на передних кораблях русских. Взрыв под кормовым мостиком «Асахи» поднял в воздух тучи обломков и частей человеческих тел. Прямо под ноги мне упала правая часть человеческой челюсти без зубов. Всё и все в радиусе 18 метров было покрыто капельками крови и небольшими кусками плоти, которые прилипали ко всему, обо что ударялись. 152-мм снаряд взорвался возле 76-мм орудия, убив офицера-наводчика, расчет и нескольких матросов, оказавшихся рядом. Несмотря на то что кровь рассеялась по большой площади, кажется, ее хватило бы на неплохой бочонок.

Здесь же погиб и молодой Морисита, спасшийся с потопленного в прошлом году миноносца «Хаятори». Когда он пришел на борт «Асахи», то сказал, что его преследует чувство, что он избежал мины, только для того чтобы погибнуть от снаряда. Как раз перед боем он спорил с лейтенантом Хатано, командующим кормовым барбетом, о том, чей же пост более почетный. Хатано говорил: «Находясь наверху кормовой штурманской рубки, я подвергаюсь большей опасности, и поэтому мой пост более почетный». Бедный Морисита доказывал, что его позиция около 76-мм орудия, окруженного бесчисленными препятствиями, об которые могут взорваться снаряды, более опасна, и следующие события доказали это. Ему оторвало ногу, а сам он прожил лишь до вечера. А доблестный Хатано остался невредим и сделал успешную карьеру.

Сейчас в строю можно было различить лишь семь русских кораблей. Либо в результате поворота остальные пропали из виду, либо, что более вероятно, они сформировали еще одну колонну правее первой. Если поначалу огонь русских не сулил ничего хорошего японцам, то теперь он явно начал становиться менее точным. «Микаса» продолжил свой плавный поворот направо (14.38). Хоть его от вражеского головного корабля отделяло всего 5000 метров, из-за дыма и тумана было невозможно разглядеть противника, только лишь вспышки от его выстрелов. В 14.40 «Суворов» полностью пропал из виду, хотя корабль, шедший сразу за ним, все еще было видно. Когда расстояние сократилось до 4600 метров (14.45), строй русских так смешался, что японцы прекратили огонь. Но плотная дымка не дала им возможности насладиться беспорядком в стане врага. Позже днем русские сумели воссоздать подобие порядка в своих рядах и в последний раз попытались доказать, что они чего-то стоят в бою.

Несколькими небольшими поворотами Того встал на курс, перпендикулярный тому, которым ранее следовали русские. В последний раз «Суворова» видели по право-

му борту «Асахи», а его исчезновение объяснялось в равной степени как увеличивающимся расстоянием, так и задымлением. «Микаса» начал поворачивать на юго-восток и очень скоро обнаружил русский флагман, идущий параллельным с ним курсом. Хотя ожидалось, что расстояние между колоннами будет всего 5600 метров, казалось, что ближайший противник находится в 10 милях. «Суворов» оказался почти на траверзе (14.55), и по нему вновь был открыт огонь. Когда же расстояние увеличилось до 6500 метров, стало видно, что русские опять поворачивают. После некоторых колебаний (недавно было заявлено, что руль «Александра» выведен из строя) было решено, что они поворачивают к японцам, и те в ответ на этот маневр (15.00) повернули «все вдруг» на 8 румбов влево.

Как оказалось, этот маневр русских был нерешительной попыткой части броненосцев прорваться на север. Малые же суда в этом не участвовали, а просто болтались позади. На «Суворове» и, возможно, еще на одном тяжелом корабле русских начались сильные пожары. Третий же, весь охваченный огнем, с сильным креном вышел из общего строя. Это был «Ослябя», который вскоре после этого (15.10) затонул. Даже если японцы и не видели этой трагедии, то бедственное положение остальных кораблей и беспорядок, посеянный в рядах русских, были приняты ими за первые признаки разгрома. Однако потребовался весь оставшийся день, чтобы убедиться в успешности их первой атаки и неожиданно высокой разрушительной силе своих снарядов. Учета полученных повреждений не проводилось, но на первый взгляд ни один из японских кораблей сильно не пострадал, что тоже добавило им уверенности в себе.

Как только боевая колонна миновала Камимуру (15.05), Того повернул броненосцы на 8 румбов влево «все вдруг», так что ведущим стал «Ниссин», а колонна развернулась к противнику левым бортом. Небольшой крейсер, возможно принадлежащий русским, проскользнул между флотами,

но ничего не сделал. Некоторое время японцы не стреляли, так как туман был слишком плотным, но до них доносились отзвуки активной пальбы, и время от времени с левого борта падали снаряды.

После небольшого затишья, во время которого русские, похоже, переносили раненого главнокомандующего на истребитель, их большие броненосцы вновь появились по левому борту. На «Суворове» вокруг грот-мачты бушевал пожар, однако он продолжал вести огонь (15.10) с расстояния 4100 метров. Но почти сразу же броненосец повернул вправо, при этом он оказался ближе к двум сопровождающим, чем к третьему. Последний, возможно, это был «Александр», задержавшийся для починки руля, слегка подотстал, но потом эффектно вырвался вперед, и все три корабля направились прямо на японцев.

Расстояние сократилось (15.18) до 2500 метров. Головной русский корабль, находившийся чуть позади траверза японцев, попал под ужасающий по своей силе обстрел. Учитывая пожар, бушевавший на его борту, его положение стало незавидным. На мгновение тем японцам, которые видели аналогичную отчаянную попытку «Ретвизана», показалось, что они видят повтор того маневра, который безнадежен, если нет надлежащей поддержки. «Александр», если конечно это был он, в итоге принял решение не приближаться кратчайшим путем к своему флагману. Вместо этого он продолжил поворот вправо, пока не пошел тем же курсом, что и «Суворов». Обстрел, под который он попал, был просто ужасающим. И если главным действующим лицом этой авантюры и вправду был «Александр», то возможно именно в этом и кроется причина ухода из головы колонны, где он оказался после в отсутствие «Суворова». За исключением того, что в вечернем бою ведущим был «Бородино», а «Александр» отошел на третье место, нет никаких данных, чтобы прояснить этот вопрос.

Товарищи «Александра» (на одном из которых прогремел сильный взрыв), оказавшиеся менее решительными

или же более благоразумными, повернули влево, и легли на тот же курс, повернув через запад и юг.

Русские слегка повернули влево относительно японцев, которые направлялись (15.20) почти на WNW. На «Фудзи» начался небольшой пожар, который, впрочем, был быстро потушен. Весь флот русских находился по левому борту от японцев, самые большие корабли направлялись на NO, а суда поменьше находились заметно дальше и правее них. В 15.25 «Суворов», продолжая стрелять, пересек кильватерную струю японцев. У него была сбита мачта, а из труб остался лишь огрызок передней. Его спутники повернули вправо и почти исчезли из виду. Еще правее, в 2—5 румбах позади траверза японцев, можно было различить малые суда русских. Когда огонь был прекращен (15.27), расстояние до ближайшего противника составляло 5400 метров.

В скором времени в поле зрения осталось лишь два русских корабля, хотя падающие вокруг снаряды и говорили о том, что остальные где-то недалеко на SO. Под непрерывающимся обстрелом японские броненосцы повернули на юго-запад (15.30). По левому борту были замечены два трехтрубных крейсера, по ним тут же был открыт огонь. По правому борту находился «Асама», идущий параллельным курсом вместе с одним или двумя отрядами истребителей. Сначала их задачей было препятствовать перемещениям противника путем расстановки на его пути настоящих и фальшивых плавучих мин. Но из-за неблагоприятных погодных и других условий этот приказ не был выполнен, хотя в данном случае из подобной затеи вряд ли бы вышел толк. Когда миноносцы отослали в Такесики, «Асама» присоединился к своему отряду. Момент, когда он вновь его покинул, невозможно определить точно, поэтому остается неясным, отстал ли он для ремонта или же получил новые приказы. (Ныне известно, что по первой причине.) Когда подошел Камимура, «Асама» занял позицию прямо позади него, но затем он часто отставал.

Японцы повернули на восемь румбов влево «все вдруг» (15.40). Чуть правее виднелись скалы Окиносимы. 2-й отряд, идущий тем же курсом, что и Того ранее, оказался по левому борту, а «Асама» вместе с истребителями теперь находился справа по корме. После очередного поворота «все вдруг» влево (15.50) «Микаса» опять оказался впереди, и первоначальный строй был восстановлен. Концевые корабли отряда Камимуры едва успели уйти с дороги броненосцев, и «Фудзи», выполняя этот маневр, представлял серьезную угрозу для соседних кораблей. Японцы снова повернулись правым бортом к противнику, но в таком тумане о его положении можно было судить лишь по неясным силуэтам в тумане да по падающим вокруг снарядам. Сейчас Того шел на северо-запад, а остров Окиносима был справа на траверзе.

Справа по курсу был замечен густой дым (15.55), и броненосцы повернули на четыре румба к югу. Камимура повторил этот маневр и теперь шел слева параллельным курсом. Огонь русских стал более плотным, но, похоже, его вели лишь малые суда, а более тяжелые находились где-то впереди.

После поворота на север в 16.00 в поле зрения появились 4 русских броненосца. Если бы японцы держали прежний курс, они прошли бы левее них, но гораздо ближе к «Суворову», чем к остальным броненосцам. Как ранее отмечалось, этот корабль прошел позади японцев, и его мачты и трубы были сильно повреждены. В центре корабля полыхал пожар, и, что удивительно, клубы дыма скрывали не только его самого, но и все по соседству с ним. Несмотря на сильный крен, корабль продолжал вести огонь. По отчетам, полученным следующим утром, после обстрела с броненосцев «Суворов» попал под совместный огонь 5 броненосных крейсеров Камимуры. Теперь же он спокойно шел на север, хотя и с низкой скоростью.

Здесь очень важно было точно определить корабль, так как та храбрость и стойкость, которые продемон-

стрировал доблестный экипаж этого несчастного броненосца, делает честь не только ему, но и всему флоту и целой стране. А так как не было сомнений в том, что это «Суворов», корабль, получивший имя, ассоциирующееся с непоколебимой храбростью, придал ему дополнительный блеск.

Подойдя на дистанцию стрельбы, в 16.05 «Микаса» возобновил огонь. Огонь был распределен между «Суворовым» и его товарищами, которые шли на сближение с ним и могли попытаться отвлечь на себя огонь японцев. Им представлялась возможность совершить один из тех героических поступков, которые закрывают все недостатки. Однако возможность не была использована, вероятно, даже не была осознана. Приближающиеся корабли прошли далеко в стороне от их несчастного товарища, и таким образом получили от него защиту, которую должны были бы обеспечить ему сами.

С точки зрения обычного наблюдателя, больше симпатии вызывает командир отряда броненосцев «Бородино», «Орел» и «Александр», которые шли, вероятно, в указанном порядке. Судя по всему, он имел чин всего лишь капитана 1 ранга, и, по крайней мере, один из его кораблей, «Александр», получил такие повреждения, что они повлияли на его мореходные качества и, следовательно, на скорость. Этот офицер должен был не только принимать решения в критические моменты, но и заставить отряды, которыми командовали офицеры выше его званием, исполнять приказы, как это делали его подчиненные.

Его флагман уже превратился в настоящую руину, но долгом командира было защитить адмирала, а этого можно было достичь, либо вклинившись самому между ним и японцами, либо, и гораздо более эффективно, собрав русский флот и поспешив с ним на северо-восток, чтобы таким образом привлечь внимание главных сил японцев к этому направлению.

В 16.10 японцы прошли мимо «Суворова» на расстоянии чуть больше 1000 м. Русские броненосцы выполняли

медленный поворот вправо; и японцам показалось, что они идут строем фронта, тогда как японцы находились для них слева по корме. Однако к 16.12 маневры русских стали более понятными. Сам «Суворов» медленно повернул вправо, остальные три броненосца выполнили то же самое у него на подбойном борту, перестроившись в кильватер отдельно от него. После этого они начали отход на юг. Примерно в это же время и в том же направлении направились более мелкие корабли, непрерывно обстреливая японский броненосный отряд. Сами же японцы начали поворачивать на восток, продолжая обстреливать «Суворов», хотя дистанция значительно увеличилась. Около 16.12 Камимура, находясь слева по носу у своих броненосцев, начал пристраиваться впереди «Микасы».

С уходом товарищей «Суворова», до сих пор отвлекавших на себя часть огня, вся артиллерия японцев снова перенесла огонь на него, хотя происходило это постепенно. Когда он был впервые замечен в этой фазе боя, его состояние было достаточно плачевным. Дым, клубившийся над кормой, стелился горизонтально по ветру. Если раньше отсутствие труб усиливало впечатление бедствия, то теперь сильнейший пожар, бушевавший в средней части корабля, показал реальное положение дел. Люди могли находиться менее чем на половине корабля, однако он продолжал борьбу. По крайней мере одна из его тяжелых башен продолжала вести постоянный частый огонь. Когда «Суворов» повернул на север, он попал под обстрел с малого расстояния, что должно было привести к очень тяжелым повреждениям, хотя различить что-либо было сложно. Было заметно, что крен усилился, а скорость, и без того низкая, снизилась еще больше. Так как японцы повернули к югу, они прошли с подветренной стороны, и дым, окружавший броненосец, был настолько густым, что нос нельзя было отличить от кормы. Примерно в 16.30, когда он получил серию попаданий, 305-мм снаряд разорвался в межпалубном пространстве, близко от кормовой 152-мм башни. Взрыв сопровождался выбросом языка

пламени длиной более 50 футов из борта, затем через обрзовавшуюся огромную пробоину стало видно свечение пожара, начавшегося во внутренних помещениях. Сразу стало понятно, что пожары на корабле приобретают все более сильный характер. Фок-мачта была давно сбита. Теперь упала грот-мачта, и в тот же момент произошел сильный взрыв. Снаряды продолжали сыпаться градом, и казалось, что, вот-вот должен наступить конец. Но хотя только часть кормы и зазубренный конец обломка мачты выступали из окутавшей его тучи, «Суворов» продолжал неравную борьбу.

Когда примерно в 16.30 японцы снова проходили мимо на расстоянии около 1 800 метров, он снова подвергся жестокому расстрелу, не получив передышки. Наконец, стало понятно, что пытаясь потопить артиллерией и без того обреченный корабль, японцы просто теряют время, они постепенно перенесли свое внимание на другие корабли. Вероятно, были выпущены торпеды, но даже если это так, то они не дали результата.

Как мы уже говорили, товарищи «Суворова» медленно уходили на юг. Большие броненосцы в действительности никогда не отдалялись на расстояние, большее 7400 метров. Это произошло вскоре после 16.25, в этот момент они были с трудом различимы позади своего более храброго друга. Хотя они, вероятно, непрерывно получали часть огня японцев и отвечали на него, это имело не слишком много смысла, так как в 16.15 русские повернули на юг. В 16.35 японцы, шедшие на юго-восток, повернули «все вдруг» на северо-восток. 2-й боевой отряд, который находился впереди броненосцев, остался на прежнем курсе, с которого только что отвернул адмирал Того.

Причины этого поворота не совсем понятны. Русские остались за кормой и пропали из вида, но выстрелы с того направления, где их видели в последний раз, говорили о присутствии там каких-то кораблей. Возможно, Того уже увидел или предугадал, что на юго-востоке собирается большая группа кораблей противника. Наблюдатели, ко-

торые находились в менее сложном положении, смогли разглядеть ее только позднее. Хотя возможно, что по чисто тактическим соображениям он решил перевести бой на левый борт. В любом случае, пройдя в этом направлении несколько минут, он в 16.40 снова повернул вправо на старый курс и в 16.45 еще раз довернул вправо, когда снова Камимура оказался несколько впереди. Повороты вправо были продолжены, и вскоре после 16.55 «Микаса» шел строго на юг.

«Суворов», которого в последний раз видели на траверзе, теперь переместился на раковину, он был весь окутан дымом и шел в направлении на юго-запад. С неиссякаемой отвагой, одинокий, но нестигаемый, он спорадически стрелял, как бы бросая вызов, который никто не принимал, и продолжал невыгодную для себя битву. Смутно вырисовываясь в тумане и буквально сливаясь с набегаящими волнами, к нему незаметно подкрадывались один или два отряда миноносцев.

2-й боевой отряд в 16.58 повернул на 16 румбов и лег на курс параллельно «Микасе». Через одну или две минуты примерно в румбе справа по носу показался остров Окиносима, а еще правее открылась беспорядочная толпа кораблей. Большинство, как казалось, держало курс примерно на SSW. Крупные корабли русских только сейчас догнали остальных, а более мелкие не успели продвинуться слишком далеко. Поэтому вполне вероятно, что русские в это время пытались навести порядок в хаосе, намереваясь возобновить бой с противником. В любом случае головные корабли русских были заметно дальше к северу, чем мелкие, и должны были немедленно повернуть навстречу японцам. Когда впервые был замечен головной корабль русских, он поворачивал влево, вероятно с северо-восточного курса, а затем пошел в направлении, противоположном японскому. Команда обедала, но в 17.05 была вызвана на посты. Противник открыл огонь с 8000 метров, и японцы

стали отвечать в 17.07, когда расстояние сократилось до 6500 метров.

Три более крупных русских корабля шли в стороне от остальных и направлялись на север. В 17.10 расстояние, отделяющее их от японцев, было 5700 метров, но затем оно уменьшилось до 5200 метров и снова увеличилось до 5700 метров, когда в 17.15 русские повернули примерно на 8 румбов влево, практически полностью скрытые дымом, у головного корабля («Бородино»?) фок-мачта была сбита. 2-й боевой отряд расположился слева по носу от «Микасы», но на некотором удалении от него.

Теперь мелкие корабли русских оказались на расстоянии выстрела, и глядя на их численность и на царившую неразбериху, можно было подумать, что все корабли Балтийского флота брошены в какой-то бассейн, из которого они теперь пытаются выбраться, чтобы устремиться за своими флагманами. Здесь были все типы кораблей, от маленьких броненосцев до бывших купцов. Уход более сильных броненосцев оставил разнородное скопище слабейших на милость японцев. Хотя многие суда имели мощные машины, они предпочли рассеяться. Преследуемому флоту пришлось прорываться сквозь ряды окружавшего их неприятеля, что говорит о высокой слаженности действий японских легких отрядов. Русские пытались сформировать подобие строя, но медленно. Трехтрубный крейсер, с креном на правый борт и наполовину сбитой задней трубой, пошел на юг. Тем же курсом направился и другой похожий корабль, без средней трубы. В 17.22 большие броненосцы русских оторвались от этой толпы, поэтому, вероятно, многие из легких судов пошли, держась чуть восточнее, чем они. В 17.25 больше всего привлекал к себе внимание однотрубный корабль, идущий на север, броненосец типа «Апраксин» (вероятно), попавший под обстрел с 5000 метров, и крейсер с большим креном, идущий позади японцев параллельным курсом.

Броненосный отряд все еще перекрывал линию огня отряду Камимуры, но к этому времени он продвинулся

вперед настолько, что его концевой корабль находился на траверзе «Фудзи». Пройдя мимо всего русского флота, «Микаса» повернул на 16 румбов вправо, взяв курс примерно на N или NNW. Волны били в левую скулу, тяжело раскачивая корабли, что, несомненно, вызывало большие неудобства на «Касуге» и «Ниссине». Двигаясь этим курсом, японцы догнали и уничтожили «Урал». 2-й отряд последовал на SW, где мелькал отряд «Ицукусимы», и больше Камимуру не видели до тех пор, пока он не присоединился к флагману уже в темноте.

Темнота на западе говорила о том, что непокорный «Суворов» пережил атаку японских истребителей. Как было сказано, у него действовали только два 76-мм орудия, которыми он отражал атаку этих маленьких кораблей, и лишь одна из торпед попала в цель. Его состояние, вероятно, было плачевным. Даже сейчас, разбитый, искалеченный, хромым, но навечно вписавший свое имя в страницы истории, этот не сломленный духом корабль поднялся бы до истинных высот бессмертия, окруженный в последние минуты броненосцами врага.

Но этому не суждено было случиться. Ближе к ночи торпеда с истребителя положила конец борьбе, и «Суворов», не сломленный, погиб тоже непокоренным. Но, погибнув, он победил. В ужасной трагедии последних нескольких часов его недолгой жизни можно увидеть надежду, что в будущем русский флот возвратит себе репутацию, потерянную в этот день. Слава отважным!

Сражение вступало в новую фазу. В первой строй русских рассыпался, затем последовал период дезорганизации, в течение которого русские пытались разрозненно прорваться во Владивосток, тогда как главные силы японцев перекрыли северные границы поля боя, чтобы воспрепятствовать прорыву в этом направлении. Поступая так, японцы шли на определенный риск, поскольку они часто теряли из вида свою главную добычу и даже теряли с ней контакт. Наконец русские более-менее собрались, и корабли были готовы возобновить

бой, прервавшийся около 15.00. День заканчивался, и, если рассматривать важность фактора времени в бою, очень легко понять, почему японцы беспокоились все сильнее и сильнее.

Корабль, шедший в противоположном направлении, был обстрелян в 17.55, а затем, не видя ни одного врага, «Микаса» ненадолго повернул на юго-запад. Однако, заметив одинокий большой корабль («Александр»?) на параллельном курсе, и еще один, также слева, похожий на маленький броненосец, с признаками серьезного пожара на борту, почти сразу вернулся на курс NNO. Затем на этом курсе были замечены еще два больших броненосца, шедшие чуть впереди. В 18.02 по ним был открыт огонь с расстояния 7000 метров. Хотя было достаточно туманно, можно было разглядеть, что эти корабли почти сразу склонились к северу в 18.05, повторяя поворот «Микасы» на N-t-W, а, возможно, даже начав его раньше. Стали заметны еще несколько кораблей, выполнивших поворот на четыре румба вправо, но туман рассеивался, и вскоре обнаружили остальные концевые корабли русской колонны, шедшие на траверзе японской колонны.

Снова русские частично скрылись, заходящее солнце в сочетании с дымкой мешало японцам. В 18.08 вечера стали видны 3 больших корабля русских, с большим интервалом между вторым и третьим. Потом, когда расстояние увеличилось до 7900 метров, возник четвертый и более мелкие корабли у него за кормой. Русская колонна, насколько было видно, растянулась более чем на 2 мили. Вскоре стало понятно (18.15), что корабли следуют генеральным курсом NNW. Все еще сохранялся большой интервал между двумя головными кораблями и следующим за ними, японцы сократили расстояние до 6700 метров. По некоторым признакам можно было предположить, что левее выстроилась вторая колонна, возглавляемая большим кораблем, вероятно, «Николаем». Велась оживленная стрельба. Часто были видны вспышки выстрелов, в

то время как сами корабли оставались неразличимы. Сомнительно, чтобы японский огонь производил сильное воздействие. Возникло неприятное ощущение, что выстрелам по врагу не хватало точности, показанной ранее в этот день. Несколько японских истребителей следовали с подбойного борта броненосцев. В 18.30 сражение стало общим и превратилось в артиллерийский бой кильватерных колонн на параллельных курсах. Русские головные корабли шли немного впереди траверза «Микасы». Дистанция равнялась 6000 метров. «Александр» продолжал отставать, но в целом русский строй выглядел довольно правильным, хотя он мог состоять из одной либо двух колонн.

Сразу же после большой победы, наверное, не стоит вспоминать мнения и ощущения в определенные моменты боя. Проще представить сражение как строгую последовательность этапов, каждый из которых был предопределен заранее. Но такое изложение вряд ли будет историей. Даже в последний период боя невозможно было оценить всю полноту достигнутых результатов. Торжествовали японцы в этот момент в предчувствии грядущей победы? Нет. Строй русских явно развалился, но сражение велось на громадном пространстве, затянутом туманом и дымом, поэтому, даже зная о том, что русские понесли потери, совершенно никто не мог в полной мере оценить масштаб этих потерь. Адмирал Того знал, что исчезли «Суворов» и «Ослябя», хотя мог и не знать, что последний затонул. Никто не представлял реального положения расстреливаемого «Александра», которое было близко к катастрофе. Русские снова сосредоточили свои силы. Значительная часть их кораблей, очевидно, не получила серьезных повреждений. Приближалась ночь, и, судя по всему, следовало продолжение боя завтра, если минные флотилии не добьются значительных успехов ночью. Поэтому вполне понятно, почему в это время японцы не могли быть уверены, что у них хватит сил добиться триумфальной победы

до наступления темноты, когда главные силы вынуждены будут разойтись.

Русские головные корабли, шедшие с той же скоростью, что и японцы¹, могли обнаружить, что это слишком быстро для замыкающих. В любом случае японцы в 18.35 начали выдвигаться вперед, и к 18.40 второй корабль русских находился только слегка впереди траверза «Асахи». Третий — «Александр» — был немного позади траверза, но казался идущим очень далеко. Были видны несколько более мелких кораблей, хотя вспышек их выстрелов заметно не было, но это могло означать, что бой идет и с противоположного борта. В 18.40 расстояние до русского авангарда оказалось равным 6800 метрам, хотя головной броненосец «Бородино» немного позднее, в 18.45, находился на траверзе «Асахи». «Микаса» начал слегка склоняться влево. Ветер ослаб, но противник, в особенности его авангард, просматривался довольно плохо. Вероятно, четвертый корабль в русской линии, если смотреть со стороны японцев, был «Александром». В 18.52 он еще наблюдался слегка позади траверза. 3 головных корабля, одним из которых мог быть «Николай», постепенно выдвигались вперед. Японцы в это время шли примерно на север.

Солнце скрылось за горизонтом, и воздействие снарядов стало более заметным, подняв настроение японцев, а с улучшением видимости меткость тоже возросла. Расстояние увеличилось до 7700 метров, когда в 18.57 «Бородино» получил результативное попадание. Стрельба велась в основном по нему и двум другим кораблям у него за кормой. Русские снаряды ложились недолетами, лишь изредка какой-то летел выше.

В 19.00 японцы шли курсом N-t-O, и расстояние между противниками составляло 7900 метров. На левом крамболе головного корабля русских виднелся маленький корабль

¹ Совершенно непонятная ремарка. Все русские источники утверждают, что эскадра держала скорость 9 узлов, что заметно меньше японской. — Прим. пер.

со сбитой фок-мачтой, что было очень хорошо заметно. Это наблюдение представляет интерес только в связи с упомянутыми ранее такими же повреждениями головного броненосца. На несколько минут «Асахи» был вынужден прекратить огонь, поскольку противник исчез из вида, но в 19.05 возобновил стрельбу, и «Бородино» снова получил попадание, яркое розовое зарево взрыва показалось на фоне клубов дыма. Оба флота шли почти параллельными курсами, хотя японцы постоянно делали зигзаги. Солнце еще держалось на высоте около 10 градусов над горизонтом. Этот закат бил прямо в глаза японским артиллеристам, поэтому, когда туман сделал его более тусклым, а потом и вовсе скрыл, никто об этом не жалел.

Два отряда японских истребителей постепенно выдвинулись вперед и в 19.10 шли, пересекая курс японских броненосцев, по направлению к русским. Ровное, без рысканья, движение этих маленьких кораблей выглядело очень грозно в быстро слабеющем свете. Русские броненосцы расположились на траверзе в полном беспорядке, и только благодаря им можно было заметить другие корабли и убедиться, что они все еще идут следом. Стрельба с противоположного борта продолжалась, но было непонятно, по каким целям она ведется.

Затяжной бой на параллельных курсах до этого момента имел монотонный и нерешительный характер, но развязка быстро приближалась. В 19.18 японцы повернули примерно на NNW, «Бородино» был на расстоянии 8200 метров. Вдруг пламя вырвалось из кормовой батареи, поднявшись вверх не менее чем на 30 футов, и сразу охватило всю ширину корабля, и быстро понеслось в нос. Кормовая башня замолчала, это позволяло предположить, что команда бросила орудия.

В 19.20 было уже достаточно темно, однако новые повреждения «Бородино» можно было видеть без бинокля. Сделав еще несколько выстрелов, «Микаса» в 19.25 повернул примерно на NO и прекратил огонь. Когда «Фудзи» проходил точку поворота, его последний 305-мм снаряд

произвел сенсацию дня. Он попал в верхнюю часть корпуса «Бородино» рядом с передней бортовой башней и взорвался. Сразу взметнулся гигантский столб дыма высотой до среза труб, в основании которого багровела вспышка взрыва и пожар ближе к корме. Из всех люков машинного отделения и кочегарок повалил пар, и через 2 или 3 минуты корабль от фок-мачты до кормы окутался крутящимися вихрями дыма и пара, ярко освещенными множеством высоких языков пламени. Было ясно, что пожары достигли такой силы, что полностью вышли из-под контроля, и что часы корабля сочтены, однако никто не представлял, насколько близок был конец.

Хотя и внезапный, он не был эффектным. Буквально на глазах у всех несчастный корабль в 19.30 просто пропал. Его исчезновение было отмечено только гулом не громче разрывов его собственных снарядов и появлением огромного густого облака дыма, окутавшего место, где был корабль. Хотя ветер быстро разогнал это облако, сомнительно, чтобы кто-нибудь на японском флоте видел, как погиб корабль, поскольку в течение нескольких минут не было видно ничего, кроме очертаний его форштевня.

Если «Бородино» и не смог проявить исключительной храбрости, чтобы облегчить участь «Суворова», а позднее не показал особой смекалки, которая помогла бы выбраться из отчаянного положения, или окружить поражение таким ореолом, который не сможет рассеять никакая критика, его великолепная стойкость под градом жестоких ударов показала наличие таких качеств, которые, сами по себе, может, и не принесут успех, но вызывают почтительное уважение моряков всех наций — решимость продолжать борьбу до самого конца. То же можно сказать и о его стойком товарище — «Алекサンドре».

Сразу после этой катастрофы японские броненосцы прекратили огонь, хотя перестрелка еще какое-то время продолжалась на других участках боя. Крупные корабли

русских ранее просто исчезали, но теперь на глазах у всех один из сильнейших броненосцев ушел туда, откуда нет возврата. Для большинства японцев это был миг победы, хотя потери русских до сих пор сильно недооценивались и не было большой уверенности в успехе ночных атак миноносцев. Поэтому возобновление боя на следующий день выглядело вполне вероятным. Был сыгран отбой, и под затихающим обстрелом Того повернул на SO. Его отряд находился под непрерывным, хотя в конце и неточным, огнем с первого выстрела этой битвы.

Так завершилась основная работа броненосных сил в одном из наиболее решительных морских сражений. Бой шел в условиях плохой видимости и временами прерывался от неопределенности. Повреждения, получаемые японцами от неясно видимого врага, были слишком малы, чтобы рассеять чувство нереальности, и это позволяет назвать эпохальную битву другим именем — «Битва теней».

Хотя артиллерийский бой закончился, вся операция по перехвату русских была еще очень далека от завершения. Японские броненосцы отошли еще до того, как темнота вынудила это сделать, поскольку адмирал Того считал сумерки более благоприятным моментом для действий своих миноносцев, чем полная темнота. С другой стороны, было известно, что истребители входят и в состав армады Роже-ственского, поэтому нельзя было исключить возможность ответных ударов. Японцам казалось разумным не только подготовиться к отражению торпедной атаки, но и принять меры, чтобы вовсе избежать ее.

Своим последним поворотом Того привел русский флот себе на правый борт, и, когда видел его последний раз, казалось, что русские идут на запад. 2-й боевой отряд был виден справа по курсу, находясь за кормой русских. Когда Камимура подошел достаточно близко, чтобы пристроиться позади, «Микаса» в 20.05 повернул на NO, а в 20.40 пошел прямо на север. Ветер слегка стих, но

дул с прежнего направления. Отряды японских миноносцев уже начали атаки, и все надеялись, что их команды проявят достаточно энергии, чтобы показать себя достойными уважения. Вспышки выстрелов и лучи прожекторов наблюдались слева по корме, пока в 9 часов более сильная и продолжительная вспышка не осветила небо, что позволяло говорить о гибели еще одного вражеского корабля.

Поскольку предполагалось, что по пути можно натолкнуться на Владивостокский отряд, Того перестроил свой флот в колонны по отделениям, а отделения развернул в строй фронта, и в таком порядке пошел на север. Впрочем, возможные действия северного отряда его почти не беспокоили. Главной заботой адмирала было правильно предсказать действия гораздо более мощного южного флота, уцелевшего под жестоким огнем прошедшего боя, если он сумеет также избежать смертельных опасностей ночи. Но враг сам помог ему. Весь этот безумный день, случайно или по приказу, русские демонстрировали упрямую решимость прорваться на север. Будучи отброшенными назад, снова и снова они возвращались на курс НО, поэтому можно было предположить, что как только они получат какую-то свободу действий, эта возможность будет снова использована ими для приближения к своей недостижимой цели.

Хотя адмирал Того испытывал опасения, что потеря контакта может привести к серьезным последствиям, его догадка, что на следующий день противник будет продолжать двигаться на север, подтверждалась грохотом выстрелов. Он также понимал, что даже если русские и повернут в обратном направлении, это лишь отсрочит окончательный разгром. Все это успокаивало, и потому ночь прошла без особых тревожений.

К рассвету японцы восстановили силы. Стало известно, что 2-й отряд видел гибель «Осляби», поэтому его и «Бородино» можно было точно исключить из состава сил,

противостоящих японцам. «Суворов» считался лишь очень сильно поврежденным, а о потоплении «Александра» пока еще никто не знал. Даже если такое сообщение и было получено, имеющаяся информация еще не позволяла сделать окончательный вывод. Таким образом, непосредственной задачей японского броненосного отряда было обнаружение остатков русского флота и превратить разгром в полное уничтожение.

В 06.00, когда остров Мацусима виднелся на правом траверзе, радиogramмы с юга показали, что «Яэяма» установил контакт с русским отрядом, идущим на север. «Нанива» и «Такатихо» были посланы, чтобы поддержать маленькое посыльное судно, положение которого было весьма опасным. Весь флот развернулся на обратный курс, и в 08.30 скорость, только что сниженная до 14 узлов, снова была увеличена до 15 узлов.

«Яэяма» появился на горизонте примерно в 09.40, а следом за ним почти сразу и отряд, о приближении которого он сообщил. Почти тотчас был замечен отряд «Ицукусимы». Когда удалось четко разглядеть, оказалось, что противник идет прямо на японцев. Его отряд состоял из 4 броненосцев: 2 больших и 2 поменьше, и крейсера типа «Жемчуг» (это был «Изумруд»). Крейсер бросился наутек, преследуемый кораблями из отряда адмирала Девы, от которых он в конце концов скрылся. Крейсер «Светлана» тоже находился в этой группе, но отделился раньше. Злосчастье поставило на его пути «Нийтаку» и «Отову», которые его потопили. Спасшийся офицер рассказал, что в момент этого боя у «Светланы» могли стрелять только два орудия.

Так как никакой битвы не произошло, можно ограничиться кратким описанием событий. Адмирал Того имел с собой все броненосцы и броненосные крейсера, и они образовали очень внушительную колонну по сравнению с гораздо более короткой русской. 2-му боевому отряду было приказано выйти вперед, но он еще не освободил ли-

нию огня, когда началась стрельба. Выстроившись по левому борту русских параллельно им, шли 12 броненосных кораблей Японии, а со всех сторон горизонта спешили остальные отряды менее сильных кораблей. Русские были окружены.

Первый выстрел в 10.37 был сделан из 254-мм орудия «Касуга», за ним немедленно последовал второй. Оба снаряда легли небольшим перелетом за вторым кораблем колонны русских. Поскольку не было никакого ответа, подумалось, что враг готовится к какому-то отчаянному предприятию, и все корабли открыли огонь с расстояния в 7100 метров.

Русские по-прежнему шли на северо-восток. Второй и третий их корабли в 10.40 вышли из строя, но японцы решили, что это последствия повреждений. В 10.48 пролетел слух, что враг сдается, и огонь временно прекратили. Однако не поступило никаких подтверждений, и бой возобновили, хотя как-то нерешительно, и выпустили лишь несколько снарядов. Русские все еще не отвечали. Их флаги развевались, однако стеньговые не были подняты. Наконец удалось заметить какой-то сигнал на русском флагмане, но из-за дыма прочитали его далеко не сразу. Возможно, он был поднят с самого начала, но начинается бой, свободного времени для внимательно-го изучения сигналов противника нет, поэтому неудивительно, что этот сигнал не был воспринят, и его смысл стал ясен позднее.

В японском флоте все поздравляли друг друга. Стеньговые флаги были спущены, и сдавшимся было приказано поднять их новые флаги. До сих пор многие считали, что два головных броненосца принадлежали к типу «Бородино», отсутствие кормовой башни на одном из них приписывали результатам боя. Когда же стало окончательно ясно, что флагман — всего лишь «Николай», пленение на нем адмирала Небогатова посчитали плохой компенсацией за постигшее разочарование. Кроме этого корабля, японцам

сдались «Орел», «Сенявин» и «Адрасин». Обоснованность сдачи этих кораблей широко обсуждалась, и японцы бесспорно ее осуждали, хотя, если судить по другим стандартам, она и не казалась позорной.

Остаток дня был потрачен на формирование призовых команд для захваченных кораблей и размещение пленных. 2 броненосных крейсера были отправлены на юг. В результате «Якумо» и «Ивате» перехватили «Ушакова», вступили с ним в бой и потопили. Позднее днем броненосный отряд также пошел на юг, сопровождая трофеи. Стала известна судьба «Суворова» и «Александра», начали приходить донесения об успешных ночных атаках минных флотилий, хотя потребовалось еще несколько дней, пока все донесения были проанализированы и сведены воедино, а изложенные в них факты проверены.

Трофеи следовали за кормой броненосного отряда, но когда день закончился, обнаружилось, что самый ценный из них — «Орел» — пропал. Тревога улеглась, только когда заметили, что истребители, сопровождавшие его, тоже отсутствуют. «Асахи» и «Асама» были отправлены на поиски и довольно быстро обнаружили искомое. «Орел» шел правильным курсом, но никак не мог развить скорость более 7 узлов. Дело в том, что при ощутимом волнении вода заливала носовые отсеки через несколько сравнительно мелких пробоин, как только скорость пытались увеличить. Эта группа была, соответственно, направлена в Майзуру.

Судьба многих русских кораблей была пока еще не известна, но уже сейчас можно было утверждать, что ни одному важному кораблю не удалось избежать потопления или плена. «Асахи» отделился от флагмана, главного источника информации. Донесения поступали по другим каналам, но очень медленно, и поэтому лишь после публикации 14 июня рапорта адмирала Того стал доступен полный список потерь русских.

Хотя сейчас и известно об удивительно высокой эффективности взаимодействия второстепенных японских отрядов, лично я их не видел, и поэтому здесь они будут только кратко упомянуты. Их охватывающее расположение было смелым замыслом, так как успех их действий полностью зависел от способности японских главных сил победить главные силы русских. Похоже, миноносцы проводили свои атаки бесстрашно и решительно, но вряд ли они могут притязать на большее, чем уничтожение кораблей, которые и так стали бы трофеями японцев. Влияние этих двух составляющих флота (крейсерских отрядов и минной флотилии) и их вклад в общее уничтожение русского флота можно описать часто теперь цитируемой поговоркой: «Количество можно только сократить». Более полезный урок можно получить, если проанализировать действия более слабых броненосных кораблей обоих противников. Они подтвердили давно известный факт — нельзя распылять усилия в бою. Все эти корабли получили в бою какие-то повреждения, кроме «Николая», попадая под огонь японских броненосцев. Следует отметить, что, если бы они действовали в течение всего боя против кораблей того же класса, каждый из этих отрядов мог бы оказать большую поддержку своим главным силам. Однако каждый броненосный отряд сразу и надолго выбрал самостоятельные действия. Поэтому они превратились из вспомогательных сил во второстепенные и практически не повлияли на исход основного боя.

Предельная простота тактических маневров победившего броненосного отряда полностью объясняется тем фактом, что было решено вести бой в кильватерной колонне. Кроме того, как это уже случалось ранее, русские связали себе руки, поставив цель прорваться к определенному пункту, невзирая на обстоятельства. Они даже не пытались уничтожить преграду, препятствующую этому. Если припомнить, сколь медленно другие флота отходили от линейной тактики и репутацию, полученную адмира-

лами, которые начали эти перемены, вполне естественно спросить, действительно бой кильватерных колонн — последнее слово военно-морской тактики. На это можно ответить, что, пока корабли не осмелились приблизиться друг к другу на расстояние торпедного выстрела, трудно придумать какой-либо другой способ разрушить строй противника, кроме как артиллерийская атака, действующая на больших дистанциях. Так как максимальный вес имеет бортовой залп, естественно вести бой бортом. Пока данные условия не изменятся, наиболее важной проблемой обороны будет поиск наилучших методов усиления головы и хвоста колонны против атак, проводимых в рамках нынешней тактики. Однако очевидно, что существует простор для серьезных нововведений в области наступательной стратегии, в первую очередь полезными будут предложения, содержащие хорошие альтернативы линейному бою.

Комментарии к сражению

Некоторые факторы, обеспечившие успех японцев

Балтийский флот перестал существовать, и можно сказать, что его уничтожением Япония возвестила о своем совершеннолети. Когда встречаются вражеские флоты и один из них уничтожает другой, не может быть вопроса о том, кто же победил. Однако, если финал последней битвы снимает один из возможных вопросов, остаются трудности в объяснении результатов, столь редких среди морских сражений последней эпохи. Одна из них состоит в том, что первая встреча практически равных сил в прошлом году никоим образом не подготовила общественное сознание к такому результату. Более вероятными казались огромные потери с обеих сторон, а теперь люди склонны были относиться чрезмерно презрительно к тому, что еще недавно вызывало уважение, если не страх.

Сражение прошлого года велось в строе одиночными колоннами. Огонь был открыт, когда флота находились на очень большом расстоянии, и оно не сильно сократилось за первые 2 часа боя. Курсы оставались почти параллельными и редко изменялись. Когда все-таки произошло сближение после затяжного боя на больших расстояниях, попадания участились, и японцы добились преимущества. Русская эскадра оказалась в бедственном положении, строй совершенно рассыпался, и только наступление ночи спасло русских от еще более полной катастрофы.

Это сражение началось на дистанции, на которой предшествующее было прекращено. Изнурительная и затяжная перестрелка на дальних дистанциях была пропущена. Ближний бой завязался с самого начала, артиллеристы еще не были утомлены, и большой опыт японцев позволил им немедленно достичь огневого превосходства. Далее все пошло почти как раньше, хотя к наступлению темноты русские понесли гораздо более тяжелые потери. Поэтому японским минным пришлось иметь дело с флотом, способность которого к эффективному сопротивлению была гораздо ниже.

В прошлом году разрывные заряды, которыми были начинены японские снаряды, разочаровали тех, кто ожидал от них крупных разрушений у противника. Русские корабли в действительности получили гораздо менее серьезные повреждения, чем свои же корабли, значительная часть орудий которых была выведена из строя преждевременными разрывами. Но недостатки на этом не заканчивались. Ожидались огромные разрывы таких снарядов, которые будут вызывать серьезные пожары, но не удалось вспомнить ни одного случая, когда бы это произошло.

Однако в последнем бою действие той же самой взрывчатки превзошло самые оптимистичные ожидания ее сторонников¹. Отбраковав снаряды некачественного производства, улучшив защиту донных взрывателей,

¹ Одна из самых больших загадок Цусимы. Судя по всему, японцы в этих сражениях использовали все-таки разные снаряды. — Прим. пер.

улучшив меры предосторожности против перегрева, удалось уменьшить количество преждевременных разрывов. Таким образом, влияние одного очень важного фактора — повреждения собственных орудий, было уменьшено.

Зажигательный эффект, столь неудовлетворительный раньше, в этот раз оказался просто ужасным. Он был настолько велик, что, несомненно, стал стержневым моментом боя. Современные корабли имели похожие конструкции в обоих случаях. Почему же возникло такое колоссальное различие?

Судя по всему, для этого было две причины. Взрыватели стали гораздо менее чувствительными. Даже сейчас значительная часть энергии взрыва терялась снаружи листа обшивки толщиной четверть дюйма. До модификации взрывателя эти потери были гораздо больше. Когда были обследованы корабли артурской эскадры и «Орел», стало очевидно, что ни один из первых не получил столь заметных повреждений от разрыва каждого отдельно взятого снаряда, какие получил «Орел». Усовершенствованный взрыватель, следовательно, срабатывал так, что каждый снаряд теперь обладал большим пробивающим эффектом, чем ранее.

В последнем бою попадания случались чаще, именно этому, в сочетании с увеличившейся разрушительной силой каждого снаряда, следует приписать гораздо большее число возгораний. При своевременно принятых мерах пожар на современном корабле легко потушить. Однако если снаряды сыплются с такой частотой, что разгоняют людей, которые должны тушить пожары, огонь успевает, и пожары оказывается невозможно взять под контроль до того, как они станут сильными. В предыдущем сражении каждый корабль в определенный момент боя начинал получать частые попадания, но в течение очень короткого промежутка времени и только один раз в течение дня. Теперь же такие серии начались раньше, длились долго и случались чаще.

Может возникнуть вопрос, что стало причиной окончательной гибели лучших русских броненосцев — торпеды или артиллерия? Если же последнее, то могли ли снаряды пробить толстые броневые пояса, которыми были снабжены русские корабли, или каким образом они стали причиной заключительной катастрофы?

До сих пор еще не известно, что в действительности привело к уничтожению этих новейших кораблей, но, очевидно, что артиллерия сыграла свою роль. Мощные на бумаге и угрожающе возвышавшиеся над поверхностью моря, эти корабли оказались превосходными мишенями для выпущенных по ним снарядов. До настоящего времени все оценки о силе кораблей типа «Орел» основывались на предположении, что они по проекту имели толстый и достаточно высокий пояс по всей ватерлинии. Но если только «Орел» не стал исключением, то на деле все оказалось далеко не так, в реальных условиях выглядел иначе. На «Орле», в момент его вступления в бой, над водой возвышалось не более 2—3 футов верхнего броневое пояса, и его можно, следовательно, рассматривать как корабль, почти не имеющий защиты по ватерлинии. По меньшей мере, снаряды могли свободно разрывать его борта, они делали это, и пробоины доходили вплоть до верхней кромки броневое пояса, в результате чего через них корабль принял значительное количество воды. Поэтому нетрудно представить себе, что большая масса набранной воды смогла вызвать крен, какой видели у «Осляби» и «Князя Суворова». После того как это случилось, скопившаяся вода получила возможность гулять по межпалубному пространству от одного борта к другому, ухудшая остойчивость корабля. Судя по всему, в начале боя крупнейшие русские броненосцы по степени защищенности заметно уступали японским.

Еще одним обстоятельством, очевидно, имевшим влияние на ход и результат последнего боя, стала относительная меткость огня артиллеристов обоих флотов. Было ли

превосходство японцев более серьезным, чем в предыдущем бою, а если да, то насколько?

Усталость — очень сильно влияющий на точность стрельбы фактор. В первом сражении ближний бой начался, когда артиллеристы обоих противников уже устали, зато на этот раз они были еще свежими. После первого боя японцы поняли все преимущества бережного отношения к глазам и нервной энергии своих наводчиков. Последующий бой показал, что они старались сберечь и то и другое. Некоторые наблюдения показывают, что русские не осознали значение определенной потери силы, которая возникает от слишком интенсивного расхода боеприпасов. Их снаряды сыпались практически непрерывно, независимо от расстояния и даже когда японцы их практически не беспокоили.

Этот фактор сам по себе недостаточен, чтобы объяснить разницу в полученном и причиненном ущербе. Матросы артурской эскадры были уже закаленными в боях ветеранами, тогда большинство матросов Рождественского только получало свое крещение огнем. Японцы показали более высокую меткость, чем артиллеристы артурской эскадры. Первые постоянно тренировались в стрельбе, отрабатывая прицеливание с помощью винтовочных патронов, и лишь изредка стреляли из тяжелых орудий. Но улучшение подготовки не заканчивалось повышением квалификации наводчиков. Как у офицеров, так и у рядовых артиллеристов возникали принципиальные темы для размышления и обсуждения в течение месяцев. Таким образом, не только техническое превосходство, но и общий кругозор, который еще год назад находился в зачаточном состоянии, теперь развились и созрели.

Артиллеристы Балтийского флота имели более совершенные прицелы, чем Витгефт, и в самом начале боя они показали, что их подготовка была достаточно хорошей, хотя и не достигала уровня японцев. На русских броненосцах артиллеристы были укрыты броней, которую

японские снаряды не пробивали. Это придавало им больше уверенности, и они могли стрелять оттуда, находясь в относительной безопасности, со всеми шансами на успех. Однако, судя по всему, деморализация, охватившая матросов на открытых постах, быстро передалась и орудийной прислуге. Точность стрельбы начала стремительно снижаться, а общий развал русского флота был только слабым отражением внутреннего хаоса.

Японская стрельба произвела потрясающий эффект, но в результате их превосходство в меткости, похоже, было переоценено. Однако какие бы фантастические истории ни рассказывали далее о меткости японцев, какой бы вклад в победу ни внесло математически точное маневрирование японского флота или какие бы еще факторы ни оказали свое влияние, эта победа — в первую очередь триумф артиллеристов и артиллерии.

Сражение и адмирал Того

Самое лучшее оружие можно употребить неправильно. Для японцев таким оружием был их флот, Того оказался человеком, показавшим его мощь. Потрясающий успех его действий заставляет постараться понять, как его руководство привело к таким результатам, и быстро взглянуть на расположение звезд, под которым появился столь выдающийся герой.

В течение дня ситуация часто менялась, хотя удача всегда оставалась на одной стороне. Не следует забывать нюанс, особенно справедливый для морских сражений: битва не проиграна до тех пор, пока она не выиграна. Пока противник сохраняет значительные силы, смена командующего, или одна из тех случайностей, к которым так predisположены корабли и флоты, могут заставить фортуна повернуться в другую сторону или хотя бы, по крайней мере, позволить врагу с честью уйти.

Однако когда победа уже одержана, выводы делать легко. Отбрасывается все, что выглядит малозначимым,

а главный эпизод получает должное освещение. Теперь остается только решить, что же определило успех в этот момент.

Пока бой продолжается, можно лишь гадать об исходе сражения, но только единицы способны в первые же часы, когда противники только что завязали бой, почувствовать совершенно точно, принесет ли день победу или поражение. Мудрость задним числом — это общее свойство. После завершения определенного этапа, когда кризис уже миновал, а судьба дня в основном решена, все, не колеблясь, делают свои выводы.

В стратегической концепции, которую японский флот использовал в этот короткий, но наиболее важный период, и следует найти основные идеи, успешное применение которых принесло Того победу.

Эти идеи стары, как сама война, они справедливы как на море, так и на суше. В своих отчетах мы их уже не раз обсуждали. Превосходящие силы должны быть направлены на слабое место врага, именно там его надлежит сокрушить. Но выбранное место не должно находиться где-то на периферии. Оно должно быть расположенным так, чтобы его падение разрушило главную позицию. Иначе атака будет пустой тратой сил по мелочам.

На первый взгляд может показаться, что слабейшая точка русского флота располагалась в арьергарде, что именно его следовало бы атаковать первым. Однако Того направил свои броненосцы против головных броненосцев врага, то есть атаковал сильнейшую, а не слабейшую его часть. Для флота, у которого авангард и арьергард были более или менее равны по силе, это могло оказаться справедливым. Но у Балтийского флота разница была так велика, что само существование концевых кораблей полностью зависело от головных, и атаковать их было пустой тратой времени и сил.

Военно-морская слабость может быть нескольких типов. Она может складываться из более слабых боевых

единиц или из их неудачного расположения. Это не исчерпывающе, но достаточно для сиюминутных целей. Правильно не замечая слабость, обусловленную слабостью отдельных кораблей, Того решил использовать неудачную позицию. Для любого флота в кильватерной колонне она всегда существует на ее концах. Того, таким образом, бросил все свои силы против главного пункта обороны русских, но выбрал для своей атаки — что соответствовало бы слабо обеспеченным внешним укреплениям на берегу — голову колонны.

Вероятно, Того намеревался привести русских в замешательство и вынудить их изменить строй в момент начала сражения. Это было главной причиной пересечения их курса. Туман мог вызвать ошибку в определении расстояния, но, начиная с момента, когда русские были замечены, риск такой попытки стал очевиден. В последние несколько минут сближения судьба Японии зависела от того, что же случится с его головными кораблями. Продемонстрировав отважное упрямство, Того оказался счастливым, встретив врага, заметно уступавшего в стратегическом искусстве и меткости стрельбы.

Опасное движение навстречу закончилось, и Того обнаружил себя на расстоянии, примерно вдвое меньшем, которое считал подходящим для начала сражения. Но превосходство в скорости дало ему желанную инициативу, и он смог сконцентрировать сильный огонь на головном корабле колонны противника. Русские не приняли никаких ответных действий против концевых японских кораблей. Они не сумели использовать свое численное превосходство, а их стрельба оказалась недостаточно хорошей, чтобы компенсировать отсутствие активности. Они проявили просто беспомощную покорность, следуя замыслам японского адмирала. Того, таким образом, сильно рискнул, но получил в результате все, что могло пожелать сердце адмирала.

В Японии маневр «crossing T» с тех пор почитается выше, чем когда-либо.

Теперь подробнее об основной стратегии боя. Отвага, удача и меткая стрельба, подкрепленные медлительностью противника, принесли японцам успех. Уже в первый час битвы Того смог нанести такой удар, от которого враг больше не оправился. Впоследствии маневр был повторен против меньших группировок, менее опасных, но так как они были слабее, он уже не играл прежней роли. Впрочем, потопление «Бородино» можно рассматривать как последнюю демонстрацию его влияния.

Своей первой же атакой Того поверг русских в беспорядок. Потом ему осталось только преследовать и уничтожать рассыпавшиеся корабли, а также предотвратить восстановление строя. Несмотря на серьезную значимость, эти действия можно рассматривать как второстепенные по сравнению с тем, что только что было сделано. Интересно было бы узнать, следовали в этих действиях японцы общепринятым идеям или предложили свой собственный, лучший способ? На этом пути они встретили определенные трудности. Сообщали, что русские броненосцы могут нести мины и сбрасывать их во время отхода. Верил ли этому Того? Несколько его собственных отрядов истребителей получили приказ использовать похожие приспособления. Было ли это использовано и боялся ли Того таких же действий в ответ?

Существуют два общепризнанных способа командовать флотом в бою. Первый предполагает действие в едином строю, второй — отдельными отрядами с некоторой самостоятельностью. В последнем сражении Того не связал себя к какому-то одному, а пользовался тем способом, который казался наиболее подходящим в данный момент.

Предложенный подход состоял не в том, чтобы противопоставлять крейсера броненосцам, а в том, чтобы бросить, когда это возможно, значительно превосходящие силы на противника. Нужно дождаться, пока он ослабнет до такой степени, что единственным вопросом, требующим решения, остается конкретный способ его уничто-

жения. Если меткость стрельбы обеих сторон сопоставима, высокая скорость получения повреждений должна привести к тому, что противник не успеет сам нанести тебе заметные повреждения до того, как будет повержен. Поэтому для ускорения уничтожения врага в линию можно поставить корабли, обычно не подходящие для этого, даже если против них окажутся более сильные корабли противника.

Любая критика тактического искусства, продемонстрированного в бою любой из сторон, будет неполной, если она не учитывает тот заметный факт, что неравенство в эффективности артиллерии может оказаться настолько значительным, что никакая тактика уже не повлияет на результат. Русский командующий мог стратегически проиграть японскому, а мог и выиграть — он настолько уступал в артиллерии, что просто не мог одержать победу. Точно так же сложно представить себе стратегию, следуя которой японцы могли бы упустить преимущество, пока их артиллеристы вели точный огонь.

Небольшие сомнения следует оставить для академических диспутов на тему, что есть правильно, а что нет. В бою человек не имеет времени для точного взвешивания. Он должен принимать решения немедленно, часто по самым незначительным признакам. И он должен доказать, что даже неверный курс можно превратить в правильный, проявив непоколебимость, бесстрашие и энергию, которые прорывают любые препятствия или отбрасывают их прочь.

Кроме того, необходимо быть столь же рассудительным, сколь и твердым. Слишком немногим дано умение оценить ситуацию одним беглым взглядом и понять всю значимость мелочей, подсказавших правильное направление поворота. Это свойство французы называют глазомером. Без него не следует пытаться занять место в первой шеренге великих флотоводцев.

Перед сражением

С того момента как флоты установили контакт, адмирал Того контролировал ситуацию. Однако, хотя его мнение наверняка учитывалось, Того не был в положении человека, способного диктовать стратегию морской войны, и ответственность за окончательный выбор поля боя, следовательно, лежала не на нем.

Эта ответственность была огромна. Она включала отказ от инициативы и предложение противнику других маршрутов, по которым он мог бы безопасно достичь своего порта.

В данной ситуации оборонительная позиция приносила Японии гораздо больше неудобств, чем можно было бы ожидать. Они в какой-то мере были предсказуемыми, но, если бы удалось предвидеть чрезмерную благожелательность французского нейтралитета, то сомнительно, чтобы японцы удержались от вмешательства и таким образом помешали бы стоянке и отдыху русского флота в водах, столь близких к театру военных действий. Но кости были брошены, и было слишком поздно менять диспозицию, даже если бы японцы этого очень захотели. Поэтому они сделали все, что только могли в данной ситуации. Национальная сила духа оставалась несокрушимой, и не было даже малейших колебаний, способных обрадовать врагов их страны.

Оглядываясь на прошлое, можно судить о том, хорошей или плохой была стратегия по ее результатам, которые, в отличие от стратегии, должны быть измеримы. Однако одобренные традицией стратегические каноны должны нарушаться, если это обещает больше выгоды, чем могло бы принести их соблюдение. Можно предположить, что японцы, принимая решение, действовали, ясно видели опасность пойти против опыта веков, и что их стратегия оказалась наиболее созвучной их традициям. Можно было допустить, что она основывалась на желании иметь все броненосные корабли, а также корабли других типов в состоянии полной боевой готовности к моменту сраже-

ния на самом удобном для них поле боя, и что это желание перевесило все другие недостатки оборонительной стратегии.

Решение сложить все яйца в одну корзину и постараться решить весь исход морской войны одной, самой решительной операцией, которая известна в практике военно-морского искусства, было смелым.

Среди менее значимых особенностей японской стратегии одна из наиболее примечательных — задержка с использованием торпед. Теоретически, много говорилось о преимуществах использования торпедных кораблей перед артиллерийским боем броненосцев, и практика в этом отношении иногда поддерживала теорию. Но последний год продемонстрировал многочисленные расхождения между ними. Японцы жаждали генерального сражения, они не хотели, чтобы разбитый враг просто вернулся в Европу. Ведь потом он мог появиться снова с еще большими силами. Существовали опасения, что любое серьезное снижение сил флота приведет к отступлению или к сражению в условиях, еще менее благоприятных для Японии из-за растянутых коммуникаций.

Выводы

Ни адмирал Того, ни флот его страны не рисковали всерьез проиграть это сражение. Их энергия, мастерство и отвага с самого начала приносили им победу, а когда им не везло, как, например, с потерей двух броненосцев, которая, казалось, одним ударом разрушила с такой тщательностью возведенное здание военно-морской силы, им везло, так как находилось время, чтобы привести в порядок свои средства и снова обрести решимость перед новыми боями с врагом. За это они должны благодарить только себя. С самого начала, взяв ситуацию под контроль, проявив энергию и готовность к самопожертвованию, они избежали множества дополнительных неприятностей, которые превратности войны несут небрежным и нере-

шительным. Воины всегда значат больше, чем их оружие. Но на этом разница заканчивается. Продемонстрировав высокую способность к совместным действиям, страна и флот, национальная стратегия и ее реализация на поле боя, командиры и подчиненные показали себя один лучше другого. Только так, объединившись, они сумели нанести сокрушительное поражение врагу, обладавшему гораздо большим потенциалом.

*«The Russo-japanese war. Reports from naval attaches»
London, 1915*

ЦУСИМСКОЕ СРАЖЕНИЕ

*Рапорт капитана 1 ранга Т. Джексона
от 28 июня 1905 года*

Общий обзор сражения

27 мая 1905 года боевые действия начались примерно в 10 милях от Окиносимы, около места потопления «Хидати-мару», «Канадзава-мару» и «Идзуми-мару» владивостокской эскадрой 15 июня 1904 года, что могло принести японцам некоторое удовлетворение. Стояли туман и густая облачность, плохо пропускавшая свет солнца, что уменьшало радиус видимости до 5 миль. А сильный юго-западный ветер вызывал серьезное волнение на море, заметно снижая скорость минных флотилий и поднимая фонтаны брызг над тяжелыми судами. В этих неблагоприятных погодных условиях нанесение сокрушительного удара по русскому флоту казалось невозможным. Японские офицеры, которым для выполнения своей задачи требовался спокойный солнечный летний день, громко выражали недовольство по поводу погоды.

Японцы развернули три линии разведчиков. Первая, состоявшая из вспомогательных крейсеров, тянулась примерно от Квельпарта до южной оконечности остро-

вов Гото. Днем она медленно перемещалась на юго-запад и возвращалась ночью. Вторая, похоже, состояла из 3-го боевого отряда вместе с «Идзуми» и «Акицусимы», одолженных у 6-го отряда. Ее область патрулирования начиналась около порта Гамильтон и тянулась на юго-восток. «Сума», «Тиёда» и другие, возможно и все корабли 7-го отряда, наблюдали за Цусимским проливом.

Русские прошли южнее Квельпарта, направляясь на восток, а затем сменили курс на северо-восточный, чтобы обойти Цусиму с юго-востока. Первым их заметил вспомогательный крейсер «Синано-мару» и сразу же доложил об их приближении по радиотелеграфу. Сначала после полуночи был замечен свет, при сближении было обнаружено большое торговое судно с включенными ходовыми и другими огнями. Посчитав, что это пароход, идущий к проливу Симоносеки, командир «Синано-мару» решил вернуться на свою позицию в линии разведки, когда было замечено, что чужак сигналил огнями примерно так, как это делает японский флот. Это вызвало его подозрения, и крейсер преследовал неизвестный корабль, время от времени теряя его в густом тумане, но оставаясь достаточно близко, чтобы на рассвете понять, что это было госпитальное судно, следующее за русским флотом.

Русские приближались, построившись в две колонны, причем их состав в разное время определялся по-разному. В тот момент когда «Адзума» впервые заметил флот противника, правая колонна состояла из четырех броненосцев класса «Бородино», а колонна слева, находившаяся чуть позади, возглавлялась эскадренным броненосцем «Ослябя», за которым шли «Наварин» и другие корабли, опознать которые было невозможно. В арьергарде находилось 3 броненосца береговой обороны. Также на правом фланге флота был замечен крейсер.

Основные силы японского флота, возглавляемые адмиралом Того, двигались на юго-восток, построившись в одну колонну со скоростью 15 узлов. В 09.40 они находились в 10 милях к северо-востоку от Цусимы. Они выдер-

живали этот курс до 12.40, а затем, по получении новых данных о положении русского флота и направлении его движения, повернули на запад. В 13.34 Того повернул на SW, а в 13.42 он повел флот курсом NNW.

В 13.46 русская эскадра наконец была замечена на WSW, а к 14.00 часам дня стало ясно, что противник направляется на северо-восток. В 13.58 японцы свернули на юго-запад, а в 14.40 Того повел свой флот по большой дуге влево, пока не пошел параллельными курсами с противником. Русские открыли огонь по головному кораблю японского флота в 14 часов 7 минут 40 секунд, «Микаса» ответил чуть позже осторожным огнем, который несколько ускорился, когда удалось нащупать дистанцию.

Оказалось, что следовать совету Нельсона «переманеврируй русского» неожиданно просто. Также следует напомнить его заявление о том, что если бы ему пришлось воевать с Балтийским флотом, то он ударил бы по голове колонны и внес бы в нее беспорядок. Оно подходит для описания ситуации, сложившейся через некоторое время после начала битвы. Русский главнокомандующий не предпринял никаких тактических маневров, заслуживающих упоминания, великодушно позволив Того выбивать свои корабли один за другим. Сначала японцы сосредоточили огонь на головном броненосце левой колонны, а затем на головном корабле флота. Прежде всего головные японские корабли сосредоточили огонь на невезучем «Ослябе», который попал в ужасное положение и вскоре покати́лся вправо, получив серьезные повреждения, и остался позади четырех броненосцев типа «Бородино». Корабли, шедшие следом за ним, в свою очередь, тоже попадали под огонь.

Японские корабли, двигающиеся со скоростью 15 узлов, быстро обогнали русскую колонну, чья скорость была около 12 узлов. Это позволило передним кораблям нанести скоординированный удар по двум головным русским броненосцам: «Князю Суворову»

и «Бородино». Вместо того чтобы двигаться по внутренней дуге, Рождественский слишком долго следовал прямо, позволив безнаказанно уничтожить авангард своего флота. В конце концов русские свернули вправо, но 2 передних корабля уже были в огне, а серьезная трепка, которую они получили, очень сильно снизила их боеспособность. Того продолжал кружить вокруг русских, пока они не развернулись в обратную сторону, когда он повернул 1-й боевой ударный отряд на 8 румбов влево «все вдруг» и через небольшой промежуток времени еще на 8 румбов.

Адмирал Того намеревался дать бой главным силам противника со своим 1-м отрядом, предоставив 2-му отряду Камимуры относительную свободу с указаниями поддерживать его и делать все, что он считает нужным для выполнения этого приказа. Камимура последовал за своим командиром и держался ему в кильватер до тех пор, пока 1-й отряд не повернул влево. Говорят, что он бы тоже свернул, если бы у него было время подать сигнал своему отряду, прежде чем корабли Того не начали маневр. Но это кажется маловероятным, так как затем он занял великолепную позицию для того, чтобы завязать бой с центром русского флота. С этого момента два отряда действовали независимо друг от друга до самого конца боя. В свою очередь, адмиралы Дева, Уриу и Того (контр-адмирал), командовавшие 3-м, 4-м и 6-м отрядами, получили приказ атаковать противника, которого они превосходят по силам (так корабли Того напали на «Князя Суворова», когда тот вышел из боя, но все еще мог стрелять из некоторых мелких орудий). А вице-адмирал Катаока, с 5-м отрядом, должен был следовать за сражающимися флотами и добивать отставшие русские корабли.

Существуют разные мнения как о назначении броненосных крейсеров, так и о действиях отряда Камимуры. Вступив в бой с центром и тылом русского флота, он оказался на 2 или 3 кабельтова ближе к противнику, чем

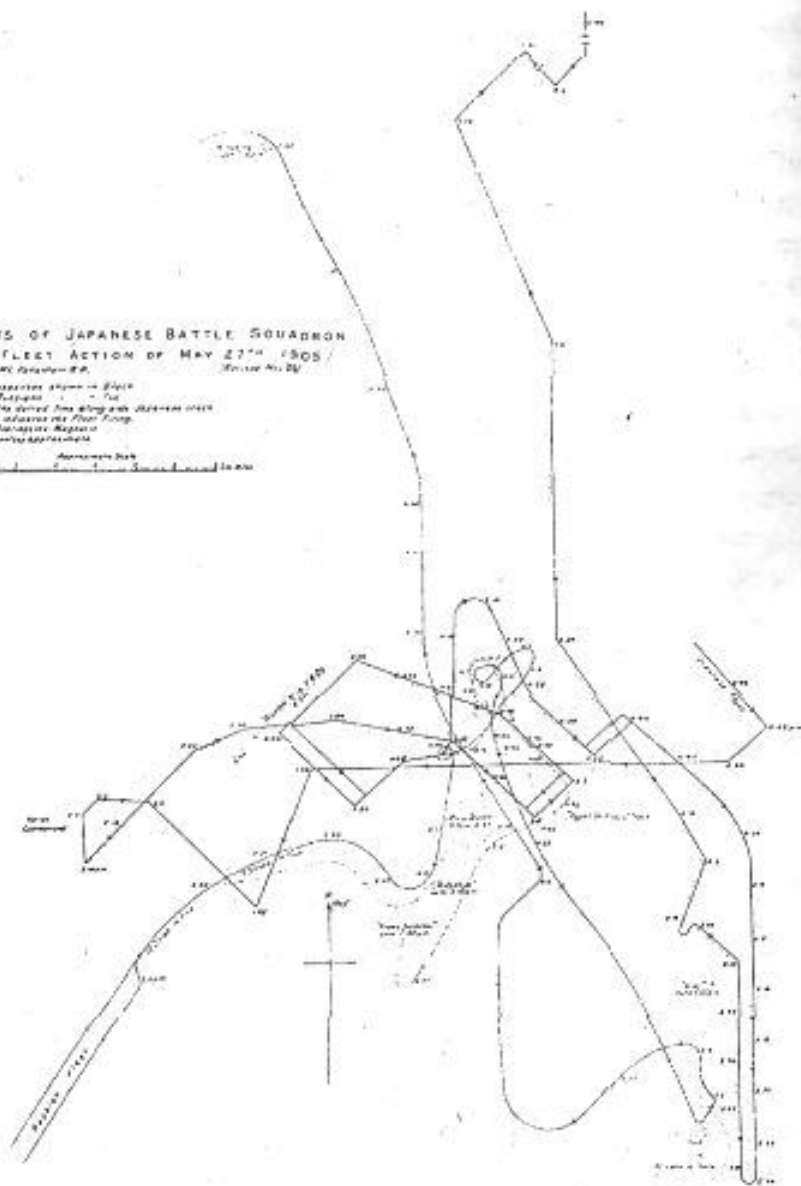
броненосцы, из-за большого радиуса циркуляции и диких маневров «Нисина» (вместе с «Касугой» помещенного в арьергард 1-го отряда), после того как Того увидел, что в центре своими маневрами они вносят беспорядок в построение всего флота. Броненосные крейсера всерьез задались целью подавить огонь противостоящих кораблей и не дать им взять верный прицел. Камимура просигналил всем кораблям повернуть на 4 румба влево, с намерением перестроиться в кильватер Того, но заметив, что он превосходит по силе своих нынешних противников, приказал спустить сигнальные флаги. Он повел свои корабли дальше, пока поворот головного отряда не позволил ему перестроиться в его тылу. Вырвавшиеся вперед крейсера попали под огонь четырех тяжелых броненосцев, но те к этому моменту были так сильно повреждены, что их обстрел не принес практически никаких результатов. Когда 1-й отряд свернул влево, Камимура был где-то в 3000 ярдов от противника, и броненосные крейсера прекрасно справились со своей задачей. 12 минут он оставался на месте, а его корабли вели прицельный и меткий огонь, небольшое число всплесков вокруг русских кораблей доказывает эффективность работы японских наводчиков. В это время посыльное судно «Тихая» смело заняло позицию в строю и присоединилось к обстрелу. После чего капитан объяснил, что позиция вне строя ему показалась опасней, чем в колонне. «Тихая» повезло, и он получил всего один снаряд, попавший в угольный бункер и не нанесший серьезного урона.

В 15.10 2-й отряд начал поворачивать влево, увеличив скорость до 17 узлов, и 10 минут спустя, пройдя 17 кабельтов, встретил русский флот, возвращавшийся в некотором беспорядке. После этого «Князь Суворов» представлял собой практически беспомощный остов, единственная уцелевшая труба была изрешечена, но он все еще стрелял из кормовой башни¹.

¹ Какая-то ошибка, кормовая башня «Суворова» была давно взорвана. — Прим.пер.

MOVEMENTS OF JAPANESE BATTLE SQUADRON
DURING FLEET ACTION OF MAY 27th 1905

By Capt. H. H. GARDNER, R.N.
 (British No. 24)
 Japanese ships — Black
 Russian ships — Red
 No arrow line shows only Japanese ships
 Japanese ships —
 Russian ships —
 Direction of movement
 Scale of miles
 0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60 61 62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89 90 91 92 93 94 95 96 97 98 99 100



Действия японского боевого отряда 27 мая 1905 г.

С 15.30 до 17.30 растерявшиеся русские метались туда-сюда, упорно преследуемые японскими отрядами. Они не поддерживали даже подобия строя, и их число заметно уменьшилось. Но из-за густого тумана невозможно было сказать, что произошло с пропавшими кораблями, однако на борту «Адзумы» решили, что «Ослябя» был потоплен. Одно время 2-й отряд потерял визуальный контакт как с 1-м отрядом, так и с русскими. Было невозможно определить направление стрельбы по звуку, однако снаряды продолжали падать вокруг кораблей как будто с неба. Но потом неожиданно сквозь туман были замечены вспышки выстрелов, и отряд направился к ним и вскоре снова вступил в бой.

Около 17.30 остатки русского флота свернули на NNW, по пятам преследуемые японцами, а истребители тем временем начали собираться позади, готовясь нанести удар. В 17.45 Камимура сменил курс на западный, чтобы позволить стрелять орудиям правого борта, в то время как 1-й отряд оставался севернее. Почти сразу после 18.00 2-й отряд свернул на восток и последовал за «Князем Суворовым», который к этому моменту остановился возле «Камчатки». «Суворов» все еще горел, и дым, поднимавшийся над ним, был таким густым, как и в 15.30. Оба корабля были обстреляны, и «Камчатка» загорелась. «Суворов» наудачу стрелял по 6-му отряду, который приближался с юга, но был практически не способен отвечать на огонь с запада. 2-й отряд затем последовал за русскими, убегаящими на север.

Время от времени отряд вел перестрелку на расстояниях от 6000 до 7600 ярдов, но не стрелял долго, так как расстояние между ним и русским арьергардом было существенным. Около 19.00 «Жемчуг», шедший позади отступающего флота, оказался чуть впереди левого траверза. Так как за его подбойным бортом находились 3 истребителя, по нему был открыт неторопливый огонь с «Идзумо», «Адзумы» и «Токивы» с расстояния 7000 ярдов, чтобы к наступлению темноты он уже не был в состоянии

руководить действиями миноносцев. Крейсер находился слишком далеко от товарищей, чтобы те могли ему помочь. Поэтому он стрелял самостоятельно и неприятно точно, но не было похоже, что в кого-то попал, и вскоре после заката, когда над ним за клубился густой дым, японцы прекратили огонь.

В 19.45 Камимура начал сближаться с 1-м отрядом, чтобы вновь пристроиться позади него. К этому времени море успокоилось, ветер ослаб, а на западе туман начал редеть. Однако дымка все еще не позволяла различить русские корабли. Впереди их флота шел броненосец типа «Бородино». У него был сильный крен, и он заметно рыскал на курсе. Японские офицеры с передней боевой рубки объявили о том, что с наступлением темноты он повернулся и исчез.

Успех Того, достигнутый в первые три четверти часа, постепенно превратился в решительную победу, когда день склонился к вечеру. Но это было только начало. Он еще не покончил с русским флотом. После получасового следования курсом ОНО, чтобы оторваться от истребителей, которые могли дожидаться темноты для атаки японских броненосцев и обесценить их победу, он повернул на N-t-O к Мацусиме. Того намеревался на рассвете оказаться между уцелевшими русскими кораблями и Владивостоком, поэтому он просто пошел в заранее оговоренную точку рандеву. Это было не сиюминутное решение, а составная часть его первоначального плана, разработанная на случай боевых действий возле Цусимы, и он просто направился к месту заранее спланированной встречи. Выстрелы, доносившиеся сзади между 20.00 и 22.00, засвидетельствовали, что еще одна часть его плана осуществилась, и японские миноносцы делали все возможное, чтобы облегчить задачу на завтра.

Ночью ветер и волны улеглись, а туман рассеялся. И 28 мая к 03.00 небо стало чистым и безоблачным.

Утром повернув на юг, в 06.45 Того был обрадован сообщением разведчика о 4 броненосцах и 2 крейсерах в

40 милях к югу от него. Так как они шли на NO, адмирал решил отрезать их от остального флота. Поскольку они двигались со скоростью 14 узлов, в 09.00 2-й отряд получил приказ покинуть строй и увеличить скорость. Вскоре после этого на юго-востоке показался 5-й отряд, а затем и 4-й. После этого в 10.00 были замечены русские корабли «Николай», «Орел», «Апраксин», «Сенявин» и «Изумруд». Чуть позже в 10.30 был открыт неторопливый огонь по головному кораблю с расстояния около 7500 ярдов. Первые выстрелы не принесли результатов, но японцы быстро взяли верный прицел, и им удалось накрыть цель. В 10.45 огонь был прекращен, так как головной русский корабль начал сигнализировать, «Микаса» ответил. Достаточно быстро стало понятно, что русские просигналили «Мы сдаемся» и «Мы передадим послание» соответственно. После этого все засмеялись, но смеялись от счастья, а не злорадно.

«Изумруд» тут же свернул на SO, за ним погнались «Сума», «Тиёда», «Идзуми» и «Акицусима». Но так как их максимальная скорость составляла 16 узлов, вероятность того, что им удастся поймать русского, была невелика, если только тот не успел получить повреждений, способных помешать ему идти полным ходом.

В 11.45 захваченные корабли оказались центром целого представления. 1-й и 2-й отряды находились по обеим сторонам от них, а отряды крейсеров расположились вокруг, но четверть круга все же была не замкнута. Можно было бы пожалеть о наличии легкого дефекта в получившейся картине, но в том направлении были замечены думы, и поэтому отряд истребителей быстро занял этот разрыв.

После недолгих переговоров между «Микасой» и «Николаем I» на русские корабли были посланы призовые команды. С «Адзумы» на «Апраксин» перешло 90 человек во главе с капитан-лейтенантом и механиком.

В 15.00 на юго-востоке был замечен «Адмирал Ушаков», направляющийся к флоту. Ему наперехват были отправ-

лены «Ивате» и «Якумо». Позднее, в 20.00, контр-адмирал Симamura доложил о том, что корабль отказался сдаться и был потоплен, а японским судам пришлось вылавливать спасшихся.

«Нанива» и «Такатихо» также были посланы вслед за русским кораблем, оказавшимся «Дмитрием Донским», но они не сумели что-либо с ним сделать, пока, уже после наступления темноты, не прибыл «Асама», отправившийся к ним на помощь. «Нанива» был поврежден и дал небольшую течь, но доложил о том, что ее можно заделать.

Снятие пленных с захваченных кораблей произошло позднее вечером. На «Адзуму» переправили 8 кондукторов и 162 матроса, включая 5 раненых.

В 21.50 «Идзумо», «Адзума», «Токива», «Тихая», «Ариакэ», «Касуми» с миноносцем отправились к Сасебо со скоростью 10 узлов. Под их конвоем шли «Апраксин» и «Сенявин».

Единственное, что казалось странным в этой капитуляции, это то, что не было слышно криков радости. Все приняли это довольно спокойно; все были счастливы, но никто, кажется, не собирался шуметь по этому поводу.

* * *

Контр-адмирал Огура, комендант базы, отдал все необходимые распоряжения по снабжению кораблей углем, водой, снарядами и провизией, и капитаны имели дело непосредственно с ним, не тревожа главнокомандующего. Когда адмиралу Того требовалась информация по принятым мерам, он делал запрос, в других случаях его штаб не вдавался в эти детали. Контр-адмирал Огура также контролировал передвижения транспортов и портовых катеров и нес ответственность за установку буев в порту. На каждый катер были выделены по два экипажа, причем один жил на плавбазе.

Отряды миноносцев, выше не упомянутые, располагались в Модзи, Порт-Артуре и так далее, а также за-

нимались патрулированием морских портов Японии и Формозы. Они не находились в подчинении у адмирала Того.

Подробный обзор сражения

Известия о приближении русских были получены в 05.07, флот вышел в море в 06.30. Возглавил колонну 1-й боевой отряд. За ним шли 2-й и 4-й. Замыкающим был «Асама». Истребители и миноносцы расположились по обе стороны от колонны.

Будь погода хорошей, как хотелось адмиралу Того, то после того как завязалось основное сражение, он бы ударил по строю русских истребителями и миноносцами под прикрытием беглого огня своего флота, в надежде смешать их ряды. Для этого была сформирована особая флотилия, которая, возможно, состояла из четырех эсминцев и двух миноносцев. Из-за их малой высоты и возникающих поэтому проблем с наблюдением их было сложно заметить в ходе сражения. И все-таки им был придан «Асама», выведенный из 2-го отряда, на тот случай если атака потеряет элемент неожиданности. Ему был дан приказ действовать независимо от основного флота и самостоятельно вывести отряд на исходную позицию, удобную для выполнения боевой задачи. А затем, при наличии благоприятной возможности, дать сигнал к атаке. Однако из-за сильного волнения на море этот план был отменен, истребители возвратились к своим отрядам, а «Асама» занял позицию позади 2-го боевого отряда.

В соответствии с информацией, полученной по радиотелеграфу, адмирал Того направился наперехват русским к северу восточного Цусимского пролива. В 10.00 сыграли боевую тревогу, орудия заряжены и все механизмы работали. Затем в 10.30 экипажи были распущены и отправлены на обед, экипажу выдали чарку, хотя алкоголь не входил в дневной рацион.

В 12.40 сменили курс на западный. Между флотами было около 15 миль. Туман все еще был плотным, ветер переменный SW к SSW, сила от 5 до 6 баллов.

В 13.23 по левому борту были замечены 4 крейсера. Их не было видно до тех пор, пока расстояние не сократилось до 6 миль, а чуть позже их опознали как 3-й боевой отряд.

В 13.24 «Микаса» повел флот на SW. «Адзума» повернул в 13.41. «Ниссин» пошел по очень широкой дуге, оставив остальные корабли в 2 кабельтовых позади. В 13.42 «Микаса» сменил курс на NNW («Адзума» в 13.48) и в 13.46 на WSW был замечен русский флот. Прозвучала команда «Боевая тревога», а на мачтах были подняты стеньговые флаги. 3-й отряд повернул и встал к юго-западу.

«Адзума» лег на новый курс только в 13.55, а «Ниссин» опять неудачно повернул. Русские шли двумя колоннами на траверзе, сходясь под углом 2 или 3 румба. А пятью минутами позже обе колонны повернули на NO, при этом правая колонна заметно приблизилась к левой. «Микаса» повернул на SW в 13.58 («Адзума» в 14.05). В правой колонне русского флота насчитывалось 4 больших корабля, 8 в левой, и еще один крейсер был замечен по правому борту от флота.

В 14.04 адмирал Того повел свой флот по дуге влево и пошел параллельным с русскими курсом. Примерно в это время отстал «Тацута». Русские открыли огонь в 14 часов 7 минут 40 секунд, японцы ответили, как только легли на новый курс. Они стреляли неторопливо, в отличие от русских, чей огонь был беглым. Вокруг авангарда японской колонны падало множество снарядов, а в 14.10 крупнокалиберный снаряд пролетел над «Адзумой» и поднял фонтан брызг у подбойного борта. Это было первое падение рядом с кораблем, и это было нечто новое, но полностью лишённое очарования. Как только японцы приблизились достаточно, их огонь ускорился, но не становился беглым, и к 14.15 обе стороны были полностью поглощены битвой. К этому времени расстояние между «Адзумой» и русскими кораблями составляло 4500 ярдов

(«Адзума» открыл огонь с 4800). В 14.20 один снаряд ударил в броню корабля, но следующие лишь поднимали фонтаны брызг поблизости. «Ослябя» попал под сильный огонь, и левая колонна русских повернула вправо последовательно, пристроившись позади больших кораблей. Их колонна, судя по тому, что можно было различить, состояла из четырех броненосцев типа «Бородино», «Осляби», «Наварина», нескольких неопознанных судов с высокими надстройками, и замыкали ее броненосцы береговой обороны. Русские корабли было трудно разобрать не только из-за тумана, но еще из-за всплесков от снарядов, падающих в воду через малые промежутки времени (или казалось, что через малые), а также из-за дыма от взрывов, выстрелов и сжигания угля. Их смутные серые силуэты были едва заметны, но зато время от времени были прекрасно видны их трубы, желтые с черными верхушками. Разведчики три раза пытались определить их численность, но терпели неудачу, из-за постоянных исчезновений одного-двух кораблей в плотных клубах дыма и брызг, но, очевидно, их было двенадцать. Невозможность наблюдать горизонт, однообразная серость неба, моря, кораблей, а также брызги и дым, сливавшиеся в одно пятно, — все вместе сильно затрудняло общее восприятие ситуации.

В 14.25 3-й и 4-й японские отряды с вместе с истребителями были далеко слева от 1-го и 2-го отрядов. Последний находился в 2 кабельтовых от первого, в его кильватерной струе.

А в 14.27 несколько фрагментов большого снаряда пролетели мимо кормовой части «Адзумы». Возможно, это были осколки снаряда, попавшего в дуло 152-мм орудия по правому борту, после чего оно вышло из строя. В 14.30 «Адзума» находился на траверзе шестого корабля в строю русских и стрелял по «Ослябе», который все еще находился под сильным огнем. Волнение на море, похоже, никак не повлияло на «Наварин», но вот другие суда с малой высотой надводного борта — «Сенявин», «Апраксин», и «Ушаков» —

начали отставать. К 14.35 стало видно, что японский флот сильно вытянулся вперед, и теперь «Адзума» направлялся курсом NO-t-O, имея почти на траверзе второй корабль в строю русских и ведя огонь по нему. «Князь Суворов» попал в ужасное положение, похоже, каждый корабль перед «Адзумой» целился именно по нему.

В 14.37 305-мм снаряд попал «Адзуме» в верхнюю часть 150-мм брони каземата верхней палубы по правому борту, над орудийным люком и чуть дальше середины, где и взорвался с тусклой красной вспышкой и вызвал сильное сотрясение. 12-фунтовку, установленную на каземате, отбросило к середине корабля вместе с люлькой. Тумба лафета и щит пропали бесследно. Расчет орудия, прибывший всего за несколько минут до этого, был убит вместе с 3 матросами, находившимися на навесной палубе. От двоих из них не осталось ничего, по чему можно было бы их опознать. Фрагменты человеческих тел лежали повсюду, плоть была размазана даже по внешней стене боевой рубки, мачте и вентиляторам. Старший помощник, направившийся к заднему мостику прямо перед взрывом, был ранен в правое колено, но сумел дохромать до рубки. Бригады санитаров были уже на месте. Они оказывали первую помощь, а также убирали трупы. Оторванные части складывались в одеяла и временно откладывались в сторону. За исключением куска мяса, упавшего на компас, в рубку больше ничего не попало. Одна койка загорелась и была выброшена за борт.

В 14.40 на борту «Суворова», который время от времени пропадал из виду: так много кораблей по нему стреляло, загорелось красно-коричневое пламя. Японские броненосные крейсера попали под огонь русских броненосцев, которые наконец-то начали смещаться правее, так как японский флот угрожал им продольным огнем. Хотя снаряды так и сыпались вокруг «Адзумы», «Токивы» и «Якумо», процент попаданий был невелик, в то время как они отвечали намного более точным огнем по головным русским кораблям. Обладай русские наводчики такими же талан-

тами, японский 2-й боевой отряд сильно бы пострадал. Но под ужасным обстрелом, под который попали русские, их огонь становился все слабей и слабей. Меткая стрельба оказалась очень полезна при самозащите.

В 14.44 головной корабль русской колонны находился почти на траверзе и двигался по дуге. В 14.46 он, следуя курсом S-t-E, прошел в 4300 ярдах от «Адзумы», который шел на восток.

В 14.47 305-мм снаряд попал в дуло правого орудия кормовой башни, выведя его из строя. Оказалось, что сейчас «Асама» следует за вторым отрядом на расстоянии около мили и ведет бой с хвостом русской колонны. Позже выяснилось, что он получил снаряд в кормовую часть и его рулевой механизм был поврежден.

Было очень сложно понять, что делали русские. Казалось, что они в замешательстве, пока в 14.55 один большой корабль не покинул строй.

В 14.56 большой снаряд, легший небольшим недолетом, залил водой кормовую шельтердек. Русские начали поворачивать, но различить их перемещения было так трудно, что наблюдатели так и не смогли определить, в какую именно сторону они поворачивают. Однако было ясно, что как только очередной корабль достигал точки поворота, он тут же попадал под сосредоточенный огонь всех японских кораблей.

1-й отряд, пройдя мимо русских, повернул на 8 румбов влево «все вдруг», в то время как Камимура продолжил идти вокруг точки поворота русского флота. Здесь и далее оба японских отряда действовали независимо друг от друга.

К 15.00 расстояние между противниками составляло всего лишь 3000 ярдов. 2-й боевой отряд стрелял просто блестяще, как на учениях, в то время как русские стреляли совершенно беспорядочно и хаотично. В 15.02 «Адзума» развернулся на SO. 2 русских корабля горели, причем один принадлежал к типу «Бородино». Но так как они находились на дальнем фланге своего флота, ни один из них

нельзя было опознать точно. В 15.05 1-й отряд повернул еще на 8 румбов влево, «Адзума» же в это время шел курсом SO-t-O. Похоже, «Ослябя» был серьезно поврежден. Он сильно осел, кренился и, возможно, тонул. «Асама» слегка отстал, и в строй позади «Ивате» вошел «Тихая», открыв при этом огонь по русским броненосцам.

Вице-адмирал Камимура повел свой отряд по дуге влево и в 15.15 взял курс на север. «Адзума» шел на NW до 15.20. В это время мимо пролетали случайные снаряды, но в ответ не было сделано ни одного выстрела. В 15.20 было замечено, что русские возвращаются назад параллельно 2-му отряду, и по ним был вновь открыт огонь. Было похоже, что один или два корабля покинули строй, но так как тот уже развалился, судить о чем-либо было затруднительно. Они прошли на расстоянии 3400 ярдов и начали поворачивать вправо в 15.26. Окруженный столбами воды, поднимаемыми упавшими снарядами и окатываемый фонтанами брызг, «Токива» представлял собой незабываемое зрелище.

В 15.35 один корабль внезапно вильнул вправо, и огонь был прекращен. Слева появился русский броненосец, севший носом, с сильным креном на левый борт и окутанный дымом от бака до грот-мачты. Дым выходил из бесчисленных пробоев в надстройках и собирался в плотное облако, поднимавшееся выше мачт, что заставляло корабль казаться огромным. Похоже, он был настолько поврежден, что мог затонуть в любой момент. Но пока японские комендоры молча наблюдали за ним, залп его кормовой башни разбил чары. По нему был открыт неторопливый прицельный огонь, который позже заметно ускорился, пока в 15.38 на несчастном не воцарился настоящий ад из разрывов снарядов, пламя вырывалось из боевой рубки. Во время движения корабля его кормовая башня продолжала стрелять, но промежутки времени между выстрелами были велики, а снаряды так никуда и не попадали. Японцы прошли мимо него в 15.40. Он в это время направлялся прямо к «Адзуме» и находился всего в 2900 ярдах от крейсера. Огонь

прекратился. «Тихая» с 4 истребителями направился было к нему, но потом, возможно из-за беспомощного положения русского броненосца, развернулся и вернулся на позицию на подбойном борту флота. Позже выяснилось, что один истребитель выпустил торпеду, но посчитав, что русские остановились, не сделал упреждения и промахнулся. Через просветы в дыму было видно, что грот-мачта и огрызок фок-мачты еще стоят. Задняя труба исчезла, а передняя укоротилась наполовину и представляла собой покореженный остов.

В 15.50 «Адзума» направился на WSW, а Камимура повел свой отряд вправо, пока в 16.00 «Адзума» не оказался на курсе ONO. 1-й отряд сейчас виднелся чуть правее и несколько позади, направляясь почти параллельно 2-му. В 16.03 на юго-востоке был замечен русский флот, к этому моменту заметно уменьшившийся в численности. Он направлялся на север и вел огонь по головным японским кораблям. Камимура отклонился от первоначального курса в сторону NO-t-O. 2-й отряд вновь открыл огонь («Адзума» в 16.06) с 6800 ярдов, вынудив русских повернуть вправо и пойти параллельным с ним курсом. К 16.14 расстояние уменьшилось до 5000 ярдов. 1-й отряд сейчас шел в кильватер 2-му, но на значительном расстоянии позади. Русские отступали в беспорядке, но продолжали стрелять. Впрочем, огонь был неточным, и все выстрелы проходили мимо. Даже с такого близкого расстояния различить их корабли было затруднительно, однако японский огонь был достаточно эффективен для того, чтобы вынудить их повернуть вправо. Так что к 16.18 расстояние увеличилось до 5800 ярдов.

В 16.20 горящий русский броненосец, который, как впоследствии утверждали пленные, оказался «Князем Суворовым», вновь оказался под огнем. Его задняя башня все еще вела безнадежную борьбу и время от времени стреляла, но эти доблестные попытки не увенчались успехом. Все снаряды пролетали мимо, возможно это происходило из-за сильного крена, который мешал взять верный при-

цел. Он представлял собой величественное и печальное зрелище. Все еще окутанный плотными клубами дыма, через который виднелась одна оставшаяся мачта, он пытался пробиться вперед. Крен на левый борт все усиливался, хотя теперь дифферент на нос стал меньше. Время от времени были заметны попадания снарядов: вспышки взрывов казались огромными, создавалось впечатление, что никто не мог выжить в его палубных надстройках. Некоторые из этих вспышек были настолько велики, что, по мнению японских офицеров, не могли быть вызваны разрывами снарядов, но, судя по всему, являлись результатами взрывов боезапаса. Однако выяснилось, что на «Орле» позади тонкой брони лежал уголь. Он же исполнял роль защиты на небронированных частях и даже на мостиках, и в местах попаданий уголь воспламенялся. Возможно, так же было сделано и на «Суворове», и тогда вспышки могли быть вызваны взрывами угольного газа. Это также объясняет тот большой промежуток времени, в течение которого валил густой дым.

В 16.27 снаряд пролетел между трубами, издав необычный звук «уи-и», абсолютно не похожий ни на что другое, звучавшее в этот день.

В 16.28 расстояние до ближайшего корабля из основных сил русских составило 6500 ярдов. Корабли было очень трудно различить, так как они смешались в беспорядочную кучу. Каждый из них, похоже, шел тем курсом, который считал наиболее подходящим для выхода из-под огня японцев. Пока что, насколько мы могли видеть, японский флот не получил серьезных повреждений. Все корабли как 1-го, так и 2-го боевых отрядов оставались в строю, не выказывая никаких признаков повреждений подводной части, вроде крена.

В 16.30 «Идзумо» свернул вправо на O-t-N. По мере поворота стрельба 2-го отряда постепенно затихала. Причина этого маневра не ясна, но, похоже, несколько русских кораблей повернуло на восток, и Камимура сменил курс, чтобы остановить их. Русские находились пря-

мо перед ним и скучились, как стадо овец. Так что, когда мы заметили, что один-два корабля повернуты к японцам бортом, было практически невозможно сказать, правый это борт или левый, если только за ними не наблюдали в процессе поворота. Вдобавок ко всему русские корабли шли не параллельными курсами, а пересекающимися. В 16.37 1-й отряд продолжал стрельбу, но 2-й отряд не мог видеть русских. Поэтому «Идзумо» свернул влево и вернулся к прежнему курсу SO-t-O. Был слышен «жуткий вой» тяжелых снарядов, но не было видно ни русских кораблей, ни кораблей Того, а направление, с которого доносились звуки, определить было невозможно. Поэтому 2-й отряд быстро заблудился. Отрикошетившие снаряды падали вокруг кораблей, но не это не позволяло определить, откуда они прилетели. Внезапно Камимура заметил вспышки. Взяв их в качестве ориентира, в 16.48 он повернул на SW-t-W, шел так меньше минуты, а затем повернул вправо на NW-t-W. Неожиданно по левому борту была замечена часть русского флота, направлявшаяся на юго-восток. В 16.56 «Идзумо» опять свернул влево. По 2-му отряду русские открыли беспорядочный огонь. И хотя они много стреляли, не было видно всплесков от снарядов, и в то же время никто и не думал, что они могут куда-то попасть.

В 17.00 «Адзума» направлялся на юг, «Микаса» находился по пеленгу W-t-N и шел практически параллельным курсом.

В 17.03 наш курс был S-t-O, и по левому борту был замечен 4-й боевой отряд. Возможно, он и являлся причиной стрельбы русских. Поначалу было видно лишь 3 корабля, что заставило нас поволноваться. Но вскоре в хвосте колонны появился и четвертый, «Такатихо», сигналивший «Рулевое управление починено». 4-й отряд, похоже, преграждал путь русским, направлявшимся на юго-восток, так как мичман, следивший за носовым сектором, утверждал, что видел, как они пересекали курс «Адзумы» на значительном расстоянии.

В 17.05 1-й отряд опять открыл огонь, но нельзя было разглядеть по кому. Очень неприятно слышать выстрелы и при этом находиться в полном неведении о том, что происходит. Вокруг кораблей падали снаряды, создавая видимость того, что хоть русские и оставались вне поля зрения, но они все же видели японцев. Над этим вопросом в то время долго ломали головы. Но позже выяснилось, что корабли, освещенные солнцем, достаточно легко различить. Солнечный свет, падающий, несмотря на плотную облачность, на их борта, позволял заметить их на гораздо большем расстоянии, чем если бы солнце было за ними. Это обстоятельство играло не на руку японцам, которые почти все время были в невыгодной позиции, и, следовательно, представляли собой прекрасные цели.

В 17.09 они двигались курсом SW. В это же время по правому борту был замечен русский флот, направлявшийся на юг, но больших кораблей видно не было. Вновь был открыт огонь, и русские повернули прочь в полном беспорядке: все корабли действовали самостоятельно. В 17.13 расстояние между противниками составляло 30 кабельтов, а в 17.14 русские шли примерно от W до W-t-N, поворачивая на WSW, и, без сомнения, убегали. Спустя полминуты расстояние составило 5500 ярдов, а в 17.17 «Адзума» шел курсом SW. В 17.21 на NNW под огнем 1-го отряда прошел большой трехтрубный вспомогательный крейсер. Он был сильно поврежден и вскоре перевернулся. В 17.22 японцы шли курсом WSW, а расстояние до русских составляло 5700 ярдов. 1-й отряд сейчас находился на юго-западе и постепенно смещался за корму 2-му, где замыкающим шел «Асама». («Асама» шел в кильватере 2-го отряда, но частенько отставал на милю. У него были проблемы с рулем. А утром 28 мая его оставили позади, когда броненосный флот повернул на юг, так как он сообщил о течи. Вполне возможно, у него уже были проблемы.)

В 17.27 1-й отряд сменил курс и пошел параллельно 2-му отряду, но слегка позади «Микасы», идущего на NO.

Стрельба в это время была довольно вялой. В 17.30 «Адзума» направлялся на W, а в 17.32 русские находились примерно на NW-t-N, а в это же время 1-й отряд развернулся на север. В 17.37 курс сменили на NW-t-W. Вокруг 2-го отряда сыпались снаряды, но он не отвечал на огонь, хотя первый время от времени стрелял. В 17.44 курс мы повернули на север, русские были на северо-западе.

В 17.44 направление опять сменили на NW. С расстояния 5800 ярдов был открыт огонь по 2 русским кораблям, отделившимся от основных сил, которые находились по пеленгу N-t-W. 2-й отряд шел на NW-t-N до 17.52. В поле зрения на северо-востоке появились вспомогательный крейсер и броненосец. «Суворов» находился к северу, а «Камчатка» стояла рядом с ним. В 17.55 на NNW был обнаружен еще один большой русский корабль. Все они двигались примерно на северо-запад, а позже выяснилось, что «Суворов» стоял на месте. Снаряды пролетали рядом с «Адзумой» и падали в воду на расстоянии от 100 до 250 ярдов каждые 20 секунд или около того. 2-й отряд в 17.57 шел на NW-t-W. А две минуты спустя он прекратил огонь, хотя крупнокалиберные снаряды продолжали падать вокруг него. Один из них упал всего в 20 ярдах за кормой.

В 18.05 прошли мимо большой кучи лома, и заметили двух русских матросов, цеплявшихся за остатки рангоута. Один из них, широкоплечий мужчина, поднялся из воды как можно выше и, похоже, звал на помощь. Это зрелище было достойно сожаления. Маринист Верецагин определенно нашел бы сюжет для картины.

В 18.05 «Идзумо» свернул влево и, повернув через юг и восток, в 18.18 лег на курс N-t-O, направляясь к «Суворову» и «Камчатке». 6-й отряд, «Сума», «Тиёда», «Идзуми» и «Акицусима» собрались где-то в 2 милях от них и тоже прошли мимо них, но южнее. По обоим кораблям был открыт неторопливый огонь. Вскоре «Камчатка» загорелась, а ее орудия были уничтожены, но она продолжала разворот, как будто предлагая стрелять ей в борт.

Когда время от времени виднелись разрывы снарядов, расчеты орудий на верхних палубах кричали: «Банзай!» Это были первые крики радости за эти два дня. «Камчатка» была повреждена и небоеспособна, так как она находилась всего в 1400 ярдах от японцев, промазать по ней было практически невозможно. Всем было жаль ее. А «Князь Суворов», охваченный пламенем, но все еще сражающийся, вызывал уважение. Сомнительно, что его кормовая башня стреляла, потому что он не отвечал на огонь 2-го отряда. Похоже, он вообще был не способен стрелять в его сторону. Орудия батарейной палубы вели огонь по 6-му отряду. Вполне возможно, могли стрелять и какие-то другие.

В 18.29 мы сменили направление на NW, а затем еще раз в 18.40 на N. В это же время впереди было замечено несколько русских кораблей, которые в 18.46 открыли огонь по 2-му отряду. Из-за этого тот в 18.48 свернул на N-t-O и начал стрелять по 4 большим кораблям на NNW, ближайший из которых был на расстоянии 35 кабельтов от него. Броненосец типа «Бородино», идущий слегка впереди остальных, кренился на правый борт примерно на 10°, а также заметно рыскал. В 18.51 «Адзума» направлялся на ССВ, а расстояние составило 6800 ярдов. Русские целились довольно неплохо, но все же ни разу не попали. Теперь они шли на фоне заходящего солнца и представляли собой неудобные мишени, кроме того, было трудно определить, куда же попадают снаряды. К 19.04 расстояние увеличилось до 7400 ярдов, и стрельба с обеих сторон потихоньку стихла.

В 19.05 Камимура повернул свой отряд на 4 румба влево «все вдруг», оставив примерно в 2 милях позади несколько японских истребителей. Можно было различить 8 кораблей, а так как они шли вместе с 4-м боевым отрядом, то, вероятно, это были 4-й и 5-й отряды истребителей. В 19.12 весь отряд повернул на 4 румба вправо «все вдруг». Небо на западе и северо-западе начало очищаться, но дымка все еще была слишком плотной для того, чтобы

можно было различить русские корабли. Определенно они все еще двигались в полном беспорядке. В 19.15 мы сменили курс на NNW, и капитан 1 ранга Мураками, увидев «Жемчуг» с двумя истребителями в 8000 ярдов от себя, открыл неторопливый огонь в надежде лишить крейсер возможности командовать истребителями после наступления темноты. «Идзумо» и «Токива» присоединились к стрельбе. Но «Жемчуг» сосредоточил свое внимание на «Адзуме» и показал весьма неплохую стрельбу, учитывая значительное расстояние и то, что у него на вооружении имелись всего лишь 120-мм орудия. Снаряды падали в опасной близости от «Адзумы». Падение каждого из них сопровождалось пробирающим до костей воем, который очень быстро начал раздражать. А судя по отвесной траектории движения, угол их падения составлял 60 градусов. Ни один из них не срикошетил: все уходило под воду, оставляя серебристый след. А из-за подвижной поверхности моря казалось, что снаряды извиваются в воде. Тут был замечен дым, поднимавшийся над «Жемчугом», и стрельба прекратилась.

2-й отряд перестроился позади броненосцев, и адмирал Того в течение трех четвертей часа шел на ОНО, чтобы сбить с толку русские истребители, которые могли поджидать его под покровом ночи. Только после этого он свернул на N-t-O к месту запланированной встречи, находившейся к северу от Мацусимы.

После окончания боя мертвых сложили в кормовом каземате верхней палубы на правом борту, орудие которого было выведено из строя.

Душевая кочегаров была занята хирургами. Раненых затем поместили на матрасы и в каюты, которые на нашем корабле были очень тесными. В душевой, которая была достаточно просторной, поставили временный стол, на котором хватало места для инструментов, бинтов и всего остального. Операционный стол поставили в центре, освободив примерно пять-шесть футов вокруг него. Его хорошо освещали электрические лампы, расположение

которых можно было менять. Еще в наличии имелись вентиляторы. В проходах снаружи было очень тесно и жарко, но почти к каждому раненому был приставлен чумазый кочегар с вентилятором. Как только это стало возможным, раненых вынесли на главную палубу, где воздух был чище и температура ниже. Затем хирурги занялись мелкими операциями и перевязкой, обслуживая по одному человеку за раз. Это продолжалось до 03.00, хотя количество раненых нельзя назвать таким уж большим. Похоже, следовало бы устроить еще одну операционную.

После наступления темноты капитан 1 ранга Мураками обратился к экипажу своего корабля с речью. Рассказав о результатах боя, которые были ему известны, он заявил, что он не позволит матросам пить саке этой ночью, но он обязательно сделает это, в знак признательности за отвагу в бою, как только сражение будет окончено. К сожалению, капитан-лейтенант, который временно являлся старшим помощником капитана, забыл огласить этот приказ. Три дня спустя он все еще был на рассмотрении, когда капитан обнаружил, что его указ не выполняется. Но экипаж корабля никак не выразил недовольство отсутствием обещанной порции спиртного. Эта ошибка была исправлена так быстро, как только это было возможно.

28 мая в 05.00 часов адмирал Того сменил курс, чтобы пройти к западу от Мацусимы, у северной оконечности которой была назначена точка сбора. Но в 05.45, не достигнув широты острова, он повернул на юг. В 06.40 было доложено о 4 русских броненосцах, а также двух крейсерах 2-го или 3-го класса.

«Асама» покинул строй около 07.00, сообщив о затоплении в седьмом носовом отсеке. Но так как течь была выше броневой палубы, ее было легко устранить.

По докладам русские двигались со скоростью 14 узлов и вроде находились на юго-западе, поэтому в 07.30 «Микаса» повернул на OSO, так как противник упрямо шел на северо-восток. В 08.40 он повернул на ONO. Единственными бронепалубными крейсерами, находившими-

ся в поле зрения, были два авизо: «Тацута» и «Тихая». Дул северо-западный ветер силой 3 или 4 балла, погода была ясной, а море спокойным.

Вскоре после того как флот пошел новым курсом, адмирал Того приказал 2-му боевому отряду выдвинуться вперед. «Идзумо» увеличил скорость до 17 узлов и прошел мимо 1-го отряда на расстоянии около 4 кабельтовых. В 09.18 на горизонте с юго-востока показался 5-й боевой отряд, а в 09.32 на SO-t-O были замечены трубы и мачты 4-го отряда. Вскоре после этого мы заметили 2 русских броненосца, 2 броненосца береговой обороны и один крейсер. В 10.05 сыграли боевую тревогу и подняли стеньговые флаги. Русские были видны по пеленгу SO-t-O и шли на NO.

В 10.33 мы повернули на северо-восток, а в 10.33 с кораблей 2-го отряда прозвучали первые выстрелы. Расстояние между флотами сокращалось, и к 10.36 оно составило 7000 ярдов, а через минуту и 1-й отряд открыл огонь по головному русскому кораблю, который в 10.39 шел с SSO. В 10.40 2-й отряд повернул на ONO, расстояние составило 7700 ярдов. В это же время головной русский корабль получил несколько попаданий. Поначалу японский огонь был весьма неточным, но вскоре они сумели пристреляться. Русские корабли, похоже, поворачивали в разные стороны, а их флагман в это время подавал сигналы. Никто сразу не понял, что он обращается к «Микасе». Но как только это стало известно, огонь тут же прекратился. К этому времени 2-й отряд шел на восток, а 1-й отряд пристраивался ему в кильватер, головной русский корабль находился на юге. «Асама» вернулся в строй и занял место позади 1-го отряда.

«Изумруд», державшийся на противоположном фланге русского флота, тут же покинул строй и пошел на юго-восток, преследуемый 6-м отрядом.

Для ведения переговоров между «Микасой» и «Николаем I» были задействованы миноносцы. Призовые команды были отправлены на русские корабли где-то около 15.00.

В это же время был замечен «Адмирал Ушаков», а чуть позже и «Дмитрий Донской», в погоню за ними были посланы крейсера.

Пленных приняли на борт около 18.00 и расположили в носовом кубрике.

1-е отделение 2-го боевого отряда ушло вместе с 2 броненосцами береговой обороны в 21.50.

* * *

Потери экипажа «Адзумы» составили: 9 убитых, 10 тяжелораненых, один из которых умер утром 28 мая, а другой в морском госпитале в Сасэбо, 8 легкораненых и 14 человек, получивших несерьезные раны и способных оставаться на своих постах. Последние были ранены осколками, которые оставляли глубокие порезы, но не наносили значительного ущерба. Это позволяло человеку оставаться на своем посту до конца боя, а после некоторые из них были помещены в лазарет, некоторых же перевели на более легкие работы. И, безусловно, самым гордым и самым счастливым человеком на борту был молодой мичман, только что поступивший на службу, которому осколком оторвало указательный палец на левой руке, и, по словам хирургов, шрам должен был остаться на всю жизнь.

* * *

Ночью «Сенявин» пропал, и поэтому 29 мая на рассвете отряд остановился. Запросы по радиотелеграфу не дали ничего. После полуторачасового ожидания он был замечен позади, а после воссоединения выяснилось, что возникшие неполадки в холодильнике машины вынудили его остановиться на 2 часа. У 1-го отряда, судя по перехваченным телеграммам, были похожие проблемы с «Орлом».

По радиотелеграфу были получены новости о захвате «Бедового», на борту которого находился Рождественский,

тяжело раненный истребителем «Сазанами», а также о том, что «Акаси» встретил «Сазанами» и взял захваченный корабль на буксир. Было перехвачено сообщение адмирала Того, где он приказал обходиться с русским главнокомандующим со всевозможным почтением и принять его на борт. «Акаси» ответил, что тот был слишком серьезно ранен для того, чтобы его перемещать, а при буксировке эсминца возникли некоторые трудности.

Также «Микаса» телеграфировал «Касуге», чтобы тот, как только закончит с «Донским», положение которого на тот момент было неясным, отправлялся в Сасэбо.

В 15.45, в ответ на запросы с «Сумы», «Сикисима» доложил о том, что он буксирует «Николай I».

С 16.00 до 17.00 корабль пробирался через массу плавающих обломков — кусков рангоута, частей деревянной обшивки, лодочных мачт, коек, спасательных жилетов, а также большого количества мертвых тел. Большая часть утопленников держалась за куски мачт, койки, спасательные буи, или же они были одеты в спасательные жилеты. К сожалению, в это же время пленных вывели на палубу для разминки, и увиденное очень сильно потрясло их. Корабль находился в 20 милях от места сражения, и это зрелище было весьма неожиданным. Пленники находились на палубе и следили за тем, как корабль рассекает воды, в которых покоятся те, кого они могли знать. Дважды истребители разворачивались, чтобы осмотреть группы людей, казалось, подававших признаки жизни, но оба раза их постигла неудача.

Мы прибыли в Сасэбо 30 мая.

Расход снарядов

Сколько снарядов расстреляли русские, мы практически не знаем. Разве что контр-адмирал Небогатов сообщил адмиралу Того о том, что утром 28 мая у него практически не осталось 305-мм. Похоже, это относилось лишь к «Николаю I», так как офицеры, побывавшие на «Орле», сообщили, что на нем осталось достаточно снарядов.

Все японские командиры, с которыми говорили об этом, заявили, что они горды тем, что израсходовали заметно меньше боеприпасов, чем 10 и 14 августа. Они утверждают, что их люди стали закаленными ветеранами и не расходуют снаряды попусту.

Иногда японский огонь становился медленным до невозможности, но вовсе не потому, что они не могли стрелять быстрее, а скорее всего потому, битва вполне могла затянуться за 2 дня, и снаряды могли все-таки закончиться. Поэтому приходилось стрелять наверняка. Если наводчик не был полностью уверен, что попадет, он не давал команду стрелять. В этом плане дисциплина была железной. Время от времени огонь прекращался, но не вследствие приказа вышестоящего начальства, а потому что никто не хотел стрелять «на кого бог пошлет» в надежде попасть. На больших расстояниях не было нужды держать людей при орудиях, хоть это иногда и делалось. Это стало еще одной причиной замедления огня. Артиллеристы никогда не теряли головы и не увлекались пальбой.

У японцев имелось три сигнала о ведении огня: «вести прицельный огонь», «вести обычный огонь» и «вести беглый огонь». На борту «Адзумы» команда «вести беглый огонь» не прозвучала ни разу, а «вести обычный огонь» всего дважды и то лишь тогда, когда расстояние до противника было меньше 4000 ярдов. Чаще всего отдавался приказ о ведении прицельного огня. Это делалось в основном при стрельбе на больших дистанциях, когда расстояние было нащупано, и комендоры могли невольно ускорить темп стрельбы. «Фудзи» также ни разу не вел беглый огонь. О других кораблях ничего не известно.

Контр-адмирал Като, начальник штаба Того на «Микасе», сообщил, что была истрачена треть 305- и 152-мм снарядов. Так как корабли были снаряжены «под завязку», это эквивалентно от 130 до 140 — 305-мм снарядов. «Фудзи» расстрелял 106 — 305-мм и 530 — 152-мм. Он потерял одно 305-мм орудие, возможно вскоре после 15.00, когда бой велся на расстоянии 4300 ярдов. Капи-

тан «Сикисимы» оценил расход боеприпасов примерно в половину от общего боекомплекта. В носовой башне на «Ниссине» правое орудие выстрелило 12 раз, прежде чем было выведено из строя, а левое 51 раз, после чего разделило его судьбу. В кормовой башне левое орудие было повреждено после 40 выстрелов, а правое, единственное 203-мм орудие, оставшееся в строю к концу боя, выстрелило 78 раз.

Для «Адзумы» цифры следующие:

203-мм — 173 (одно орудие выведено из строя после 20 выстрелов)

152-мм — 719 (одно орудие сделало всего один выстрел, после чего было повреждено)

12-фунтовые — 752 (два орудия вышли из строя, но количество выпущенных снарядов не известно. Расчеты 12-фн пушек прекращали стрельбу лишь на средних и малых расстояниях)

Капитан «Ниссина» оценил расход 152-мм снарядов в 60%.

УПРАВЛЕНИЕ КОРАБЛЕМ В БОЮ

*Рапорт капитана Т. Джексона
от 10 августа 1904 года*

Командир «Адзумы» управлял кораблем из боевой рубки, похоже, так поступали многие командиры броненосных кораблей, хотя адмиралы, за одним исключением, все стояли на крышах штурманских рубок. Исключением был вице-адмирал Мису, который был ранен, когда находился в боевой рубке «Ниссина», и он оказался единственным из адмиралов, кто был ранен.

Также в боевой рубке присутствовали штурман, артиллерийский офицер и квартирмейстер. Командир и штурман находились в передней части рубки, штурман помогал удерживать корабль в строю. Артиллерист же находился с той стороны, где был противник, и помогал капитану

определять результаты стрельбы, а также оценивать расстояние и отдавать приказы.

Для того чтобы удерживать корабль в строю, рядом с рубкой в подбортном борту ставили мичмана, в обязанности которого входило по створу мачт определять курс переднего мателота и расстояние до него.

Для определения расстояния использовался дальномер Барра и Страуда, установленный на том, что осталось от передней части боевого марса фок-мачты (большая часть которого была убрана). От него в боевую рубку вела длинная переговорная труба. Ее верхний конец присоединялся к гибкому шлангу, оканчивавшемуся раструбом. Он крепился прямо под средней частью дальномером так, что наблюдателю не требовалось отрываться от прибора, чтобы доложить о расстоянии в боевую рубку. Таким образом экономилось время и исключался риск ошибки при повторении расстояния еще одним человеком, сидевшим у переговорной трубы.

Из боевой рубки расстояния до целей передавались к орудиям при помощи электрических передатчиков и индикаторов, циферблатов с ручной установкой, а также в устной форме. Эти три метода использовались одновременно. Сигналы горна использовались для самых важных приказов, остальные же передавались устно или электрическими передатчиками. Электрооборудование все еще находилось в процессе отладки, но в большинстве своем работало удовлетворительно. У некоторых индикаторов наблюдалась небольшая погрешность, она оставалась постоянной в течение боя и, насколько нам известно, не причиняла особых неудобств.

В кормовой боевой рубке находились старпом, минный офицер, старшина и старший минный унтер-офицер. В этой рубке стояли электрические индикаторы расстояний и приказов, но не было передатчиков. Так что если бы носовая рубка была повреждена и пришлось управлять кораблем из кормовой, эффективность работы командования заметно снизилась бы. Старпому было разрешено

взять на себя управление кормовыми орудиями в любой момент, когда он посчитает нужным выбрать цель, отличную от той, что указал командир, а также в том случае, если у него возникнут подозрения, что связь с носовой боевой рубкой оказалась повреждена. Капитан 1 ранга Мураками считал, что капитан 2 ранга Того, находясь на корме, мог увидеть удобную возможность нанести ущерб противнику, которую не было бы видно из носовой рубки. Поэтому он и издал соответствующее распоряжение.

Приказы, полученные минным офицером, так и не удалось выяснить. Но было заметно, что когда расстояние до русских сокращалось до 3000 ярдов, он неизменно передавал приказы подводным торпедным аппаратам и стоял возле наводчиков. Так что судя по всему, он приводил аппараты в состояние готовности, а также мог сам определять, стрелять или нет. Он так ни разу и не приказал стрелять, так как не было возможности, лишь к вечеру достаточно приблизились к «Камчатке», но тратить на нее торпеду было бы неразумно, так как она уже была в критическом состоянии. По словам командира «Фудзи», он не пускал торпеды по «Князю Суворову», когда, чуть позже 15.00 27 мая, 1-й отряд прошел мимо него, даже несмотря на то, что оба корабля перед ним сделали это. Похоже, что не все командиры передавали управление торпедными аппаратами младшим офицерам.

Дальномер на кормовой сигнальной рубке сообщался с кормовой башней при помощи переговорной трубы с гибким шлангом на конце. Средств сообщения с другими орудиями не было, они все получали приказы из носовой рубки. Если бы носовой дальномер был поврежден, было бы довольно просто передавать расстояния с помощью ручных циферблатов и посыльных от офицера, заведовавшего кормовым дальномером.

В башнях «Адзумы» (и возможно, на «Якумо», а также на четырех броненосных крейсерах, построенных Эльсвиком) центральный наблюдательный пост находился между двумя основными, а не позади. Все три поста находились

очень близко друг к другу, но, несмотря на это, в бою командир башни и офицеры едва могли слышать друг друга. Поэтому была установлена переговорная труба, идущая по всей башне, с раструбами на каждом посту. Это помогло.

Когда началось сражение в узком проливе, штурман, чтобы определить положение корабля, пользовался компасом и Окиносимой (единственным островом, находившимся в поле зрения) в качестве ориентира. Впоследствии он сказал, что ему не представлялось возможным найти достаточно места в боевой рубке, чтобы расстелить карту для прокладки курса и оценки расстояний. Это было необходимо, на случай если к наступлению темноты флот не отойдет на некоторое расстояние от Цусимского пролива и близлежащих островов. А работать на свернутой карте, прислонив ее к стене рубки, было очень неудобно. Либо возникновение этой проблемы не предвидели, либо предполагалось, что карта будет прикреплена к чертежной доске.

Сигнальщики работали на носовом шельтердеке, их старались как можно дольше держать под прикрытием боевой рубки. Насколько нам известно, по указаниям о сигналах на борту броненосцев «Фудзи» и «Сикисима» расположили сигнальщиков на противоположной от противника стороне боевой рубки. Так как сигнальные флажки применялись очень редко, не было нужды ставить на этот пост много людей.

Хотя корректировка огня и не показала себя эффективной в предыдущем бою, японцы снова применили ее, но трудно сказать, на всех кораблях или нет. Также сведений о ее использовании на остальных кораблях, кроме «Адзумы» и «Фудзи», нет, но ни один из этих не посчитал корректировку такой уж полезной. Японские офицеры говорят, что она хороша, когда число орудий, использующихся в бою, невелико, а скорость ведения огня не сильно большая. Например, когда в 19.15 27 мая «Идзумо», «Адзума» и «Токива» обстреливали «Жемчуг», на фор-

марсе «Адзумы» располагался офицер, занимавшийся тем, что сообщал командиру по переговорной трубе расстояние, на которое снаряд пролетел мимо цели. Расстояния, которые он называл, оказались заметно больше, чем те, которые определялись артиллеристом в рубке. Поэтому показания дальномера уменьшали в соответствии с его докладом, в результате чего точность огня повысилась. Стреляли лишь немногие орудия из тех, что были на корабле. Поэтому офицер-корректировщик мог различить, куда попали из каждого, что в противном случае было бы невозможно. «Адзума» первым открыл огонь, что заметно облегчило корректировку огня. Когда завязалось основное сражение и на японских кораблях прозвучал сигнал «Вести обычный огонь», офицер сверху время от времени докладывал о том, что некоторые снаряды дают большие перелеты, но он не мог разобрать, были они выпущены с «Адзумы» или нет. Виной тому была высокая концентрация огня, которой сумели добиться японцы. Когда несколько кораблей довольно активно обстреливают один, корректировка огня становится невозможной. Даже если бы освещение позволяло разглядеть снаряд в полете, остается сомнительной возможность отследить весь его полет до конца из-за огромного количества других снарядов, находившихся в воздухе и двигавшихся к одной цели. Если бы по этому кораблю вели огонь лишь два или три других, и в этом случае множество пересечений траекторий движения снарядов сделало бы невозможной точную корректировку. Взгляд офицера легко мог перескочить с одного снаряда на другой, выпущенный не с его корабля. Капитан 1 ранга Мураками, с которыми этот вопрос часто обсуждали, считал, что исходя из полученного во время войны опыта офицер должен занимать наблюдательный пост. Однако его сведения далеко не всегда будут полезны, хотя временами — безусловно. Так как на «Адзуме» офицер-корректировщик докладывал о своих наблюдениях в боевую рубку и не имел связи непосредственно с орудийными башнями, учитывать его показания или нет,

решал командир. Когда их принимали в расчет, то перед передачей наводчикам орудий показания дальномера корректировались в соответствии с ними.

По моему личному мнению, при тех погодных условиях и той концентрации огня применение корректировки было нецелесообразным. Нехватка света не позволяла проследить за снарядом на подлете к цели. Корректировка могла быть точной лишь в том случае, когда снаряды падали сравнительно недалеко от корабля. Если же снаряд пролетал над кораблем, по которому его выпустили, он практически неизбежно терялся из виду за фонтанами брызг от других выстрелов. Эти фонтаны иной раз были столь огромны, что скрывали за собой весь корабль. Если снаряд падал чуть ближе, ситуация была такая же. Пытаться же судить о точности ведения огня по всплескам при таком сосредоточенном обстреле было бы неразумно. Будут хорошо видны лишь ближайшие из них, из чего можно будет сделать вывод, что следует целиться выше. Но этого впечатления не создается бы, будь видны всплески за целью. Когда по цели ведет огонь лишь один корабль, корректировать огонь еще реально. Но в бою флотов, и в особенности, когда один флот быстро нагоняет второй, трудно быть уверенным, что по твоей цели больше никто не стреляет. Когда же по одному кораблю ведется сосредоточенный огонь нескольких других, очень удобно свалить промахи на кого-то еще и считать, что твой корабль показывает себя с лучшей стороны.

Обычно, когда по одной цели сосредоточен сравнительно сильный огонь, попадания различить почти невозможно, если только они не наносят заметных повреждений вроде снесенных мачт или орудий. Кажется невероятным рассмотреть разрывы снарядов в обычных боевых условиях, ведь их можно перепутать с вспышками от пушечных выстрелов, особенно если корабль активно отвечает на обстрел. Точные разрывы снарядов 27 мая были замечены лишь дважды. Первый раз в 15.40 на «Кня-

зе Суворове», а второй, когда в 18.30 под обстрел попала «Камчатка». В обоих случаях расстояние до цели было невелико и, исходя из интенсивности ведения огня и малого числа всплесков на воде, можно судить о большом числе попаданий.

28 мая можно было корректировать огонь, так как он был сравнительно неторопливым, и в основном это была пристрелка. Первые снаряды японцев упали впереди русских, но уже скоро, когда был взят верный прицел, огонь был прекращен, так как русские сдались. Поэтому, несмотря на благоприятные погодные условия и освещение, корректировка огня не принесла никаких результатов при сосредоточенном огне. Было видно, что один или два снаряда попали по «Николаю I», но взрывов не заметили.

Перед сражением командиры «Адзумы» и «Токивы» обсудили свои действия, на случай если «Идзумо» будет выведен из строя, 2-й боевой отряд возглавят «Адзума» и следующий за ним «Токива» («Асама» должен был быть третьим, но он возглавлял особую миноносную флотилию). Так как капитан 1 ранга Мураками был младшим командиром в отряде, он спросил командира «Токивы», последует ли тот за ним, если он сменит курс или скорость. На что командир «Токивы» ответил, что в этом случае Мураками должен возглавить отряд, как если бы он был старшим офицером, и самостоятельно решать вопросы о направлении движения, и что «Токива» последует за ним, что бы он ни сделал. Единственное, о чем попросил командир «Токивы», это по возможности идти между русскими и «Идзумо» так, чтобы проходящий отряд прикрыл флагмана.

Содержание

А. Больных. О новых источниках и старых загадках 5

«РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА 1904—1905 гг.» Главы из книги

Последний переход перед боем 34

Цусима. Сближение флотов. Развертывание сил японцев.

Дневное сражение 14 мая 1905 года 52

Атаки миноносцев. Бой 15 мая. Судьба русских кораблей . . 120

Потери в людях в сражении при Цусиме
14 и 15 мая 1905 года 164

Кититаро Того. «МОРСКИЕ СРАЖЕНИЯ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ». Главы из книги

Бой в Японском море 184

ЯПОНСКИЕ БОЕВЫЕ ИНСТРУКЦИИ 207

Д. Корбетт. «МОРСКИЕ ОПЕРАЦИИ В РУССКО-ЯПОНСКУЮ ВОЙНУ». Главы из книги

Бой в Японском море 233

Бой в Японском море 254

Бой в Японском море 268

Бой в Японском море 279

Сражение в Японском море 290

Капитуляция адмирала Небогатова 310

«РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА. СООБЩЕНИЕ ВОЕННО-МОРСКИХ АТТАШЕ». Главы из книги

Бой в Японском море 336

Цусимское сражение 379

Управление кораблем в бою 407

Научно-популярное издание

ЦУСИМА

Ответственный редактор *Н. Аничкин*

Редактор-составитель *А. Больных*

Художественный редактор *С. Курбатов*

Технический редактор *В. Кулагина*

Компьютерная верстка *И. Кондратюк*

Корректор *Н. Хаустова*

ООО «Издательство «Яуза»

109507, Москва, Самаркандский б-р, д. 15

Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5.

Тел.: (495) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 18.12.2009. Формат 84×108^{1/32}.

Гарнитура «Корinna». Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84

Тираж 4 000 экз. Заказ № 4002043.

Отпечатано в ОАО «Никполиграф»
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

ISBN 978-5-699-39245-2



9 785699 392452 >